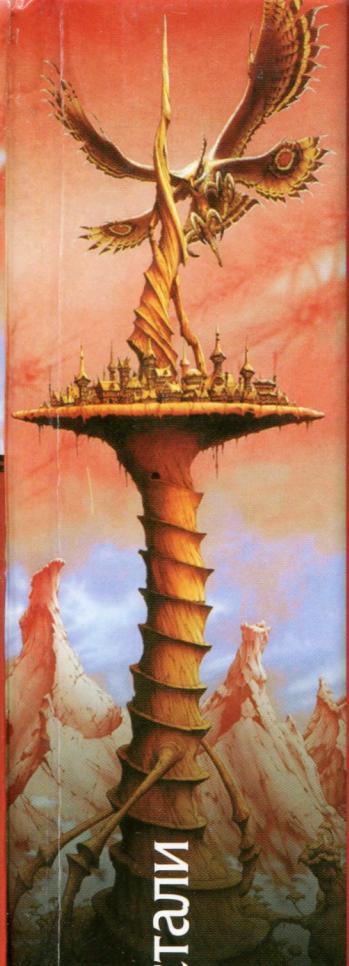

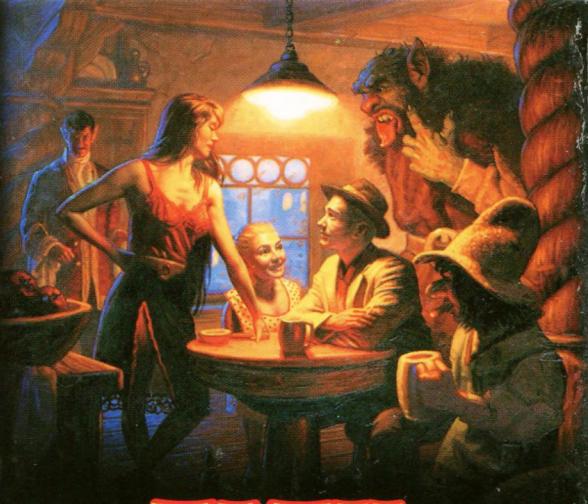
Глен
Кук

Жар сумрачной стали

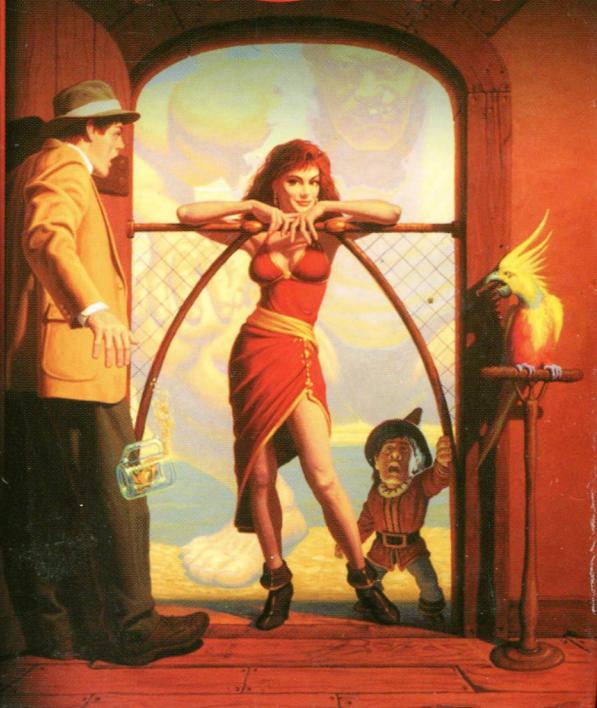

Жар сумрачной стали

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Глен
Кук

SEARCHED INDEXED SERIALIZED FILED
FEB 19 1972

GLEN

COOK

**Faded Steel
Heat**

ГЛЕН КУК

Жар
сумрачной стали

издательство
Москва

2001

Terra Fantastica
Санкт-Петербург

ББК 84 (7США)
К88

Серия основана в 1999 году

Glen Cook
FADED STEEL HEAT
1999

Серийное оформление А. Кудрявцева

Перевод с английского Д. Афиногенова

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 24.07.2001. Формат 84x108¹/32.
Усл. печ. л. 30,24. Тираж 15 000 экз. Зак. № 2679.

Кук Г.

К88 Жар сумрачной стали: Роман / Г. Кук; Пер. с англ. Д. Афиногенова. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2001. — 576 с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-010648-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7921-0373-9 (TF)

Глен Кук — не только один из тех редкостных писателей, таланту которых в равной степени подвластны и научная фантастика, и фэнтези, но и писатель, обладающий оригинальнейшей особенностью — вышедшие из-под его пера научно-фантастические романы — это, по его же собственным словам, частенько «фэнтези, только переодетые в камуфляж».

Фантастика Глена Кука — это всегда неожиданные сюжетные повороты и всегда невероятные ситуации, это лихие приключения и незабываемые герои, это неподражаемое богатство фантазии — и, конечно, искрометный юмор, давно уже ставший для этого автора истинной «фирменной маркой». Таков и его не просто всемирно известный, но и всемирно культовый сериал о приключениях сыщика Гаррета.

Гаррет — это человек в стране троллей, гномов, вампиров.

Гаррет — блестящий детектив, способный раскрыть любое преступление в мире магии, всегда готовый идти на риск и даже в самых отчаянных ситуациях не теряющий спасительной проницательности...

ББК 84 (7США)

© Glen Cook. 1999

© Перевод. Д. Афиногенов. 2000

© ООО «Издательство АСТ». 2001

© TERRA FANTASTICA

Всем замечательным людям из Балтиморского НФ-общества, а в особенности — Сью Хо и ее малышке.

Глен Кук

1

В хороших книжках все начинается с девушки. С какой-нибудь роскошной милашки, что является незваной в твой дом. Разумеется, неприятностей у нее по самое... гм... «не балуйся». Разумеется, она знать не знает — или притворяется, что не знает, — с какой стати за нею гонятся эти хмыри с перебитыми носами. Разумеется, сама она не прочь поозорничать — нашелся бы только подходящий парень...

Именно так все и должно было быть. А на самом деле — началось с целых *трех* симпампушек, от взгляда любой из которых мужики валятся штабелями.

Ах да, забыл представиться. Гаррет, он же мистер Праведник, к вашим услугам. Бывший морской пехотинец, шесть футов два дюйма от пяток до макушки, собой недурен — спросите хоть какую из моих подружек: если она не злится и не ревнует, то непременно подтвердит. Ну да, на физиономии пара-тройка шрамов, но шрамы, говорят, красят мужчину. По шрамам красотка в беде всегда может сообразить, что отыскала себе

спасителя — во всяком случае, того, кто ради смазливой мордашки готов свернуть горы.

Дин, мой повар, домоправитель, штатный привратник и мажордом (в последнее никто, кроме него самого, бедняги, не верит) как раз отсутствовал. Поэтому когда в дверь постучали, пришлось открывать самому. Был полдень, я только-только пригубил утренний чай... Видок у меня спросонья был слегка потрепанный — в кон-то веки я позволил себе отоспаться. Тем более, что повод был весьма достойный: моя шкура почти не пострадала в стычке с древними божками, учившими в Танфере сущий кавардак. По правде сказать, эти божки своими кровожадными повадками смахивали скорее на всеядных термитов, чем на слюнтяйчиков, населяющих ныне Квартал Грез.

У-тю-тю, мои птенчики, Гаррет вам не по зубам. Храбрец-удалец, даром что шельмец... Женщины от таких млеют.

Налитым кровью глазом я уставился в «глазок». Ух ты! Зрелище, открывшееся взгляду, полностью примирило меня с ненавистным утром. Вы о чем, какая хандра, когда на пороге прелестницы, одна другой желаннее? Юность. Красота. Изгибы и округлости, способные утихомирить самого брюзгливого геометра. Отрада взору, услада сердца... В общем, все, что надо, и в надлежащих пропорциях.

За спинами красоток маячили громилы — должно быть, охранники. И откуда только берутся этикие образины?

Я распахнул дверь настежь.

— Уж повезет, так повезет! Прошу!

Блондинка — ее звали Аликс Вейдер — выучилась на меня так, словно увидала призрака. Ее

единственный недостаток, небольшой рост, с лихвой восполняли многочисленные достоинства.

— Гаррет! Это ты? — Можно подумать, я нацепил карнавальный балахон.

— А ты подросла, — заметил я. Она и вправду подросла с нашей последней встречи.

— Подбери слюни, Гаррет, — посоветовала рыженькая. Тинни Тейт, гроза частных сыщиков по имени Гаррет, моя почти бывшая почти подружка. — А то пол запачкаешь, и самому придется подтирать.

Вот уж чудо из чудес! Впервые за несколько месяцев Тинни соизволила заговорить со мной!

— Ты, как всегда, очаровательна, лапушка. Продолжите. — Я окинул взглядом третью из красоток, брюнетку. Одежда простенькая, на лице — бледная тень боевой раскраски. Зря она затесалась в компанию с Тинни и Аликс, очень даже зря. Рядом с ними она выглядела неприметной мышкой. Впрочем, опытный, острый глаз с ходу определил бы, что остальные двое ей и в подметки не годятся. А у меня глаз — алмаз.

Кто она такая? Я ее не узнал.

— По-прежнему ходишь в холостяках, Гаррет? — справилась Тинни.

— Чего? — Вообще-то я умен не по годам, обычно мне хватает и намека, чтоб понять, о чем речь, но в присутствии Тинни я как-то теряюсь.

— Гаррет, тебя в детстве мешком из-за угла стукнули. Как шандарахнули, до сих пор пыль висит. — Да, Тинни умела выбирать слова. Каждое словечко — что удар мясника на бойне.

— Вот она, моя подружка, — сообщил я во все-слушание и сделал шаг назад. — Ну разве не прелесть?

— Гаррет, сдается мне, твою подружку зовут вовсе не Тинни Тейт. Или это моя тезка?

— Да что ты! — я всплеснул руками. — Какие тезки? Ты одна-единственная в целом свете!

— Может, ты ногу сломал? Или забыл, где мой дом? Или писать разучился?

Тут она меня уела. Оправдываться было бесполезно, да и не смог бы я, при всем своем вошедшем в поговорку хитроумии, подыскать стоящее оправдание. Получилось-то как: я сделал то, что сделал, не думая о последствиях, а потом думать о них было уже поздно; мало того, мне и в голову не пришло извиниться при всех перед моей огнекудрой зазнобой. Лишь по прошествии времени я начал догадываться, что принципиальность нередко оказывается стратегической ошибкой.

— Надеюсь, ты пришла не для того, чтобы устроить скандал? — Я лучезарно улыбнулся.

Тинни состроила гримасу: мол, я бы тебе все сказала, дубина стоеросовая, но подожду, пока мы одни останемся.

Признаться, гости застали меня врасплох. Я их не ждал. И Тинни, и Аликс бывали у меня прежде, но тогда я был немножко занят — в очередной раз спасал мир. Точнее, папашу Вейдера, у которого возникли проблемы. Он владел крупнейшими в Танфере пивоварнями — и, надо отдать старому подлецу должное, варил лучшее в городе пиво. Я раскрыл заговор, который разъедал его предприятие изнутри, как рак разъедает тело. В знак благодарности он приблизил меня к своей особе, разрешил бесплатно попивать пивко и даже предложил мне постоянную работу. От этого предложения я отказался: терпеть не могу, когда мной помыкают. Одно дело, когда ты сам себе хозяин, и

совсем другое — когда над тобой кто-то есть. Но на пивоварню захаживал регулярно: и к кружечке приложиться, и злодеев попугать, буде таковые еще остались.

В ту пору Аликс была угловатой девчушкой, только-только начинавшей наливаться. Зато ее старшая сестренка, Киттиджо...

Эх, как время бежит! Не успеешь оглянуться, а уж и свежая поросль на подходе.

О чем бишь я? Да, сегодня я гостей не ждал. Так что они взяли меня тепленьkim. Наверняка Тинни Тейт постаралась. Милая моя, добрая, ласковая... Лютый зверь в юбке.

— Давай не будем ссориться, Тинни, — сказал я. — Твоя все равно возьмет.

— Коли так, почему же ты...

— Эй! Я же не говорил, что ты кругом права! — Тьфу! Снова вляпался! И кто меня за язык тянул?

— Гаррет! Ах ты...

2

— Чтоб мне пусто было! — гаркнул кто-то у меня за спиной. — А ну, ребята, надраинь перышки! Мы в раю! С кого начнем?

Голос донесся из комнатушки справа по коридору. Кажется, я забыл ее запереть...

— Это знаменитый попугай? — осведомилась брюнетка. Две другие девушки промолчали, но, перехватив их взгляды, я порадовался, что они обращены не на меня: эти взгляды могли заморозить воду и вдребезги разбить стекло.

— Ну да, это мистер Большая Шишка. Самый отъявленный скверносолов на всем белом свете. Не

обращайте внимания, а то еще перевозбудится на радостях.

— Перевозбудится?

— Угу. Пока он ведет себя вполне прилично.

— Гаррет зовет его Попкой-Дураком, — заметила Тинни.

Откуда она узнала? Ведь пернатый москит явился уже после того, как она торжественно отбыла.

Ну конечно! Это меня она изводила, лишая и своего общества, и последних остатков разума, а вот с Дином всегда ладила. Он же на нее чуть ли не молился. Короче говоря, вот он, злорвредный доносчик, мошка в моей зенице, крот в моем саду!

— Я бы охотно свернул ему шею, но не хочу обижать того парня, который мне его подарил. — Про себя я добавил: «Погоди, Морли! Мы с тобой еще сочтемся!»

— Он милый, в своем роде, — проговорила Аликс, разглядывая попугая. — Но к тете Клэр я бы его не взяла.

— Сладенькая моя! — возопил попугай. — Арх! Я влюблен!

— Единственная говорящая птичка на свете, — пробурчал я, — а пользы от нее — один вред.

— Прежде чем ты соберешься наконец спросить, — сказала Тинни, прижимаясь ко мне, — твой попугай потомством обзаведется. — На пухлых губках игравая улыбочка, зеленые глазки лукаво поблескивают. Ни дать ни взять, сама невинность. — Это Никс. Джорджи Никс, полностью — Николас.

— Привет, полностью красотка Николас, — поздравился я. Ай! Ну что такое: проявишь вежливость, а тебя тут же щиплют!

Попка-Дурак тем временем восхвалял прелести Аликс Вейдер в выражениях, от которых покраснели бы и портовые грузчики. Впрочем, когда бы ни моя воспитанность, я бы его поддержал.

— Эй, любовничек, уймись! — Тинни снова меня ущипнула. В ее глазах плясали бесенята. — Она занята.

— Повезло кому-то, — вздохнул я. — Бедный мистер Шишка, а он-то разохотился.

Пернатая тварь между тем углядела Никс и принялась превозносить ее достоинства.

Никс подмигнула мне и улыбнулась. Улыбка у нее была восхитительной, а глаза — голубые, как безоблачное небо.

— Гаррет, я только помолвлена, — сообщила она. — Ничего больше.

Аликс присвистнула. Тинни расхохоталась, однако угрожающе прищурилась.

Пожалуй, самое время сматывать удочки. Пойти, например, помочь Дину донести до дома покупки...

— Тут что-то не так, — задорно объявила Никс. — Ты и вправду тот самый Гаррет, о котором Тинни трезвонит на всех углах?

— Других вроде нету. По крайней мере, я не встречал. А о чем она трезвонит?

Моя рыжеволосая подружка немедленно воткнула палец мне под ребра и присовокупила:

— Осторожнее, Гаррет.

— Дорогуша, осторожность — мое второе имя.

— Никс в своем репертуаре, — заметила Аликс. — Просто не может удержаться.

— Чего?

— Никс флиртует со всеми мужчинами подряд. Мы знакомы с семи лет, и она всегда была

такой... любвеобильной. Она не нарочно, Гаррет. Сама не понимает, что делает. Никс, если ты не угомонишься, у тебя будут неприятности.

Аликс права как никогда. Женщина, которая заигрывает с мужчиной, ни о чем таком серьезном не помышляя, нарывается на неприятности.

— Я что-то упустил? Никс, ты выросла в гареме? — Заводить гаремы в Карентии не принято, но у богатых свои причуды. Аликс, к примеру, росла, можно сказать, в заточении, под неусыпным родительским присмотром.

— Почти. — Попка-Дурак слетел со своей жердочки и опустился ей на руку, этакий сокол в шутовском наряде. — Мой отец с малолетства оберегал меня от тлетворного влияния. До недавних пор я была знакома только с Вейдерами и парочкой других семейств.

— Никс живет у нас, — пояснила Аликс. — Папа уже не тот тиран и деспот, каким был раньше.

Кто бы говорил! Своей ненаглядной дочурке папаша Вейдер потакал во всем: стоило ей захныкать, как любое желание мальвки мгновенно исполнялось.

Никс бесстрашно погладила крылатое исчадие преисподней. Проклятый птах закатил глазки и запрокинул голову, приглашая почесать ему под клювом. Никогда не видел его таким разомлевшим.

Я посмотрел на Аликс. Что заставило ее покинуть семейную крепость и привело под мой гостеприимный кров? Похоже, папаша Вейдер и вправду теряет хватку.

Вот она, причина! И далеко ходить не надо. Вот почему явилась ко мне сия умопомрачительная троица. Держи он по-прежнему бразды правления в

своих руках, помочь ему не понадобилась бы и дочке его не пришлось бы обращаться за советом ко всяkim подозрительным личностям.

Я пожал плечами.

— Ладно, пора заняться делом. Предлагаю на-вестить Его Словоблудие, устроиться поудобнее и все обсудить.

Тинни испепелила меня взглядом.

— Может, ты сначала оденешься?

Красотка Тинни всегда на страже моих интересов.

— Отличная мысль, лапушка. — Вообще-то я был вполне одет. Слегка помят, конечно, ну и что с того? Это часть моего мужского обаяния. — Ско-ро вернусь, милашки. Если хотите чаю, не стесняйтесь. Тинни знает, что где лежит. Дина можете не звать, он ушел за покупками.

Гаррет у нас малый не промах! И в порядок себя приведет, и чайку ему нальют — да не кто-нибудь, а те самые девицы, которые явились его изводить.

Я поспешил взбежать по лестнице, пока Тинни не опомнилась.

3

Принесядившись, я спустился к гостям — и обнаружил их в компании тощего Дина, который, оказывается, успел уже вернуться. Он перехватил мой взгляд, поморщился, печально покачал головой и прошествовал в кухню.

— Быстро ты, — заметила Аликс с лукавой улыбкой. — Ну да, ты же мужчина. Это женщины часами наряжаются.

Из кухни донесся голос Дина.

— Мисс Тейт? Какой приятный сюрприз! Осмелюсь заметить, вы замечательно выглядите.

— Благодарю, мистер Подлиза. Хоть кто-то заметил! Тебе помочь?

Я заглянул в кухню. Проклятие! Моя подружка вовсю обнималась с моим же домохозяином, который, похоже, был на верху блаженства.

Что ни говорите, а жизнь несправедлива. С ним Тинни обнимается, а меня только щиплет да пальцем в ребра тычет.

И тут я ощутил нечто — своего рода предчувствие, что ли, навеянное чужой волей. Мало того, что захожие красотки разбудили моего партнера, — они еще ухитрились внушить ему хорошее настроение. В доме не протолкнуться от особ женского пола, а Покойник только посмеивается, — на моей памяти такое случилось впервые. Интересно, каким боком выйдет мне эта его причуда?

Я глубоко вдохнул.

Дело нечисто. Явно намечается что-то... этакое.

Дамы проследовали за мной в апартаменты Покойника, занимавшие всю левую половину первого этажа, за исключением кладовки. Надо сказать, вели они себя по-хозяйски: и не подумав спросить разрешения, быстренько притаранили из моего кабинета — клетушки напротив Покойницкого обиталища — три кресла и удобно в них расположились. Тинни заняла гостевое креслице, Аликс уселась в то, какое обычно занимал я, ведя беседы с Покойником, а Никс раскинулась в кресле, извлеченном из-за моего стола. Что ж, кресло сохранит тепло ее тела, будет что вспомнить... Попка-Дурак по-прежнему восседал на руке Никс, склевывая то, что она ему подсовывала, и ворковал что твой растреклятый голубочек.

— Гаррет, невежливо глазеть на других женщин в присутствии мисс Тейт. — Мой партнер в своем репертуаре: лезет с непрошенными советами прямо ко мне в голову.

— Никто и не глаеет, — огрызнулся я. Аликс и Никс обменялись понимающими взглядами. Нежужто Старый Хрыч поделился своим советом не только со мной?

Кажется, я слегка покраснел. Тинни бессовестно ухмыльнулась.

Покойник возвышался грудой гниющей плоти в огромном деревянном кресле посреди комнаты. Обычно в комнате было темно, поскольку ему свет не требовался. Но девушки захотели света и принесли лампы из соседнего помещения.

Лучше бы они этого не делали.

Покойник отнюдь не красавец. Начнем с того, что он и не человек. Он логхир, редкая порода, лишь отдаленно напоминающая человека. Весит он четыреста фунтов с гаком; правда, личинки в нем кишмя кишат, так что он мог немножко и похудеть. Вдобавок мой партнер — урод уродом, безобразнее последнего мужа младшей сестры (те, у кого есть замужняя младшая сестра, меня поймут), и вместо носа у него слоновий хобот добрых четырнадцати дюймов длиной. Живого логхира я никогда не видел, поэтому ведать не ведаю, для чего им этот шланг.

Покойником его звали уже в те незапамятные времена, когда мы только встретились. Меткое уличное прозвище, возникшее благодаря тому, что ко дню нашей встречи он был мертв уже четыре сотни лет. Кто-то воткнул нож ему в спину — должно быть, во время очередной его шестимесячной спячки. Впрочем, я могу лишь догадываться: сам

он, разумеется, меня в подробности не посвящал.

Тем не менее, он — логхир, а логхиры славятся тем, что ничего не делают в попыхах. И особенно не торопятся отбрасывать копыта. До меня доходили слухи, что четыреста лет жизни после смерти для них далеко не предел.

Но слухи слухами, а толком о логхирах ничего не известно. Покойник способен часами трепаться о чем угодно, однако ни о себе, ни о своей породе и словечком не обмолвиться.

Я прислонился плечом к стеллажу со всякими безделушками — сувенирами, добытыми в предыдущих расследованиях. Покойник использует их, чтобы отваживать нежелательных посетителей: заявится такой к нему в комнату, поглядит на тушу в кресле, сомнеет со страху, поджилки затрясутся, а тут вещицы как возьмут, как примутся летать туда-сюда!..

— Ты нарочно выбрал эти лохмотья? Деловой человек должен выглядеть по-деловому.

И он туда же? Крепись, Гаррет. Стисни зубы, подбери живот, грудь выпяти...

— Между прочим, я одеваюсь, насколько позволяют мои гонорары.

— Гонорары?

— Деньги. Золото, серебро, медь. Та дребедень, на которую Дин покупает бобы и прочую жратву и на которую мы крышу кроем, чтоб тебе на темечко не капало. А если б крыша протекала, тебя давно бы отсюда смыло.

Дамы недоуменно взорвались на меня, из чего следовало, что они воспринимают только мои слова, а Покойника не слышат. Естественно, им было любопытно, и с каждым мгновением любопытство становилось все острее.

— Верно подмечено. Кстати, раз уж выглядеть по-деловому не получается, выкажи хотя бы деловую сметку. Ты, видимо, упустил из вида то обстоятельство, что мы по-прежнему связаны контрактом с мистером Вейдером и потому должны отрабатывать уже выплаченные суммы.

— Угу. — Честно говоря, этот контракт, при всех его миленьких условиях, изрядно мне надоел. — Эй, Аликс! Скажи честно — тебя папочка прислал или ты просто на огонек заглянула?

— Сама не знаю. Посылать он меня не посыпал, но спрашивал у Манвила, не стоит ли обращаться к тебе за советом. Проблема-то серьезная. Понимаешь, папа считает, что в делах от меня никакой пользы; иначе бы давно послушал — я-то сразу предложила тебя позвать. По-моему, ему стыдно признать, что он сам не может справиться. Он все еще надеется обойтись без тебя, а время уходит...

О чём это она? Какая-такая проблема? Я покосился на Никс.

— Она здесь потому, что мой брат замешан, — пояснила Аликс. — Они же помолвлены, вот Никс и беспокоится.

В каком жестоком мире мы живем! Красотки вроде Никс гибнут в расцвете юности из-за таких типов, как Тай Вейдер! Мне хватило одного взгляда, чтобы понять: предстоящее бракосочетание не слишком-то радует милашку Никс.

— Так и есть, — подтвердил Покойник. — Но она не хочет расстраивать родителей, которые сговорились поженить их двадцать лет назад. Церемония уже не раз откладывалась, но теперь все уловки исчерпаны и отсрочек больше не будет.

— А Тинни? — спросил я у Аликс.

— Тинни — моя подруга, Гаррет. Она пришла поддержать меня в трудную минуту.

— *Прояви мудрость, Гаррет, уими свою любознательность.*

Я прожил с Его Высокомудрием так долго, что приучился находить рациональное зерно даже в его брюзжании. На сей раз он милостиво изволил указать, что малая птаха в руках лучше большой в небе и что дареному коню в зубы не смотрят. Тинни здесь, в моем доме, и этого достаточно.

— Так в чем проблема-то, Аликс? Может, изложишь все по порядку? И пожалуйста, постараися не упускать подробностей.

— Ладио. Наша проблема — «Клич».

Я вздохнул.

Признаться, я ожидал чего-то подобного. Зуб даю, накличем мы на себя беду — если уже не накликали. Или не накличили?

4

— Чем они занимаются? — спросил я. — Вымогательством? У вас много денег, а у нас крепкие кулаки?

— Тинни говорит, это называется «крышой».

Я поглядел на рыженькую. Что-то она вдруг присмирела, будто воды в рот набрала. Это на нее не похоже...

— К дядюшке тоже подкатывались, — сообщила она и хищно усмехнулась.

Н-да... Мне как-то довелось работать с ее дядюшкой. Уиллард Тейт — на диво крепкий старый хрыч, вдобавок у него куча родичей, готовых

исполнить любую его просьбу. Я бы такому типу угрожать не стал.

— Обломилось?

— Естественно, — ослабилась Тинни. — Ты же знаешь дядюшку! Но он был вежлив, пригласил заходить снова.

— Не слишком умно с его стороны. Среди этих парней попадаются особо злопамятные... Аликс... Нет, вы обе, скажите, это был именно «Клич»?

Вообще-то «Клич» — полностью «Клич к оружию» — это крупнейшее, влиятельнейшее, самое богатое и самое громкое из ветеранских объединений в Танфере; возглавляет его Маренго Норт-Энглиш. К этому объединению принадлежат сотни зажиточных и наделенных властью граждан Танфера, недовольных тем, в каком направлении движется Карента. Насколько мне известно, «Клич» существует на добровольные взносы и пожертвования. Но взносы взносами, а лишние деньги никогда не помешают, верно? Заодно и занятие найдется для горячих голов, которые, как они сами выражаются, устали языками чесаться...

— Да, — ответила Аликс. — Или нет? Не знаю. Тай с ними разговаривал. Вроде бы он с кем-то знаком. Вроде бы они сказали, что Вейдер должен отчислять пять процентов с прибыли. А еще — уволить всех, кто не человек.

Тай — брат Аликс. Точнее, один из трех ее старших братьев. Двое не сумели вернуться из Кантарда в целости и сохранности (впрочем, хоть возвратились, и на том спасибо), третий же не вернулся вовсе... Я, признаться, Тая Вейдера недолюбливала. Может быть, из за ожесточенности, которую он и не трудился скрывать. С другой стороны, как

тут не ожесточиться: ты сражался за отчизну, потерял на войне ногу, а отчизне на тебя плевать с высокой колокольни?

И Тай не одинок. Таких, как он, великое множество. Выйдите на улицу, оглядитесь по сторонам — сами увидите. Отличает его от других разве то, что он — отпрыск богатой и влиятельной семьи.

— А почему они взялись за Тая, а не за твоего папочки?

— Папа почти отошел от дел. Маме-то все хуже становится, и он сидит с нею с утра до вечера. А в пивоварню если и выбирается, то ненадолго, поговорить с теми, кого знает уже много лет.

— Выходит, главный пивовар у нас теперь Тай? — Я покосился на Покойника. Тот хранил напыщенное молчание, из чего следовало, что Аликс искренна — то есть в действительности все может обстоять совершенно иначе, но она верит в то, что говорит.

— Да, он. Ему помогают мистер Хельдемак и мистер Клиз.

— Разумеется, — покивал я. Как же иначе? Тай Вейдер — никудышный пивовар и ладить с людьми не умеет. И никто из работников его не любит. А Хельдемак и Клиз — больше, чем просто помощники. Правильнее было бы назвать их младшими партнерами. Они вложили в пивное дело Вейдера свои знания и умения; и того и другого у них было в достатке, ибо прежде чем прийти к Вейдеру, оба они владели собственными пивоварнями.

Пивная империя Вейдера раскинула щупальца по всему Танферу. Папаша Вейдер не задумываясь и не чинясь скупал мелкие пивоварни, гнал в шею прежних управляющих и назначал своих. Здо-

ровая конкуренция: выживает и процветает тот, у кого дело лучше организовано.

И мистер Хельдемак, и мистер Клиз присутствовали при разговоре Тая с вымогателями.

— Вот как? — Я снова покосился на Покойника. Тот продолжал молчать.

Сюрприз, сюрприз. Честно говоря, со слов Аликс я заподозрил, что Тай просто-напросто вкручивает папаше мозги: решил подзаработать, вот и сочинил всю эту историю. Да, Гаррет, ты у нас чемпион поспешным выводам. Какая прыть!

Правда, я по сей день убежден, что Тай имел хотя бы отдаленное отношение к тому дельцу, которое, собственно, и свело молодчагу Гаррета с папашей Вейдером. Бочонки, полные отличного пива, словно растворялись в воздухе, принося немалую прибыль тем, кто столь умело изымал их из привычного оборота и пускал налево. Я подрядился вывести лиходеев на чистую воду и провел на пивоварне несколько месяцев, строя из себя подсобного рабочего. Скажу честно, прищучить Тая мне не удалось: все улики были косвенными, все можно было истолковать двояко — как злонамеренность и как явную глупость и неспособность управлять. По такому поводу папаше Вейдеру я ни словом не обмолвился о его сыночке (а он, быть может, за тем меня и нанимал, чтоб я раскусил Тая).

Как бы то ни было, лазейку, сквозь которую испарялось пиво, я прикрыл, причем скандалов не устраивал. И прикрыл надежно, за что папаша Вейдер продолжал меня благодарить и по сию пору. Насчет кружечки-другой я уже упоминал, а по праздникам он присыпал мне бочонок «Особого темного».

Ладно, вернемся к нашим овечкам. Конечно, Покойник наверняка уже выяснил, кто из присутствующих о чём думает, но я все же спросил:

— Что ты думаешь о Тае, Аликс?

— Мне его жалко. Мы все его жалеем. — Она потупилась, будто не хотела, чтобы я видел выражение ее лица.

— Но?

— Что «но»?

— Ты не докончила фразу. Там явно слышалось «но».

Аликс поглядела на Никс. Похоже, она вдруг сообразила, что сказала слишком много.

Интересно, когда Покойник перестанет разыгрывать из себя бессловесного истукана?

— Гаррет, мисс Вейдер бережет чувства своей подруги.

— Чего? — ляпнул я, вздрогнув от неожиданности.

Покойник, разумеется, мысленно захихикал: ему доставляло удовольствие заставлять меня врасплох, что называется, с пальцем во рту.

— Мисс Вейдер привязана к своему брату и сочувствует ему. В то же время она понимает, чем он отталкивает от себя других людей. А к мисс Николас она привязана еще сильнее. Они — подруги детства, и сознательно причинить ей боль мисс Вейдер ни за что не сможет.

Что же касается мисс Николас, она спокойно воспринимает все нелестные эпитеты в адрес своего жениха, поскольку эта свадьба для нее — не более, чем светская необходимость. Она выходит замуж только для того, чтобы не разочаровывать близких. Конечно, утешает она себя, *Тай Вейдер вовсе не прекрасный принц, зато со*

временем станет одним из богатейших людей Танфера. И затягивать с бракосочетанием не следует, особенно если страхи, которыми пол нится головка мисс Вейдер, имеют под собой основание.

Я бросил взгляд на Никс. Да, бабки — великая сила. Как говорится, любовь зла — полюбишь и Тая Вейдера, если тебе пообещают хорошо заплатить.

А Тинни хмурится. Злится, должно быть, что я не уделяю ей достаточного внимания. С нею всегда так — сколько ни ублажай, все мало.

— Ладно, Аликс, подведем итог. «Клич» на вас наехал и потребовал денег. Раньше такого не было, но все когда-нибудь случается впервые. Что ты хочешь от меня?

— Чтобы ты их остановил. Правда, я понимаю, тебе это вряд ли по силам, поэтому...

— Я могу быть до ужаса убедительным, — вставил я. Ну да, особенно когда мои слова подкрепляют своим присутствием Морли Дотс и Плоскомордый Тарп.

Аликс меня не услышала — настолько была увлечена собственной тирадой:

— Наверное, на самом деле я хочу, чтобы ты присмотрел за папой. Когда он узнал, что происходит, то пообещал разобраться с вымогателями. Боюсь, ему захотят преподать урок.

— *Разумная мысль*, — заметил Покойник.

— Люди, которые приходили к нам, тоже говорили, что они из «Клича», — сказала Тинни. Тейты держали обувную фабрику. Разбогатели они во время войны, когда сутками напролет тачали сапоги для солдат. — По-моему, они врали. Глазки у них так и бегали.

— Я сравнил воспоминания мисс Вейдер с воспоминаниями мисс Тейт, — сообщил Покойник, — и теперь допускаю, что мы, возможно, имеем дело с несколькими самозванцами, решившими поживиться на чужих страхах.

Иными словами, на белом свете нет ничего настолько святого, что не сгодилось бы для коммерции.

— Значит, кто-то пытается встать поперек дороги Маренго Норт-Энглишу? Он сильно рискует...

Я продолжал размышлять — и одновременно все спрашивал себя, что красотка Никс могла найти в таком типе, как Тай Вейдер. Может, я всякий раз заставал его в дурном настроении? Может, на деле он милый, ласковый и пушистый, просто этого сразу не разглядеть?

5

— Что ты еще успела натворить? — спросил я у Аликс. — До того, как пришла ко мне? С отцом разговаривала? С Таэм? С Манвилом? Что они сказали?

— Ни с кем я не говорила. Отец заявил бы, что это не женского ума дело. Но сам бы наверняка послал меня к тебе. А Тай взбеленился бы... Он терпеть не может чужаков. И насчет тебя они с папой долго ругались.

Какая неожиданность! Кто бы мог подумать? Впрочем, симпатии и антипатии Тая Вейдера для меня ровным счетом ничего не значили.

— Думаешь, будь его воля, я остался бы без пива?

По всей видимости, моей шутки никто не оценил. Даже Покойник. А я-то подумывал податься в комики...

— *Дамы, вы должны извинить Гаррета. Ваша красота, в непосредственной близости, лишила его рассудка.*

Вот ублюдок!

Никс подпрыгнула, услыхав голос Покойника, но быстро успокоилась. И впрямь, чего волноваться — ее же предупреждали.

Тинни и Аликс, давно привычные к манере общения логхира, и плечиком не повели.

— *Не могу сказать, что я его не понимаю, — продолжал Его Высокомудрие. — Даже я очарован, а ведь я был мертв задолго до того, как вы появились на свет.*

Тоже мне, дамский угодник.

— Спасибо, старый хрыч. Может, мне зажмуриться и представить, что я вовсе не полный сил молодой мужчина, которого безжалостно отшили...

— *Лучше представь, что ты наконец поумнел.*

— Как изысканно! Все, умолкаю на веки вечные.

— Он всегда такой, Тинни? — поинтересовалась Никс.

— Сейчас он почти ручной, — отозвалась моя подружка. — Вот погоди, проснется...

— И озвереет, — докончил я мрачно. — Аликс, твой отец воспринял угрозы всерьез?

— Он беспокоится. Расспрашивает тех, кто у него работает, как они относятся к «Кличу». Решил брать на работу только ветеранов.

Я мысленно пожал плечами. Это вряд ли утихомирит молодчиков Норг-Энглиша. Почти все

мужчины — ветераны, но далеко не все ветераны — мужчины, в смысле далеко не все — люди. А Вейдер никогда не проводил различия между человеком и не-человеком. Не проводил и проводить не станет, как на него ни дави. И своих работников он защищает, как волчица детенышней. Работники же платят ему непоколебимой верностью; я так даже пью его пиво.

Впрочем, всегда и везде найдется горсточка тех, кто непременно окажется недовольным. И в самом спелом яблоке могут завестись черви...

Наши гости продолжали болтать, но ничего полезного мне от них узнать не удалось. Тогда я повернулся к Покойнику.

— Они напуганы, — изрек мой квартирант. — До сих пор не сделано ничего, что могло бы умортворить «Клич». Наверняка существует крайний срок, впрочем, мисс Аликс он неизвестен.

Мисс Аликс, вот как? Я поглядел на Попку-Дурака, клевавшего пальчик Никс.

— Он тебе нравится? Забирай. Это мой свадебный подарок.

Аликс прыснула.

Похоже, задатки комика у меня все же есть.. .
Знать бы только, что ее развеселило...

— Извините, — проговорила Аликс. — Я просто представила, как попугай комментирует первую брачную ночь.

Да, я бы не отказался послушать. Правда, с них станется сунуть бедную птичку в мешок и вывесить мешок за окошко. Верно, милашка?

Никс даже не улыбнулась.

Выглядела она как человек, понятия не имеющий о том, что ждет его впереди.

Увы, лапушка, могу только посочувствовать. Мне ли не знать Тая Вейдера?!

— *Она замечательная актриса, Гаррет. При творяется перед другими и, кажется, способна одуречить саму себя. Всякий раз, изучая ее, я подмечаю что-то новенькое. Приходится сосредотачиваться сверх обычного.*

— Любопытно.

— *Прибереги свое любопытство для мисс Тейт.*

— Как скажешь, приятель.

— *На твоем месте я бы угомонился. Ситуация и без того крайне запутанная, не стоит усугублять ее выяснением отношений с любвеобильными женщинами.* — Да, мой партнер порою подпадал под женские чары, но в целом относился к прекрасному полу весьма недружелюбно.

У Тинни был такой вид, будто она грезит наяву, что означало — она беседует с Покойником. Логхир запросто может вести пару-тройку разговоров одновременно — ведь у него не один мозг, а несколько.

— Может, все дело в лавке? — спросил я у Аликс. — Сама понимаешь, торговля...

— Сторонников «Клича» можно встретить где угодно.

— Это вряд ли. Ни в городе огров, ни в форте гномов, ни в эльфийской обители ты их не слышал. И что-то я не припомню, чтобы крысюки или пикси расхаживали по улицам под знаменами доблестного Маренго.

— Их просто не приглашали.

Такая симпатичная — а сколько в головке всякой дури! Не удивительно, что самозванные борцы за права человека нынче в таком почете.

Снаружи вдруг донеслись такие звуки, словно кто-то принял яростно отстаивать те самые права прямо у меня под окнами. По правде сказать, у нас в окрестностях вечно что-то выясняют.

— Аликс, где парни, которых вы привели с собой? — Жизнь полна несправедливостей: и почему только симпатичных девушек всюду сопровождают громилы чуть смазливее обезьяны?

— Им велели перекусить, а потом вернуться сюда и дожидаться снаружи.

— Отлично. Что-то мне не нравятся те вопли. — Я посмотрел на Покойника. Тот ничуть не заинтересовался происходящим. Значит, волноваться нечего.

— Мы можем остаться, пока шум не утихнет, — предложила Аликс.

— Я этого не вынесу. Растаю, как масло на сковородке. Видишь, руки уже плавятся.

— *Garret!*

— Гаррет!

— Тинни, любовь моя! Маслице мое кипящее! Ты наконец-то очнулась?

Тинни поглядела на Аликс и дернула плечиком. И в самом деле: как ей меня приручить, если даже собственные подруги флиртуют с ее кавалером?

Точнее, одна подруга. Никс не сводила взгляда с Полки-Дурака.

Только я успел обрадоваться, как она мне подмигнула.

Помогите!

И почему женщинам так нравится доводить мужчин до состояния бекона, забытого на раскаленной сковороде?

6

Дамы изволили удалиться. Отправились они не на пивоварню, как можно было ожидать, а домой к Тинни. (Надо сказать, ее дом подозрительно смахивал на маленькую крепость. В недавние смутные годы эта крепость сослужила Тейтам неплохую службу — за ее стенами они чувствовали себя в полной безопасности и безнаказанно творили свои разбойные делишки. Поэтому перемирие семейство Тейтов восприняло как кровную обиду.)

Всякая война, буде она чересчур затягивается, становится источником неприятностей. Мало-помалу она превращается в смысл жизни — и не только для солдат на поле брани, но и для тех, кто прозябает в тылу, среди домашнего уюта. Пускай пора сражений миновала — если не считать мелких стычек с недобитыми партизанами Слави Дуралейника, — нынче в Танфер возвращаются демобилизованные, каждый день сходят десятками и сотнями с кораблей, и еще неизвестно, что хуже — когда молодых мужчин в городе можно пересчитать по пальцам, или когда их что ни день прибавляется в числе.

Ведь рабочие места, опустевшие с уходом этих мужчин на войну, были, как принято нынче выражаться в узких кругах, заняты нелюдью. И солдаты, спешившие домой, открывали для себя малоприятную истину: спешить-то было некуда...

Но я отвлекся. Итак, сногшибательная троица удалилась. Я вернулся в комнату Покойника и уселся наконец в свое кресло, еще хранившее тепло женского тела. В воздухе витал легкий аромат духов.

— И что опять затеял твой Дуралейник? — спросил я без предисловий.

Много лет назад Дуралейник ввязался в войну как наемник на службе венагетов. Несмотря на многочисленные победы, он не сумел добиться того, чтобы его признали своим: обращались с ним пренебрежительно, путь в высшие слои общества, в правящую клику колдунов, был ему заказан. И тогда он, пылая праведным гневом, переметнулся к противнику и следующий десяток лет отнимал покой и сон у тех, кто посмел уязвить его гордость.

Впрочем, карентийские правители обращались с ним немногим лучше. Нет, платили ему вовремя, зато почестей не оказывали вовсе, каких бы успехов он ни добивался. И потому Дуралейник дезертировал вновь. Он объявил Кантард республикой, не подвластной ни Каренте, ни венагетам, собрал под свои знамена всех, кого прельщала эта-кая свобода, и принялся воевать на две стороны.

Но судьба в очередной раз оказалась к нему несправедлива. Карента усилила натиск, венагеты не устояли и бежали с позором. И карентийские отряды начали истреблять республиканцев.

Обитатели Кантарда спешно переселялись в Каренту. Более всего их почему-то притягивал Танфер, в котором и без того уже было неспокойно. И ладно бы только простые партизаны! Расследуя прошлое дело, я наткнулся на некие факты, из которых явствовало, что и сам Дуралейник околачивается в нашем милом городке.

Покойник ответил — по обыкновению брюзгливо:

— Вполне вероятно, что он возбуждает недовольство, уповая на свою былую популярность у простого народа.

— А ты, похоже, разочарован.

— Героев лучше держать на расстоянии. Вблизи слишком заметны изъяны.

Попка-Дурак восседал на плече Покойника. Это Никс его туда посадила. К величайшему моему сожалению, мне так и не удалось уговорить ее забрать пернатого стервеца с собой.

В это самый миг проклятая птица решила облегчиться.

А в следующее мгновение она уже выбиралась из кучи безделушек, рухнувших на пол, когда в стеллаж врезался попугай, отброшенный силой логхирской мысли. Стремительный полет настолько ошарашил крылатого негодяя, что он лишь сдавленно пискнул. Затем встряхнулся, сделал осторожный шажок, огляделся — и нагадил на пол.

— Если эта тварь не доживет до завтрашнего утра, передай мои глубочайшие соболезнования мистеру Дотсу.

— Ух ты! Шикарная мысль! И как я сам не догадался! Нет, я, конечно, тугодум, но умишу-то у меня девять некуда! Я сверну этой гадине шею, а свалю все на тебя. Морли придет, увидит перья и дерньмо на полу, покачает головой и тут же обо всем забудет. С тобою связываться он не рискнет.

— Очень остроумно. Только попробуй, и я подвешу тебя к потолку на твоих собственных шнурках. Птица эта — неоценимый дар судьбы, и подобных вещей о ней говорить не следует даже в шутку.

— Дар судьбы?! Да его и жрать не станешь, разве что когда всех ворон и ящериц со змеями в округе переведут!

— Это незаменимое средство общения.

— Ну, для кого как...

- *Tuxo!*
- Чего? Я что-то...
- У нас скоро будут гости. Чужаки. Прими их в своем кабинете. Им вовсе не обязательно меня видеть.

Старина Дин опередил меня и первым откликнулся на стук в дверь, но Покойник, судя по всему, одернул нашего домомучителя. Посмотрев в «глазок», Дин попятился.

- Что стряслось? — осведомился я.
- Они мне не нравятся. — С этими словами Дин прошествовал в комнату Покойника, а ко мне на плечо плюхнулся Попка-Дурак, выпорхнувший из приоткрытой двери. Я шуганул его, но он и не подумал улететь. Тем временем Дин вновь вышел в коридор, волоча за собой кресло.

— *Не трогай птицу, Гаррет. Дин, когда закончишь, притвори мою дверь и не открывай ее, пока гости не уйдут.*

— И поставь котелок на огонь, — прибавил я. — Мы же радушные хозяева, верно?

Дин одарил меня взглядом, в котором ясно читалось его мнение о моих умственных способностях: дескать, не лез бы ты не в свое дело, все равно ни шиша не понимаешь.

Тем временем в дверь снова постучали, настойчивее, чем в прошлый раз. Я прильнул к «глазку».

— Мне непременно надо с ними толковать? — Два охламона на пороге моего дома воплощали сокровенную мечту Дина: этаким красавчиком он всегда жаждал видеть меня.

- *Беседа с ними может оказаться полезной.*
- Для кого?
- Для кого, Гаррет.

— Сам сообразил, — проворчал я, принимаясь откидывать щеколды и отодвигать засовы. Дин, закончивший двигать мебель, неодобрительно наблюдал за моими действиями.

Полезная беседа, говорите? Ладно, уж найду о чем потрепаться, пока мой гниющий дружок будет ковыряться в чужих мозгах.

Эти двое наверняка что-нибудь продавали. Такие аккуратненькие, такие чистенькие и приглаженные; неровен час, проповедники. Если мне начнут втюхивать религиозную бредятину, я могу и не сдержаться. В последнее время ваш покорный слуга переобщался с божествами.

Стоило мне открыть дверь, как первое впечатление улетучилось без следа. Достаточно было увидеть армейскую выпрявку и губы без намека на улыбку, чтобы понять: эта парочка торгует истинной верой, никак не связанной с благочестивыми бреднями.

Оба ростом под шесть футов, ладные, смазливые — в общем, смерть девкам. Один светловолосый и голубоглазый; второму полагалось бы иметь светлые глаза и голубые волосы, но увы, наши чаяния сбываются далеко не всегда: волосы у него были темные, а глаза — тоже голубые. Ни у того, ни у другого ни шрамов, ни татуировок — во всяком случае, на открытых местах.

Должно быть, клерки, подсказал мне мой прославленный интеллект.

— Мистер Гаррет? — справился блондин. Какие у него ровные зубы! Признайтесь, вам часто встречаются люди с абсолютно ровными зубами? Правильно, я тоже никогда таких не встречал. Даже у Тинни один передний зубик налезает на другой.

— Допустим. Все может быть. Зависит от того, что вам нужно.

Ни тени улыбки в ответ.

— Друг назвал нам ваше имя, — сообщил брюнет. — Сказал, что следует обратиться именно к вам. Что вы — герой войны, на которого всегда можно положиться.

— Ребята, нынче героев на улицах пруд пруди: плюнь с закрытыми глазами — точно не промахнешься. Всякий, кто вернулся домой, уже герой. Вы из какого сообщества? — Одеты они были так, словно собирались на парад. Армейская выпрявка, армейская манера одеваться, — тут и последний остолоп догадается.

Клерки!

— *Не дразни их ради собственного удовольствия, Гаррет.*

Мне положительно необходим новый напарник. Старый слишком хорошо меня изучил.

— Откуда вы?..

— Я же сыщик, ребята. — Да, глаз у меня наметанный. Как говорится, метал-метал и домечтался.

— Неужели так заметно? — протянул, почти проскулил брюнет. Все они одинаковы: по виду того и гляди зарычат, а на деле только скучить и могут. Сами же искренне верят в свою крутизну: и грудь у нас волосатая, и морда кирпичом...

Клерки.

— Когда мы с вами расстанемся, не поленитесь, сравните себя с другими. По крайней мере, с другими людьми, в особенности с молодыми мужчинами. — Конечно, тут возможен нежелательный побочный эффект: сравнение лишь укрепит в них чувство превосходства; однако они могут и сооб-

разить, куда я клоню. — Тайные агенты блях на груди не носят.

Ребятки озадаченно переглянулись. Растроились, милые. А вы туповаты, как я погляжу.

— Можно нам войти? — спросил блондин.

— Прошу. — Я посторонился. — Пожалуйте в мой кабинет. Вторая дверь слева.

— *Побольше радушия, Гаррет.*

— Ребята, вам не нужен попугай?

— *Гаррет!*

Судя по тому, как они поморщились, попугай их не заинтересовал. Или они не одобрили мой наряд? В наши дни всякий мнит себя знатоком моды. Между прочим, я одет вполне прилично: рубашка свежая, брюки чистые. А эти хмыри оглядывались вокруг с таким видом, будто попали на свалку. И похоже, чистота внутри моего дома их приятно разочаровала. Что ж, иногда и от Дина бывает толк...

Мы ввалились в закуток, который я именовал своим кабинетом.

— Мой слуга сейчас принесет чай, — уведомил я.

Гости недоверчиво воззрились на меня: мол, откуда ты знаешь?

В кабинете, разумеется, не так чисто, как в коридоре, и беспорядка куда больше. Просто я не разрешаю Дину тут что-либо трогать. А над моим столом висит картина, которую Дин ненавидит всей душой.

При первом взгляде на картину замечаешь только молодую женщину, которая убегает от подступающей тьмы. Но чем дальше приглядываешься, тем гуще и обширнее становится тьма. Автор картины был наделен талантом столь свирепым,

что он граничил с колдовством. Этот талант свел его с ума. И в картину художник вложил все, что мог, включая собственное безумие. Поэтому картина получилась глубоко личной. Она одновременно рассказывала о событии и указывала на злодея. Ныне в ней не сохранилось и десятой доли первоначального заряда, но впечатление она до сих пор производила убийственное. Можно сказать, дышала злобой и страхом.

— Это Элинор, — пояснил я. — Она умерла еще до моего рождения, но помогла мне распутать одно дельце. — И не только; но незваным гостям о том знать не обязательно.

Портрет когда-то принадлежал тому, кто убил Элинор. Сейчас он тоже мертв, так что, сами понимаете, картина ему без надобности. А в моем доме Элинор прижилась. С нею куда легче, чем с Дином, Покойником или Попкой-Дураком. Она редко критикует мои действия и никогда не грубит.

— Нам известно, что вы часто беретесь за... э... необычные случаи, — вякнул блондин.

— Берусь? Я их притягиваю, как громоотвод — молнии! Спасибо, Дин. — На столе появился громадный поднос с чашками, печеньем, пирожными и чайником, над которым клубился пар. Ребятки вновь переглянулись: им явно было неуютно под пристальным взглядом Элинор, а тут еще суровый Дин, этакая ходячая аллегория порицания.

Но вот Дин удалился. Я налил гостям чая и спросил:

— Так зачем вы пришли, ребята? Только честно.

Они опять переглянулись.

— Слушайте, у меня полно работы. — Попка-Дурак издал негодящий вопль. — Если вам негде укрыться от дождя, загляните к миссис Кардонлос. Она...

— Аргх! Старая стерва! Старая стерва!

— Дождя вроде нет, — заметил блондин. Клерки что дети: все воспринимают буквально.

— Заткнись, скотина! — прошипел я попугаю.

Гости переглянулись в очередной раз.

Уф! Похоже, это на целый день.

7

— Прошу прощения, мистер Гаррет, — сказал блондин. — Нас предупреждали, что мы можем натолкнуться на... э... непонимание, поэтому мы ни чуть не...

— А член у тебя маленький! — изрек попугай.

— Заткнись, не то в мешок посажу, ты, чучело пернатое! — прорычал я.

Брюнет неуверенно улыбнулся.

— Это чревовещание? Помню, в детстве мой дядя...

— Ну почему все спрашивают? Нет, никакое не чревовещание! Этот ублюдок, потомок дикой курицы в седьмом колене, и вправду умеет разговаривать! Запас слов у него такой, что мы с тобой обзавидуемся, и каждое новое словцо сквернее предыдущего. Может, на него заклятие наложили, не знаю. Мне его подарили. И я никак не могу от него избавиться.

— Маленький, маленький, член-недочлен!

Улыбка растаяла. Мне вновь захотелось задушить Покойника. Впрочем, что толку душить того, кто и так уже давно мертв?

— Меня зовут Картер Стоквелл, — сообщил блондин.

Значит, все же переходим к делу?

— Я так и думал. А тебя?

— Трейс Уэндовер.

— Ну конечно. Привет, Картер! Приветик, Трейс! Вам не нужен говорящий попугай? Отдаю задешево. Отличный подарок на день рождения.

— *Гаррет, уймись и перестань их попусту дразнить!*

— Не нужен, нет? Ладно, кому-нибудь другому впарю. Пожалеете — поздно будет. Выкладывайте, зачем пришли. Или уходите.

— Нам говорили, что ваши манеры оставляют желать лучшего, — холодно произнес брюнет, то бишь Трейс.

— Мы хотим привлечь вас к нашему общему делу, — заявил Картер.

— Прямо сейчас у меня одно дело, одна-единственная забота — где бы раздобыть деньжат на пополнение своего обеденного фонда.

— Нам не нужны деньги. Нам нужна помощь. Пожалуйста, выслушайте нас.

— Вам денег никто не предлагает. А что до послушать, вы здесь уже десять минут и до сих пор ничего не сказали.

— Вы правы, мы из Вольных Сообществ. Черные Драконы Вальсунга. — Картер пристально поглядел на меня.

— Это кто такие? — поинтересовался я.

— Вы не слыхали о Драконах? — встремял Трейс.

— Извини. — Следуя совету Покойника, я воздержался от фразы, которая могла бы выдать мои истинные чувства по отношению к этим скроен-

ным на военный манер бандам, именующим себя Вольными Сообществами. Их развелось столько, что всех было ни за что не упомянуть.

— Наш предводитель — полковник Вальсунг. Нортон Вальсунг. — Теперь уже оба вперили в меня свои взгляды.

Я пожал плечами.

— Мы с ним не знакомы. Полковник, говорите?

Картер, похоже, начал закипать. Трейс пока еще сохранял хладнокровие.

— Вот именно, мистер Гаррет, — процедил блондин. — Полковник Вальсунг командовал бригадой Черных Драконов. — Приятель метнул на него предостерегающий взгляд, но Картер продолжал: — Его послужной список исполнен великих побед.

Не сомневаюсь. На войне быстро становится понятно, кто чего стоит.

— Он вам не родственник?

— Мой дядя, — гордо сообщил Трейс.

— Который чревовещатель? Знавал я таких полковников. Знатные были умельцы свои слова в чужие рты вкладывать.

— Нет, мистер Гаррет, другой дядя.

— Ага! Наконец-то мы имеем хоть что-то. Полковник, который не чревовещатель. И что же вашему другому дяде нужно от меня?

— Мы наслышаны о ваших талантах и вашем опыте, как боевом, так и... э... мирном.

Все-таки я не сдержался.

— Вам понадобился бывший морской пехотинец, привычный к отлову вампиров, спасению колдунов и розыску сбежавших жен, чтобы одолеть одряхлевших гномов и увечных крысюков? Неужто сами не справляетесь?

— *Гаррет!*

Ребятки побагровели. Картер вскинул раньше, поэтому его физиономия сделалась даже не багровой, а бурой.

— Мистер Гаррет, — процедил Трейс, — мы не нападаем на людей на улицах. Мы состоим в братстве ветеранов, а не в уличной шайке, и наша цель — помогать вернувшимся с войны.

— Ну да, ну да. На днях прямо у нас перед домом чуть не забили до смерти ветерана, который отслужил пять сроков по пять лет, последние три срока в Кантарде. У него восемь наград, среди них Имперская звезда с мечами и дубовыми листьями. В сражении он потерял левую руку, а лицо ему обезобразил колдовской залп. Сейчас он в Бледсо. Возможно, не выживет. Эти мясники отделали его по полной, просто так. Ступайте-ка помогите ему. Его зовут Берт Верняк.

— Но ведь Бледсо — благотворительная...

— Ты что, родился не в Танфере? В нашем городе за благотворительность надо платить.

— Какая низость! — Трейс, похоже, не на шутку расчувствовался. А вот Картеру было явно плевать на всех ветеранов вместе взятых. — Поэтому-то мы и пытаемся...

— Прости, Трейс, я не закончил. Видишь ли, Брет — настоящий герой, отличный солдат. К сожалению, он совершил огромную, чудовищную ошибку...

Гости выжидающие уставились на меня.

— *Гаррет, прекрати! Замолчи немедленно!* — чуть ли не взмолился Покойник.

— Он изрядно сглутил, выбрав себе в деды огра.

До них дошло не сразу. Я наблюдал, как сужаются глазки, как начинают подергиваться губы. Из

двоих Картер был, пожалуй, потупее, но тут он дотумкал первым.

— Вы ошибаетесь, — сказал он мне. — Пошли, Трейс, мы зря теряем время.

— Ничего подобного, — возразил я. — Постарайтесь понять, кроме черного и белого есть множество других цветов. — Я посмотрел на Трейса; тот поспешно отвел взгляд. — Чем вы занимаетесь, парни? Бумажки сочиняете, по поручениям бегаете? Дядя подыскал тебе местечко потеплее, а, Трейс? Картер, и у тебя, верно, есть покровитель? Так кто из нас, по-вашему, защищает карентийскую корону? Вы или мой уродливый приятель?

— Вы понятия не имеете, что происходит на самом деле, — изрек Картер. Почему-то мое невежество его обрадовало.

Я встал и направился к двери.

— Валите отсюда, ребята. Я тоже ухожу. Пойду проведаю Берта и других бедняг.

Трейс раскрыл было рот, но Картер не дал ему ничего сказать.

В следующее мгновение эти серьезные молодые люди покинули мой дом. Картер наверняка назавтра и не вспомнит историю про несчастного Берта. (Признаться, я сочинил ее не сходя с места. Нет, Берт Верняк существует, на него и впрямь напали, вот только избить не получилось — огра, даже огра-полукровку, поколотить не так-то просто). Однако мои гости ничуть не возражали бы против того, чтоб Берт очутился в Бледсо. Или на кладбище.

Короче, за Картера можно не волноваться, а вот с Трейсом надо бы повозиться. Он показался мне человеком, у которого иногда наступает просветление.

Я запер дверь, насвистывая в блаженном неведении.

8

— Гаррет, ты утратил форму. Это представление было далеко не лучшим. Мне ли не знать, что ты способен на гораздо большее.

— Чего? Неужто пожалел эту шушеру? Да они полные придурки, блондин в особенности.

— Эти придурки, как ты изволил выразиться, вовсе не закоснели в предрассудках, которые ты им приписываешь. Кроме того, они мало чем отличаются от большинства современных людей. Вы все чувствуете себя уязвленными, вам необходимо выплеснуть обиду и раздражение. Эти двое в основе своей вполне приличные люди. Однако...

— Ну? Чего замолчал?

— В них не ощущается глубины. А глубина есть у всех, даже у столь поверхностного сознания, как то, каким наделен твой друг мистер Тарп.

— Шутишь? Эта парочка белоручек, в жизни палец о палец не ударивших...

— Ты не понял, Гаррет. Их сознание имеет поверхность — и все, дальше ничего нет. Обычно людей переполняют эмоции, темные течения мыслей свиваются в жуткие кольца в нижних слоях сознания, недоступных человеческому разумению. Это происходит у всех, даже у мистера Тарпа и мисс Торнады. Но эти двое лишены какой бы то ни было глубины; на поверхности фанатизм, дальше — пустота. Кстати сказать, их фанатизм вовсе не такой слепой, как у большинства. Они уловили суть твоего велеречивого

выступления, постигли смысл притчи об огре. Непонимание — не более, чем притворство; они повели себя так, потому что того требовали их маски.

Признаться, я совсем запутался. Ухватил только то, что Покойник говорил насчет поверхности.

— Это меня не удивляет. Знаю я таких типов, навидался по самое не могу. Они предпочитают, чтобы за них думали другие. Так оно гораздо проще, верно?

— *Может быть. Но меня не покидает ощущение, что в наших общих интересах было задержать гостей подольше, чтобы я успел как следует изучить их сознания — или, выражаясь твоим языком, выдоить их до дна.*

— Выдоить? Разве хоть один из них мычал?

— *Прибереги свои колкости для очередной красавицы, которую тебе вздумается обольстить. Тебе следовало извлечь из них максимум сведений. Следовало занять их беседой, пока я проникаю под поверхность.* — Судя по накалу мысленной речи, я таки ухитрился слегка рассердить своего партнера. — *Данное Вольное Сообщество может добывать средства, вымогая деньги именем «Клича». И подобной возможностью отнюдь нельзя пренебрегать. Ты согласен?*

Терпеть не могу, когда Покойник оказывается прав в наших спорах. А сейчас он был прав. Я поддался эмоциям. Совсем не подумал о том, что эти двое шутов могут иметь отношение к наездам на Вейдера. А ведь с них вполне станется. Между прочим, кто-нибудь из их подельников мог заметить троих девиц, заглянувших к приятелю-сыщику...

— *Когда ты повзрослеешь, Гаррет?*

— Чего?

— Ты не размышляешь. Ты действуешь под влиянием чувств. И твои действия часто идут в ущерб здравому смыслу. Впрочем, наши недавние гости как будто не связаны с делом Вейдера. Из чего, правда, все не следует, что то же самое можно сказать о тех, кто их прислал.

— Ага! Так они знали про тебя?

— Эти двое — нет. И о тебе они тоже ничего не знали, за исключением того, что им сообщили. По-моему, ты снова все испортил, Гаррет.

Не знаю, не знаю. Может, они и вправду хотели нанять меня... Я вздохнул. Да, как это ни противно, Покойник прав. Как же мне надоела его вечная правота!

— Думаю, надо прогуляться на пивоварню и...

— Разумеется. Но неию секунду. Потом. Когда заступит ночная смена. В ней молодые мужчины, которые еще хорошо помнят Кантард. Если на пивоварне есть борцы за права людей, почти наверняка их следует искать среди молодых.

Что я мог ответить? Когда Покойник прав, он прав. Но что-то слишком часто он оказывается правым в последнее время.

— Ладно. Что ты предлагаешь? — Может, что-нибудь разумное?

— Отправляйся к капитану Блоку. Расспроси его насчет «Клича». Оброни два-три намека относительно пивоварни.

И впрямь разумный совет. Капитан Вестман Блок — командир Гвардии, как именуют в Танфере олухов из городской полиции. У Гвардии множество недостатков, но достоинств тоже хватает; во всяком случае, последних у нее побольше, чем у Стражи, предшественницы нынешних полицейских.

Стража в основном занималась тем, что собирала взятки; недаром стражников нынче определили в пожарные.

Гвардия не то чтобы пылала рвением, но был в ней коротышка по имени Релвей, наполовину гном, на треть помесь других народов и на одну восьмую человек. Урода страшнее я в жизни не встречал. Так вот, Релвей просто бредил порядком и соблюдением законов. Все разговоры, которые он вел, вращались вокруг Нового Порядка, то бишь вокруг абсолютного, непрекаемого главенства Его Величества Закона. Не так давно мы столкнулись с ним в дождливую ночь; он «на добровольных началах» помогал криминальной службе Блока, тогда еще входившей в состав Стражи, проводить расследование. Я сказал ему что-то не слишком приятное. Он в ответ посоветовал мне придержать язык, поскольку в скором времени ему предстоит стать важной особой.

По всей видимости, он обладал пророческим даром.

Когда принц Руперт учредил Гвардию и назначил ее командиром Вестмана Блока, старина Блок тут же вспомнил о Релве. А Релвей в два счета организовал тайную полицию, собрав тех, кто разделял его взгляды. С тех пор частенько случалось, что люди, коих угораздило привлечь к себе внимание Релвея, исчезали без следа...

Не больше тысячи человек знали о существовании тайной полиции. Релвей, разумеется, не распинался о своей деятельности на каждом углу. И спорю — найдется от силы дюжина тех, кто знает самого Релвея в лицо.

Один из таких людей — я. Иногда при мысли об этом меня пробирает дрожь.

Стоит кому-нибудь при мне упомянуть Блока, я сразу же вспоминаю Релвея. Иными словами, со мной Релвей добился своего: он как-то обмолвился, что всякий должен ощущать на себе незримое и недреманное око закона...

Старина Вейдер — один из видных горожан. Он не аристократ, но богат и влиятелен. У него немало друзей наверху, и друзей настоящих, привязанных к нему по-человечески, а не из-за его богатства. Блок, не задумываясь, ринется на его защиту.

А уж Релвей и подавно — тем паче если ему сообщить, что тут замешан «Клич».

— Пожалуй, я с тобой соглашусь. Надо напустить на них Гвардию. В конце концов, у Блока возможностей куда больше нашего.

— *К сожалению, не все так просто.*

— И почему меня это не удивляет?

— *Потому что ты наконец-то научился распознавать людей — хотя до сих пор не отдаешь себе в том отчета. В глубине души и мисс Вейдер, и мисс Николас опасаются, что Тай Вейдер — не мишень, а источник угрозы.*

— Я этого парня недолюблю, но это еще ничего не означает. Выходит, Никс не зря откладывает свадьбу?

— *Бедная девочка буквально разрывается на части. Я ей сочувствую. Она бы с радостью разорвала помолвку, когда бы не помнила того Тая Вейдера, которого знала в детстве и который ничуть не похож на нынешнего, вернувшегося из Кантарда без ноги. Перекуси, а затем отправляйся к капитану Блоку.*

— Как скажешь, мамочка.

Естественно, выпад пришелся мимо цели.

Покойник вытащил мысленный кляп из клюва Попки-Дурака. Мерзкая пичуга все это время, должно быть, копила ругательства, подбиравая самые гнусные. И не преминула громогласно их выдать.

9

Контора Блока размещалась в городской тюрьме Аль-Хар. Очень удобно, особенно если учесть, сколько в наши дни развелось преступников. Сама тюрьма просторная, холодная, уродливая и заждавшаяся ремонта. Просто удивительно, что заключенные пока не догадались сбежать, сломав, к примеру, стену или выдернув ржавые прутья на окнах. Столетия назад некая семейка с Холма изрядно обогатилась на строительстве Аль-Хара: воровали и мухлевали, где только могли. Скажем, вместо отличного карентийского известняка, который добывают в дне пути по реке от города, поставили мягкий желто-зеленый камень, впитывавший влагу из воздуха и быстро начавший крошиться. Пройтись по улицам вблизи тюрьмы — все они в этом каменном крошеве.

А раствор оказался даже хуже камней, которые предполагалось им скрепить. По счастью, хоть толщину стен выдержали.

Я свернул за угол — и обомлел, ибо моему взгляду предстала совершенно новая тюрьма.

Вся в строительных лесах, на которых кишмя кишили работяги, усердно драившие камень и возвращавшие ему молодость.

Впрочем, даже отчищенный, этот камень остался таким же невзрачным.

Интересно, откуда денежки взялись? До недавних пор танферская тюрьма, можно сказать,

пустовала, поэтому денег на ее содержание из казны не выделяли.

Мало того: когда Блок решил обосноваться в тюрьме, оттуда пришлось изгнать честных танферцев, устроивших себе там уютное обиталище.

Как выяснилось, капитан Блок был па месте. Вдобавок он пожелал меня принять. Причем немедленно.

— Блок, ты же у нас теперь бюрократ. Тебе полагается отвечать, что ты слишком занят, чтобы принимать тех, кому не назначено. Прецедент — вешь опасная. Ну ладно, скажи лучше, ты и вправду живешь здесь? В тюрьме?

— Я холостяк, а холостякам много места не нужно.

Выглядел Блок немного печальным и сильно усталым. Еще бы — попробуй-ка изо дня в день по-настоящему разыскивать и ловить тех, кто злоумышляет против закона. Дело, конечно, важное, кто бы спорил, но тут необходим некий внутренний стержень, а оного за Блоком, по-моему, не водилось.

— Паршиво выглядишь, приятель, — посочувствовал я. Обстановка конторы никак не соответствовала положению Блока в обществе. Да и одежонку мог бы сменить. Я бы разрядился, что твой адмирал в день парада. Но ему, похоже, на подобные условности было наплевать.

— Принц проникся ко мне после дела о заклинании-киллере, воспроизведившем себя, — вздохнул Блок. — Теперь я почти неприкасаемый. Наверное, потому, что никто другой за такую работенку не возьмется. Хотя... работа пристойная, а что благодарности не дождешься — так я привык. Стоит изловить одного злодея, тут же появляются но-

вые. Как зубы дракона в той старой байке. Знаешь, поверить не могу, что все они исхитрились пережить войну.

Я пожал плечами. Понятия не имею, о какой старой байке он толкует.

Передо мной сидел все тот же Блок — невысокий, худощавый, с коротко остриженными темными волосами, в которых заметно пробивалась седина. Тот — и не тот. Как обычно, ему не помешало бы побриться. Из него получился бы отличный шпион — в нем не было ровным счетом ничего выдающегося. Такого не заметишь, пока он не завопит тебе в ухо. При нашей первой встрече, еще в те времена, когда под законом разумели мзду блюстителям закона, Блок ругался не хуже Попки-Дурака, повадками же напоминал оголодавшую змею.

Не могу сказать, что мне был по нраву новый Блок — пообтесавшийся, научившийся хорошим манерам и, главное, целеустремленный.

— В прежние времена ты был поспокойнее, — сказал я. — Требовали — делал, не требовали — не делал...

Блок помрачнел.

— Я обрел веру, Гаррет.

— Чего?

— Я позволил Релвею уболтать себя и взял его на службу. Это была большая ошибка. Своим рвением он заражает всех вокруг.

— Угу. — Да, Релвей, с его-то головой и с его жизненными принципами, к концу года заставит нас забыть само слово «преступление». Этот тип вершит святое дело. От таких лучше держаться подальше — во избежание.

— Зачем пожаловал? Послушать, какой ты пройдоха?

— Ну, не совсем. Хотел расспросить насчет «Клича» — и про Макса Вейдера потолковать. Кто-то к нему подъезжал на днях. — Нарушив традицию, я изложил Блоку все подробности.

Естественно, он заподозрил неладное. Я бы на его месте тоже насторожился. Ведь в прошлом мы друг перед другом карт не раскрывали.

— А зачем ты мне все это рассказываешь?

— Напарник велел. И потом, я в долгую перед Вейдером. Будет лучше, если за ним присмотрит кто-нибудь при исполнении...

— Присмотрит? А что может случиться?

— С нашими бравыми ребятами? Да что угодно!

— Тут ты прав. Слыхал, на днях сожгли народ на северной стороне?

— Слыхать-то слыхал, но и только. Дел было по горло, не до слухов.

— Пьяницы, мелкие воришки... У таких врагов не бывает. Сгорели дотла.

— Щутишь.

— Если бы. Шесть случаев. Чую, не обошлось без колдовства. Релвей настаивает на связи с Сообществами, но я хоть убей не вижу, какая тут может быть связь. Правда, представить чародейку, заживо сжигающую пьяниц, у меня тоже не получается.

— Почему чародейку, а не чародея?

— Какому мужику взбредет в голову расправляться с пьяницами?

— Одного я знаю. — Живет в моем доме. — Ну так что? «Клич» занялся вымогательством?

— Я о таком не слыхал. Джирек!

Дверь отворилась, и в комнату ввалилось некое существо, отдаленно напоминавшее человека.

В нем было понамешано всего понемножку, больше всего от огра, тролля и урода обыкновенного. И не забудьте прибавить родовую травму. Двигалось это существо бочком и сильно сутулилось, будто у него болела спина.

— Джирек был ранен в стычке у Каунсил-Уэллс.

Ага, ветеран. И не человек. Сразу вспомнилась история, которой я пытался вразумить Картера с Трейсом. Некоторые из наших величайших герояев — вовсе не люди.

— Каунсил-Уэллс, — повторил я. — Великая победа...

— Мне показалось, или я услышал издевку?

В местечке Каунсил-Уэллс хотели устроить переговоры о перемирии. А мы, то бишь карентийцы, разместили в близлежащей пустыне отряд коммандос. И в ночь накануне переговоров они вырезали всю делегацию венагетов во сне.

В общем, один из тех маленьких триумфов, что привели к победе Каренты.

— Издевку? Упаси меня все боги вместе взятые!

Джирек состроил жуткую гримасу, которую при большом желании можно было принять за ухмылку, а потом негромко заухал. Ну и воняет у него изо рта! Червяк и тот сдохнет. Но чувством юмора он явно не обделен.

— Релвей должен быть в своей каморке, — сказал Блок. — Позови его.

— Хорошая шутка. — Джирек глянул на меня, хмыкнул и уковылял прочь.

— Что это было? — спросил я.

— Просто Джирек. Уник. — На жаргоне «униками» называли полукровок с чрезвычайно запутанной

родословной. — В Кантарде он пару раз спасал мою задницу. Отличный солдат. Дрался на загляденье. Слишком глупый, чтобы оспаривать приказы. Велели — исполнил, и никаких гвоздей.

— Что-то я тебя не узнаю, капитан.

— Я всегда такой был, ты просто не приглядывался. О твоем легкомыслии уже столько баек сложили!

— Капитан! Ты меня обиждаешь...

Тут появился Релвей — без стука. Неслышно, как тень, проскользнул в комнату и замер у порога.

Он тоже уник, да такой, что Джирек рядом с ним — образец человеческой породы. И мыслит совершенно не по-людски. Вечно ищет повода почапаться, и аппетит волчий: палец протянешь — можно с рукой попрощаться. Настолько заботится о соблюдении законов, что сам себя вознес над любыми законами, мешающими карать преступников. Его помощники, доносчики иочные стервятники, теперь повсюду. Скоро именем Релвея детей пугать начнут, если уже не начали.

Что он собой представляет как человек (в смысле «разумное существо, ходящее на задних лапах»), никому не ведомо. Я с ним познакомился совершенно случайно — так сказать, очутился в нужное время в нужном месте.

— А, Гаррет. — Релвей кивнул. — Как делишки? — Голос у него был хриплый, какой-то даже потусторонний.

— Отлично. Ты что, простыл?

— Погода чудит. Я слышал, кстати, ты можешь об этом что-то знать.

— Я? Таких, как я, в тайны погоды не посвящают. — Не стану же я, в самом деле, рассказы-

вать о своих заморочках с ополоумевшими боями!

Он окинул меня взглядом типичного блюстителя закона. Этот взгляд говорил: «Мы оба знаем, что ни словечку из твоего поганого рта верить нельзя». И такие вот молодцы охраняют наш покой? Впрочем, надо отдать ему должное: бандюков он пошерстил изрядно.

— А что это у тебя на плече, Гаррет?

У Блока хватило вежливости как бы не заметить злобного филина в клоунском наряде.

— Мой обед. Готов поделиться. Разводи огонь.

Попка-Дурак — или Покойник, вещавший через птичку, — разумеется, не смолчал:

— Аргх! Тупица!

— Как это у тебя получается? — полюбопытствовал Релвей. — Губы вроде не шевелятся...

— В морской пехоте научили.

Релвей повернулся к Блоку.

— Что стряслось, Вес?

Ого! Какая фамильярность!

— Да так, Дил, мелочь. Ты ведь занимаешься правозащитными шайками?

— В общем, да. В них трудновато внедриться. Как правило, в них сбиваются те, кто знал друг друга еще в Кантарде.

Ничего удивительного, я тоже поддерживаю знакомство со своими собратьями по оружию. Мы частенько собираемся попить пивка, но нам и в голову не приходит устраивать разборки на улицах.

— Наиболее уязвимы большие группы, наподобие «Клича», — продолжал Релвей. — Слишком много народа, всех в лицо не запомнишь. Сам «Клич» организован по армейскому принципу.

Маренго Норт-Энглиш пытается создать собственную армию. Они называют себя «вольными стрелками Теверли».

— Полковник Теверли тоже с ними? — удивился я. Мне довелось служить под его началом. Один из немногих офицеров, не чуравшихся простого солдата. Не скажу, чтоб мы были близко знакомы; во всяком случае, как он относится к нелюдям, я понятия не имел. Там, в Кангарде, он ко всем относился одинаково.

— Человек убеждений, — хмыкнул Релвей. В глазах уника промелькнула тень. — Ты что, знаешь его?

— Воевали вместе, на островах. Он был ранен, и его отправили в тыл как раз перед тем, как венагеты на нас навалились. Если правильно помню, в госпитале ему отрезали ногу. Хороший был командир.

— Ты здесь из-за него?

— Нет. Я и не знал, что он в городе.

— Дил, — подал голос Блок, — мог ли «Клич» удариться в рэкет? Чтобы пополнить свою казну?

Релвей нахмурился.

— Неужто поймал с поличным, Гаррет?

— Если бы... У меня есть клиент. Макс Вейдер. Пивной король.

Релвей кивнул. Похоже, мои отношения с Вейдером не были секретом ни для кого в Танфере.

— Его дочь Аликс утверждает, что кто-то из «Клича» наехал на ее братца Тая. Требовал долю прибыли. Вообще-то на «Клич» не очень похоже. Но если им срочно понадобились деньги, они вполне могли придумать что-нибудь этакое.

— Могли, — согласился Релвей. — Сам я ни о чем подобном не слыхал. Зато слышал, правда, что у них были далеко идущие планы — в том, что касается не-людей.

— Двух зайцев одним махом?

— Вот именно. Их Внутренний Совет сформулировал это так: «Мы считаем, что болезнь оправдывает методы лечения».

Любопытно. Он что, лично присутствовал на заседании этого Совета?

— Странные дела творятся. Какие-то молокососы залезли на территорию Чодо, и у них до сих пор здоровье в порядке?

Не могу себе представить, чтоб самый фанатичный член «Клича» отважился бросить вызов Чодо Контагью. В Танфере Чодо — некоронованный король, если хотите, пахан из паханов. С ним шутки шутить — себе дороже, проще сразу повеситься. Таких врагов люди здравомыслящие стараются не заводить.

Вдобавок я знал то, о чем, по всей видимости, Релвей пока не догадывался. Чодо почти отошел от дел, нынче всем заправляла его дочка Белинда. А с нею связываться — хуже, чем с папашей: девка молодая, горячая, ни чужих не щадит, ни своих...

— Пока в порядке. — Релвей криво усмехнулся. — Но долго это не продлится. Не тебе рассказывать, что у Контагью за семейка.

— Угу.

— На твой вопрос, Гаррет, я отвечу так: до сего дня «Клич» не выказывал интереса к рэкету. Возможно, они решили попробовать, что да как. Если Вейдер не сдюжит и пивоварня окажется под «крышой», другие богатеи последуют его примеру.

— Я знаю Макса. Он не отдаст ни гроша, сколько бы ему ни угрожали. И большинство толстосумов его поддержит, пускай даже они в душе сопротивляются «Кличу». Кому нужен прецедент? К тому же, все они не робкого десятка, иначе никогда бы не разбогатели.

Быть может, вдруг подумалось мне, вовсе не случайно вместе с Аликс в мой дом заглянули Никс и Тинни. Тейты ведь владели обувной фабрикой, а семейство Николас запустило свои щупальца в виноделие, добычу угля и торговлю.

По правде сказать, обратясь ко мне даже сам Макс Вейдер, я бы, скорее всего, отказался от этого дела. Но пошли к Гаррету смазливую мордашку — и он весь ваш.

Слишком я предсказуем. И слишком много вокруг смазливых мордашек.

Релвей устремил на меня пристальный взгляд.

— Договоримся, Гаррет? — предложил он, лукаво усмехнувшись.

— В смысле?

— Мне известно, что ты не одобряешь мои методы. Ты же у нас мистер Праведник, святое распоследнего святоши. Я не в претензии; дело, сам понимаешь, хозяйское. — Он ухмыльнулся, а я покривился. Страх да и только — Релвей с чувством юмора. Может, это подменыши? — Но ничто не мешает нам помочь друг другу.

Наконец-то! Нет, не зря я наведался к Блоку.

— Я слушаю.

— Что-то воодушевления не чувствуется.

— Разве? Я просто кипятком от восторга писаю.

— Незаметно. Идея вот в чем: ты запросто сойдешься с этими ребятами. Им такие парни нужны.

Наверное. Иначе те два оболтуса, Стоквелл с Уэндовером, не постучали бы в мою дверь.

— Сомнительный комплимент.

Релвей оскалил в ухмылке зубы — совсем не человеческие.

— Ты служил с этими людьми. Ты знаешь, как они думают. Ты слышал все их бредни. Неужто сложно будет собезьянничать? — Он поглядел на Попку-Дурака, и его ухмылка стала шире. — Или спопугайничать? Повторяй чужие слова, и никаких проблем.

Я фыркнул. Надеюсь, Релвей с Блоком не слишком заинтересовались попугаем. Не хватало еще, чтоб они догадались, что птичка — не простая, что ею на расстоянии управляет Покойник.

— Может быть. Но зачем?

— Мои люди не могут внедриться. Эти параноики не подпускают к себе никого подозрительного — с их точки зрения, разумеется. Если в тебе хотя бы капля чужой крови, значит, ты полукровка, и говорить с тобой не о чем, хоть ты трижды герой войны. Пауки плетут сеть ненависти... Человечество спасется лишь через истребление всех остальных. Поэтому даже капля чужой крови — уже повод к решительным действиям. Иначе повсюду расплодятся уники.

По-моему, у меня отвисла челюсть. К счастью, под потолком не летало ни мух, ни ворон, так что в рот ко мне залететь никто не мог.

— Бред какой-то! Дурость...

— Вера остается верой, Гаррет, какой бы смехотворной она ни была. И эти люди ходят по нашим улицам.

Я хотел было возразить насчет веры, но припомнил свое последнее дело: несколько религий,

одна смехотворнее и нелепее другой... Людям нужно во что-то верить, и они готовы поверить во что угодно. Желательно во что-то, превосходящее разумение большинства, будь то божество или какая-либо первопричина. Была бы вера, а уж *во что* верить всегда найдется.

— Понятно.

— Никто от тебя не требует чудес героизма. Просто зайди в расследование чуть дальше, чем собирался, и сообщи мне то, что сумеешь выяснить.

— А мне с того какая польза?

— Я поделюсь с тобой тем, что известно мне. И буду охранять Вейдера — если до того дойдет.

Старине Вейдеру я, конечно, я обязан многим, но и Тейтам кое-что задолжал.

— Может, тогда и за Тейтами приглядишь?

Релвей вздохнул.

— Хорошо. — Он улыбнулся, вновь показав свои жуткие зубы. — Ты помирился со своей подружкой?

Должно быть, частная жизнь некоего Гаррета известна Танферу во всех подробностях. Стоит Тинни подмигнуть мне — и весь город уже знает.

— Просто я перед ними в долгу.

— Договорились. Вес, я пойду поброджу по улицам. Может, чего узнаю.

Узнает, узнает, не извольте сомневаться. Хуже того — никто и не заподозрит в нем пресловутого Релвея.

— Погоди, — остановил его я. — Еще пара вопросов. Ты слышал о Черных Драконах Вальсунга?

Релвей пожал плечами, потом, для вящей убедительности, развел руками.

— Что это?

— Новое Вольное Сообщество. Командует ими полковник Нортон Вальсунг, служивший в бригаде Черных Драконов.

Релвей покачал головой.

— Никогда о таком не слышал, — заметил Блок.

— Я тоже. Оно и удивительно.

— Почему? — спрятался Релвей.

— Ко мне сегодня днем заявились два обормота. По виду клерки. Картер Стоквелл и Трейс Уэндовер. Приглашали влиться в ряды.

Блок переглянулся с Релвеем.

— Новые шайки возникают каждый день, — сказал Релвей. — Поспрашиваю.

Блок махнул рукой, и Релвей скользнул к двери. Я тоже было хотел уйти, но Блок произнес:

— Постой, Гаррет.

— Ну?

— Поосторожнее там, ладно? Эти ребята не церемонятся.

— Я не первый день на свете живу, капитан. Все ошибки остались в прошлом.

— Все равно, мой тебе совет — гляди в оба. И не таких, как ты, пройдох убивали.

— Понял, учту. Спасибо за заботу.

— Вот еще что. Релвей порой слишком увлекается. Забывает обо всем, кроме того, что его в данный момент интересует...

— Ты куда клонишь?

— Его люди видели вчера Краска с Садлером. Помнишь их? Они вернулись в город и по глупости своей тут же засветились.

— Да уж, гиганты мысли... — Я поежился. Не то чтобы я сильно испугался, просто оба — и Краск, и Садлер — наемные убийцы наихудшего

сорга. Того самого сорта, какому вынь да положь голову единственного сына миссис Гаррет. Того самого, какому выпала редкая удача — заниматься любимым делом.

Надо сказать, у них большой зуб на любимого сыночка мамаши Гаррет. Я приложил руку к тому, чтоб их вытурили из города, да и в паре-тройке других делишек замешан...

— Ладио, поберегусь.

— Уж пожалуйста. Эй, обучи свое пернатое чучело — пусть по сторонам глазеет и предупреждает, если что.

— Слыхала, пичуга?

Попка-Дурак гордо промолчал. Зашиб ему, что ли, клюв — чтоб уж наверняка?..

10

Краск и Садлер... Проклятие! А я-то надеялся, что мы с этой сладкой парочкой рас прощались на всегда.

Они повели себя не слишком красиво, когда Чодо хватил удар. По правде сказать, мало кто об этом знает. Большинство уверено, что старина Чодо по-прежнему на коне. Когда бы не Белинда, одурачившая Краска с Садлером, этой уверенности не было бы и в помине. Уж Краск и Садлер, смертельные враги Контагью, вмиг прознали о недуге Чодо, отсюда и стремление Белинды как можно скорее вытурить их в соседнюю плоскость бытия.

Ныне Чодо Контагью — не более чем гора плоти в инвалидном кресле. И толк от него один-единственный: Белинда делает вид, что приказы, которые она отдает, исходят от папочки.

— Ты поосторожнее, — повторил Блок.

— Ты тоже. — Я помолчал. — Пожалуй, новый Вестман Блок будет посимпатичней старого.

Блок криво усмехнулся.

— На твоем месте я бы сюда больше не приходил. В наши дни никому доверять нельзя, кругом доносчики, не одни, так другие.

Выйдя на улицу, я осмотрелся. Полезная, надо сказать, привычка — по жизни полезная. В нашем милом городке всегда хватало желающих средь бела дня стырить золотой зуб у тебя изо рта.

Похоже, на меня никто не обращал внимания. И не удивительно: не то чтобы я выглядел чересчур грозно, но на легкую добычу вовсе не смахивал.

Вот и славненько. Что ж, закон на свою сторону я привлек, и особого труда это не составило — ведь Макс Вейдер принадлежал к числу тех, кого наш закон и оберегал... Общественное достояние.

Денек выдался замечательный, чуть жарковатый, но ветреный; по небу, такому голубому, словно это был прообраз небесной голубизны на веки вечные, бежали редкие облачка. В такие деньки мы, поклонники светлого времени суток, готовы плясать от радости. В такие дни люди хохочут на улицах, навещают давно забытых друзей, заводят детишек. В такие дни обходится почти без кровопролитий, и даже отъявленные злодеи наслаждаются прелестью мироздания. В такие дни можно ожидать неприятностей от Рельса и компании, потому что у них появляется избыток свободного времени.

Я направился на северо-восток. Пора и мне навестить давно забытого друга.

Народа на улицах было изрядно, но доморощенные борцы за права человеков не проявляли особой активности. Если этакая погода продержится еще пару дней, придется закрывать похоронные конторы — у них просто не станет клиентов.

Мимо проскакал кентавр в потрепанной армейской попоне. Значок полка я разглядеть не успел. Ну-да... Если кентавр эту попону спер, а не получил в награду за верную службу короне, его запросто могли пристукнуть — чтоб не покушался на святыни.

Впрочем, кентавру было все равно. Он был слишком пьян, чтобы задумываться о всякой чепухе.

Воздух над головой кишел бесчисленными пикси, фейри и прочей шатней. Молодняк бесцеремонно изводил голубей. И пускай — никто и словечка против не скажет, разве что голуби.

Если приглядеться, в вышине можно было различить двух-трех ястребов и соколов. Малому Народцу не мешало бы поостеречься... Вот-вот! Какой-то сокол-недоумок спикировал на симпатичную пикси — и немедленно ретировался под градом отравленных дротиков. Малышня успешно растила новое поколение хищников.

Жаль, что люди бестолковее птиц. Иначе мы могли бы научить пернатых простой вещи — на сородичей, сколь угодно дальних, не нападают.

В такие деньки на улицу высыпают все подряд. Невероятно, сколько в Танфере народу! Вообще-то Танфер — это несколько городов на одном и том же месте. В нем есть вечерние жители, есть ночные и утренние. Как правило, друг с другом они не пересекаются, потому что у каждого свой образ жизни. Во всяком случае, так было до сих пор.

Попка-Дурак взмахнул крыльями, заодно взъерошив мне волосы, и спорхнул с моего плеча — должно быть, решил пообщаться с другими птахами.

— Лети, лети, птичка, — мрачию пробормотал я ему вслед. — А то знаю я одно местечко, где обожают готовить голубей. И никто не следит, взаправдашний голубь в супе или какой-нибудь попугай...

— Аргх! — отозвался попугай. — Я буду парить с орлами и...

— Давай позовем вон того ястреба. Думаю, он не откажется составить тебе компанию.

— Спасите!

— Дяденька, ваша птичка и правда говорить умеет?

— Не приставай к дяде, Берги. Это чревовещатель. — Мамаша Берти метнула на меня суровый взгляд: мол, как не стыдно морочить людям головы и мучить невинную крылатую тварь.

— Возможно, вы правы, мэм. Хотите забрать его? Уверен, у вас ему будет гораздо лучше.

Волоча за собой сынка, женщина умчалась прочь с такой скоростью, что послышался свист рассекаемого воздуха.

Вот так всегда. Бедный несчастный попугай никому не нужен.

11

Заведение было с потугами на шик. Потуги потугами, но конкурентам оно проигрывало изрядно — потому, что среди фирменных блюд в этом заведении было не найти ничего тверже баклажана или тыквы. Название забегаловки менялось

под стать настроению ее владельца, Морли Дотса. В последнее время он предпочитал именовать свою еадальню «Пальмами». Что касается клиентуры, в ней числились и мелкие преступные сошки, приходившие сюда потолковать, забить «стрелку» и даже заключить временное перемирие, и светские львы, которые вели разговоры, заключали пакты о ненападении и забивали «стрелки».

Единственное, что в «Пальмах» не менялось, это обслужа.

Когда я заглянул к Морли, наплыва посетителей у него не наблюдалось. Я бы даже сказал, что отсутствие клиентов бросалось в глаза. Обслужа готовилась к тому моменту, когда места за столиками начнут заполняться.

Последний бзик Морли — респектабельность. От позолоты на стенах и прочей дребедени просто рябило в глазах.

— Блин! А я-то думал, этот длиннохвостый мешок с навозом давно концы отдал.

— Ты бы выбирал слова попроще, Сардж, а то, неровен час, язык сломаешь. — Интересно, где он подцепил это словечко? Обычно его лексикон состоял из слов длиной не более трех слогов.

— Снова эта паскуда приперлась? — прорычал кто-то из полутишины за стойкой. — Сардж, я ж тебе говорил...

— Это не он, Пудель. Это Гаррет.

— Один хрен.

— А то.

— Парни, займитесь лучше делом, — посоветовал я. Что Сардж, что Пудель вышли словно из одной формы: оба здоровые, жирные, неряшливые, с головы до ног в татуировках. Типичные плохие

ребята — но не настолько плохие, как они сами о себе думали.

— Не лезь, Гаррет. Наше дело — по улицам шляться, к девкам приставать. А девки горячие бывают... Эх- ма, старею я, приятель...

— Тебе чего, Гаррет? — справился Пудель. — Милостыню мы на этой неделе не подаем.

— Оставь себе. Хочу порадовать Морли дурными новостями.

Неразличимый в полутьме, Пудель забормотал в переговорную трубку, соединявшую зал с кабинетом Дотса. Затем с лестницы донесся голос Морли:

— Что за новости, Гаррет?

— Садлер и Краск вернулись.

Ответом было продолжительное молчание.

— Откуда ты узнал? — спросил наконец Морли.

— Не скажу. — Это ему все объяснило.

— Бли-ин! — протянул Сардж. — Босс, я бы послал его, на хрена послал бы. Он не просто так приперся, ему чего-то надо.

— А то, — согласился Пудель. — Ему всегда что-нибудь надо. Меня кондрашка хватит, когда он так зайдет, на огонек.

Я состроил свирепую гримасу. Сардж дружелюбно ухмыльнулся, нисколько не устрашенный.

— Шикарный погон, Гаррет. Мы знали, ты к птичке привыкнешь.

И этих людей считают моими друзьями?!

Я повернулся к Морли.

— Не знаешь, баклажаны бывают ядовитыми?

— Угу. Я специально держу парочку таких на кухне — для тех, кто соглашается одеваться, как принято у нас. — Он повел меня наверх. — Тут

никто не подслушает. Кто сказал тебе про Краска с Садлером? Блок?

— Он самый. А ему сообщил Релвей.

— М-да... — Морли шмыгнул в комнату, которая служила ему кабинетом, плюхнулся в кресло за большим столом, взял зубочистку и задумчиво провел ею по ряду острых клыков у себя во рту. — Краск и Садлер... Любопытно.

12

Морли Дотс — из тех парней, которые снятся вам в кошмарных снах, если у вас есть хотя бы одна дочь. Он до омерзения смазлив на эльфийский манер — смуглый, ладный, статный. Что бы он на себя ни напялил, вид у него всегда такой, словно он неделю не вылезал от портного. Ему ничего не стоит облачиться в белое и отправиться на угольный двор, и выйдет он оттуда чистенький, без единого пятнышка на наряде. Никогда не видел его вспотевшим. Едва он появляется в обществе, дамы всех пород и возрастов временно теряют разум.

При всем при том он — надежный друг. Точнее, приятель, — ведь настоящий друг не подарит вам говорящего попугая и не станет опутывать вас разнообразными обязательствами, лишая возможности от упомянутого попугая избавиться. Этакий подарок — все равно что проклятие старой ведьмы: от него можно избавиться, только если найдется другой глупец, согласный по доброй воле взвалить на себя эту обузу.

Наверняка Морли каждый вечер перед сном давился от смеха, вспоминая, как ловко облапошил этого недотепу Гаррета.

— Похоже, у тебя перемены к лучшему, — заметил я.

— Все надо делать вовремя, Гаррет. Соседи сперва артачились, но я их убедил.

Не сомневаюсь. Район, в котором находилось заведение Морли, был известен как Зона Безопасности. Своего рода нейтральная территория, на которой работнички ножа и топора, а также иных инструментов и принадлежностей, могли не дрожать за собственные шкуры при встрече с конкурентами. Центром Зоны был Дом Удовольствий. Зона существовала во многом благодаря Морли, и его стараниями приносила прибыль.

Поэтому любые перемены в заведении Дотса не могли не насторожить соседей.

— У богатых те же требования, что и у бедных, и порокам они подвержены тем же самым, — продолжал Морли. Его ослепительно, неестественно белые зубы сверкнули в свете лампы. — Зато денег у них гораздо больше. Это был решающий довод.

Ну разумеется. А если этот довод подкрепить мрачными физиономиями Сарджа, Пуделя и прочей братвы...

— Ты отвлекся. Мы говорили о Краске с Садлером.

— Блок знает, кто их привел?

— Нет. Может знать Белинда, но я с ней еще не виделся.

— Если она до сих пор ни о чем не слышала, то ее приятно удивят. — Морли усмехнулся.

— Угу. Только давай договоримся. Я предположил бы сообщить ей обо всем сам.

Дотс поглядел на меня, приподняв бровь.

— Ты уверен, что это разумно?

— Я на нее зла не держу. В конце концов, она смылась, а не я.

— Ты-то, может, и не держишь, а она... Белинда Контагью — не обычная женщина, Гаррет. Лично я держался бы от нее подальше.

— Хорошо, уговорил. Потолкуешь с ней за меня?

— Еще чего! Не в том я возрасте, чтобы любовные записочки относить. Поищи кого другого.

Вот так всегда. Впрочем, я не стал настаивать. Пусть себе думает, что он меня отбрил. Потом сочтемся.

— Как делишки-то? — справился Дотс. — Все у нас как-то не складывается посидеть, за жизнь поговорить, мировые проблемы обсудить... — Под мировыми проблемами он разумел либо поголовное обращение мясоедов в вегетарианцев, либо кровавую баню для своих врагов. Либо то и другое одновременно.

Я поведал ему о том, чем завершились мои разборки с богами. А также с богинями.

— Пожалуй, стоило свести тебя с Магодор. Тебе такие нравятся, я знаю.

— Чего? — Морли, похоже, думал о чем-то своем.

— У нее четыре руки, змеи в волосах, губы зеленые, зубы как у крокодила. А в остальном — глаз не отвести.

— Да-да, всю жизнь мечтал. Спал и видел.

— Эльфы же не спят.

Он пожал плечами.

— А теперь что?

— Теперь?

— Ты же к Блоку зашел не просто пивка попить да старые дела повспоминать, верно?

— Именно за этим.

- Брось, Гаррет. Не пудри мне мозги.
- Да я и не пудрю. На пивоварне что-то странное творится. Кто-то угрожал старику. Или не угрожал... — Я кратко обрисовал ситуацию.
- Умеешь ты влипать в неприятности, Гаррет, — сообщил Морли, дослушав до конца.
- Не знаю, как быть. Угроз Вейдер не потерпит. А если «Клич» занялся вымогательством...
- «Клич» в целом вряд ли. Скорее, чья-то личная инициатива. Кому-то вдруг стало не хватать денег. И это еще цветочки, Гаррет, ягодки впереди. Я слышал, Белинда точит ножи. Ты внутрь собираешься?
- Внутрь?
- Ну да. Внутрь «Клича». Разузнаешь, что да как. Проблем у тебя не будет. Ты не кентавр какой-нибудь, а чистокровный человек, да еще герой войны. — Морли тоже герой войны; во всяком случае, он искренне себя таковым считает. На деле же он всю войну просидел в тылу и помогал отчизне тем, что утешал перепуганных солдатских жен. — Ты достаточно здоров, чтобы стоять на ногах. Нигде не работаешь. Словом, идеальный рекрут.
- Вот только мыслю иначе, — пробормотал я.
- Морли вновь оскалил в ухмылке белоснежные зубы.
- Если они тебя примут, здесь тебе лучше не показываться. И с Покойником придется расстаться.
- Ага. — Я, между прочим, Релвею ничего не обещал. Никаких там клятв на крови и прочей фигни. Но признаюсь, как на духу: мне до сих пор и в голову не приходило, что попытка проникнуть в ряды борцов за права человека будет означать

полный отказ от моего привычного жизненного уклада.

Сменить личину — называться чужим именем — попросту не получится. Слишком многие меня знают, ветераны в особенности. Когда живешь один, так сказать, вхолостую, и нигде не работаешь, поневоле начнешь искать общения с себе подобными. Я, конечно, предпочитаю женскую компанию, но изредка — почти ежедневно — случается так, что женщины меня избегают. Вы не повериете, но это чистая правда.

— Так далеко я заходить не собираюсь. — По крайней мере, надеюсь, что не зайду. — Поброшу по пивоварне, погляжу, послушаю. Если за всем стоит Тай, решивший заграбастать куш до смерти папаши, я его расколю. Если же он ни при чем, будем думать дальше. Мне просто не верится, что у кого-то из этих недоумков хватило наглости наехать на Вейдера.

— Гаррет, тут вопрос веры. Когда человек верит, остальное не имеет значения. Они убеждены в своей правоте, понимаешь? Им этого вполне достаточно. — Морли выпрямился, давая понять, что разговор подходит к концу. — Будь осторожен.

— Я всегда осторожен.

— Чушь. Тебе просто везет. Не искушай удачу, Гаррет; удача — женщина, а женщины переменчивы. Учись осторожности, тем более, что тебе есть у кого учиться — у меня.

Я хмыкнул. Морли никогда не отличался скромностью.

— Скажи Пуделю, чтобы зашел ко мне. Надо кое-куда сбегать.

— Непохоже, чтобы он умел бегать. Ладно, скажу.

Морли ни словом не обмолвился о попугае у меня на плече. Ничего не сирашивал, даже ни разу не покосился на птицу. Что-то невероятное!

Должно быть, снова со мной играет.

Придумал: разрублю-ка я эту разномастную тушку, нашишнюю в полоски и подсуну закадычному дружку Морли как приправу к его пряным травкам.

13

Я проводил взглядом Пуделя, тяжело взбиравшегося по лестнице, и повернулся к Сарджу, протиравшему кружку. По настоянию Морли его ребятки в стенах заведения усердно корчили из себя официантов и поваров.

— Твоему дружку надо есть побольше того, чем он потчует клиентов.

— На себя глянь, Гаррет, — посоветовал громила. — У всех с годами брюхо растет. Пока голодный, думаешь: «Блин, как бы пожрать?» А когда заходишь в кабак, где пивка наливают и жратвы от пузя, так опомниться не успеешь, как полкоровы сожрешь.

— Согласен. — Уж мне ли не знать, с моим-то Дином и его кулинарными способностями.

И пиво тут ни при чем. Разве что в самой малой степени.

— Слушай, Гаррет, мне работать надо.

— Ну да. Будь здоров.

— Почаще оглядывайся, Гаррет. Все кругом свихнулись.

Я не поверил своим ушам: Сарджу взбрело в голову проявить заботу о Гаррете! Интересно, с какой стати?

Попка-Дурак снова задел меня крылом, воспарив в поднебесье.

Да, птичка не ведала покоя. Ладно, хоть помалкивает. Спасибо Покойнику; когда бы не он, попугай давным-давно сообщил бы всей округе, что Гаррет любит маленьких детишек. В том самом смысле. А так... По правде сказать, связка «попугай-логхир» не могла не вызвать изумления: ведь Покойник способен был мысленно управлять птичкой на расстоянии в несколько миль. Наш же с ним контакт разрывался, стоило мне выйти из дома и свернуть за угол.

Мало того, что Покойник бдит за мной дома. Стоило ему обнаружить, что он может управлять пернатым негодяем, как мне совсем не стало житья.

— Я иду в пивоварню, — сообщил я попугаю. Там, кстати, скоро пересменок.

Идет по улице человек, разговаривает с птицей... Казалось бы, что в этом особенного? Но вокруг меня мгновенно образовалось пустое пространство: никто не желал даже пройти рядом со мной.

Вообще-то на улицах Танфера полным-полно типов, которые беседуют с призраками. Для них в Кантарде открылись двери в измерения, недоступные простым смертным.

Сама по себе война — далеко не худшее из зол, но она, безусловно, разрушает барьер между человеческим миром и преисподней.

Попугай помахал мне крыльями и полетел вдоль улицы. Видимо, Покойник ослабил хватку: бедолагам-прохожим пришлось выслушать о себе много интересного. Люди принялись кидать в птаху палками и камнями. В ответ Попка-Дурак развоился громче прежнего, всячески вы-

казывая двуногим свое презрение. Двуногих он не боялся.

Другое дело — ястрыбы...

С неба неожиданно свалился пернатый хищник не поддающейся определению породы. Мистер Большая Шишка спохватился в самый последний миг и сумел-таки увернуться. Страдая от уязвленной гордости, он разразился новым потоком бранью.

Я ухмыльнулся:

— Поделом тебе, выкормыш эльфийский! В следующий раз он уже не промахнется.

Полугай уселся ко мне на плечо и сложил крылья. Хищник покружил над нами и решил поисскать другую добычу. Чего-чего, а голубей в Таифере хватало...

— Аргх! — прохрипел я. — Через глаз повязка, через череп шрам! — Проковылял несколько шагов, приволакивая левую ногу. Моих усилий по достоинству не оценили; наоборот, я заслужил пару-тройку косых взглядов. И то сказать: сегодня едва ли не в каждой карентийской семье был вернувшийся с войны инвалид...

14

Когда я подошел к пивоварне Вейдера, настрочу мне высипала небольшая толпа: рабочие дневной смены. Окрестности пивоварни пропитались запахом закваски; впрочем, этот запах изводил только непривычных: ни рабочие, ни обитатели соседних домов его не замечали.

Здание пивоварни — кирпичная громадина с десятками башенок и башен, среди которых в сумерках вились нетопыри, — смахивала скорее на

приют для оборотней и вампиров, чем на столицу обширной деловой империи. Ни дать ни взять древний замок.

Что я могу сказать? Вот вам образчик художественного вкуса папаши Вейдера. Мало одного — на Делор-стрит другой, точно такой же, только поменьше. Малый замок построили первым; когда выяснилось, что в нем пивоварню не разместить, Вейдер принялся строить ту самую громадину, а в малый замок перевез семью. С тех пор он так и жил в этом замке, а большой за годы успел обрасти множеством полезных пристроек.

В Танфере любят пиво.

Охраны как таковой на пивоварне не было. Старшие рабочие по очереди обходили территорию, присматривая за порядком. До сих пор этого было вполне достаточно: рабочие патрули защищали завод не хуже, чем рабочие пчелы — свой улей.

У главного входа нес дозор знакомый дедок по имени Джерал Диар.

— Привет, Джерри! — окликнул я. — Пропустишь?

— Гаррет? — Старик подслеповато сощурился. Похоже, мое появление застало его врасплох. Это хорошо. Если меня никто не ждет, мне, может быть, повезет застукать плохишей с поличным. — Тебе чего?

— Вот, пришел поглядеть, как вы тут пробавляетесь. Сколько бочонков за сегодня уперли?

— Веселись, пока молодой, Гаррет. Потом поздно будет.

— То есть тебе уже поздно?

Диар был из тех людей, кому только дай повод, чтобы распустить язык.

- Мне веселиться не с чего.
- Почему это?
- Так до чего страну-то довели?! Разор, раздрай... Каждый на своем стоит, а других и слушать не желает.

Ну-ка, ну-ка. Подкину-ка я Джерри наводящий вопросик:

- Неужто и у вас за политику морды бьют?
- Да нет, здесь пока не бьют. Мистер Вейдер такого не потерпит. А вот снаружи-то ужас что творится. Мы ж не слепые, Гаррет, и не глухие. Куда ни сунься, то в демонстрацию воткнешься, а то и в самый настоящий бунт. И кто, спрашивается, виноват? Вестимо, эти чужаки из Кантарда. Сами на неприятности нарываются.

— Понятно. — Гаррет — хамелеон: с кем болtaет, под того и подстраивается. Так проще всего развязать собеседнику язык. Слова Диара, между тем, подтверждали подозрения Покойника: судя по всему, за беспорядками в Танфере и вправду стоит Слави Дуралейник.

— Кого как, Гаррет, а меня это достало, честно скажу. То ли дело в наше время... Мы боялись только воров даочных грабителей.

— Уверен, король скоро что-нибудь сделает. — Например, как это у него в обычай, повернется спиной к проблеме, предоставив подданным разбираться самим. Особы королевской крови не слишком жалуют Танфер и редко осчастливают горожан своим появлением; и уж до такой мелочи, как назревающее кровопролитие, они точно не снизойдут.

- Ладно, Гаррет, бывай. Удачи тебе.
- Тебе тоже, Джерри. Тебе тоже.

Как известно, на пивоварне варят пиво. Не спеши облизываться в предвкушении. Вам доводилось

бывать на пивоварне? Первое, что замечаешь — не можешь не заметить, — это запах. В нос шибает так, что того и гляди на ногах не устоишь. Как ни печально, эта вонь — неотъемлемая принадлежность производственного процесса. А сам процесс состоит в следующем: зерно смешивают с водой и всякими добавками, вроде хмеля, и оставляют гнить под бдительным присмотром умудренных опытом пивоваров, у которых все рассчитано по минутам.

Молодых среди пивоваров не встретишь. У Вейдера молодняк, даже продолжатели семейных династий, трудится на подсобных работах, где нужна грубая сила, а умения почти не требуется. Сам Вейдер, еще перед войной, начинал с погонщика; он был уверен, что именно физический труд сделал его тем, кто он ныне есть. Впрочем, во времена его молодости работать начинали с девяти лет — и рабочих мест было навалом.

Короче, панаша Вейдер мог подменить любого из своих работников — и порой так и поступал, чтобы «не отрываться от земли». От своих ближайших помощников он ожидал схожего отношения к делу.

Далеко не все они оправдывали его ожидания. Взять хотя бы Манвила Гилби. Как он пыжился, пытаясь ворочать бочонки! Эта эпическая картина разворачивалась на моих глазах, и я, естественно, не преминул сообщить боссу, что Гилби чуть не лег под бочонками. Возможно, поэтому Манвил косо на меня поглядывает.

Я поздоровался с пивоварами на дежурстве. Скиббер Кессел что-то угрюмо проворчал в ответ. Мистер же Клиз был слишком занят, чтобы обращать внимание на назойливых мух вроде некоего Гаррета. Что ж, люди на работе; насколько я по-

мню, они и в часы досуга не склонны были трепать языками. Должно быть, их все устраивает в жизни. Я крутился на пивоварне достаточно долго, чтобы усвоить: если пивовару что-то не по душе, он не задумается поднять хай на весь белый свет. У лучших из них голосины все равно что у оперных певцов.

Когда прихожу к Вейдеру, я стараюсь вести себя непредсказуемо. В нашем деле рутине чревата неприятностями: будешь действовать по заведенному порядку — мигом окажешься на крючке у плохишей. Иногда я заглядываю на пивоварню все-го на полчасика, а иногда практически не вылезаю оттуда, становлюсь этаким любознательным кузеном из провинции, который шляется где ни попадя, изредка помогая разгружать — или грузить — бочонки. И не только: мне доводилось и прибирать двор в компании подмастерьев, и махать лопатой на элеваторе, и засыпать в чаны хмель. Кроме того, я проверял счета на овес, рис и пшеницу, сопоставлял приход с зафиксированной выработкой. Иными словами, всячески пытался стать занозой в заднице для предполагаемых злодеев.

Воруют на любой пивоварне. Скажу не хвастаясь: у Вейдера с моим появлением воровства стало меньше, но извести его под корень все же не удалось — виной чему пресловутая слабость человеческой натуры.

15

Я достаточно близко знал погонщиков и грузчиков — пивали вместе, так что вполне естественно было начать расспросы с них. Уж они-то выложат мне все, было бы что выкладывать.

До погрузочной можно было добраться тремя способами. Во-первых, пройти через грузовые ворота. Во-вторых, по обширному подвалу, где хранились бочонки с пивом. И в-третьих, через конюшни, огромные, если не сказать — чудовищно огромные. Где-где, а на пивоварне лошадиные силы требовались в умопомрачительном количестве.

Между прочим, когда папаша Вейдер выбирал место для своего заводика, он соблазнился природными пещерами, в которых затем устроил подвал, и близостью реки, по которой на пивоварню доставляли сырье.

Я предпочел путь через подвал. При моем отношении к лошадям соваться в конюшни было несколько рискованно. И потом, пробираясь среди бочонков и бочек, бесконечными рядами уходивших в полумрак, я всякий раз испытывал восторг сродни блаженству верующего в храме.

В подвале работа кипела сутки напролет. Разумеется, я наткнулся на мистера Беркела, сверявшегося, как обычно, с длиннющим списком в руках.

— Мистер Беркел, вы что, вообще не спите?

— А, Гаррет! Почему же — сплю, и достаточно регулярно. А вам везет: как ни придете, мы неизменно с вами встречаемся.

— Да уж... Что там с цифрами? Сходятся?

— Еще как! Замечательно сходятся.

То есть воровство по-прежнему наличествует, но в допустимых размерах. Когда убытки разумны, папаша Вейдер готов закрыть глаза на слабости своих работников.

Беркел протянул мне большую кружку. Как ни удивительно, кружка оказалась до краев наполненной пивом.

— Попробуйте. Новый сорт, только-только выпустили.

Я пригубил — и сам не заметил, как осушил полпинты.

— Отличное пиво, мистер Беркел. Крепче светлого, но легче моего любимого темного. — Я настроился было на продолжительную беседу о достоинствах и недостатках разных сортов пива, однако Беркел не проявил интереса. — Вот что мне нравится в Вейдере: вечно он что-нибудь придумает. Спасибо. Пожалуй, загляну к вам на обратном пути.

— Милости просим. Да, Гаррет, скажите-ка, с чего это вам вздумалось усадить на плечо это чучело? Смотрится отвратительно.

— Это не чучело. Он живой. Можно считать его опознавательным знаком. Надо же мне чем-то от остальных отличаться.

— А... — Беркел скривился так, словно я долго и нудно рассказывал ему, какие у меня в доме обои. — Ладно, мне пора. Вы там осторожнее, Гаррет.

— Вы тоже, мистер Беркел.

16

Складские помещения на пивоварне — ни дать ни взять воплощенный хаос, но из этого хаоса, как ни удивительно, вытекает бурный поток живительной влаги. Пиво — кровь нашего города, оно питает его сердце и проникает в самые потаенные места.

Погонщики и грузчики встретили меня кто дружелюбными улыбками, а кто — кривыми усмешечками. Как обычно. Возможно, те, кто

скривился, имели некое отношение к кражам, которые я расследовал. Скорее всего, рассуждали они так: этот парень здорово нас подставил, ведь красть у хозяина — святое право каждого работника.

Сгущались сумерки. Конюхи разбирали лошадей и уводили их в стойла. С наступлением темноты будут грузить только чужие повозки. Близилось любимое времечко работяг, когда можно расслабиться.

В такое время проще простого стырить пару-тройку бочонков.

Поразмыслив, я взобрался на пустую повозку, которая стояла в сторонке — поломалась, а починить еще не успели. Лег на дно и замер, прислушиваясь. Попка-Дурак глухо заворчал, но, по счастью, этим все и ограничилось. Покойник по-прежнему управлял им, не давая развернуться.

Итак, я прислушался. Разговоров было достаточно, однако почти никаких рассуждений о политической ситуации и ни слова об очередном появлении на пивоварне любимого сынка матушки Гаррет. Ну и ладно. Конечно, тупость танферских воришек вошла в поговорку, но все же я не ждал, что они примутся обтяпывать свои грязные делишки прямо у меня под носом.

Короче, я лежал, слушал и наблюдал.
Заподозрить было некого.

— Гаррет!

Я открыл глаза, сообразив, что задремал. Время-то позднее, давно пора в кроватку...

— Гилби? — Манвил Гилби строит из себя денщика папаши Вейдера, однако он — не слуга, а друг. Их дружба, которой не страшны никакие

невзгоды, началась еще в армии. Гилби живет один, его жена умерла. Вейдер — единственное, что осталось у него в жизни. Так что если Макс — мозг пивной империи, то Манвил Гилби — ее душа и совесть.

— Макс просит тебя оказать ему честь и заглянуть в его дом, как только представится возможность.

Н-да, Гилби не мешало бы пропустить кружечку-другую. После третьей он становится нормальным человеком.

— Передай, что приду, когда совсем стемнеет.

— Хорошо. — Гилби развернулся и чеканя шаг двинулся прочь.

Возница по имени Спарки пробормотал ему вслед:

— Эх, служивый, в казарму бы тебя.

— Да, ходит, как на плацу, — согласился я.

— Он только с виду такой деревянный...

— Угу.

— На сердце кошки скребут, вот и мается...

— Не он один. Нынче в городе таких полным-полно.

— А то, — фыркнул Спарки. — Опосля дембелля я вкалывал с утра до вечера, бочонки эти клятые ворочал. С ног валился, домой приходил и падал замертво. Мало того — что ни вечер мне встречалась толпа придурков, которые хотели мир спасти. И всем им не терпелось завербовать меня в спасители. Говоришь, мол, отвалите-ка вы, ребята, а они знай свое талдычат.

— А я вот вообще думаю пересидеть, пока суматоха не уляжется, — вставил другой возница. — До-стало меня всякий раз закоулками пробираться, чтоб в драку не вляпаться.

— Может, ты не те дороги выбираешь? — предположил я. — Лично я сюда добрался без помех. Ни одна зараза не пристала.

— Ну да, пристанешь к тебе! В руке палка, на плече птичка... Двадцать раз подумаешь.

— Точно, Гаррет. Они, небось, от страха в штаны нагадили, когда этого дохлого орла у тебя на плече увидали.

— Спасибо на добром слове, Зардо. — Я погладил дубинку, без которой в последнее время не выходил из дома. Ну, и времена настали: проявляя осторожность, уже не чувствуешь себя идиотом. — Кстати, никому птичка не нужна? Нет? Уступлю по сходной цене. Повязка на глаз прилагается.

— Гаррет, я не ты, меня сразу кирпичом по башке огреют, чтоб не вышевдривался.

— Ты уж извиняй, Гаррет, — поддержал коллегу Спарки, — и без того хренеем.

Мы со Спарки были не так близко знакомы, чтобы я стал его умолять, поэтому я просто пожал плечами.

— Жизнь — штука жестокая. Был у меня приятель, он вечно цитировал стишок о том, что хорошие люди погибают, а дурные процветают. Сам был парень что надо. Ну вот, его сожрал крокодил; а то, что осталось, мы скончили на болоте — там, на островах.

— Слыхал я этот стишок.

— Ладно, пойду я, пожалуй, к боссу.

— Вали. Эй, погоди, совсем спросить забыл.

— Что?

— Птичка твоя, она ведь не живая?

— Живее не бывает. Просто дрыхнет. — Задрыхнешь тут, когда тобой управляет Покойник. — А проснется, начнет костерить всех подряд похле-

ще старины Мэтта Берри. Обычно поносит тех, кто меня одной левой в бараний рог скрутить может.

— Ясно, — разочарованно протянул Спарки. Похоже, он проиграл пари.

17

Я вырулил со склада и двинул к конюшням. Как ни крути, а если я хочу попасть в основное здание, пути короче просто нет.

Ступая на цыпочках, я преодолел половину дороги — и вдруг очутился в окружении трех типов, вид которых внушал определенные опасения.

Похоже, совет Морли имел под собой основания. То ли у меня было плохое настроение, то ли я очень торопился, — так или иначе, я даже не стал спрашивать, что им нужно.

Гаррет в действии — это надо видеть. Моя дубинка угодила точно в висок тому парню, который зашел сзади. Свинец, залитый в дубинку, добавил весомости моим аргументам. Глаза парня помутнели, и он рухнул наземь, не успев вымолвить и слова.

Я развернулся, размахнулся и врезал дубинкой второму — прямо по коленной чашечке. Ноги у него словно подломились, и этот здоровенный детина, уже занесший было кулак, распростерся на земле. Я для верности саданул его по макушке — и повернулся к третьему.

— Чего тебе надобно, хмырь болотный?

Вместо ответа он бросился на меня. С голыми-то руками! И откуда такая самоуверенность? Я сперва хватил его по локтю, а потом ткнул дубинкой в грудь. Меня обдало зловонным дыханием. Я жахнул его

по башке — а в следующий миг выяснилось, почему он и не думал убегать.

Откуда ни возьмись явилась другая троица. Понятия не имею, кто такие эти ребята, но, судя по их виду, им было не привыкать к грубому физическому труду. Хорошо хоть, никто из них не сообразил зайти мне за спину...

Пока они решали, как поступить, раз план номер один благополучно провалился, я прошелся дубинкой по головам поверженных противников. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь очухался в самый неподходящий момент.

Один из троицы схватился за вилы. Второй взял в руки лопату. Н-да, шуточки закончились...

Попка-Дурак сорвался с моего плеча, взмыл под потолок и радостно сообщил со стропила:

— Аргх! Гаррет по уши в дерме!

И третий из новой троицы — похоже, он был за главаря, потому и держался позади, — так вот, и он, и его подельники вскинули головы и уставились на попугая. Должно быть, в жизни не видали говорящих птиц.

Зато я навидался их предостаточно.

Короче говоря, пока они разевали рты, я напал.

Конечно, и вилы, и лопату можно с успехом использовать как оружие, но истинное предназначение у них все-таки иное. А вот моя дубинка появилась на свет именно для того, чтобы калечить моих врагов. Я сделал выпад, извернулся — и влепил дубинкой по пальцам руки, сжимавшей вилы. Парень завопил; тот, который держал лопату, на мгновение замер — остолбенел, верно. Этого мгновения мне вполне хватило: я что было сил шандарахнул его по черепу.

Клянусь, он замерцал! Мне показалось, еще чуть-чуть — и он растворится в воздухе. Неужто опять какие-нибудь боги? Что за свинство!

Краем глаза я уловил движение: тип с вилами, похоже, слегка опомнился. Бац! — и он вырубился надолго, а я повернулся к третьему.

Тот заскочил в стойло, облокотился на загородку и скривил губы в улыбочке.

— Впечатляет.

— Угу. Ты тоже не стоять должен, а в навозе отдыхать. Кто ты такой? И что вам от меня нужно?

— Аргх! — возопил со стропила Попка-Дурак.

— Можно сказать, я никто. Просто посланец. Я закатил глаза.

— Расплюдилось вас, нахлебников. Да будь ты хоть трижды посланец, ноги я тебе все равно переломаю.

— Придержи язык.

— Чья бы мычала! — Я пнул того охламона, который мечтал взять меня на вилы. На долю секунды он тоже замерцал.

— Мое дело передать, остальное меня не касается.

— Неужели? — Я задумчиво взвесил в руке дубинку. — Давай поглядим, ты замерцаешь или нет.

— А передать мне велели вот что. Держись подальше от пивоварни Вейдера. Мы знаем, где ты живешь.

— Шутить изволите? — осведомился я, указывая на груду тел на полу. — Между прочим, и мне известно, где я живу. Заходите в гости, милости просим.

На какой-то миг он утратил самообладание.

— Ты меня слышал. Отвали. Не вмешивайся.

— И кто это говорит? Слушай меня внимательно и запоминай. Это вы поберегите свои задницы и не суйтесь к папаше Вейдеру. Еще раз встречу — все кости переломаю.

Тип ухмыльнулся. Тогда я уронил дубинку ему на пальцы правой руки, которой он держался за загородку. Он отшатнулся, и я пинком распахнул калитку. Его отбросило к дальней стене, да и сам я, к несчастью, не удержался на ногах и плюхнулся на пол, выстеленный соломой. Надо признать, эта солома изрядно пованивала.

Попка-Дурак утробно заухал, а потом изрек:

— Настал твой день!

Тип резво вскочил, ухватился за стоявшие у стенки грабли, сделал угрожающее движение. Он большие не улыбался.

— Ну держись, паскуда, — прорычал он. — Теперь я рассердился. И никто меня не просил оставить тебя целым и невредимым.

Встречаются на свете люди, которым не хватает ума сообразить, что на всякий лом рано или поздно найдется другой. А среди них попадаются тупицы, которых даже тумаки ничему не учат. Пожале, этот тип был как раз из таковских.

Попка-Дурак захлопал крыльями.

Я метнулся к дубинке, которую выронил, когда упал. Зацепился ногой за поверженное тело, снова рухнул на солому — и, сам того не желая, заехал локтем в живот парню, угодившему мне под ноги. Он застонал...

— Что здесь происходит? — прогремел начальственный голос. Я схватил дубинку и лишь после этого рискнул обернуться. У соседнего стойла сто-

яла инвалидная коляска, в которой восседал Тай Вейдер собственной персоной, а за спиной Тая выстроились плечом к плечу его помощник Ланселин Мак и двое конюхов.

Мой противник тоже отвлекся, и его замешательство подарило мне шанс, упускать который не следовало ни в коем случае. Не вставая, я замахнулся и врезал ему дубинкой по колену. Он завоинил, запрыгал на одной ноге. Я поспешил откатиться в сторону.

— Ланс, Айк, проверьте, что там такое, — велел Тай.

— Это я, Гаррет, — сообщил я, вставая. — Я шел со склада в управление, когда на меня напали. — Тип, скакавший по стойлу, оказался в непосредственной близости, и я врезал ему кулаком по физиономии, а потом пинком отправил в навозную кучу в углу.

Тут подбежали Ланс и Айк.

— Узнаете кого-нибудь? — спросил я, обводя рукой тела на полу.

Вместо ответа мои спасители уставились на Вейдера, тоже подкатившего к стойлу. Тот поморщился.

— Посадите их, чтобы лица были видны.

Мы с Айком выполнили распоряжение, а Ланс только наблюдал, как мы пыжимся. Ему явно не хотелось марать руки.

Я всегда подозревал, что он из породы бездельников. Высокий, светловолосый, преисполненный самомнения, — глупые женщины от таких просто млеют. Мы с ним никогда не ладили; впрочем, от нас этого и не требовалось, даже по долгу службы. Я подчинялся одному папаше Вейдеру, и больше никому.

— Лихо ты с ними раздался, — заметил Тай.
— Врасплох застал, — скромно признался я.
— Это уж точно, — согласился Вейдер-младший.
И то сказать: когда бы этих ребят просветили насчет того, кто такой Гаррет и с чем его едят, они бы наверняка подготовились ко встрече.

— Ланс, вон те рожи мне знакомы, — проговорил Тай, указывая пальцем. — Гаррет, а ты что делаешь?

— Карманы проверяю, — честно ответил я, стукнув дубинкой по голове парня, который решил пошевелиться. — Вдруг найду что интересное.

— Может, тут личные счеты? Ты ничью сестру не обесчестил?

— Вроде как нет. И потом, они претензий не предъявляли. Вон тот, — я ткнул пальцем, — сказал, им велено мне передать, чтобы я держался по дальше от пивоварни. Он единственный говорил, все остальные помалкивали.

— Ты его знаешь?

— Нет.

— И я не знаю. Ланс? Айк? Очень интересно...

— Я вон того знаю, — сообщил Айк. — Вотил Ханбе его зовут. Он стойла чистит. А этот, — он указал на второго парня, — на складе вкалывает. Забыл, как его кличут...

— Кессел, — подсказал Ланс, — Мило Кессел. Племянник Скиббера Кессела. Его взял на работу мистер Клиз — Скиббер просил. Как раз при мне разговор был.

— С ними мы еще потолкуем, — сказал Тай. — Не трогай их, Гаррет. А как с остальными поступить?

— Как обычно поступаете со всякими воришками, — отозвался я.

- Повесить! — гаркнул Попка-Дурак.
- Отдубасить как следует, — продолжал я, — и бросить в канал. Погоди-ка...
- Что?
- У всех у них, оказывается, повязки. — Я показал одну, черно-красно-синей расцветки, типичной для всех человеколюбцев. На этой повязке был изображен двуглавый дракон. — Впервые такое вижу.

Все присутствующие согласно закивали. Потом Тай сказал:

- Ланс, убери их отсюда по-быстрому. Айк, Мейс, помогите Лансу.
- Интересно, кому из этих чокнутых помешал Гаррет? — спросил я сам себя. — Кому не хочется, чтобы он болтался по пивоварне?
- Кто-нибудь знал, что ты идешь сюда? — Старина Тай всегда предпочитал конкретные вопросы риторическим.
- Никто. — Разумеется, я лукавил. Вполне возможно, Тай еще не беседовал со своей суженой. Вряд ли Никс стала скрывать от своего жениха, что они с Аликс затеяли, даже если бы Аликс на том настаивала. Или стала бы? — Но я пробыл тут достаточно долго, и некто мог запросто вызвать подмогу. Вопрос в том, чего испугались эти придурки. Что такое я могу здесь отыскать?

— Гаррет, эти придурки, как ты изволил выразиться, — в большинстве своем нищие ветераны. А чтобы сколотить политическую группу, нужны деньги. Может, опять воровать начали?

- Непохоже. Я бы заметил.
- Ладно, я проверю счета и дам тебе знать, если найду какую-нибудь странность. Говоришь, отец хотел тебя видеть?

— На складе я встретил Гилби и велел, как только закончу, идти в Большой Дом.

— Скорее всего, отец злится, что ты настолько задержался. Я извещу тебя, что сказали эти двое. А они заговорят, не сомневайся, иначе пойдут искаль себе другую работу.

Тем временем нападавших на меня кого вывели, а кого и вынесли на улицу. Что ж, поутру их ждет не слишком приятное пробуждение — синяков я наставил изрядно.

А отважный Гаррет не получил, можно сказать, ни царапины. И все потому, что двигался шустро и был первым. В общем, свято выполнял заветы Морли Дотса. Пожалуй, скоро я начну резать глотки за косой взгляд в мою сторону.

— Снова я опаздываю, — пробормотал Тай, разворачивая коляску так, чтобы оказаться лицом к лицу с двумя рабочими, уже пришедшими в сознание. — Ланс, начнем с Ханбе. Скиббера Кессела без повода лучше не сердить.

Попка-Дурак, убедившись, что опасность миновала, слетел со стропила и пристроился у меня на плече.

Тай даже вздрогнул от неожиданности, потом ухмыльнулся.

— Посади второго на другое плечо, — посоветовал он. — Еще треуголку добавить, повязку на глаз, шрамы на физиономию, походку хромающую, — и запросто сойдешь за капитана Скарлетта.

Этот треклятый попугай всем жутко нравится. Всем, кроме бедного Гаррета.

— Пойду я к твоему отцу, если не возражаешь.

— Попутного ветра, капитан.

Манвил Гилби и вправду заждался. Едва я прикоснулся к дверному молотку, как из двери высунулась его блеклая физиономия. Признаться, я удивился — обычно дверь открывал лизоблюд по имени Джеррис Дженорд.

Гилби наморщил нос.

— Какого?.. Гаррет, ты ведь в приличный дом пришел, а не в кабак какой-нибудь!

— Да знаю я. На меня напали по дороге, в конюшне. Надо бы с боссом потолковать, верно? Но сначала я, пожалуй, зайду с черного хода, смою с себя всю эту пахучую мерзость, а ты пришлешь кого-нибудь с полотенцем и с чистой одеждой. Лады?

— Разумно. Что ж, ступай, только смотри, не сверни ненароком к свиньям или к коровам.

— Осмотрительность — мое второе имя.

Попка-Дурак расхохотался — решил, видно, что я отпустил шуточку. Его хохот сильно напоминал ослиный рев.

Я обошел дом и остановился перед задними воротами, через которые в вотчину Вейдера пропускали мастеровых. Ждать пришлось минут десять. Я даже то ли заговорил сам с собой, то ли стал думать вслух, радуя мистера Большую Шишку. Наконец Гилби собственной персоной приотворил одну створку и впустил меня на просторный мощеный двор. Вот бы где складировать бочонки с пивом перед отправкой!

— Что, заплутал в переходах? Или ты единственный, кто рискнул выйти на...

— Я встретил Аликс. Она рвалась полюбоваться на тебя, но я сумел ее отговорить.

— Каким, однако, успехом я пользуюсь.

— На твоем месте я бы на Аликс не засматривался.

— Скажешь тоже! Кто я, а кто она! С Максом мне ссориться — себе дороже. — С другой стороны, чем дальше я думал о том, в какую красотку Аликс выросла, тем...

— К тому же, насколько мне известно, тебя уже заняли.

— Аргх! — В переводе с попугайского это, верно, означало: «Ну-ну».

— Ты про пташку? Да, мы с ней неразлучны. Жить друг без друга не можем.

— Вообще-то я имел в виду мисс Тейт.

Бедняга Манвил! Он всегда отличался тем, что все на свете воспринимал чересчур серьезно.

— Расслабься, Гилби, — посоветовал я. — Возьми выходной, в конце концов. Сходи туда, где тебя никто не знает, и оторвись на всю катушку.

Глаза Гилби расширились от силы вот на стolечко.

— Совет знатока, вне сомнения. Я поразмыслию над твоим предложением.

— Вспомни молодость, Манвил, иногда помогает.

— В молодости я служил в суде.

— Вот это новость! — Не завидую тем, кто был у него в подчинении: должно быть, он отправлял их в камеру за одну попытку улыбнуться.

— И потом, мистер Гаррет, что-то не припомню, чтобы я позволял себе критиковать ваш образ жизни.

— Уф! — Ишь как его перекосило! — Вас понял, мистер Гилби. Вы — редчайшее сокровище. Все прочие критикуют меня почем зря — и

мой партнер, и домохозяин, и моя подружка, и мой лучший друг, и даже этот пернатый мешок с костями.

Попка-Дурак приподнял веко и изрек: «Аргх!» тоном, от которого заледенел бы даже хладный труп.

На мгновение мне почудилось, что Гилби улыбнется.

Он не улыбнулся, но я понял, как его достать. Брякнуть что-нибудь невпопад. Что-нибудь этакое, что в здравом уме и трезвой памяти и придумать-то невозможно.

— Значит, так. Тролль, огр и варвар заходят в таверну. За стойкой стоит слон. Он говорит: «Мы не обслуживаем...»

— Мыши — это не смешно.

— Ты слышал этот анекдот? — огорчился я.

— Я слышал их все. От Киттиджо. И чем бесполковее анекдот, тем для нее почему-то интереснее. А я вынужден слушать. Но оставим это. Я велел принести несколько ведер горячей воды. Они в твоем распоряжении.

— Могу я тебе кое о чем спросить, Гилби?

Он остановился и выжидательно посмотрел на меня: мол, что еще?

— Ты приятель Макса. Его помощник, которому он полностью доверяет. Правая рука. Но зачастую ведешь себя так, словно ты — какой-нибудь привратник. Почему?

— Мы то, что мы есть, Гаррет. Мыло, полотенце и чистая одежда внутри. Не забудь сполоснуть после себя, чтоб другие за тобой не мыли. Когда будешь готов, приходи к Максу в кабинет.

— Спасибо. В смысле, за заботу и за все остальное.

Я протиснулся в каморку, предназначенную, по всей видимости, для мытья обслуги. Пол железный, стены тоже. Скорее всего, гут и лошади мылись, не только люди.

На скамье у стены стояли три ведра с водой; там же лежало мыло, мочалка, полотенце и стопка одежды. В дальней стене имелся дверной проем, за которым находилась «купальня» — вся в железе, однако достаточно просторная. Пол наклонный, по средине сливное отверстие. Под потолком — диковинное сооружение: бочка с торчащими из нее свинцовыми трубами. Судя по всему, чтобы налить в бочку воду, нужно вскарабкаться по лесенке, которую я видел в раздевалке.

Похожую конструкцию мы соорудили на островах: бочек у нас было в достатке, а трубы сделали из бамбука.

Я наполнил бочку и принялся плескаться. Клянусь, так хорошо мне не было давным-давно.

Одежду мне подготовили вовсе не того сорта, какой предпочитают сыновья матушки Гаррет. По правде сказать, такая одежда им не по карману. И потом, лично я никогда в жизни не выбрал бы себе такой наряд: слишком уж все чопорно, скучно, темно — впору на похороны. Да еще жилет. Да еще брыжи. Не то чтоб пышные, не то чтоб вроде дотсовских. Но все равно...

Брыжи — это не для меня.

Стоило одеться, Попка-Дурак уселся мне на плечо и гнусно захихикал. На себя бы поглядел, тварь разноцветная!

От одежды пахло нафталином. Верно, она принадлежала кому-нибудь из сыновей Макса. Только не Таю: он будет пониже. Может, тому, кто не вернулся с войны, — не помню, как его звали.

Я нашел помазок и бритву, так что грех было не воспользоваться. Сам не знаю, почему я не перерезал заодно глотку попугаю. Момент был лучше не придумаешь: все под рукой, и никто не смотрит...

19

Старина Макс Вейдер ростом на волосок выше пяти с половиной футов, но впечатление производит куда более внушительное. Лицо у него круглое, румяное, волосы светлые, коротко остриженные и, в большинстве своем, скопившиеся на висках и на затылке — наверно, от дождя и ветра спасались. Вот усы — дело другое: не усы, а усищи, густая копна седины с редкими упрямыми вкраплениями прежнего русого.

Улыбается Вейдер часто, но глаза у него при этом остаются холодными. Он из тех, кто на словах всегда рад тебя видеть, но стоит и в самом деле заявиться, как он тут же начинает просчитывать последствия.

Макс схватил меня, крепко пожал руку. Пальцы у него как сардельки: маленькие и пухлые.

— Наслышен о твоих подвигах, — ухмыльнулся он. Зубы у Макса замечательные, для его возраста. — Тай прислал Айка Хейма. Пока ты мылся, он нам все рассказал.

— Да какие там подвиги, — заскромничал я. — Мне просто повезло, что Тай с Лансом заглянули на конюшню.

— Почему?

— Что «почему»?

— Ничего. Извини. Присаживайся, Гаррет. А костюмчик тебе к лицу. Это Тэдовы вещи. Ты, верно,

и сам сообразил. Оставь их себе. Кстати, Манвил, распорядись, чтобы Дженорд доставил на дом Гаррету всю одежду Тэда. Ты ведь не возражаешь, правда?

Макс Вейдер привык, чтобы ему подчинялись, поэтому я не стал спорить. Дружба дружбой, а с хозяином не пререкаются.

— Да ты садись, садись. Выпить хочешь? У нас есть пиво. То бишь пивко. То бишь пивушко. — Он повторял эту шутку всякий раз, когда мы встречались. А встречи наши были редки: могу предположить, мы оба верили, что в разлуке любовь крепчает. Я, во всяком случае, уж наверняка. — Кому же вздумалось на тебя напасть и с какой стати?

— Хороший вопрос. Не знаю. Двое — из твоих рабочих, Макс. Тай обещал выбить из них всю подноготную. У всех были нарукавные повязки. Борцы за права человеков, язви их в душу! Эмблема странная, я такой раньше не видел.

Манвил тем временем принес бочонок с пивом. «Вейдеровское темное», с характерным привкусом. Должно быть, в раю козы дают именно это пиво вместо молока.

— Непривычно ты выглядишь, Гаррет, — заметил Гилби. — Словно в Тэда перевоплотился.

— Угу, — согласился Вейдер. — Вот назовем хирурга, срежет он ему эту живность с плеча, и будет вылитый Тэд.

Во взгляде Вейдера мелькнула застарелая боль. Мы все знаем, что это такое, потому что нет в Танфере человека, не потерявшего на войне кого-то из близких. Я приложился к кружке и постарался отогнать невеселые мысли о брате. С отцом было легче — я его почти не помнил.

Вейдер этим себя утешить не мог. И пивом тоже — он не пил ничего, кроме воды, а все потому, что слишком любил пиво и боялся однажды сорваться.

Гилби взял свою кружку (он целый вечер будет тянуть одну-единственную, уж я-то знаю) и уселся в кресло, стоявшее неподалеку от Максова; в этом кресле он обычно дремал вечерами, выпадая из полузыбьтъя, когда боссу приспичивало сгноять в домино.

— Гаррет, я никому не скажу, — проговорил он с таинственным видом. — Признайся, это что, новая мода — таскаться по улицам с чучелом на плече? Наверно, я отстал от жизни...

— Подарок от друга. — Я многозначительно дернул плечом.

Надеюсь, Покойник дрыхнет и не подслушивает.

Вейдер поглядел на меня, помолчал, затем сказал:

— Значит, Аликс ходила к тебе.

Я кивнул.

— Я ее не посыпал.

— Она так и сказала. Но намекнула, что ты меня не выгонишь, если я наведаюсь как-нибудь на досуге.

— Хорошо, что ты пришел. И то, что на тебя напали, тоже хорошо. Лишнее подтверждение, что дело нечисто. Теперь мы знаем наверняка: та зарза, которую именуют борьбой за права людей, проникла и к нам.

— Аликс говорила, кто-то пытался вымогать у тебя деньги на нужды «Клича».

Похоже, Вейдер сильно удивился.

— Манвил? — спросил он, повернувшись к своему помощнику.

— Это для меня новость. — Гилби выпрямился в кресле.

— Ей сказал Тай. Тинни и Никс подтверждают. Якобы двое мастеров видели этих... вымогателей.

— Вот как? А кто это Никс?

— Мисс Николас, невеста Тая. По правде говоря, на «Клич» не очень-то похоже. Не их стиль.

— Совершенно с тобой согласен. У Маренго Норт-Энглиша денег гораздо больше, чем человек заслуживает.

Я поставил мысленную зарубку. Выходит, Норт-Энглиш богаче Вейдера?

— Сдается мне, он вполне бы мог поделиться со страждущими. Скажем, с неким Гарретом...

Вейдер хмыкнул.

— Страждущий Гаррет? Не смеши меня. Деньги Маренго — основа всего; без них «Клич» — пшик.

— Деньги и связи, — вставил Гилби. — Многие наверху разделяют предубеждения Норт-Энглиша.

— Я их не разделяю, — твердо сказал Макс. — Мы с ним приятели, но и только. Тем не менее, я уверен, что он не предпринял бы ничего подобного. Если бы ему что-то понадобилось, он бы просто обратился ко мне.

— Может, кто-нибудь из этих отморозков решил проявить инициативу? — Мне довелось не так давно пообщаться с публикой из «Клича», и особо теплых чувств я к ним не испытывал.

— Маловероятно. — Гилби наполнил мою кружку по новой (так сказать, щедро одарил счастьем). — Между прочим, те парни, с конюшни, — они не из «Клича».

— Да ну?

— Айк уверяет, что Тай в этом удостоверился, — пояснил Вейдер.

— Ясно...

— Завтра вечером я устраиваю прием в честь помолвки Тая и Джорджи. Будут все, кто хоть что-нибудь из себя представляет, включая Маренго Норт-Энглиша и Бондуранта Алтуну. А также Гаррета. Надеюсь, ты присоединишься к нам?

— Я? Манеры у меня не те, и светских бесед я вести не умею... — Для меня куда привычнее встречаться с нашими «верхами» в укромных уголках, в подворотнях, в тавернах, где никто их не узнает и не попрекнет потворством своим слабостям.

— Ты справишься, Гаррет. Я в тебя верю. Представь, что все гости — хорошенъкие женщины, которых ты должен очаровать. Дай ему приглашение, Манвил. Охранники тебя не знают, так что для них ты будешь всего-навсего одним из гостей — по крайней мере, поначалу.

Должно быть, моя физиономия на миг утратила присущее ей с моего первого дня на этом свете бесстрастное выражение. Утрачиваю сноровку. Пожалуй, надо сходить в Игорный квартал, посидеть в притонах, поднабраться невозмутимости.

— Да, на вечере будет охрана, — подтвердил Вейдер. — Ты для меня слишком ценен, Гаррет, пусть столбами у дверей другие постоят.

Ладно, сделаем вид, что поверили. Я взял разноцветный клочок бумажки, который протянул мне Гилби, и спросил:

— Зачем ты посыпал за мной Манвила?

— Что-то подсказало мне, что без тебя на приеме не обойтись. Что — не знаю; хочешь, назови это здравым смыслом. Я вдруг понял, что, отсекая

тебя, вверяю свою жизнь кучке наемных любителей. А ведь в доме будет полным-полно посторонних, и далеко не все они — мои друзья. Еще я хотел узнать, чем объясняется твой неожиданный интерес к моей пивоварне. В общем, все так сложилось, что я решил позвать тебя. Скажу честно, у меня дурное предчувствие. Можно, конечно, все списать на стариковскую паранойю, но лучше подстраховаться.

Я покосился на Гилби, отношения с которым, как уже говорилось, у нас были... гм... натянутые.

— Ты одобряешь?

— Вполне. — Он произнес это слово с таким видом, словно у него живот пучило.

— Как насчет того, чтобы просветить меня относительно предчувствий?

— Завтра, — сказал Макс. — Думаю, как раз завтра вечером мы многое узнаем. Змеи должны выползти из нор.

Что ж, насколько я понимаю, среди тех, кто пожалует на прием к Максу Вейдеру, и впрямь должны оказаться несколько гадюк, крупных во всех отношениях. Аспиды размерами с тех крокодилов, которых мы на островах ловили, резали на кусочки и скармливали саблезубым кошкам...

— Аликс тоже хотела, чтобы тебя пригласили, — прервал мои размышления Гилби.

У-ти, моя лапочка.

— Почему?

— В пару к мисс Тейт. Вдобавок она боится змей.

Куда ни ткнись, всюду Тинни: где Гаррет, там и она — и наоборот. По правде говоря, ничего не имею против.

— Если не приду, значит, не смог подобрать подходящий костюм.

— Манвил проследит, чтобы Дженорд доставил тебе веци Тэда вовремя. И пожалуйся, не суйся на конюшню, пока прием не закончится.

— Меня туда так и тянет, но я с собой справлюсь.

— Если придешь рано, — с ухмылкой заметил Гилби, — сможешь раскритиковать наши усилия и понаблюдать за прибытием злодеев... то есть гостей.

— Прекрасный план, господа, — сообщил я деловито.

— Аргх! Мы приDEM!

— Мы? Да я скормлю тебя первой же уличной псине, ты, чудо в перьях!

— Вы там между собой разберитесь, — усмехнулся Вейдер, — а потом извольте явиться, как назначено. Вдвоем не обязательно, достаточно кого-то одного.

— Один и будет. Это я. У меня хоть мозги имеются.

Я встал — наверное, слишком быстро, потому что пол под ногами внезапно покачнулся, будто палуба в штурм.

Да вы что, какое пиво?! Я только горло промочил.

20

— Да хватит по мне топтаться! — Попка-Дурак никак не мог угнездиться: ерзал у меня на плече, хлопал крыльями. Оставалось только надеяться, что это не прелюдия к... сами понимаете, к чему; еще не хватало, чтоб Гаррета украсили тем

самым способом, каким обычно пернатые украшают статуи позабытых полководцев. На сегодня испражнений уже достаточно.

Гостиная Макса находилась в укромном уголке на втором этаже дома; впрочем, по высоте этот второй этаж был всего лишь чуточку выше уровня мостовой. Дело в том, что дом Вейдера стоял на склоне холма, и чтобы добраться до парадного входа, надо было сперва подняться на пятнадцать ступенек, а затем спуститься еще на полдюжины. Поэтому первый этаж располагался ниже уровня земли, общепринятого для танферских зданий.

Ежедневно пользовались кухней, семейной столовой и черной лестницей. Остальная часть дома становилась обитаемой только в праздники. Даже второй этаж — конечно, если не считать кабинета главы дома, откуда Вейдер управлял своей империей. Домочадцы занимали третий и четвертый этажи. Слуги же ютились в закутках и каморках, которыми изобиловали все этажи — в том числе подвал.

Я им не завидовал.

Стоило мне поставить ногу на верхнюю ступень парадной лестницы, как откуда-то сверху донесся приглушенный крик. Я обернулся. Гилби, стоявший в дверях вейдеровского кабинета, пожал плечами и ткнул пальцем в потолок.

Я тоже пожал плечами и стал спускаться, бормоча себе под нос: «Старина Том по-прежнему с нами». Двинулся через выложенный розовым мрамором холл, несколько раз глубоко вдохнул, готовясь взбежать по ступенькам к парадной двери с прытью трепетной лани. Попка-Дурак, несмотря на все мои уверещания, продолжал возиться у меня на плече.

У Вейдера было три сына: Тэд, Том и Тай. Из Кантарда вернулись двое — Том и Тай, но Том оставил на войне свой разум.

Богатые мы или бедные, у всех у нас есть нечто общее. Все мы, так или иначе, были в Кантарде. И все кого-то потеряли. И никто из тех, кто уцелел, не остался прежним.

Но ведь война закончилась. Карента победила. Пресловутые рудники Кантарда теперь принадлежат чародеям, нашим истинным правителям. Карента — могущественнейшая в мире держава. Нам следует гордиться собой.

В этом месяце, впервые за годы жизни трех поколений, не было рекрутского набора.

Мы победили. И потому наш мир распадается на глазах.

Какое счастье, что мы не потерпели поражение!

Казалось, до двери не меньше мили. Стук моих каблуков эхом отражался от стен. В доме, судя по всему, уже начались приготовления к празднеству: во всяком случае, холл лишился всего того, что его обычно загромождало, — ковров, мебели, портретов воображаемых праотцев, старинных доспехов, мечей и пик, а также прочего добра, которое в ненастный день с такой легкостью превращается в оружие...

У двери никого не было: если Макс и страдал паранойей, она явно не успела зайти далеко. Надо бы намекнуть, что неплохо исправить это упущение. Я взобрался по ступеням и остановился перевести дух.

Потом вышел на крыльце и обозрел окрестности. Безлюдно, как в пустыне. От солнца остался крохотный краешек на западе.

— Если и впрямь решил обгадиться, давай, не тяни, ты, бурдюк с крыльями.

Попугай издал негодующее «Аргх!», затем вдруг заявил:

— Я вызывал тебя наружу. Надо поговорить.

Покойник! Ну конечно! Я знал, что рано или поздно до этого дойдет: недаром он настаивал, чтобы я повсюду таскался с этим доморошенным стервятником. Теперь я и шагу не могу ступить гаечком от него. Ни дать ни взять бдительная мамаша.

— Птичка, тебе кранты, — прорычал я. — Слыходала? Кранты!

— Что?

— Это я сам с собой беседую. О чем говорить будем?

— Немедленно возвращайся домой. У нас гости, с которыми справиться можешь только ты.

— Порадовал... — Интересно, что сие означает? Уточнять я не стал — Покойник все равно бы не ответил. Сослался бы на то, что объяснять слишком долго и что нежное попугайское горлышко, мол, разорвется с натуги. Разорвется оно, как же! У этой пташки глотка луженая, в ней ни словечка не застрияет. — Имена назовешь?

— Нет. Поторопись.

Когда-нибудь я задушу их обоих. Одного — за повадки, другого — за вредность.

Ладно, поторопимся. Я выбрал прямой путь. Как не замедлило выясниться, выбор был опрометчивым.

Гранд-авеню от самого порта до Квартала Грэз была забита демонстрантами, ратовавшими, естественно, за права человека. В большинстве своем улицу заполняли личности моложе моего. Каза-

лось невероятным, что они собрались здесь в таком количестве, вместо того чтобы рассеяться по сотням мелких городишек, хуторов и ферм. С другой стороны, ненависть к не-людям — болезнь застарелая. Славное прошлое Каренты пестрит кровопролитными войнами. И сегодня многим людям постарше вашего покорного слуги, обремененным семьями и доходными местами, нетерпимость свойственна ничуть не меньше, чем безусым юнцам, не имеющим в этой жизни никаких перспектив.

Короче говоря, я вляпался по самые уши. Шесть сотен парней из «Клича» маршировали по Гранд-авеню, практикуясь на ходу в умении обращаться с оружием; правда, им достало ума вооружиться не настоящими мечами и пиками, а деревянными. Все были в форме, у всех щиты, почти у всех на головах легкие кожаные шлемы. Они истово верили в свое предназначение, и раж, воспламененный недавней войной, в них не остыл до сих пор. Да, ночка будет еще та — особенно если какого-нибудь гения с Холма посетит светлая мысль послать на разгон демонстрантов войска.

Солдаты против солдат, пускай бывших. И кто знает, чья возьмет?

Я стоял, выжидая удобного момента, чтобы перебежать улицу и не подвернуться при этом под ноги какому-нибудь кретину. Если только ты не полный осел, то не станешь связываться с тем, у кого под рукой сотня лучших друзей.

А вот и проходик открылся! Заодно с десятком-другим столь же аполитичных типов я рванул через улицу.

— Эй, Гаррет! Погоди!

Я узнал этот голос. Вот незадача! Может, успею удрать?

21

— Гаррет! — вновь гаркнула что было мочи моя подружка Торнада — чистопородная деревенская девица ростом не ниже моего, вполне симпатичная, но бросившая мужа и детей ради того, чтобы попытать судьбу в городе. — Остановись! Кому говорят, стоять!

— Стой! — крикнул мне в ухо Попка-Дурак. Привыкший подчиняться приказам, я замер. Застыли как вкопанные и несколько человек поблизости — должно быть, от изумления: не всякий день встретишь говорящую птицу.

— Мистер, а ваша птичка и вправду говорит? — спросила меня девчушка лет пяти, с золотистыми локонами и громадными невинно-голубыми глазищами. Будь она постарше лет на пятнадцать, я бы не раздумывая назначил ей свидание, а так... Вдобавок у ее отца был вид, внушавший известные опасения.

— Угу. Но только когда сама захочет.

— Аргх! Привет, красотка! Славная малютка!

— Похоже, ты ему понравилась.

И тут попугай углядел Торнаду.

— Аргх! Держите меня, держите! Какие буфера у этой телки!

Природа и впрямь не поскутилась на Торнаду, но это еще не повод орать на всю улицу. Я стиснул попугаю горло, пока он не ляпнул что-нибудь этакое, из-за чего меня четвертуют на месте.

— Я тоже люблю тебя, пташка, — проворковала Торнада. На отца с дочерью она не обратила ни

малейшего внимания. Папаша смерил мою подружку взглядом — и поволок дочку прочь, подальше «от этих нехороших людей». — Ты куда это чапаешь, Гаррет?

— Да вот, собирался улицу перейти, пока ее снова не перекрыли эти обормоты. А что?

— Он просто уносил ноги, — сообщил кто-то за моей спиной. — Хотел от тебя удратить.

— Плоскомордый! — воскликнул я, оборачиваясь. Мой давний приятель Плоскомордый Тарп — человек-гора, с лицом которого слишком часто проделывали косметические операции. Он радостно ухмыльнулся. Зубов у него осталось немного, да и те выглядели преотврагно.

Между собой Торнада и Плоскомордый, можно сказать, вполне ладили — что отнюдь не мешало им периодически вступать в перепалки и осыпать друг друга оскорблениеми. Это были мои друзья, на которых я всегда мог положиться. По крайней мере, на Плоскомордого; с Торнадой сложнее — учуя запах денег, она запросто могла вильнуть хвостом.

— О! Торнада, любовь моя! Привет, Плоскомордый! Как поживаете? Со мной все в порядке, спасибо. Приятно было повидаться. Извините, мне пора бежать.

— Мы побежим с тобой, — заявила Торнада.

— Зачем?

— Потому что нас нанял твой напарник. Попросил, чтоб мы поменяли тебе пеленки, — у самого-то силенок не хватает.

— Точно, — поддержал Торнаду Плоскомордый. — Он решил, что на тебя кто-то всерьез рассердился.

— Интересно, с какой стати?

— Вот уж действительно, — пробурчала Торнада. — С твоим умением обходиться с людьми...

— Притормози, Торнада. Кто бы говорил насчет обхождения. Вспомни, как ты чуть не зарезала бедную повитуху, требуя с нее ответ — это ты беременна или тебя просто пучит.

Торнада усмехнулась.

Папаша с дочкой успел благополучно перейти на другую сторону улицы и теперь поспешно удалялся, игнорируя просьбы малютки еще послушать, как птичка говорит.

Молодцы из «Клича» затянули песню, перемежая ее громогласными здравицами, потом принялись маршировать на месте. Мостовая сотрясалась от топота. Хуже того, у них, оказывается, был и оркестр.

Терпеть не могу военные оркестры. И патриотические марши, если уж на то пошло.

В армии меня научили подмечать все хоть сколько-нибудь важное. Со временем я так в этом насобачился, что стал одним из лучших наблюдателей в элитном подразделении, где каждый первый был гением. Это умение помогло мне уцелеть. И никогда в жизни, ни прежде, ни теперь, у меня не возникало ни малейшего желания стать безымянной частичкой безмозглой толпы, за которую думает некто (кому и водяных лошадок-то пасти не доверишь).

В рядах демонстрантов образовался новый проход. Я решительно двинулся через улицу. Торнада и Плоскомордый не отставали ни на шаг. Охранники! И что это взбрело Покойнику на один из его умов?

Может, он во сне окончательно спятил? Может, крыша у него съехала так, что ее уже не поправишь?

— Достали меня эти придуры, — процедил я, обращаясь к Тарпу.

Плоскомордый у нас — вовсе не мыслитель. Однако, прежде чем ответить, он явно задумался.

— Меня тоже, Гаррет. Уж чересчур они усердствуют. Ну, словно им невмоготу, что в Танфере живет хоть кто-то кроме них самих.

Ого! Что-то я раньше не замечал за Тарпом склонности к предубеждениям. Нет, конечно, если ему хорошо заплатить, предубеждения у него мигом появятся, но... У таких, как он, добывающих себе пропитание переламыванием костей, самостоятельных предубеждений не бывает. Для них это непозволительная роскошь.

— Помнится, ты на днях говорил мне, что настают золотые времена.

— Говорил, — согласился он. — Золотые времена для меня, Гаррет, вот в чем штука. Люди с ума сходят. Будто какой-нибудь чокнутый чародей наложил на город заклятье ненависти, и потому-то все ведут себя вдвое глупее обычного.

Мы продолжали путь. Торнада и Плоскомордый не пропускали ни единой тени, да и сам я не забывал коситься на темные подворотни и укромные уголки. И кто посмеет меня в том упрекнуть? Осмотрительность — залог здоровья, тем более сейчас. Если соберусь писать автобиографию, надо будет, пожалуй, озаглавить ее «Беда ходила по пятам». Или «Опасность — мое призвание».

По дороге, к счастью, ничего не случилось, разве что нам пришлось обойти улочку, на которой бушевала драка. Человеколюбцы столкнулись с ночной публикой, не разделявшей их взглядов; в

большинстве своем это были не-люди, не приученные во имя общественного порядка сносить оскорблении, потому в ответ на зубоскальство они принялись проламывать головы.

Понятия не имею, почему так происходит: стоит собраться вместе трем пьянчужкам, как они решают, что смогут покорить мир. Я бы всем таким рекомендовал для начала справиться с одним-единственным троллем. Скажу по секрету: сколько ни пей, тролля не одолеть; с ним способна совладать только лишайная инфекция..

Что бы там ни болтали всякие сосунки, радиотели чистоты нравов, пиво никак нельзя называть основной причиной общественных беспорядков. Напротив, старина Макс Вейдер производит лекарство от язв на теле общества. Ну представьте себе: вот надрался человек и пошел искать неприятностей. Он их найдет — и мало ему не покажется. И все, говорить больше не о чем.

Никто меня не убедит, что я по долгу службы обязан спасать людей от них самих. Если вам не терпится на тот свет и потому вы курите «травку» или опиум, пьете как лошадь, поносите случайно встреченного огра, — валяйте, дело ваше. Я мешать не собираюсь. Счастливого пути.

Но и подмоги от меня не ждите. Не надейтесь, что я придам вам ускорение. Нет уж, сами дорожку выбрали — сами по ней и топайте.

22

— И что дальше? — поинтересовался я, когда мы вышли на Макунадо-стрит, к востоку от моего обиталища. Обращался я к Попке-Дураку, ожидая,

что Покойник через него сообщит мне о своих далеко идущих планах. А Плоскомордый с Торнадой решили, естественно, что я спрашиваю у них. Они ведь и понятия не имели о близком духовном родстве двух существ — совершенно безмозглого и того, у которого от переизбытка мозгов частенько ум за разум заходит.

— Мы проводим тебя до двери, — сообщила Торнада. — А когда ты окажешься дома, целый и невредимый, нам заплатят.

— Заплатят? Это, верно, Покойник придумал? Пусть он и расплачивается. Мне няньки не нужны.

Его Высокомудрие и не подумал заглотить наживку. Должно быть, не хотел раскрывать свое попугайское инкогнито.

— Глянь на ребятню, Гаррет, — сказал вдруг Тарп. — Жуть!

На углу улицы юнцы допризывного возраста приставали к стайке юных эльфиянок, невесть каким ветром занесенных в этот район города, да еще задержавшихся в нем до наступления темноты. Проведай об этом их эльфийские папаши, красоткам не избежать суровой порки. В кавалериях не было ровным счетом ничего привлекательного, дам они обольщали выражениями, отнюдь не ласковыми слух и откровенно расистскими, однако их наряды были пошиты по эльфийской моде. Девчонки хихикали и отвечали так бойко, что парни постепенно теряли голову. Впрочем, если они войдут в раж и примутся распускать руки, их оставят в дураках; знаем мы эти фокусы.

— Хочешь, чтобы я поучил молодежь хорошим манерам?

— Чего? — озадаченно переспросил Тарп. — Каким еще манером? Ты о чем, Гаррет?

— А ты о чем, друг мой? Разве тебя возмутило не их поведение?

— Да ты на волосы посмотри! — Тарп поглядел на меня, словно проверяя, не ослеп ли я. — Неужто не видишь?

— Ба! Подумаешь! — Ну лохматые, ну завитые, ну стоят у некоторых волосы дыбом — и что с того? Эка невидаль! Ясно же, что эти парни привыкли выставлять себя на посмешище.

Плоскомордый, до сих пор предпочитавший армейскую стрижку, никак не мог успокоиться.

— Это ж какие родители, коли детишек в таком виде на улицу выпускают? — проворчал он. — Знаешь, из-за чего Карента катится в тартарары?

У меня были кое-какие мысли на сей счет, но воззрений Тарпа я не разделял.

Прически парней не имели ни малейшего отношения к тому, как эти парни себя вели, — при том, что прическа и поведение зачастую вытекают друг из друга. Так сказать, два симптома одной болезни. Парней явно провоцировали девчонки. Едва ли кто будет спорить, что из всех женщин, будь то люди или не-люди, эльфиянки самые красивые и самые, мягко выражаясь, чувственные; а эти милашки, вдобавок, находились в расцвете юности. И использовали весь арсенал подручных средств, чтобы унизить самозванных ухажеров.

А те были слишком наивны и потому не врубались в тайный смысл происходящего. С высоты моих лет могу сказать с уверенностью: этот жестокий урок жизнь преподает каждому мужчине. Я сам уже вышел из того возраста, когда стоишь на углу и выкрикиваешь всякие гнусности, тщась до-

стичь недостижимого, но на собственном богатом опыте могу предположить — нет такой женщины, которая не попыталась бы, ловко или неловко, принизить мужчину, посмевшего найти ее привлекательной.

Все это я изложил Плоскомордому, стараясь его вразумить (мозги у бедняги скрипели так, что было слышно, наверно, на другом конце города), и тут в нашу беседу встремля Торнада.

— Хватит чушь пороть, Гаррет. Достало!

— Лапочка ты моя замученная! Хорошо, я умолкаю, а ты расскажи про тех женщин, с которыми общаешься.

— Чего? С кем это я общаюсь?

— Вот именно! Ты обиделась за женщин и явно собирались сказать, что они все не такие. Но тебе-то откуда знать? Ты водишь компанию со мной — и с Плоскомордым, когда он не занят очередной подружкой. Ты шляешься по грязным кабакам, ищешь драки с парнями, которые напоминают тебе своего мужа. Ты якшаешься с ворами, громилами и прочей почтенной публикой, среди которой женщин не сыскать. Так что уж извини — ты, конечно, присаживаешься на корточки, когда зовет мать-природа, но отсюда никак не следует, что тебя можно считать экспертом по части женской психологии, тем более — в нашем милом городе.

— Гаррет! Мог бы из вежливости и не напоминать, что я родилась в деревне.

Эта перепалка могла продолжаться часами. Торнада обожала оставлять за собой последнее слово, потому на всякую фразу у нее находился ответ, подчас бессмысленный, но ответ. По счастью, мы приближались к моему дому, и дружеская беседа

увяла сама собой. В квартале было тихо — ночь все-таки, — но будь я проклят, если миссис Кардонлос не торчала на своем крыльце, поглядывая на мой дом с таким видом, словно из его окон вываливались участники безобразной оргии.

Я остановился и огляделся, стараясь ничего не пропустить. Сперва вооруженная охрана, теперь домашняя фурия на боевом посту...

— Что стряслось, старый хрыч? С каких это пор старая ведьма патрулирует Макунадо по ночам?

Плоскомордый вытаращился на меня так, будто я вытворил что-то уж совсем из ряда вон.

— Думаю вслух, — пояснил я. — Репетирую разговор.

— Неужели? — Торнада хмыкнула. — Порепетируй заодно, как вы нам платите. Каждому, между прочим, по две марки причитается.

— По две марки? Не смеши меня.

— Гаррет, она настроена весьма серьезно. У этой женщины случился очередной приступ аличности. Кроме того, она испытывает нашу возможность общаться на расстоянии, пытается определить ее границы. Две серебряных марки — та цена, о которой мы условливались. Разумеется, плата щедрая, но их услуги того стоят. Кстати, у меня возникла идея: попробуй убедить их в том, что брать лучше не серебром, а медью. Серебро дешевеет — пока; его стоимость возрастет, как только свежий ветер реальности унесет победную эйфорию...

О чем он толкует?

— Эйфорию? Шутить изволите? Ты хоть знаешь, что вокруг творится?

Торнада и Тарп разинули рты.

— Естественно, знаю. К тому, что происходит в городе, имеют непосредственное отношение люди, привыкшие обращаться с крупными партиями благородных металлов.

— Ладно, ладно.— Эх, лопухнулся я, затеял этот разговор при посторонних; теперь Торнаде точно будет над чем поразмыслить.

— Пожалуйста, спровадь поскорее своих друзей. У нас гости, с которыми необходимо разобраться.

О-хо-хо. Вот так всегда.

23

От меди Торнада отказалась наотрез. Простушка простушкой, но житейской смекалки, присущей всем деревенским, у нее не отнять. Рассуждала она приблизительно так: раз мы не хотим расплачиваться серебром, значит, нам известно что-нибудь этакое.

К Покойнику и его мозгам она относилась с большим уважением.

Плоскомордый поддержал приятельницу — хотя вряд ли отдавал себе отчет, почему. Когда я попытался всучить ему медь, он одарил меня мрачным взглядом.

— Не трать все сразу, — жизнерадостно посоветовал я.

— Уже потратил, Гаррет, — отозвался он. — Я задолжал Морли.

Вот как, оказывается? Нет, что Тарп прислуживает в заведении Морли, — это я прекрасно знал. Но чтобы Морли дал в долг своему работнику?..

— Гаррет, ты бы обратился к врачу, — неожиданно вмешалась Торнада.

- К какому еще врачу?
- Который всяких психов лечит. Ты уже до ручки дошел — вон, с птицами разговариваешь.
- Это хворь излечимая. Окажи мне услугу — и я мгновенно поправлюсь. Забери попугая с собой. Он тебя обожает. И здравого смысла у него поболее, чем у некоторых двуногих.

В ответ я получил витиеватое перечисление всех своих родственников до десятого колена, после чего Торнада гордо удалилась. Тарп поспешил следом, убеждая на ходу свою подружку, что она отвергла лучшее предложение из всех, какие только ей доводилось получать. Но Торнада не была бы Торнадой, если бы признала ошибку.

— Заткни пасть, не то голодным останешься, — прорычала она.

— Не останусь, — огрызнулся Тарп. — Пошли, сожрем чего-нибудь.

Я захлопнул дверь. Итак, охрану спровадили, причем — прошу отметить — без особого труда: Торнада даже не попыталась завлечь меня в какую-нибудь безумную аферу, вроде похищения драгоценностей короны. Как там говорится? Родных не выбирают, но друзей каждый заводит сам? Что ж, если пословица верна, странные у меня позывы и предпочтения...

— *Garret, время не ждет.*

Я вздохнул и направился в апартаменты Покойника. У самой двери остановился и позвал: «Дин! Давай сюда, будешь свидетелем».

Все признаки были налицо. Мне предстояло выслушать очередное выступление великого магистра тактики и гения сыска. И ведь если ему заявить, что все его речи только зевоту нагоняют, он не поверит; переубедить логхира способен лишь

другой логхир. И то не всякий: мой напарник, да-
ром что был мертв несколько столетий, пользовал-
ся репутацией до омерзения самоуверенного су-
щества.

— *Дин, пожалуйста, приведи нашего гостя. И
будь настолько любезен, прихвати тарелку с едой
для Гаррета. Он явно проголодался и потому не-
адекватно воспринимает мои слова.*

Еще бы я их воспринимал! По отдельным фра-
зам и словечкам Покойника я определил, что в
гостях у нас дама и ей никак не больше сорока.
Дин умел обращаться с женщинами, годившимися
ему в дочки. Их так и тянуло к нему на кухню:
во-первых, он был слишком стар, чтобы посягать
на трепетное женское достоинство, а во-вторых, для
захожих дам у него всегда находилось что-нибудь
вкусненькое (меня же, своего хозяина, он держал в
черном теле).

— Неужели снова Тинни?
— Нет. Расскажи мне, что ты узнал.
— Рассказать? Чего же я тогда весь день тас-
кался с этим долбаным попугаем?

— К сожалению, способности этой птицы весь-
ма ограничены. Она слышит только то, о чем го-
ворят рядом с ней. А ее зрение и обоняние остав-
ляют желать много лучшего.

— Найди себе человека, — неосторожно посо-
ветовал я, тут же спохватился и прибавил: — Гар-
рет исключается.

— Замечательная идея. Увы, человеческий мозг
недоступен для удаленного доступа. И не толь-
ко человеческий. В мире нет такого разумного
существа, которое полностью отвечало бы моим
требованиям. Надо будет как-нибудь обдумать,
что с этим можно поделать.

— Обдумай, — бодро согласился я. Сколько бы он там ни думал, мне явно не грозит превратиться в зомби на мысленном поводке у логхира.

Дверь распахнулась. Вошел Дин с тарелкой в руках, а за ним...

— Ты? — Сказать, что я изумился, значило не сказать ничего.

— Я, — признала Белинда Контагью. — Как ты рад меня видеть, Гаррет! Прямо сердце от восторга разрывается.

У этой женщины, по моему глубокому убеждению, сердца не было и в помине, но я не стал говорить этого вслух.

Она предпочитает черное. Нет, не так. Она обожает черный цвет. Потому ее наряд был выдержан в одном тоне: черный плащ поверх дорогостоящего кожаного, мужского покроя костюма; черные сапоги на высоких каблуках; черные шелковые перчатки за поясом из черной кожи. А на полочке в нашей передней наверняка лежат черная шляпка и черная же вуаль. Даже ногти Белинда красила черным, губы подводила помадой, притемнившей их и придававшей блеск; а лицо густо пудрила, из-за чего оно казалось неестественно бледным.

В общем, вампиры и то здоровее выглядят — доводилось мне встречать пару-тройку румяных кровопийц...

Несмотря на свой наряд и макияж — а может, как раз благодаря тому и другому, — она была невероятно красива. Мало того — от нее словно исходил некий дурманящий аромат, лишавший мужчин головы и заставлявший начисто забыть о чувстве самосохранения. Короче, этот вампирский прикид выглядел весьма эротично.

Ростом Белинда под шесть футов. Выглядит она лет на двадцать пять, но утверждает, что ей двадцать. До недавних пор она вела такую жизнь, будто вознамерилась во что бы то ни стало умертвить сама себя. Но это уже в прошлом; нынче она в отличной форме — достаточно взглянуть на эту точеную фигурку, от которой, пройди Белинда кладбищем, и мертвые вскочат. Глаза темные, того баснословного сорта, какой принято именовать «зеркалами души». Правда, жалости в них искать напрасно; у кобры во взоре и то больше добра и сочувствия.

— Ты прислал сообщение. Я была в это время в городе. Других дел не сыпалось. Вот я и пришла. Ты где-то шлялся, но добрый Дин меня впустил.

Я попытался испепелить Покойника взглядом. Предупреждать же надо!

Он будто снова впал в спячку.

Надо признать, Белинда — женщина отважная. Она знала про Покойника — и все равно пришла, тогда как всякий хотя бы с одной-единственной черной крапинкой на совести норовил держаться подальше от моего напарника.

В те стародавние времена, когда Семья пребывала в переходном состоянии — то бишь постепенно переходила во владение Белинды, мы с ней затеяли скоротечную интрижку. Понятия не имею, что она во мне нашла. И, пожалуй, я могу считать себя счастливчиком: мне удалось остаться в живых. Повадки у Белинды еще те; когда она принимает решительные меры, ее палаша рядом с ней кажется агнцем.

— Извини, — пробормотал я. — Ты застала меня врасплох. Тебя я ожидал увидеть в последнюю очередь.

Хотя всегда думал, что она будет преследовать меня в мыслях.

— Я вовсе не такая плохая, Гаррет, какой тебе кажусь.

Помнится, папаша Белинды говаривал то же самое.

— Чего?

— Ты ведь подружился с моим отцом, разве нет? — В ее голосе проскользнула нотка зависти.

Я неопределенно хмыкнул. С Чодо Контагью у нас отношения были тоже странные. Однажды я по чистой случайности оказал ему важную услугу, и с той поры он считал себя обязанным и всячески обо мне заботился, хотя я о том не просил. Он прикрывал мою задницу и усердно пытался завлечь меня в свои сети, то есть завербовать на службу Семье. А я в конечном счете отплатил за добруту тем, что приложил руку к его свержению.

— Краск и Садлер вернулись. — Самый удачный ход, чтобы отвлечь Белинду.

— Ты видел их? — Она будто побледнела сильнее прежнего, если такое возможно.

— Нет. Релвей рассказал. А он узнал от капитана Блока. Я поделился новостями с ним, он — со мной.

За любой товар надо платить; это Белинда прекрасно знала.

— А какие у тебя новости? — спросила она.

— К тебе они не имеют отношения.

— Неужели мы неинтересны Релвсю?

— Еще как интересны. Ему интересно все на свете, но он реалист. Он знает: вы предлагаете услуги, которых жаждет общество, и законов, по большей части, не нарушаете, что бы там ни болтали всякие жрецы и реформаторы. Релвея куда боль-

ше занимают те, кто обижает ближнего своего или покушается на общественные устои. В то же время он — раб самого себя и одержим стремлением знать все обо всех.

— Гаррет, я читаю твои мысли и потому могу в них разобраться, но даже так то, что ты только что сказал, имеет весьма расплывчатый смысл.

Ну и ладно. Главное, что я себя понимаю.

И Белинда поняла — хоть и продолжала сверлить во мне дырки ледяным буравом, который у нее вместо взгляда. Никто на свете не понимает замысловатого Гаррета лучше Белинды Контагью.

— Дорогуша, почему ты не можешь стать другой? — спросил я в лоб.

— Я и сама порой этого хочу, — ответила она. — Но меняться слишком поздно.

— Нам обязательно быть врагами?

— А мы враги?

Осторожнее, Гаррет.

— Нет. Но постоянно загоняем себя в угол, по собственной дурости.

— Уж такая у нас судьба, угловатая.

Я заломил бровь. Проверено — на женщин действует неотразимо.

— И не старайся меня очаровать, Гаррет, ты и так в моем сердце. Может, сойдемся на уговоре, который у тебя был с моим отцом?

— Твой отец думал, что он чем-то мне обязан. — В конце концов, правда, в долгу оказался я.

— Я тоже тебе обязана. Ты единственный из всех, кого я знаю, обращаешься со мной по-человечески. Даже когда я принимаюсь куролесить, ты меня не отталкиваешь.

— Суров, но справедлив. — Я покосился на Покойника: неровен час, решит высказаться.

— Заткнись. Я не в подружки к тебе набиваюсь и этой рыжей Тейт поперек дороги не встаю. — Ну-да, шпионов у нее побольше, чем у Релвея. — Но кое в чем я на тебя претендую.

— Дыши ровнее, Гаррет.

Когда я был помоложе, меня убеждали, что с годами дыхание выровняется само собой. Наверно, так оно и будет — после смерти. А пока вокруг Тинни да Белинды, бедняга Гаррет о таком счастье может лишь мечтать.

— И все-таки — чего от тебя хотел Релвей?

Настойчива, как всегда.

— Он жаждет проникнуть в движение человечеколюбцев. А я оказался замешан потому, что кто-то из них пытается вымогать деньги у Вайдера.

Белинда в долю секунды превратилась из взбалмошной красавицы в хладнокровного убийцу, единственный недостаток которого — его пол.

— У меня с ними свои счеты, — проговорила она. — Они никого не уважают. Думают, они могут делать что хотят, потому как борются за правое дело.

Я кивнул. Имению так *они* и думают.

— Но влезать на свою территорию я не позволю.

Пошло-поехало. Сейчас и она примется меня вербовать...

— Гаррет, я немного вздремну. Судя по всему, ваша беседа затянется на всю ночь.

Что? И тут я сообразил, почему у крыльца не было экипажа Белинды. Она никуда не собиралась уезжать! А Его Высокомудрие вдруг согласился терпеть ее присутствие, хотя полчаса назад явно был не прочь выставить нашу гостью вон. Любопытно, какую интригующую мыслишку он выудил

из этого паучьего логова, в котором скрывается сознание Белинды Контагью?

24

Свинья ты, Гаррет, твердил себе я поутру. Зажравшаяся свинья. Ни одной юбки не пропустишь.

Моя любовь к женскому полу порой оборачивалась неприятностями. В случае с Белиндой неприятностей было не избежать, это уж точно. В ее головке роились самые невероятные мысли... И надо же ей было появиться, как раз когда Тинни вроде бы сменила гнев на милость!

За завтраком мне пришлось выслушать Динову нотацию. Неодобрение мною сквозило в каждом его движении.

— Спасибо, — поблагодарил я, принимая кружку с чаем. — Когда Белинда встанет, прибери, пожалуйста, в комнате для гостей.

Ошарашенный моей наглостью, Дин на мгновение утратил дар речи.

— Будешь злиться, у тебя желчь разольется, — продолжал я вслух, а мысленно взмолился: «Помоги! Скажи ему, что у меня с нею ничего не было».

— *Гаррет, я спал. Впрочем, если это настолько необходимо...*

Дин фыркнул. Судя по всему, он отказывался верить даже Покойнику.

И тут со второго этажа спустилась Белинда. Она была явно не в духе — не привыкла, чтоб ее желания не осуществлялись. Дин удостоился взора, какой заморозил бы и реку лавы. Надо отдать Дину должное — он встретил это взгляд с равнодушием старика, который настолько стар, что ему уже нечего бояться.

Белинда пожала плечами. Ей было наплевать на чье-либо мнение (достойная позиция, но не всегда себя оправдывает); она жила в мире, где никого не прощали, где наказанием за несоблюдение правил была смерть; ее ничуть не беспокоили враги даже среди приближенных. С Краском и Садлером она непременно разберется, как пить дать.

Одним словом, Белинда — дочь Чодо Контагью, его порождение и его судьба.

Должно быть, иметь такого папашу — удовольствие ниже среднего. Белинда не распространялась о своем детстве, но легко можно догадаться, что счастьем в этом детстве и не пахло.

Между прочим, по городу ходили разные слухи: мол, матушка Белинды столь рано отправилась на небеса по той простой причине, что Чодо усомнился в ее верности.

Эти слухи дошли до меня еще до нашей с Белиндой первой встречи. Возможно, они имели некоторое отношение к нынешнему состоянию Чодо.

Признаться, я опасался, что одержимость Белинды рано или поздно вынудит Семью отвергнуть ее. С другой стороны, она девушка решительная; с нее станется в ответ покончить с Семьей...

— Может, объяснить? — спросила Белинда, кивая на Дина.

— Уж пожалуйста.

— Твоя подружка такая бестолковая?

— Когда женщина во что-то верит, все доводы рассудка ей ни почем. Гм... Ладно, оставим это. Скажи, Белинда, чего ты добивалась?

— Не добивалась, и пес с ним. Поговорим лучше о деле. — Насколько я мог судить, это означало:

«Живи пока». — Не переживай, любовничек. С этими двумя охламонами мы разберемся. Они мне мешают. Однако...

— Эй, погоди! Как по-твоему, зачем они вернулись? Потому, что кому-то понадобилось подобрать ключик к тебе?

Белинда улыбнулась улыбкой кошки, глядящей на загнанную в угол мышь.

— Возможно. Есть у меня кое-какие мысли на сей счет. Может, составить тебе компанию вечерком? Когда еще я смогу увидеть столько важных особ...

— Издеваешься?

— Замечательная идея, Гаррет. Стоит согласиться.

Ага, держи карман шире. Только этого мне и не хватало для полноты впечатлений.

— Не лезь, старый хрыч. Тебе с Тинни Тейт не объясняться.

— Как верно заметила мисс Контагью, мисс Тейт способна рассуждать здраво.

— Тогда мы толкуем о разных мисс Тейт. — Впрочем, с Тинни он общался поболее моего, так что, может статься, и впрямь знает о ней что-нибудь такое. Раньше Тинни запросто превращалась в разъяренную львицу. Может, теперь, если что не по ней, она обличается саблезубой кошкой?

— Мне надо пободаться с моим напарником, — сказал я Белинде. — Он тебя поддерживает.

— Передай, что я беру назад все гадости, которые про него говорила.

— Не буду. Уж скорее подбавлю от себя — он того заслужил.

25

Я ворвался в апартаменты Покойника.

— Что все это значит? — раздраженно осведомился я с порога. — Ты что, хочешь, чтобы меня линчевали?

— Повторяю, мисс Тейт способна рассуждать здраво. Хватит об этом, Гаррет. Есть куда более важные дела.

— Важные для кого?

— Для десятков тысяч живых существ. Назови мне хотя бы пятерых убитых за сегодняшний день не-людей, для которых гипотетическаяссора с мисс Тейт была страшнее того, что случилось с ними на самом деле.

— Нечестный ход, старина. — Так всегда: думаешь, что привер его к стенке, а он раз — и улизнул. — Никто из них не знал Тинни, как знаю ее я...

— Гаррет!

— Хорошо, хорошо. Так на что нам сдалась Белинда?

— Учитывая ситуацию, необходимо закрепить за тобой положение посредника между всеми заинтересованными сторонами. Тем самым ты окажешься в точке, куда будут стекаться все новости, и это позволит тебе получить определенные преимущества перед всяkim, кто попытается выйти на Семью. Речь прежде всего о тех, кто становится «Клича» и прочей шатии.

Шатии? Вкусное словечко.

— Ты о Релвее?

— И о нем тоже. Другой пример — Макс Вейдер и его приятели, все как один умеренные радикалы. При надлежащем руководстве ты вполн-

не можешь очутиться между экстремистами и сторонниками Слави Дуралейника.

Догадайтесь сами, кто будет руководить и направлять.

Ох уж этот мне Покойник с его самомнением! Того и гляди лопнет от собственной гениальности!

— Погоди, старина. С какой стати им всем меня принимать? Или что, мы загrimируем Гаррета под героя из пророчеств?

— С мистером Вейдером и мистером Релвеем ты уже обо всем договорился. С мисс Контаэью недоразумений тоже не будет, поскольку она сама предлагает сотрудничество. Остаются только мятежники и борцы за права людей, причем последние проявили к тебе интерес.

В гробу я видел их интересы. А не влиться ли мне заодно в нестройные ряды самозванных революционеров, которые попрятались, едва Танфер захлестнула волна человеколюбия? Пожалуй, не стоит: эти ребята на отшибе, их никто в расчет не принимает.

— Не выгорит, умник. Они просто дверью ошиблись. Я им это доходчиво разъяснил.

— Гаррет, прибегнув к твоей манере изъясняться, отвечу так: не дуй на воду, не обжегшись на молоке. Для них ты прежде всего — ветеран войны.

— Ну да, хорош ветеран! Живет с логхиром и попугаем-психопатом, и лучший друг у него — наполовину эльф!

— У всех у нас есть свои слабости. Вы, люди, часто прозреваете истину уже в зрелом возрасте. Иными словами, ты их обманешь — потому что они хотят обманываться. Но меня

беспокоят не столько они, сколько Слави Дуралейник.

— Ради него я стараться не стану. Хватит с меня того, что ты им бредишь.

— По правде сказать, Гаррет, им бредило мое молодое «я», с которым мы регулярно конфликтует. Когда Дуралейник был далеко и таскал за бороды наших аристократов, мы охотно его поддерживали, потому что сами недолюбливаем власть предержащих. Но теперь он здесь, среди нас, и цель его представляется мне все более отчетливой — и все более зловещей. Пожалуй, тот Дуралейник, перед гением которого я преклонялся, сгинул вместе со своей мечтой о независимости Кантарда. Или же его назначили главным врагом Каренты, поскольку иных врагов у нас не осталось, хотя мы их, безусловно, заслуживаем.

— Опять это гнусное словечко!

— Какое именно?

— «Мы». — Почему-то не-люди при всяком удобном случае не преминут напомнить, что Карента создана людьми. И вообще, их хлебом не корми, только дай понасмехаться над человеческими законами и установлениями...

— Замечательно! Продолжай в том же духе, и «Клич» примет тебя с распростертыми объятиями. Мало того, с такой логикой ты наверняка окажешься в их Внутреннем круге.

— Ну не хочу я этим заниматься!

— Выбора нет, Гаррет. Нам выпало жить в эпоху перемен. Всяк должен сделать свой выбор. Того, кто откажется выбирать, сожрут с потрохами, ибо он останется один. Но тем, кто, подобно нам, видит знаки и угадывает предзнаменова-

ния, — тем предоставлена возможность одолеть подступающую тьму.

— Не сотрясай попусту воздух, старый хрыч. Не надо меня убеждать, что вода мокрая. При всех своих благородных порывах я лучше буду защищать справедливость и божественное право правителей Каренты из своего кабинета. Позащищаю, пивка попью, с Элинор поболтаю — и снова защищать.

— А ты утверждаешь, что я ленив.

— Только потому, что амбиций у тебя не больше, чем у кости, пролежавшей в земле лет двадцать. Коли уж на то пошло, ты-то на улицу не суешься и под дождем не бегаешь.

— Этот вопрос также требует осмыслиения и обсуждения.

26

— Как нельзя кстати, — пробормотал я, когда кто-то ближе к полудню принял колотить во входную дверь.

— Мои люди в точности исполняют поручения, — заметила Белинда, — и делают все вовремя. У нас такой порядок.

— Расслабься, Белинда, стань обыкновенной женщиной, хотя бы на чуть-чуть...

— Я пытаюсь, Гаррет. Но у меня в голове точно демон какой-то сидит. И зудит, зудит... В конце концов он сведет меня с ума.

Я кивнул. Вот оно, тяжкое папашино наследие.

Посмотрев в «глазок», я увидел на крыльце нетерпеливо переминавшегося с ноги на ногу детскую неопределенного происхождения.

— Этот тип тебе знаком?

Белинда на миг припала к «глазку» — и почти обняла меня, чтобы не потерять равновесие. Ну как тут ровно дышать?!

— Да. Его зовут Харкер Двупалый. Это мой возница.

— Возница? Да ему не лошадьми править, а огров в подворотнях колошматить.

— Просто у него такой вид.

Двупалый постучал снова. Несмотря на то, что с потолка посыпалась побелка, Дин и не подумал высунуть носа из кухни. Должно быть, злился на весь белый свет. И в кои-то веки винил во всех бедах не меня, а нашего мудрого до отвращения домочадца.

— Погоди минутку, ладно? Я только возьму свой живой эполет.

— Зачем тебе эта гнусная птица?

Ну наконец-то! Хоть кто-то разделил мои чувства.

Покойник в этот самый миг ослабил мысленный контроль, и попугай завопил во все свое попугайское горло:

— Держите меня, держите! Какой типаж! Каяя попка!

— Заткнись, пугало огородное! Как ты себя ведешь в присутствии дамы?

— Здорово у тебя получается, Гаррет, — сказала Белинда. — Хоть бы разочек губами шевельнул.

Аргх! Ну вот...

Не согласиться с попугаем было трудно: именно типаж, и какой типаж! Мечта поэта с легкой склонностью к вампиризму. Вечером она наверняка окажется в центре внимания, в таком-то прикиде (а ей, похоже, того и надо). Может, закутать ее в

одеяло, чтоб за нами толпа зевак по улицам не бегала?

Н-да, вечерок мне предстоит... Аликс непременно попытается перенянуть Белинду. И Никс тоже. А Тинни — если она удосужится заняться собой, с нею рядом вообще поставить некого. Словом, Белинда будет черной розой в саду, где до сих пор не было иных цветов, кроме белых, желтых и алых.

— Когда б говорил я, птичка эта меня бы расхваливала напропалую, а не задиралась ко всем подряд.

Белинда засмеялась.

— Чего уставился? — вдруг спросила она.

— Странно как-то. Ты — и смеешься. А тебе идет. Смейся почаше.

— Не могу. Хотя хотела бы.

Внезапно мне почудилось, будто я перенесся на несколько лет назад и услышал голос Чодо Контагью: дескать, он вовсе не желает быть плохим парнем, но обстоятельства складываются так, что либо он будет отъявленным злодеем, с которым никто не рискует связываться, либо ему придется лизать чью-то задницу. У тех, кто не в ладах с законом, все просто: выживают сильнейшие.

Семейке Контагью до сих пор удавалось выживать.

Я распахнул дверь. Белинда проскользнула мимо меня и шепнула что-то своему верзиле.

Тут и Дин соизволил наконец высунуться из кухни.

— Свой ключ не забыли, мистер Гаррет?

— Нет. И не вздумай запереть дверь на цепочку, понял?

Он уговорил меня поставить дорогущий дверной замок — под тем предлогом, что тогда ему не

придется дожидаться моего возвращения среди ночи. Впрочем, дожидаться он по-прежнему дождался, так что покупка замка явно преследовала одну-единственную цель — разорить Гаррета.

— Конечно, мистер Гаррет, не беспокойтесь.

Я бросил на него косой взгляд. Честно говоря, мне не понравился его тон.

— Спасибо за заботу, Дин. — Я захлопнул дверь и прибавил, нарочно не понижая голоса: — Нет, жить с ним — все равно что быть женатым без доступа к телу.

Ладно, пошли. Я помахал миссис Кардонлос, торчавшей на своем крыльце. Интересно, сама-то она знает, кого — или что — высматривает? И где прячется мистер Кардонлос? Должно быть, сбежал много лет назад и теперь живет счастливой жизнью вдали от своей благоверной...

Миссис Кардонлос воззрилась на Белинду. Ее глаза чуть не выскочили из орбит, а рот разинулся так, что подбородок едва не рухнул на крыльце.

Ну, теперь-то у нее будет о чем посудачить. *И что они все находят в этом типе?*

Экипаж Белинды, как сообщил Двупалый, стоял за углом. Мы двинулись следом за возницей. Поглядывая на него, я догадался, откуда взялось прозвище: он шагал, сильно припадая на одну ногу, и кренился набок, словно ему не хватало точек опоры.

Повернувшись к Белинде, я заломил бровь. Она поняла, о чем я хотел спросить.

— Харкер достался мне от отца. — Белинда издала некий звук; была бы на ее месте какая-нибудь другая девица, я бы сказал, что она прыснула. — Знаешь, у него есть брат-близнец. Харкер Безносый. Обоим не слишком повезло на войне.

У меня с языка сорвались слова, которые всегда наготове у тех, кто сумел вернуться домой:

— Еще как повезло! Они ведь остались в живых.

Если приглядеться к мужчинам на улице, особенно к тем, кто марширует в рядах человеколюбцев, практически у каждого лицо и тело в шрамах от ранений. А есть и другие раны — душевые, их исцелить куда сложнее. И душевых ран не избежал никто — ни крестьянин из захолустья, ни наши правители...

Разумеется, всякие там герцоги или повелители бурь в грязных окопах не корчились, не глущили самогонку, чтоб хоть немного согреться, и не курили «травку», чтоб хоть немного отвлечься. Но и за дверями роскошных особняков и пышных дворцов скрывалось обыкновенное человеческое горе, ибо война не щадила никого... В семьях танферских богатеев хватало своих Томов Вейдеров.

Об этом предпочитают молчать. Рассказывают о подвигах, о славных победах, а о боли и ужасах и не вспоминают. Послушать Покойника, так все исторические труды и все предания имеют лишь косвенное отношение к тому, что произошло на самом деле, — иными словами, история такова, какой ее велели считать те, кто нами управляет.

27

— Гаррет, ты ж у нас всегда весельчак был, — проговорила Белинда. — Циник, конечно, но в наше время все кругом циники. Где же твои шуточки?

— Дорогуша, я как-то спросил одного умника, отчего вокруг столько мрачных старых пердуноў.

Он ответил, что у каждого из нас свой запас шуток, и это запас рано или поздно иссякает, и жизнь останавливается. Я испугался: а вдруг у меня осталась последняя шутка, и если я ее вышучу, что тогда? Совсем не хочется становиться мрачным старым пердуном.

Белинда то ли не поняла, о чем я толкую, то ли не оценила моего остроумия.

— Ты надо мной смеешься?

— Разве я посмею? Просто вспоминаю, чему меня учили в детстве. Тот умник, он был настолько стар, что помнил времена, когда Карента не воевала с венагетами.

— Человек?

— Угу. Ветхий днями.

Гномы, эльфы и некоторые другие не-люди живут на свете едва ли не дольше логхиров и весьма хорошо при этом сохраняются. Эльфы даже утверждают, что они бессмертны, но мой всезнайка-партнер сомневается в достоверности сих утверждений. Среди его знакомых не было эльфов, которых не прикончили бы в сравнительно молодом возрасте.

Байки насчет эльфийского бессмертия — из того же свода мифов, что и рассказы про гномов и троллей: мол, если выманить гнома из шахты средь бела дня или заболтать тролля так, чтоб он не заметил наступления рассвета, то и тот, и другой обратятся в камень. Мой вам совет: не торопитесь этому верить. Жизнь — штука драгоценная, не стоит рисковать ею попусту. Не то на собственной шкуре узнаете, что это за красная жижа у тролля на лапах.

Ну да, днем на улицах Танфера троллсй не встретишь, но только потому, что тролли избегают

городов. Для них в городе слишком много суматохи. А коли все-таки отправитесь на поиски троллей — поглядывайте по сторонам, не то столкнетесь нос к носу с шайкой гномов, решивших поживиться вашими денежками; и это может произойти и ночью, и утром, и днем.

— Этот старик, — продолжил я, — замечательно рассказывал всякие истории. Жаль, что некому было их записать. Он говоривал, что последнюю шутку с человеком играет смерть, а лично он этой шутки еще не слыхал, потому и жив.

— Мой отец тоже так говорит.

— Чодо?

— У меня один отец, Гаррет. Наверно, он был знаком с твоим стариком.

Белинда на глазах превращалась в льдышку, которую мне вроде бы только-только удалось растопить.

— Когда-нибудь ты расскажешь мне, каково быть дочкой Чодо, ладно?

— Что?

— Стоит даже мельком упомянуть о твоем отце, как ты сразу становишься хмурой и... отстраненной, что ли. — Экипаж остановился. Я отодвинул занавесь на окне. — Приехали, между прочим. Целые и невредимые.

Двупалый распахнул дверцу и протянул руку.

— Погоди. — Белинда повернулась ко мне. — Гаррет, порой мне кажется, что я готова в тебя влюбиться, но это быстро проходит. Мне нравится, как ты себя со мной ведешь. Однако я не в силах перебороть другую Белинду, которая тебя смущает. И если ты развязишь пасть, когда я буду другой...

Не думал, что она сама обо всем догадается. Как всегда, Белинда Контагью полна сюрпризов.

Двупалый помог ей спуститься. Он готов был целовать землю, по которой ходила его хозяйка, а она этого не замечала.

Очередная грустная история.

Двупалый одарил меня взглядом, не сулившим мне ничего хорошего, если с Белиндой что-нибудь случится.

Нас встретил Манвил Гилби, лично надзиравший за тем, кого впускают в дом.

— Наконец-то ты добрался, Гаррет! У нас и наполовину все готово не было, а гости уже стали съезжаться. — Он оглядел Белинду и даже зажмурился от восхищения. — Рад вас приветствовать, юная дама. И что, скажите на милость, такая красавица нашла в этом ощипанном петухе?

— Гилби, ты ли это? — изумился я.

Он подмигнул мне и забрал мое приглашение. Зная Манвила, могу предположить, что он распорядился вести учет: сколько приглашений раздали, сколько народа пришло.

— Мы предполагали, что ты появишься с мисс Тейт.

— Человек предполагает, судьба располагает.

— Думаю, мисс Тейт с тобой не согласится.

Еще бы она согласилась!

— Я ей все объясню. Может, потом посплетничаем? Я хотел бы осмотреть помещения.

— Разумеется. Просто я хотел предупредить тебя, что возможны неприятности.

Никак не пойму, откуда такая заботливость.

— Послушай, дело вот в чем. Мой партнер настоял на том, чтобы я привел с собой эту даму. Из-за гостей, которые могут вас навестить. — Что Белинда — королева танферского преступного мира, я уточнять не стал.

Гилби выслушал, кивнул и посторонился: мол, проходите. М-да, если его так легко убедить, какой толк от того, что он надзирает за входом в дом?

Может, я и перестраховываюсь, но у меня не- мало оснований опасаться за свою шкуру. Ведь я разворотил осиное гнездо, связался одновременно с тайной полицией, с человеколюбцами, с Семьей, со Слави Дуралейником, да еще и с компанией крупных фабрикантов впридачу.

— Желаю хорошо повеселиться, Гаррет. Мисс, не сомневаюсь, что Макс Вейдер и члены его семьи будут польщены вашим визитом.

Манвил сопроводил свои слова изящным поклоном. Впрочем, я его понимаю — завидев Белинду, любой аскет забудет об обете безбрачия. Тот же Гилби выглядел так, словно его огрели дубинкой по башке, не сильно, но чувствительно. Мы отшли на добрый десяток шагов, я обернулся — и увидел, что он глядит нам вслед.

28

В дверях нас встретил мажордом, Джеррис Дженорд. Голосина у него был, как труба. Разумеется, Дженорд не мог допустить, чтобы я прокрался в залу незамеченным. Он возопил так, словно объявлял о скором и неминуемом конце света: «МИСТЕР ГАРРЕТ И МИСС КОНТАГЬЮ!» Я показал ему кулак, а он в ответ злорадно осклабился: с его точки зрения, мне здесь было не место.

После этого громового объявления наши с Белиндиной шансы проскользнуть тихой сапой стали столь же мизерными, как вероятность того, что корона снизит налоги в связи с окончанием войны.

По счастью, мы прибыли довольно рано, так что объявление услышала лишь горстка собравшихся.

Вот Попку-Дурака не заметили. Он тихонько пробрался в залу и взмыл под потолок (мы с ним расстались, едва я вышел из экипажа; явиться на прием в честь помолвки с попугаем на плече — это уже перебор).

Мы спустились по ступенькам, но не успели отойти от лестницы, как меня буквально пригвоздило к полу: я попал под перекрестный огонь ледяных взглядов Тинни Тейт и Аликс Вейдер. Тинни была ближе, поэтому я стряхнул с себя оцепенение и двинулся прямиком к ней. Уж лучше получить выволочку сейчас и потом спокойно заниматься делом.

— Вот, принес тебе письмо от старого... гм... знакомого, с которым у вас очень близкие отношения, — сообщил я, старательно не замечая выражение лица Тинни.

Попка-Дурак плюхнулся мне на плечо и, прежде чем я успел опомниться, вякнул:

— Читай письмо, краля. Успеешь еще башку ему проломить.

Тинни так и застыла с разинутым ртом. А я подумал, что надо было, наверное, прочитать письмечко, прежде чем отдавать...

Это письмо написал Дин, под диктовку Покойника, который взял с меня клятву не заглядывать в содержание.

Между тем взгляды всех, кто находился в зале, приковала к себе Белинда. Она ничуть не смущилась, наоборот, вызывающе подбоченилась. О бедном-несчастном Гаррете мгновенно позабыли (признаться, в Тэдовой одежке я выглядел не таким

уж и несчастным, но чувствовал себя паршиво — в жизни этак не выряжался).

С другой стороны, я же хотел оставаться незамеченным. Радуйся, Гаррет, сбылась мечта идиота...

Тинни прочла письмо. Искоса глянула в мою сторону. Холодно оглядела Белинду с головы до ног. Потом вновь повернулась ко мне. Попка-Дурак прочистил горло, но я был начеку — схватил его за шею прежде, чем он выкрикнул хотя бы слово. Он забился, захлопал крыльями, но быстро понял, что я его скорее придушу, чем отпущу, и успокоился.

Тинни, судя по всему, решила, что ей срочно нужен свежий воздух, и направилась к дверям, чеканя шаг, как солдат на параде. Рыжие волосы разлетались в такт шагам. У самой лестницы ее перехватила Аликс, и они о чем-то горячо заспорили.

Я двинулся в глубь зала; Белинда держалась рядом. Народу было не то чтобы много, но больше, чем я ожидал увидеть — прием-то начинался позже. Тех, кого знал, я вполголоса называл по именам, а Белинда повторяла.

Ее имя тоже гуляло по зале — видно, кто-то сообразил, из каких она Контагью.

— А вот и влюбленные голубки, — указал я. — Надо подойти, почтение засвидетельствовать.

— Вид у них не слишком счастливый.

Возразить было нечего: Тай выглядел так, словно с ним минуту назад случился припадок, а Никс явно была не прочь оказаться где-нибудь далеко-далеко отсюда.

Впрочем, заметив краем глаза Белинду, Тай ожидался. Покажите мне того, кто остался бы безучастным!

— Гаррет, как зовут красавицу, которую ты сопровождаешь? — осведомился он, собрав все запасы своей вежливости.

Красавица рядом с ним одарила своего суженого взглядом, весившим, должно быть, не меньше тонны. Конечно, ей Тай Вейдер был ни к чему, но пусть он только попробует засмотреться на кого-то еще! А Гаррет — самая настоящая свинья, раз осмелился привести эту смазливую девку в черном.

— Белинда Контагю. Белинда, познакомься, это Тай Вейдер, принц пивной империи Вейдеров.

Тай не признал в Белинде принцессу организованной преступности. Но в том не было ничего удивительного: даже имя Чодо было известно в Танфере далеко не всем.

— Рад встрече, мисс Контагю. Давно вы знаете этого мошенника?

Они что, все сговорились и теперь весь вечер будут меня обзывать? Ну, кто следующий?

— Целую вечность, Тай. Он оказывал услуги моему отцу.

Я подмигнул Никс. Та, в отличие от жениха, обо всем догадалась. Может, они с Белиндой встречались раньше? По лицу Белинды понять что-либо было крайне сложно.

— Бьюсь об заклад, ваш отец не знает, что этот шельмец Гаррет набился к вам в кавалеры.

Долго ждать не пришлось. Нет, они точно сговорились. Ну и ладно. Эй, кому там еще не терпится унизить доблестного Гаррета?

Белинда усмехнулась — и я уверился в том, что эти красотки знакомы друг с другом.

— С папой случился бы сердечный приступ, узнай он, что мы держимся за руки. — Она подхва-

тила меня под локоть. — Для него я по-прежнему маленькая девочка.

Да, если папаша Контагью однажды узнает подлинную историю Гаррета и Белинды, он из меня кролика сделает. Фаршированного.

Белинда потянула меня прочь. Я подчинился, но не утерпел и оглянулся. Никс наклонилась и шептала что-то на ушко Таю.

Заметив мой взгляд, она снова подмигнула.

От этих женщин неприятностей больше, чем от «Клича», Семьи и Релвея с его командой вместе взятых. Но как жить на свете, когда рядом с тобой нет никакой длинноногой, рыжеволосой, аппетитной...

Тай побледнел и откинулся на спинку коляски.

У Чодо и вправду мрачная репутация.

— Мистер Маренго Норт-Энглиш и мисс Тама Монтецума! — проорал Дженоид.

— Bay! — воскликнул я. — Это уже интересно!

— Что именно?

— Норт-Энглиш всюду представляет Монтецуму как свою племянницу. Я ее никогда не видел, но говорят, что... — Белинда нахмурилась. Опять я что-то не то сказал. — Слухи заставляют предположить, что Маренго Норт-Энглиш регулярно нарушает закон о кровном родстве, не говоря уж о том, что он наверняка обманывает свою жену.

— Не всякому слуху можно верить.

— Дыма без огня не бывает, верно? Пойдем, посмотрим. Я до сих пор видел Норт-Энглиша только издали.

— На что он тебе сдался? Судя по твоим словам, обыкновенный похотливый самец. — Тем не

менее, Белинда не отводила глаз от дверного проема. Свести знакомство с Норт-Энглишем полезно для дела, а уж самец он или не самец — это не важно.

— Дорогуша, цинизм тебе не к лицу. Ты слишком молода и слишком красива.

— Это ты виноват. Развратил меня, животное!

Новоприбывшие остановились на верху лестницы, давая возможность как следует себя разглядеть.

— Подбери слюни, Гаррет, — посоветовала Тинни, возникшая вдруг у меня за спиной. — И рот закрой, а то зубы выпадут.

Я подчинился. Солдат всегда солдат, что на войне, что в мирное время: ему говорят — он выполняет. Но эта Тама Монтецума!.. Доложу вам, это нечто!

Высокая, с мясистым ростом, бедра узкие, движется, как пантера, и прямо-таки лучится вожделением. В одних местах плоско, в других — округлости, и все на своем месте. Кожа оттенка лесного ореха, и гладкая-гладкая, без единой морщинки или трещинки. Ноги от шеи и бесстыдно выставлены на всеобщее обозрение едва ли не до самых бедер. Зубы почти слишком белые и ровные, чтобы быть настоящими. Глаза томные, мечтательные; во взгляде — некое тайное знание, что-то вроде насмешки над мирской суетою. Наряд — скучный, по эльфийской моде, но явно дорогущий; кто-то — верно, дядюшка Маренго — вбухал в него целое состояние.

В общем, она была из тех женщин, к которым мужиков тянет, как магнитом.

— Лежать, песик, — прошептала Аликс, беря меня под руку. Как она подошла, я тоже не слышал. Должно быть, слегка отвлекся.

— Брысь, киски, — огрызнулся я. — Вы же между собой сцепились, вот и продолжайте. — Не умеют они вовремя останавливаться, особенно Тинни.

Аликс прицокнула языком.

— Тинни, он всегда такой толстокожий?

К счастью, в перепалку вмешалась Белинда.

— Гаррет, возможно, я тороплюсь с выводами, но эта женщина не похожа на его племянницу. И не потому, что она смуглая, а он бледнокожий. — Рядом с Тамой Монтецумой Маренго Норт-Энглиш выглядел немногим лучше утопленника. — Больше всего она смахивает на осуществленную мечту старого разврата.

В самом деле. Только я бы заменил «старого разврата» на «невинного юнца». Было в Таме Монтецуме что-то подозрительно чувственное, что-то этакое, чего не скрыть, даже появясь она в монашеском платье и в чепце с оборками. С другой стороны, может, она и впрямь приходится Норт-Энглишу племянницей. В Танфер частенько заглядывают смуглокожие искатели приключений. У некоторых из них хватает духу задержаться здесь на продолжительный срок.

Впрочем, сам Норт-Энглиш смотрел на свою спутницу не так, как смотрит дядюшка на племянницу, пускай любимую. У него был взгляд парня, сорвавшего куш на рулетке. Ну, знаете, такой взгляд, который словно говорит: «Я понимаю, что получил по заслугам, но не могу поверить».

— Можешь ты меня им представить, Гаррет? — спросила Белинда.

— Я? Вряд ли. Так высоко я не летаю. Аликс, познакомишь нас? — Уж Вейдеры точно врашивались в том же кругу, что и Норт-Энглиш.

— Он уже давно у нас не бывал — с тех пор, как я была совсем маленькой. Они с папой дружили, а потом поссорились. Из-за политики. Он меня не помнит, Гаррет.

— Я тоже пас. — Тинни тряхнула рыжими кудрями. — Никогда раньше его не встречала.

— Ну и что прикажешь делать? — ядовито поинтересовалась Белинда.

— Он падок до женской красоты. Просто подойди, назовись и скажи, что хочешь поговорить. Он непременно согласится.

Тинни пробормотала что-то неразборчивое. Готов поспорить на что угодно: произнеси она эту фразу громко, мы бы услышали, что женщина не должна прибегать к столь недостойным методам. И это Тинни Тейт, которая не упускает ни единого случая уязвить своею красотой — по крайней мере, парней по имени Гаррет!

— Пожалуй, так я и сделаю.

— Тогда ступай прямо сейчас. — Норт-Энглиш расхаживал по зале, надутый, как фазан, купаясь в мужской зависти и не замечая, что его исподволь сторонятся. — Тем паче, мне все равно придется тебя покинуть. Пора поискать плохих ребят.

Белинда погладила меня по руке — это жест явно предназначался Аликс и Тинни — и двинулась к гордому собою Маренго.

Кошечки выпускают коготки...

Тинни зашипела.

— Кто эта женщина, Гаррет? — потребовала ответа Аликс. — Зачем ты ее привел?

Тинни не дала мне вымолвить и слова.

— Ее зовут Белинда Контагью. Ее отец — глава танферских уголовников. Она пришла сюда по-

тому, что наш друг Покойник попросил Гаррета привести ее.

Значит, вот что было написано в письме. Но, судя по тону Тинни, письмо не освобождало меня от ответственности.

— Давно ты ее знаешь? — продолжала расспрашивать Аликс. — Почему она держится так, словно ты — ее собственность?

— Несколько месяцев. А с отцом ее мы знакомы гораздо дольше. Как и с твоим, между прочим. Ведет она себя так потому, что ей нравится дразнить Тинни и изводить меня. Как и тебе.

Выстрел попал в цель. Однако одного залпа было мало, а на второй уже не хватало времени, и я решил отступить.

— Пойду поброджу по дому, с вашего разрешения.

— Ты что, работать пришел? — удивилась Тинни.

— Конечно. Гилби сам признает, что охранник из него никудышный. Вот мне и всучили приглашение.

Я двинулся было прочь, но девушки последовали за мной.

— Э... Дамы...

— Я покажу тебе дом, — радостно сообщила Аликс.

Выражение лица Тинни можно было истолковать одним-единственным образом: она ничуть не сомневается, что на уме у Аликс совсем другое. Я вздохнул. Ну почему мне не пятнадцать лет? В моем нынешнем возрасте две девицы сразу — это уже чересчур.

— Что ж, — сказал я, подавив мысленный стон, — пошли прогуляемся, посмотрим, легко ли проникнуть в дом без приглашения.

29

Девицы приклеились ко мне, точно тени. Выждав миг, когда мы с Тинни отстали от Аликс на какой-нибудь шаг, я на долю секунды сжал пальцы своей подружки, а потом спросил у Аликс:

— Сколько помощников вы наняли?

— Что?

— Ваша прислуга явно одна не управилась бы — ни на кухне, ни в зале. Плюс музыканты, плюс еще кто-нибудь..

— Не знаю. Спроси Манвила или Джерриса. А лучше Ланса.

По-моему, она таки заметила наше с Тинни мимолетное рукопожатие.

Прежде всего дело. Итак, если кто-либо вознамерился проникнуть в дом Вейдеров, самый простой способ — наняться в обслугу на сегодняшний вечер.

В нашем ремесле порой срабатывает интуиция.

Или же ты что-то видишь, но не обращаешь внимания, зато мозг продолжает переваривать и сопоставлять факты — и внезапно возникает мысль, столь отчетливая, словно ты невзначай заглянул в будущее...

— Начнем с кухни, — предложил я. Больше всего по определению пришли там. Такое празднество требует усиленной готовки — варки, жарки, парки и т.д., и т.п.

. — Идите за мной. — Аликс откровенно обрадовалась тому, что я не предпринимаю новых попыток помириться с Тинни. Должно быть, в детстве ей не хватало родительской заботы — отец строил свою империю, а мать уже в те годы начинала тихо угасать.

Следовать за Аликс было совсем не трудно. Куда труднее оказалось притворяться, будто меня совсем не интересует изящная спинка и округлости ниже, шаловливо колыхавшиеся при каждом шаге.

— Гаррет, перестань плятиться! — прошипела Тинни. Я обернулся. В глазах моей подружки играли бесенята. В таком настроении она мне особенно нравится. К несчастью, Аликс находилась совсем близко и не дала нам поворковать.

Мы вошли в кухню.

Найдется не одна религия, в которой ад и прохладнее, и тише, и пустыннее, нежели эта кухня в доме Макса Вейдера. Заправляла всем тетка с громовым голосом, такая громадная, что сперва я принял ее за троллиху или огрицу. Но нет, она оказалась обыкновенной женщиной, просто очень толстой, очень властной и очень шумной. Голос ее не умолкал ни на мгновение и заполнял собою, казалось, всю кухню, проникая в самые укромные уголки. Акцент выдавал эмигрантку. Отряды поваров, пекарей, новарят, мальчишки, поддерживавшие огонь в печах, раздувавшие меха, таскавшие со двора корзины с углем и вязанки хвороста, — все крутились, как угорелье, и всех подгоняли окрики и насмешки, сыпавшиеся непрерывной чередой.

Наше появление не осталось незамеченным. Тетка развернулась, расправила плечи, набрала в грудь воздуха... Но тут она узнала Аликс.

— Мисс Аликс! — прогремела она. — Вам тут делать нечего! Сегодня вечеринка, ну да. А на вас платье нарядное, ну да!

— Мистеру Гаррету потребовался провожатый.

Тетка уронила подбородок на грудь и бросила на меня испепеляющий взгляд из-под густых, как живые изгороди, бровей.

— Гаррет, говорите? Тот, что ли, Гаррет, а?

— Какой? — уточнил я. Лично я понятия не имел, кто она такая, а вот меня, похоже, здесь знали. А что, если у нее ко мне какой-нибудь давний счет?.. — И потом, мы разве знакомы?

— Может, и не знаком, ну да. Так я спрашиваю, ты тот Гаррет, что ли? Который хозяину помогает? Который в пехоте морской лямку тянул, а? Тот моего сынка из болота вытащил, ну да. Из пасти крокодильей, точно.

— Да. Да. Не знаю, мы друг друга столько раз отовсюду вытаскивали. Помню, правда, я помог выбраться парню, фамилия которого была Харман, но всего звали Бобби-Утка, уж не знаю почему...

— Энто он, сынок мой, ну да. Он с малолетства такой был, верно. Не правилось ему имечко его, ну да. Всегда себя Бобби называл.

В следующий миг меня заключили в объятия, в которых я попросту утонул — ну да, утонул. Перед тем как мое дыхание пресеклось, я успел подумать, что напаша Бобби-Утки был настоящий мужик, ну да, ну да.

Наконец объятия разомкнулись. Некоторое время я жадно хватал ртом воздух, как свежепойманная рыба. А тетка объявила:

— У меня работы полно, ну да! А коль за олухами энтими, лентяями да бездельниками, ну да, не приглядывать, так они...

— Сколько человек вы наняли на сегодня? — перебил я. — Среди них могут быть злоумышленники. — Будем надеяться, мое воображение не слишком разыгралось.

Она ответила сразу, не задумавшись ни на секунду:

— В кухне четырнадцать, ну да, точно. А на дворе Дженорд энтот, он шестнадцать нанял, ну да.

Джеррис Дженорд... Мы были с ним знакомы ровно настолько, чтобы невзлюбить друг друга. Большего сноба я в жизни не встречал; Тай Вейдер рядом с ним — просто душка. С Дженордом каждый день случалась истерика из-за того, что таких, как я, пускали в приличный дом. Если бы не распоряжение Гилби, он бы с превеликим удовольствием захлопнул дверь перед моим носом.

Может, мне удастся его обойти.

Может, мне повезет и вообще не придется ничего делать.

— Других посторонних нет? — справился я. — Гости, разумеется, не в счет.

Кстати, не забыть про музыкантов.

Тетка кивнула и отвернулась, не в силах более сдерживаться. По кухне прокатились громовые раскаты.

— Кто она такая? — поинтересовался я у Аликс. До сих пор на кухне в доме Вейдеров мне бывать не доводилось.

— Ее зовут Нейрса. Нейрса Бинтор. Она командовала на кухне еще до моего рождения. Даже папа опасается с ней спорить.

Тетка перестала рычать на подчиненных и вновь повернулась ко мне.

— Эй, Гаррет! Тебе, верно, любопытно будет. Кое-кто из наемных себе на уме, ну да. Так и норовят внутрь пробраться, точно. Видно, стырить чего хотят, ну да. Нейрса за ними следит, ну да, да разве за всеми-то углядишь?

— Спасибо, — поблагодарил я. Вот и подтверждение моих страхов. — Обязательно учту. — Я

огляделся. — Думаю, никто из этих людей в толпе гостей не затеряется. — В большинстве наемных слуг с первого взгляда угадывались оборванцы, привыкшие перебиваться случайными заработками. Их, конечно, приодели, но повадки и вороватые взгляды не скроет никакая одежда. — Они сейчас все здесь?

Нейрса снизошла до величественного кивка.

— С вашего разрешения я здесь немного поболтаюсь, погляжу, что да как.

— А нам что делать? — спросила Аликс. Пожалуй, она решила, будто я ищу повод улизнуть.

— Подождите меня. Я быстро. — Любой нормальный мужчина, тронутый прелестями крошки Аликс, пообещал бы ей что угодно, даже понимая, что не сдержит своих обещаний.

Пожалуй, ей не помешает бдительный родительский надзор.

30

Я и вправду не задержался. Честно говоря, ароматы готовящихся блюд вкупе с запахом множества немытых тел, да еще скученных на крошечном пространстве, были чересчур даже для моего не то чтобы утонченного нюха. Кроме того, наемная обслуга никак не производила впечатления людей, достаточно разумных (или слишком глупых) для того, чтобы злоумышлять против Макса и его пивоварни. И потом, стоит кому-нибудь из этой публики появиться в зале, мой нос мгновенно меня известит.

Будь я злодеем, решившим учинить что-нибудь этакое, я бы затесался в «дворовую команду» Джениорда. Они и выглядят поприличнее, и манеры у

них на уровне. Вдобавок их пускают в те помещения, куда кухонной обслуге вход заказан.

Короче говоря, я вернулся к Аликс и Тинни.

— Пошли отсюда, чего зря париться. — Мы направились к двери, причем я краем глаза продолжал наблюдать за тем, что творилось на кухне. Когда мы вышли в залу, я спросил: — Не видели, за мной никто не следил?

— Я, — немедля откликнулась Тинни.

— Чего? Что «я»?

— Я за тобой следила. Пристально. — Она подмигнула.

Аликс это пришлось не по нраву.

— А ты что скажешь, Аликс?

— Она меня опередила. — Аликс высунула язычок — видимо, в ответ на соответствующую гримаску Тинни. — Не считая нас, никто не смотрел в твою сторону. Да тебя, между прочим, было и не отличить от прочих. Ты словно родился на кухне. И наряд не спас.

А Белинда уверяла, что костюм Тэда Вейдера идеально подходит для подобных вечеринок.

— Чем тебе не нравится мой наряд?

— Гаррет, тебя как ни наряди, ты все равно собой остаешься. — Тинни хихикнула.

— Когда мне захочется оскорблений, я позову своего попугая. — Кстати, а куда подевалась эта треклятая птица? Может, боги наконец смилиостились... Я имею в виду, конечно, толковых богов, способных проследить, чтобы Покойник не выпал в осадок, пока мы — я и попугай — в доме Макса. Страшно даже представить, что может произойти, если птичка окажется на свободе...

— Он где-то гам, — Тинни махнула рукой. — Развлекает гостей вместо главного клоуна.

— Куда дальше? — спросила Аликс.
 — К официантам, которых нанял... Эй!
 — Что?
 — Знакомое лицо! Даже два! — Я углядел среди слуг в ливреях физиономии Трейса Уэндовера и Картера Стоквелла, тех самых парней, что приходили ко мне агитировать за права людей. Замечу мельком, что слуги Макса щеголяли в роскошных, сверкающих позолотой ливреях, а наемных обрядили в поношенные и чуть ли не траченные молью.

Трейс тоже заметил меня и, вместо того, чтобы помахать рукой, бочком-бочком двинулся к Стоквеллу. Тот насторожился, принял озорство, потом подставил ухо, чтобы Трейс нашептал ему новости.

— Я был прав. Что-то и в самом деле намечается.

— Что стряслось?
 — Тут находятся двое парней из Вольных Сообществ. Вопрос — с какой стати? — Ни Уэндовер, ни Стоквелл не произвели на меня впечатления сирот, перебивающихся с хлеба на воду и согласных на любую работу. Эти красавчики, вне сомнения, жили в достатке, и податься в поденники их заставила отнюдь не нужда.

— Предупредить Манвила? — справилась Аликс.

— Не торопись: Приглядывайте, чтоб никто не подобрался ко мне со спины... Вот зараза!

— Что? Что?
 — Стоило отвести взгляд, как они смылись. — Но куда? Поблизости от того места, где они только что стояли, не было ни двери, ни раскрытоого окна, да и число ливрейных слуг как будто не

уменьшилось. Однако Уэндовер со Стоквеллом словно испарились.— Пожалуй, придется звать Манвила.

Мне определенно не нравилось то, что затевалось на моих глазах.

31

Гилби привел с собой Ланселина Мака и полдюжины коренастых грузчиков, чей облик никак не вязался с праздничной атмосферой.

— Ну что? — спросил Манвил, воинственно раздувая ноздри.

— Я заметил двух ребят из Вольных Сообществ. Одного зовут Трейс Уэндовер, другого Картер Стоквелл. Вчера они пытались меня завербовать.

— Любопытное совпадение.

— Да уж... Они заявились ко мне домой и требовали, чтоб я вступил в ряды Черных Драконов Вальсунга.

— Никогда о таких не слышал.

— Я тоже. Здесь мы углядели друг друга почти одновременно. А потом они взяли и исчезли. Я отыскал мистера Грессера. Вот он, с дамами любезничает. Он говорит, что таких имен в его списках нет.— Грессер командовал наемной прислугой.

— Ну, они вряд ли записались бы под настоящими именами.

— По-моему, с них бысталось.— У нас в Танферре плохие парни особой сообразительностью не отличаются.— Грессер согласился признать, что в его банде были двое, внешность которых отвечает моему описанию. Но не более того.

Грессер, маленький человечек с бегающими глазками, пребывал в состоянии крайнего возбуж-

дения, вполне объяснимого для мелкого начальника, который опасается, что если вечер будет испорчен, ему завтра же укажут на дверь. И все из-за того, что в число его подчиненных затесались подозрительные личности.

Гилби смерил Грессера суровым взглядом.

— Грессер, тебе известно хоть что-нибудь о твоих людях?

Я вздохнул. Признаться, я сомневался, что Гилби воспринял мои опасения всерьез. Я и сам не ведал, насколько они обоснованы. С другой стороны, интуиция редко меня подводила. Замечательный дар; жаль, что проклевывается редко.

— Ну как я мог проверить всех до единого? — оправдывался Грессер. — Времени-то в обрез было. Тут ведь как: даешь, значит, объявление о работе, сперва берешь тех, кого знаешь, а из остальных выбираешь народ потрезвее да одетый поприличнее, да тех, кто не станет сморкаться в скатерть или, значит, благородных дам щупать. А уж потом, коли время останется, спрашиваешь, кто чем раньше занимался...

Прислушиваясь вполуха к оправданиям Грессера, я одним глазом следил за Тинни (если ей и было боязно, то виду она не подавала), а вторым присматривал за Аликс, для которой все происходящее было грандиозным приключением. Казалось, еще чуть-чуть — и она от восторга запрыгает, как трехлетний ребенок.

У тебя замечательно получается, детка.

Итак, оба моих глаза и одно ухо были заняты, зато второе оставалось свободным. И благодаря этому я услышал знакомый голос.

Стоило мне обернуться, как все разговоры смолкли.

Этот голос я слышал на конюшне!

Голос голосом, но среди лиц вокруг — ни одного, хотя бы отдаленно похожего.

Рядом со мной внезапно возник Ланселин Мак.

— Слыхал? — Он замер в классической стойке гончей. — Нет, показалось...

— Тебе почудилось, будто ты слышал тот же голос, что вчера в конюшне?

— Угу.

— И мне тоже.

— Я его не вижу.

— А я не вижу не только его, но и тех двоих парней, которые были тут пару минут назад.

— И что это значит?

— Пока не знаю. По-моему, попахивает колдовством. — Простофиля ты, Гаррет: нет чтобы сразу догадаться. — И этот запах мне не нравится. Где Тай?

— На небесах от счастья. Все его поздравляют, руку жмут, подарки дарят... А Никс злится. В этой одежде тебя и не узнать. Я со спины поглядел — так вылитый Тэд. И поза у тебя была тэдовская.

— Извини.

— Да брось ты! Лучше скажи, что нам делать.

— Максу пока не следует выходить к гостям.

Те ребята с конюшни раскололись?

— Они ничего не знают. Вступили в Сообщества на прошлой неделе. Им велели проучить тебя, если ты начнешь вынюхивать. Со своими они связываться не хотели, но ты всегда был занозой в заднице, так что угрозениями совести они особо не мучились — пока Тай не пригрозил ихуволить.

— Помогло?

— Естественно. За права человека всегда приятнее бороться, когда у тебя есть работа. Но они не знают даже имен тех, с кем пришли на конюшню. Те не представлялись. А узнавали они друг друга по паролю. Вот и все.

— Бред какой-то, — пробормотал я.

— Времена меняются, и не сказать, чтобы к лучшему. Люди напуганы, Гаррет. Им обязательно надо кого-нибудь обвинить. Когда в городе полным-полно бывших солдат, нелепо надеяться, что ничего не случится.

Как ни поверни, он всюду прав.

Я приметил, что на меня то и дело косится какой-то тип в ливрее. Мне он был незнаком. Надо за ним последить...

— Ты видел Киттиджо? — спросил Ланс.

— Несколько лет назад, — ответил я. — С тех пор мы не встречались. — Киттиджо была старше Аликс на десять лет. Подобно Таю, она постоянно пребывала в миноре. Поговаривали даже, что она пыталась покончить с собой.

Возможно, какой-нибудь мерзопакостный завистливый божок вознамерился преподать Максу Вейдеру урок смирения. Как всегда: невинные страдают, а злодеи грабят и убивают, и им все сходит с рук — пока не появятся другие, еще более жестокие, и не придушат своих предшественников. Принцип Макса — играть по-честному; он всего добивался собственными мозгами и тяжким трудом. И потому, наверное, одного сына он потерял, второй спятил, третий остался инвалидом, у старшей дочери не в порядке с головой, а любимая жена угасает и чахнет день ото дня. Мало того, теперь к нему в дом норовят заползти ядовитые политические змеюки.

Еще немного, и я тоже рехнусь, как Том Вейдер.

— Она спустилась вниз. Сказала, ей не терпится повидать гостей. Радовалась, как ребенок на дне рождения. Давненько я не видывал ее такой веселой.

— По-моему, ты чересчур наблюдателен.

Ланс криво усмехнулся.

— А ты соображаешь, Гаррет. Не знаю, как это получилось. Я-то нацеливался на Аликс. Изо всех сил старался, но... Здравый смысл подсказывал, что ты если и западешь на кого из Максовых дочек, то выберешь Аликс. Она единственная нормальная в этом доме, не считая старика.

А я-то думал, что его... гм... влечет к Таю! Главное в нашем деле — не торопиться с выводами. Внешность, как известно, обманчива.

Я слишком долго глядел на Ланса. Разумеется, того подозрительного типа и след простыл.

— Надо им на спины номера повесить.

Нет, как хотите, а без колдовства точно не обошлось.

К нам подошел взъерошенный Гилби.

— Гаррет, Макс просил передать, чтоб ты отправлялся ису под хвост. Это его слова, не мои. Еще он сказал, что, пусть на крыше сидит отряд венагетов, а в кухне прячутся коммандос, прием все равно начнется, и что тебе пришло время отрабатывать твоё содержание.

— Он хозяин, ему виднее. Надеюсь, моя интуиция наконец-то меня подведет. Очень на это надеюсь.

32

Из залы донесся шум: женский визг вперемешку с мужским хохотом. Неужто?.. У меня было дурное предчувствие, но я привык смотреть в лицо опасности...

Так и есть. Сбылись мои наихудшие опасения. Попка-Дурак обрел долгожданную свободу и явно успел что-то учинить. Дамы пытались его изловить. Кавалеры с интересом взирали на их попытки и подавали ценные советы.

Мне вдруг пришло в голову, что если треклятой пташке вздумается присесть на мое плечо, я окажусь в незавидном положении.

Ну, Морли Дотс, ты мне заплатишь. Ты мне за все заплатишь!

— Сделай что-нибудь! — прошептала Аликс.

— И все поймут, что эта гадина со мной?

— Но...

— Пускай развлекается. Если ему свернут шею, я плакать не буду. Манвил, там хватит людей приглядеть за обслугой?

Гилби застонал — точнее, заскулил, как побитый пес. Еще бы: Вейдеры собирались устроить прием, который стал бы гвоздем сезона. Судя по всему, это и будет гвоздь — в крышку гроба. Так что я Манвила вполне понимал.

— А ты сам не справишься?

— Зала большая, а подозрительных типов у нас аж восемнадцать.

— Шестнадцать, сэр, — возразил слегка приободрившийся Грессер. — В моем списке шестнадцать человек. Вот, посмотрите!

— Спокойнее, Грессер. Списки списками, а я пересчитывал их по головам, причем дважды. И оба раза у меня получалось восемнадцать. Или ты нанимал пару двухглавых? Пораскинь мозгами, приятель. Среди твоих подчиненных — двое приблудных. Подумай, как их отличить и изловить.

— О боги! Я этого не вынесу, сэр! Конченый я человек! Выгонят меня...

— Грессер, уймись! Никто тебя не выгонит, если ты соизволишь наконец делом заняться. Давай, пошевеливайся!

— Слушаюсь, сэр, — и он умчался собирать свою шайку.

— Экий живчик, — пробормотал Гилби.

— Где ты его нашел?

Манвил пожал плечами.

— Дженоид привел. Утверждал, что на него можно положиться.

— Мистер Гилби! Мистер Гилби! — Грессер был сам не свой от возбуждения. За ним следовал угрюмый Ланселин Мак. Заскучавшая было Аликс тоже оживилась и двинулась в нашу сторону.

— Да, мистер Грессер?

— Мистер Гилби, с величайшим прискорбием вынужден признать, что этот господин абсолютно прав. У меня в подчинении не шестнадцать человек, а больше, и все говорят, что так и было с самого начала. Цифры называют разные — кто восемнадцать, а кто даже двадцать человек. Но по моим спискам их должно быть шестнадцать! Не понимаю, что случилось. Мне крайне перед вами неволовко... Но уверяю вас, утром работников было ровно шестнадцать!

Естественно, голова садовая! А потом еще парочка прибилась — ты и не заметил, когда и как.

— Два официанта только что рванули на кухню, — сообщил Ланс. — И пока не выходили.

— Гаррет! — окликнула меня Аликс. — Официант...

— Знаю. Ланс сказал, что они ушли на кухню.

— А вот и нет! Этот схватил поднос с едой и направился в залу.

— Один из тех двух? — уточнил я.— Или третий?

Гилби насупил брови и повернулся к Грессеру.

— Сколькоих бандитов вы привели в этот дом? — сурово вопросил он.

Я тоже вперил в Грессера свой всепроникающий взор. Грессер вызывающе выпятил подбородок. Ланс прикинул диспозицию и переместился Грессеру за спину.

— Я их только нанял! — воскликнул коротышка. — Понимаете, просто нанял, и все! Это моя работа! Когда срочный заказ, каждого проверять не будешь, я же объяснял!

— Поверим ему на слово? — спросил я.

— Думаю, да, — отозвался Гилби. — Он и вправду, похоже, не встречал никого из этих парней до сегодняшнего утра. — Манвил на секунду задумался. — Ланс, держись поближе к Таю. Я пошлю двоих-троих приглядеть за Максом. Гаррет, а тебя...

— Я пока поброжу по дому. Может, на кого наткнусь.

У заговорщиков наверняка есть план действий. Знать бы какой! Конечно, Стоквелл с Уэндовером на командос никак не тянут, но от них того и не требуется: не окажись на кухне некто Гаррет, их бы ни в чем не заподозрили.

Отсюда вопрос: насколько появление Гаррета соответствует планам наших неведомых врагов? Слишком много совпадений: сперва меня пытаются завербовать, потом норовят запугать... Нет, мне точно отведено какое-то место в их плане...

Чем же старина Макс Вейдер так досадил Черным Драконам Вальсунга? Надо будет поразмыс-

лить на досуге. А пока — не мешало бы поймать тех, кто проник в дом.

Я оглянулся. Гилби и Ланс уже ушли, Аликс и Грессер ожидали моих распоряжений.

— Мистер Грессер, можете приступать к исполнению своих прямых обязанностей. Покажите, на что вы способны. Я вам больше докучать не стану. Мало того, я вас больше ни в чем не подозреваю.

Коротышка поклонился. Как легко его осчастливить!

— Надеюсь, вы понимаете, что за остальных я ручаться не могу?

Он потупился и кивнул.

— Отлично. Ступайте!

— Я ему не доверяю, Гаррет, — сказала Аликс, провожая Грессера взглядом. — Неприятный тип, вертлявый, и смотрит так, будто готов раздеть меня прямо здесь.

— Bay! Еще бы ему на тебя иначе смотреть, лапушка! Смотрел бы он по-другому, я бы его к врачу отправил.

Аликс прыснула и лукаво на меня покосилась: мол, а ты не прочь девушку раздеть?

Не сегодня, дорогуша. Как-нибудь потом... может быть...

— Скорее всего, ему понравилось твоё платье, — продолжал я. — Последи за ним, хорошо? И подскажи заодно, где найти Тинни? — Моя рыжеволосая подружка испарилась, подобно Стоквеллу с Уэндовером.

— Не знаю. — Аликс обиженно надула губки: только она разохотилась, а я снова куда-то ускользаю. — Минуту назад была здесь.

Ладно, найдется. Ее отсутствие мне даже на пользу — под ногами путаться не будет. Что ж,

вперед, Гаррет! Вперед, пока тебе на голову не свалились *настоящие* неприятности.

33

По парадной лестнице я поднялся на второй этаж. Постоял у двери в кабинет Вейдера, потом направился к черной лестнице: нетрудно предположить, что плохиши в открытую по дому шастать не станут. Тишина... Ни единого звука, только доносится снизу музыка.

Вот и черная лестница. Я осторожно двинулся вверх. Скорость, с какой подозреваемые прямо-таки растворились в воздухе, наводила на мысль, что они отлично ориентируются в доме. Вывод напрашивался сам собой: у них был лазутчик среди вейдеровской прислуги. Не сказать, чтоб этот вывод меня грел...

Оружия у меня при себе не было, если не считать мозгов, а значит, плохишам не составит особого труда обезоружить меня. К тому же, теперь они знают, чего от Гаррета можно ожидать.

Кто-то кого-то одурачил. Очень не хотелось, чтоб этим одураченным оказался ваш покорный слуга.

Честно говоря, я ожидал засаду на третьем этаже. Но мои ожидания не оправдались. Снова никого. Правда, я не стал заглядывать в одну из комнат, но там делать было точно нечего. В этой комнате медленно угасала Ханна... В известной степени они с Покойником схожи, но Покойник проугасает еще невесть сколько, а вот она...

Воздух разорвал истошный вопль. Бедняга Том опять за свое... Впрочем, этот вопль зву-

чал немного иначе, нежели предыдущие. Неужто демоны в его сознании обрели плоть и кровь?

Без привычной дубинки я чувствовал себя совершенно беспомощным, как если бы оказался нагишом на людной улице. Жаль, что дубинка никак не подходила к костюму, в который меня обрядили стараниями Макса. Эх, надо было прихватить с собой трость; она бы и к наряду подошла, и для дела пригодилась. А еще лучше — трость-шпагу, как у Морли Дотса...

Я огляделся. В пределах досягаемости ничего полезного не обнаружилось. Выше второго этажа обстановка в доме Вейдеров оскудевала на глазах. Нет чтобы какая-нибудь булава нашлась или старый заслуженный цеп... Манвил говорил, что все оружие со стен поснимали — так, на всякий случай — и свалили грудой в кабинете Макса.

Еще один вопль. В нем явственно слышалась не душевная — физическая боль. Неужели Уэндовер со Стоквеллом мучают несчастного Тома? Да нет, чушь собачья... Даже если у кого-то остались не сведенными старые, кантардовские счеты, какой резон, какое удовольствие, если хотите, мучить человека, который сам себя не помнит? Том Вейдер обитает в мире, куда нет доступа никому кроме него...

Чушь. Полная чушь.

Вся проблема в том, что мне не хватает фактов, а без них картину не выстроить. (Слышал бы меня Покойник, вот бы порадовался: наконец-то я начал усваивать его уроки). Но где их взять, эти факты, если и расспросить-то некого?

На лестнице внизу послышались шаги. Кто-то поднимался на третий этаж, стараясь идти беззвучно, —

но это у него плохо получалось. Попался, голубчик! Присяду-ка я, укроюсь за парапетом, а как ты окажешься наверху, тут я тебя и сцеплю.

Я притаился и стал ждать.

На площадке между этажами показалась... Аликс. Девушка не поднимала головы, тщательно выбирая место, куда поставить ногу. Я вздохнул и выпрямился в полный рост. Аликс краем глаза заметила движение и вззвизгнула от неожиданности.

— Вот так встреча, — проворчал я. — Ну, дитя мое, каким ветром тебя сюда занесло?

— То есть?

— Что ты здесь делаешь?

— Тебя ищу. — Она состроила невинную гримаску, это у нее здорово получалось. Но меня такими штучками с толку не собьешь, и пытаться нечего. Не действовал даже запасной вариант, когда Аликс подалась вперед, и моему взгляду открылось ее декольте — до самой талии. Что ни говорите, а Гаррет у нас — кремень. — Я видела, как ты свернулся на черную лестницу.

— Аликс, мы тут не в игрушки играем. Ты и себя подставить могла, и меня. Что на тебя нашло? Побоку все прочее, ты представляешь, какую сцену закатит нам Тинни?

Девушка протиснулась между мною и парапетом. Эти лестницы такие узкие. И теплые... просто чудовищно теплые.

— Аликс...

— Не прогоняй меня, Гаррет.

Я заткнулся. Даже Гаррет может хранить молчание, когда это необходимо. А по тону Аликс и последний олух догадался бы, что сейчас лучше всего промолчать.

— Ш-ш! — прошептала Аликс, кладя руку мне на колено.

Я кивнул: мол, понял. Я тоже слышал этот звук — наверху негромко хлопнула дверь и кто-то вышел на лестницу. Засада оказалась не напрасной. Я повернулся к Аликс и сделал ей знак не высовываться, а потом медленно выпрямился.

Встал так, чтобы сверху меня можно было заметить лишь в самый последний момент, затем помог подняться Аликс, ткнул пальцем вниз и прошептал одними губами: «Спускайся. Только тихо».

Побледневшая Аликс подчинилась без возражений.

На лестнице показался мой старый знакомый Картер Стоквелл, за ним, естественно, двигался Трейс Уэндовер. На плечах они несли чье-то тело...

Я вышел из укрытия.

— Привет, Картер!

Стоквелл подпрыгнул от неожиданности, Уэндовер замер как вкопанный. Я не стал терять времени: подскочил и от души врезал Стоквеллу по уху. Он обмяк. Для верности я наподдал ему еще пару раз, после чего развернулся к ошарашенному Уэндоверу. Сверху кто-то гаркнул:

— Что там у вас?

Я переступил через Картера, подошел вплотную к Трейсу, изнемогавшему под бременем похищенного тела, и крикнул, обращаясь к третьему — тому парню с конюшни:

— Снова я! Покажи-ка свое приглашение.

Парень с конюшни кубарем скатился по лестнице. Мне даже почудилось, что он сметет с

дороги своего приятеля Трейса, чтобы добраться до меня.

Размахивался он слишком долго — я успел увернуться, и его кулак врезался в стену с такой силой, что полетела штукатурка. Он заскулил, попятился, стал дуть на ушибленные костяшки. Трейс наконец очухался, бросил свой груз и кинулся бежать. Я прыгнул за ним, схватил за штанину... Дубина ты, Гаррет! Учили тебя учили, что и клерк от испуга озвереть может, а ты не послушал... Короче, старина Трейс засадил мне пяткой по физиономии. Я покатился по ступенькам, успешно зарабатывая новые синяки, будто мало было предыдущих, полученных в той самой конюшне.

Наконец падение прекратилось, и я кое-как встал. На глаза навернулись слезы. Пока я падал, Трейс не преминул улизнуть: как говорят в армии, предпринял стратегическое отступление.

Похоже, нам с этим Трейсом никогда не стать закадычными дружками.

Я поднялся на площадку, и тут кто-то схватил меня за ногу, подобно тому, как я минуту назад хватал Уэндовера. Я рухнул навзничь, прямо на неподвижное тело, и очутился лицом к лицу с похищенным. Должно быть, это Том Крикун: с лица вылитый Тай Вейдер, только постарше и менее жизнерадостный.

Он дышит или нет?

Может... Нет, Гаррет, не сейчас. Тебя снова колошматят.

По правде сказать, меня не колошматили: просто кто-то лез по мне, как по лестнице. Это был Стоквелл, пришедший в себя и решивший под шумок смыться. Смекалистый малый! Я отпихнул его и сел, притворяясь, будто в состоянии защищаться.

Картер не успел сделать и двух шагов, как Аликс — вот же вредная девчонка! Я ведь ее вниз отправил! — как Аликс примерилась и саданула ему по башке своей бальной туфелькой. Не ожидавший этакого подвоха Стоквелл вторично погрузился в беспамятство.

— Спасибо, — пробормотал я. — Это Том, верно? И как ты здесь очутилась? Ты же должна быть внизу.

— Угу, — на второй вопрос она предпочла не отвечать. — Гаррет, что происходит? Кому мог понадобиться мой брат?

— Сам хотел бы знать. Давай свяжем этого клоуна, чтобы он снова никуда не испарился.

И надо искать остальных. И наплевать, что их двое или трое на меня одного. Все равно найду. Вот только не забыть бы, что тут наверняка не обошлось без колдовства...

— И чем мы его свяжем? — раздраженно спросила Аликс. Она была права. Ох уж эти мне чистюли: прибирайтесь на здоровье, но надо же и о близких позаботиться — нет чтобы оставить хотя бы один моток веревки на вбитом в стену крюке!

— Ладно, принесу что-нибудь сверху. Если пошевелится, дай ему как следует. — Почему-то мистер Картер Стоквелл не вызывал у меня ни малейшего сочувствия.

Четвертый этаж встретил меня мертвой тишиной. Я шагал осторожно, почти крался. Шайке клерков не составит труда одолеть одинокого морского пехотинца, если тот позволит застать себя врасплох.

По счастью, ни я не сгупил, ни клерки не проявили энтузиазма. Их и след простыл. Этаж был пуст.

Я поднялся сюда впервые за много лет. Здесь обитали отпрыски папаши Вейдера и старшие слуги: у первых были апартаменты, у вторых — закутки... В коридор выходило множество дверей, одна из которых была распахнута настежь. Я приблизился, остановился, вслушиваясь. Да, с годами поневоле становишься осмотрительным...

Мне отчаянно недоставало Морли Дотса. Я привык к тому, что во всяких переделках старины Морли прикрывает мою спину — а то и вперед лезет, когда на него находит. Хотя в последнее время Дотс изменился; если так и дальше пойдет, с него станется вообще порвать с «левыми» делишками и стать законопослушным крентицем. По-моему, он был чересчур озабочен тем, что стареет...

Никто не прыгнул на меня, когда я метнулся в дверной проем. Ау, плохиши! Небось сидят себе в укромном уголке, руки потирают да потешаются над бестолковым Гарретом, глотающим пыль на пустом этаже.

Это оказалась комната Тома. Обстановка скучная, на стене у двери висит смирительная рубашка и прочие приспособления на случай, если Том начнет бузить.

Дух в комнате был такой, что я чуть не подавился.

На месте папаши Вейдера я бы поместил Тома в более веселое окружение. Нарисовал бы на голых стенах картинки всякие — пастушков с пастушками, что ли, или зверюшек каких-нибудь. С другой стороны, чего особенно веселиться? Ведь мир, в котором мы живем, — бесконечная череда скорбей и смертей... Я задержал дыхание и, пя-

тесь, выбрался в коридор, где воздух был относительно свежим.

В голове постепенно прояснялись. Это же надо, как заразно безумие, если оно пропитало всю комнату! Или наоборот — комната превратила Тома в того, кем он стал? Может, всему виной эта вонь?

В дальнем конце коридора, у парадной лестницы, мелькнул чей-то силуэт. Я успел заметить что-то красное — верно, рукав платья или что-нибудь в том же роде. Хотел было побежать туда, но вдруг на меня навалилась чудовищная апатия: дышать и то приходилось через силу.

Короче, когда я таки добрался до парадной лестницы, на ней, разумеется, никого не было.

Что называется, по долгу службы я проверил остальные помещения на этаже, но не нашел ничего сколько-нибудь интересного.

Где Аликс? Честно говоря, я был несколько удивлен, что она, с ее-то характером, до сих пор не путается у меня под ногами.

35

Апатия помаленьку проходила, и моя тревога за Аликс становилась все сильнее. В конце концов я решил сходить и посмотреть, где она.

Того, кто всегда ожидает худшего, редко подстерегает разочарование. Случаются, конечно, и приятные исключения...

Однако на сей раз все сложилось так, как и должно было сложиться.

Аликс без чувств распростерлась на полу. Кто-то тюкнул ее по макушке и удалился в неизвестном направлении. Мистер Картер Стоквелл

вновь испарился. Тело Тома Вейдера также исчезло. Мало того, Аликс была полураздета. Нет, я все понимаю; покажите мне того, кто останется равнодушен к ее прелестям, но лестничная площадка все-таки — не самое романтическое место в доме. Да и предаваться любовным утехам с девицей, которая ничего не воспринимает... Может, кому-то и нравится, но это не по мне.

— Эй, лапушка! — позвал я. — Просыпайся! Аликс! Хватит дурака валять! — Попробовать, что ли, тот способ, каким приводят в чувство героинь во всяких сказках? Нет, не стоит: на меня и без того слишком многие зуб имеют...

Аликс шевельнулась, застонала, попыталась сесть.

— Что стряслось? — спросил я, помогая ей выпрямиться.

— Разве не видно? Кто-то на меня напал. — Раздражение Аликс было вполне объяснимо. — Поднялся снизу и... Ты что, не слышал, как я кричала?

— Нет. — Я был совершенно искренен: будучи наверху, я не слышал ни единого звука.

— Так вот, я кричала. Громко-громко. А когда попыталась убежать, то споткнулась о Тома и получила по голове прежде, чем успела встать. — Тут она заметила, в каком состоянии ее одежда. — Это еще что такое? Сказал бы, я сама бы все скинула.

— Это не я. Бесчувственные девушки не в моем вкусе.

— Даже не знаю, то ли радоваться, то ли обижаться.

— Я вовсе не хотел тебя обижать. — Вечно женщины понимают меня неправильно. Наверное, они это делают нарочно.

— Так что? Я вполне пришла в себя...

— Звучит заманчиво, вот только времени в обрез. По дому шастают какие-то гнусные типы, и мы понятия не имеем, что им нужно. Что с Томом сталося, не знаешь?

— Нет. Думаю, они продолжили то, чем занимались, когда мы их прервали.

— Может быть. Вставай, поправь одежду. Я хочу потолковать с твоим отцом.

— Не оставляй меня здесь.

— Я и не собираюсь. Поэтому ты должна выглядеть прилично.

— А! — На мгновение она стала прежней шаловливой Аликс, но потом в ее взоре вновь мелькнул страх. — Как по-твоему, что все это означает?

— Самого бы кто просветил. Я надеялся, что Стоквелл нам поможет...

— Стоквелл?

— Ну да, тот парень, которого ты стерегла. Я с ним уже встречался. Его зовут Картер Стоквелл.

— Как я выгляжу? Как будто мы только-только слезли с сеновала?

— Гм... Не совсем.

— Эх! — Она усмехнулась. — Жаль... А то все подумали бы, что мне наконец повезло.

— Не забывай, что когда б тебе и вправду повезло, я бы оказался по уши в деръме.

— Я никому не скажу, — пообещала она. — Смотри, сам не трепись. — И слегка подалась вперед.

Да, за последние годы Аликс сильно повзросла. Однако на ее слова я бы не особенно полагался: по-моему, она была из тех девиц, которые обожают хвастаться своими победами.

Несмотря на все старания Аликс, вид у нее остался... скажем так... растрепанный, и, когда мы вошли в кабинет Вейдера, Белинда смерила нас суровым взглядом, на миг оторвавшись от дружеской беседы с Маренго Норт-Энглишем. Судя по всему, они уже успели сойтись достаточно близко, тем паче что племянницы Маренго нигде не было видно.

Сразу чувствуется деловая хватка. Улыбаясь человеку, который, возможно, умышляет против тебя... Я бы так не смог.

— Гаррет! — пробасил Вейдер. — Очень кстати! Мы как раз про тебя говорили.

— Босс, у нас проблемы, — выпалил я. — Тома пытались похитить.

— Похитили, — поправила Аликс.

— Точно, похитили, — согласился я и быстро выложил подробности, а потом спросил у Норт-Энглиша: — Слыхали что-нибудь насчет этих Черных Драконов или насчет их командира, полковника НORTона Вальсунга?

Маренго снизошел до ответа лишь потому, что был гостем дома, в котором ко мне относились с уважением. Повстречайся мы на улице, он бы меня и не заметил.

— Никогда не слышал ни о Драконах, ни о полковнике Вальсунге, молодой человек. Впрочем, в нашей армии было много разных отрядов. Вдобавок организация у нас большая, за всеми не уследишь. Вполне возможно, этот полковник — если даже он состоит в рядах нашей организации — действовал без моего разрешения.

Ну и скользкий же ты тип, Маренго!

— Я тоже с ними не сталкивался. Правда, в Кантарде я, можно сказать, и не был — нас быстрынько перебросили на острова.

Вейдер, умиленно взиравший на всех, кто был в кабинете, сказал:

— Гаррет, в ближайшие дни ко мне должны заглянуть наши генералы. Я их спрошу.

Что-то мне не нравится его спокойствие.

— Тебе как будто начхать на Тома, — брякнул я.

— Гаррет, посуди сам, в доме толпа гостей. Ну кто сумеет вынести тело и остьаться незамеченным?

— Не знаю, не знаю. Смотри — они пробрались внутрь, у них был некий план, значит, и пути отступления они должны были просчитать. Все командос-самоубийцы остались в Кантарде, Макс.

Вейдер повернулся к крепким ребятам, мявшимся у дальней стены кабинета.

— Предупредите остальных, ребята. И скажите Гилби, чтоб зашел ко мне.

— И за Киттиджо приглядите, — вклинился я. — Лично я ее так и не нашел. Макс, тут явно не обошлось без колдовства. Стоит на секунду отвести взгляд, как эти хмыри пропадают без следа.

Если принять мое предположение за истину, из него следовало, что Черные Драконы Вальсунга неким образом связаны с Холмом. Только этого и не хватало для полного счастья!

— Все страньше и страньше, — проворчал Вейдер. — Но почему я? Кому я мог досадить? Колдунов знакомых у меня раз-два и обчелся, да и те, коль разозлятся, мелочиться не станут: раздавят, как жука, и вся недолга. А деньги вымогать, похищать кого-то — нет, это для них слишком мелко.

Он подошел к камину, в котором потрескивали дрова, и уставился на огонь. Потом поманил меня пальцем. Когда я подошел, он спросил шепотом:

— Мне опять достанется, да? — На мгновение Макс Вейдер, глава пивной империи, стал обычным человеком, растерянным и напуганным.

— Постараюсь этого не допустить, босс, — побещал я и сердито поглядел на Норт-Энглиша. Тот и бровью не повел. Верно, этакие взгляды были для него не в диковинку. Успел привыкнуть.

Аликс порывисто обняла отца.

— Не волнуйся, папочка, Гаррет все уладит.

Это она о ком? Лично мне тот Гаррет, который перед папашей Вейдером стоит, особого доверия не внушиает.

Вейдер опустился в кресло и прикрыл рукой глаза. Никогда не видел его таким... опустошенным, что ли. Впрочем, окажись я на его месте, еще неизвестно, как бы я себя повел...

— Насколько могу судить, — изрек Норт-Энглиш, — вы не симпатизируете Вольным Сообществам, мистер Гаррет?

С ума сойти — великий Маренго изволил заговорить с мелкой сошкой!

— Ну почему же? — удивился я. — Очень даже симпатизирую. Цели у вас где-то даже благородные. Вот только публика собралась... гм... Глотки луженые, лишь бы хай поднять. Неужто, по-вашему, людям захочется, чтоб эти горлопаны ими управляли? И потом, уж извините, но большинству ваших молодчиков наплевать на всякие там права. Им бы захапать себе побольше, только и всего.

Норт-Энглиш пристально поглядел на меня. Вид у него был такой, словно он раскрыл дорожную сумку и увидел там жирную змею.

— В любой организации, мистер Гаррет, даже в той, которая преследует самые возвышенные цели, обязательно найдутся фанатики и мародеры. Такова человеческая натура. Вот если бы все участники движения были столь же рассудительны и спокойны, как вы...

Куда это он клонит?

— На вашем месте я бы проследил, чтоб рассудительные герои приглядывали за особо буйными, а то вы двоих человек привлекаете, а десяток отталкиваете своими выходками.

Глаза Норт-Энглиша сузились. Мелкая сошка осмелилась учить его жизни! Я уверен, в глубине души он наверняка одобрял все фортели своих субчиков.

Н-да, если дальше так пойдет, мы с ним быстро друг друга на чистую воду выведем.

Мне самому Маренго был даром не нужен, но Макс Вейдер считал его своим другом, а Релвей просил меня проникнуть в его движение...

— Прошу прощения за резкость. Просто я еще не успел отойти от встречи с вашими фанатиками пару дней назад.

— Я слышал об этом. — Маренго овладел собой, и лицо его вновь стало бесстрастной маской. — Мы стараемся избавиться от подобных людей. Вот, кстати, почему в Танфере сейчас столько мелких групп — они откололись от «Клича», то есть их выгнали. Эти люди — все равно что сорняки, и мы их постепенно выпалываем.

Норт-Энглиш, похоже, и не заметил, что ненароком признал принадлежность Черных Драконов

к возглавляемому им «Кличу», а я не стал ему о том сообщать, чтобы не усугублять ситуацию. Релвею не понравится, если я не сумею оказаться в Вольных Сообществах из-за собственной несдержанности.

— Прошу прощения, — повторил я. — Не со зла, сами понимаете... Просто я работаю на мистера Вейдера, а сегодня у нас тяжелый денек.

— Все в порядке, мистер Гаррет. Загляните ко мне, когда вас ничто не будет тяготить. «Клич» заинтересован в таких людях, как вы, в тех, кто побывал на юге, видел войну своими глазами, совершал подвиги на поле брани, а когда вернулся, столкнулся с черствостью, неблагодарностью и откровенным равнодушием. Люди вернулись и обнаружили, что их жизнями теперь заправляют те, кто и пальцем не шевельнул ради победы... О, извините, пожалуйста! Когда рядом нет племянницы — она меня останавливает, — я могу говорить часами. К сожалению, разговоры далеко не всегда помогают обрести новых друзей.

Маренго Норт-Энглиш — один из богатейших людей Танфера и всей Каренты. Говорят, он чуть ли не купается в золоте. На кой, интересно, ему сдалось движение городских низов? Уж таким, как он, без работы остаться точно не грозит. Они все равно ни дня в своей жизни не работали.

- Гаррет!
- Да, мистер Вейдер?
- Время идет.
- Слушаюсь, сэр.

Заболтался! До чего дошло — Макс Вейдер велит Гаррету не языком чесать, а делом заниматься!

Я был сбит с толку. От меня требовали действий, а я знать не знал, что предпринять. Между тем гости прибывали и прибывали, так что отыскать злоумышленников с каждой минутой становилось все труднее. Не будешь же хватать каждого, на ком жилетка официанта. И потом, если у них достало ума до сих пор не попасться, значит, они сменили маскировку. Наряд официантов потребовался лишь для того, чтобы «на законных основаниях» проникнуть в дом.

Мне в голову вдруг пришла ужасная мысль. Точнее, жуткое воспоминание. Картер с Трейсом были в моем доме, находились всего в какой-нибудь дюжине ярдов от Покойника, и он не учаял в них и намека на злодейство!

Следом за этой мыслью прискакала вторая, не менее ужасная. Простучала копытцами — я отчетливо расслышал их цокот. И мысль была такая: эти ребята слишком уж хорошо знали внутреннее устройство вейдеровского дома...

— Что будем делать? — спросила Аликс, глядя из-за моего плеча на толпу гостей у подножия лестницы.

— Хороший вопрос. Для начала подыщем тебе безопасное местечко. Вдруг они покусятся на тебя или на Киттиджо? Или даже на Тая? — Напоминаю: Тай бегать не может, а из Ланса телохранитель так себе.

— С тобой я буду в полной безопасности, Гаррет.

— Не могу сказать того же про себя.

— Гаррет! Я ведь и обидеться могу!

— Вон Гилби. Пошли к нему.

Манвил Гилби выглядел замученным. Гости прибывали пачками, Дженорд — осипнет, бедняга, как пить дать осипнет! — не переставая выкрикивал имена; за всеми было не уследить даже при огромном желании.

— Ну что еще? — буркнул Гилби.

— Тома похитили. Их было трое, возможно, четверо. Поднялись по черной лестнице, там мы с ними и столкнулись. Том был жив, но без сознания. И Киттиджо я найти не смог.

— Минуту назад она спустилась по парадной лестнице. Обознаться было трудновато: своим платьем она всех затмила... Бrr! Очередной желающий лично побеседовать с Максом. — Гилби приветствовал высокого, подтянутого старика, в котором я с некоторым запозданием узнал отставного генерала кавалерии. — Надо предупредить ребят у двери.

— Макс уже распорядился.

— Все равно напомню; от них не убудет. А ты смотри в оба. Злодеи должны быть где-то здесь.

— Слушаюсь, босс, — я состроил гримасу, но Гилби уже отвернулся. Генерал — прямой, как древко копья — оглядел меня с таким видом, будто силился вспомнить день нашего знакомства. Верно, он с кем-то меня перепутал.

Я направился в комнаты обслуги. Аликс не отставала от меня ни на шаг.

Ко мне подскочил Грессер.

— Что прикажете делать? У меня теперь людей не хватает!..

— Неужто еще кто-нибудь сбежал?

Его щеки порозовели.

— Вас, кажется, Гарретом зовут?

— С утра точно звали, а что?

— Гаррет, я не собираюсь снова извиняться за свои промахи. Если у вас есть что обсудить, давайте обсудим. Если нет, извольте не мешаться под ногами.

— Понял, учту. Вот задачка: кто-то похитил Тома Вейдера — не знаю уж, зачем, да это и не важно. Сейчас важно другое — изловить похитителей. Как, по-вашему, они могли выбраться из дома?

Честно говоря, на толковый ответ я не рассчитывал. Старый циник Гаррет не привык находить поддержку у близких.

— Может, воспользовались доставочным фургоном?

— Чем-чем?

— Часть угощения — торты и прочие сладости — заказывалась на стороне и доставлялась в фургонах. Эти фургоны стоят на заднем дворе. Их разгружают по мере необходимости...

— Мистер Грессер, беру обратно все нелестные высказывания в ваш адрес. Я замолвлю за вас словечко перед мистером Вейдером.

— Спасибо. Но как мне быть с нехваткой рук?

— Не знаю. Погодите, коли рук не хватает, есть еще ноги и зубы. Во всяком случае...

Аликс дернула меня за рукав:

— Гаррет, ты треплешься, а Тома, быть может, как раз увозят!

Я позволил себя увести.

— Мне показалось, тебя нужно выручать, — заметила девушка.

— Ну...

— Иногда полезно быть грубым.

— Моя матушка учила меня, что хорошие манеры — прежде всего.

— Сюда. — У Аликс явно было иное представление о хороших манерах.

Насколько я мог судить, мы двигались кружным путем. В отдалении мелькнула Тинни; должно быть, Аликс углядела ее раньше моего, потому и направилась в обход. Улучив момент, когда Аликс отвернулась, я помахал Тинни. Она махнула в ответ. Мало того, я удостоился взмаха руки и поощрительной улыбки от миловидной дамы в возрасте; похоже, она была вне себя от счастья из-за того, что привлекла внимание столь симпатичного кавалера.

Конечно, быть грубым и вправду иногда полезно, но я иначе воспитан. Вдобавок как тут будешь грубым, когда рядом с тобой красивая женщина?

38

— Я думала, ты беспокоишься за Тома, — дружески упрекнула Аликс. Очень дружески, очень ласково... Моя знаменитая стойкость благополучно трещала по швам, мое удивительное хладнокровие и нечувствительность к душевным мукам подбирались к крайнему пределу. Если я не унесу ноги из этой пустынной подсобки, мне грозит стать ближайшим другом Аликс Вейдер.

В подсобке было пыльно — не прибирались в ней, вероятно, как минимум несколько лет. Я чихнул. Аликс последовала моему примеру. Пошатываясь, я вывалился в коридор.

Тут, откуда-то с задворок, появилась Тинни.

— А, вот вы где! Я уж решила, что вы заблудились.

— Мы ищем Тома, — объяснила Аликс у меня из-за спины, ничуть не смущенная появлением под-

руги. По ее тону нельзя было и заподозрить, что она пыталась учинить со мной лишь мгновение назад. — Его похитили прямо из комнаты. Гаррет сумел задержать похитителей, но они ускользнули и прихватили Тома с собой. Манвил утверждает, что они не могли выбраться из дома, потому мы и осматриваем все помещения. А мистер Грессер считает, что...

Одурачить Тинни не так-то просто. Взглядом она посулила мне допрос с пристрастием, а вслух спросила:

— Кому мог понадобиться твой брат?

Аликс пожала плечами — и вновь обернулась этакой робкой, наивной девочкой, будто натянула на себя маску. Удивительная способность к притворству! Старина Макс убежден, что держит dochь в строгости, но, по-моему, он сильно заблуждается.

Уж насчет Киттиджо он точно заблуждался. Во-первых, Киттиджо была решительнее своей младшей сестры. А во-вторых, в те дни нас меньше отвлекали...

Честно говоря, я не рвался возобновлять знакомство. На мой вкус, Киттиджо чересчур... гм... возбудима. Она из тех коварных истеричек, которые поначалу успешно скрывают свою истерию, зато потом дают себе волю...

— Возможно, Грессер прав, — сказал я. — Сами видите, тут столько пыли, непременно должны были остаться хоть какие-то следы. Но следов нет и в помине.

— Надо обыскать все помещения, — заявила Аликс тоном, не терпящим возражений.

Я подошел к двери черного хода — именно через нее вошла Тинни, — открыл дверь и выглянул наружу.

— Эй, Рыжик, ты никого не заметила?
— Я видела то же, что и ты сейчас.
То есть двух поварят, таскавших подносы с пирожками. И фургоны...

— Пошли, поглядим.
Аликс вскинула головку.
— Я не собираюсь пачкать свои новые туфли в навозе.

Пару минут назад она готова была запачкать чем угодно свое новое платье... Я хмыкнул. Разумеется, это совсем другое дело.

— Почему бы тебе не вернуться в залу, Аликс? — предложила Тинни. — Таю наверняка тяжело принимать гостей одному. А Никс не в настроении.

Аликс не хотела веселиться. Аликс вообще ничего не хотела. Нет, ей определенно не мешает еще чуточку повзросльть. Впрочем, этого она тоже не хотела.

Оставив девушек мило щебетать, я вышел на двор.

Пять фургонов. Два я отмел сразу — с них сняли колеса и выпрягли лошадей. Осталось три; может статься, один из них был тот самый...

Все грязные, покосившиеся, обшарпанные. Правда, не те нынче времена, чтоб разъезжать в новых фургонах. Сейчас вообще ничего нового не появляется. Последний новый дом на моей памяти построили до того, как я ушел на фронт. Или даже раньше.

Короче, сегодня наш девиз: «Береги, что имеешь, и не рыпайся».

Я оглядел лошадей, запряженных в постремки. Лошади — самые хитрые твари на всем белом свете! Скольких простаков они одурачили! Не ис-

ключено, что животина преступников такая же злодейская, как они сами, и ее можно отличить от прочих...

Одна лошадь крепко спала, другая засыпала. А вот третья искоса поглядывала на меня из-под ресниц, выказывая нездоровый интерес к моей персоне. Точнее, третий: это был мерин, которому, похоже, не терпелось отомстить мне — и всему человечеству в моем лице — за свое унижение. Я старался не подходить близко, но на какой-то миг забылся — и едва успел увернуться. Клацнули зубы, и я остался без пуговиц на левом рукаве.

— Ты и есть, — пробормотал я. — С такими зубами только урок возить. — Кстати, мерина стреножили, а это говорило о многом: вьючных лошадей, как правило, не стреноживают — тем паче в городе.

Я обошел гнусную животину и встал перед фургоном. Мерин оскалил зубы в презрительной усмешке.

— Слушай, коняга, почему бы тебе тоже не вздрогнуть?

Мерин вновь усмехнулся, наглядно выказав свое отношение к моему предложению в частности и моим умственным способностям в целом.

Фургон представлял собой деревянный мост со складным тентом. Разумеется, тент был поднят. Крепился он деревянным колышком на кожаном ремне. Я подергал колышек, взялся за ремень, потянул...

Кто-то звезданул меня по черепу мешком с конскими подковами. Я плавно опустился наземь, будто гонимый ветром осенний лист. Как ударился о землю — то бишь о плиты, которыми был вымощен двор, — уже не запомнил.

39

Я застонал и осторожно приоткрыл один глаз. Неужто уже утро, будь оно проклято? И опять с похмелья... Ну сколько можно, Гаррет?

В поле моего зрения вплыл ангел. Точнее, ангелица. И что-то прошептала. Я не разобрал слов, но этого и не требовалось: мы с этим ангелочком вовсю порезвимся, дайте мне только вдохнуть полной грудью.

Должно быть, я умер и попал на небеса. Так внушила мне матушка: все достойные люди после смерти попадают на небеса.

Ангелица продолжала говорить. Вдруг у меня в мозгу словно что-то щелкнуло, и я услышал, о чем вещает небесное видение:

— Хватит пудрить мне мозги, Гаррет. Я слишком давно тебя знаю.

— Ой... Обманули, значит. Я всегда думал, что вы, демоницы, такие — рыженькие, пухленькие... Или пухленькие и рыженькие...

— Лесть тебе не поможет.

— Как знать, как знать. — Я провел рукой по волосам — и нашупал солидную шишку. — Чем это меня долбали? Птичка место для посадки искала? — Если это была моя птичка, с нее вполне станется.

— Понятия не имею. Когда я наконец уговорила Аликс пойти за гобой, мы вышли во двор и увидели, что ты лежишь на земле, а какой-то тип собирается снова тебя ударить. Мы закричали, из кухни выскочили слуги, и он убежал.

— А фургон?

— Какой фургон?

— Который тут стоял. Я как раз собирался в него заглянуть, когда меня согрели. — Конечно, нелепо ожидать, что она заметила именно тот фургон. — Сдается мне, мы влипли по уши.

Кое-как поднявшись, я подковылял к воротам и растолкал сонного охранника. Здоровенный детина, сплошные мышцы — и ни единой извилины. Такой никого мимо себя не пропустит, что вы, сэр.

— За последние пять минут фургоны выезжали?

Он уставился на меня из-под могучих, как скалы, надбровных дуг. Бровей у него, как ни удивительно, не было и в помине.

— А ты кто такой? — буркнул он, явно недовольный тем, что его разбудили.

— Гарретом кличут. Шеф службы безопасности на пивоварне. — Ну и что, что неправда? Для пользы дела же.

— А, слыхали. Ну да, Робин-Боббин укатил. Круто, верно?

— Что круто?

— Да имечко. Как в стишках. И запомнить легко.

— Понял. Да, круто. Клево. Отпад. Следующий вопрос: почему ты его выпустил? Или не знаешь, что в дом забрались грабители и мы их ловим?

— Не-а. — Охранник покрутил головой. — Я никого не видал, как на пост заступил, кроме возницы Робинова. Остальные все внутри были.

— Йех! — пробормотал я, без особого, впрочем, чувства. — Ладно. Смотри, больше никого не выпускай без моего разрешения. Усек? Сколько народа было в том фургоне?

— Я ж говорю, один возница. — Охранник начал злиться.

Лихо у них получилось, ничего не скажешь.
Фьюить — и ищи свищи.

Я повернулся, собираясь уйти.

Тинни подхватила меня под руку, заглянула
меня в самое сердце своими огромными глази-
щами.

— Какой вы настойчивый, мистер Гаррет, —
промурлыкала она. В свете факелов ее зубки от-
ливали алым.

— Я озабоченный. Мало мне, что ли, было швов
на башке? Придется шлем носить. Выберу офи-
церский, с шишаком. По сходной цене сторгую и
буду таскать.

— Тогда тебе ногу сломают. Или руку.

— Дорогуша, твоими устами мед бы пить.

— Стараюсь, Гаррет. На твоем месте я бы
сменила род занятий. Нельзя же всю жизнь тра-
тить на тех, кто только и ждет, чтоб увечье тебе
нанести.

— Гм... Пойду-ка снова к старику загляну. В
том фургоне могли увезти Тома.

Кажется, Тинни рассердилась. Ну и субчик
этот Гаррет, так и норовит разговор на пустяки
свести!

Есть вещи, которым научиться невозможно,
сколько ни зубри.

40

Я ворвался в кабинет Вейдера, совершенно не
подумав о том, что там меня не ждут. До сих пор
меня ни разу не приходилось оправдываться за свои
визиты.

А тут... Меня встретила мертвая тишина, вроде той, какая бывает после раската грома. На наглеца — это я про себя — устремилась дюжина взоров. Маренго Норт-Энглиш заткнулся на пословце.

В кабинете Вейдера собрались на совет главари всех танферских придурков. Точнее, всех придурков, радеющих за права человеков. Демократов и апологетов теории круглой земли я не заметил.

Чуть позади Норт-Энглиша, по правую руку от него, сидела Белинда Контагью. Отблески пламени из камина падали на ее лицо, придавая ему бесовское выражение. Белинду явно побаивались — даже законченный псих Бондурант Алтуна хранил почтительное молчание.

Когда не видел этого собственными глазами, трудно поверить, что столь молодая и привлекательная особа может внушать такой трепет. Но никто из тех, кто присутствовал на этом сборище, не сомневался в ее... э... криминальных талантах.

— Где Макс? — справился я, проигнорировав осуждение во взглядах. — Мне он срочно нужен.

Конечно, я мог бы обойтись и без него. Но ведь это его сын попал в беду, так что он должен знать, что да как.

Норт-Энглиш покачал головой: дескать, ну и нахал — и с отеческой улыбочкой ответил:

— Макс вышел переговорить с Манвилом. Господа, перед вами тот самый Гаррет, которого рекомендовала мисс Контагью. Мистер Гаррет, не присоединитесь ли к нам, раз вы все равно зашли? Я уверен, Макс скоро вернется.

Выдержав короткий спор с самим собой, я решил, что должен узнать, о чем они сговариваются.

Тем более, что фургон догонять уже бессмысленно — он мог укатить куда угодно.

Приняв решение, я позволил себе оглядеться и изучить честную компанию, продолжавшую сверлить меня взглядами. Сливки полусвета, чтоб им пусто было! Никого из них нельзя было заподозрить в нечистокровности. Те, кто не мог похвастаться богатством — например, Арнс Мингл и Бондурант Алтуна, — вносили свой вклад в их общее дело шайками бравых молодцев. Цинику Гаррету, естественно, подумалось, что «Клич» создавали с целью перераспределить богатство и власть от не-людей к этой кучке людей.

— Гаррет, — сказал Норт-Энглиш, — мы с этими достопочтенными господами расходимся во мнениях по поводу частностей, но идеология у нас общая. И, поскольку все здесь, мы сочли полезным обсудить случившееся сегодня в доме Макса.

— А я тут при чем?

— Мы выяснили, что никто из нас не причастен к попыткам... э... оказать давление на Вейдера. Макс не разделяет наших воззрений, однако все мы считаем его своим другом. — Прежде чем я успел стереть с лица ухмылку, Маренго продолжил: — Чуть ранее вы заметили, что наши организации сильно разрослись, поэтому мы можем не знать о происходящем «в низах». Совершенно справедливо. Но повторяю — никто из нас не злоумышлял против Макса.

Белинда засвидетельствовала правоту его слов легким кивком.

— Вы говорили, что вымогатели именовали себя Черными Драконами Вальсунга. — Это был не вопрос, и отвечать я не стал. — Никто из нас не слышал о Вольном Сообществе с таким названием,

равно как и о полковнике Нортоне Вальсунге. Мы договорились немедленно начать собственное расследование. Эти Черные Драконы могут сильно повредить нашему движению.

— Черные Драконы существуют, — проговорил я бесстрастно. — Некоторые из них и по сию минуту находятся в этом доме. Я пришел сообщить Максу, что они похитили его сына Тома.

Послышались шепотки. Я уловил слова «чокнутый» и «сумасшедший». Что ж, о Томе Вейдере известно многим.

Выждав, пока шепотки стихнут, я поведал почтенному сборищу о своей стычке с Уэндовером, Стоквеллом и парнем с конюшни, причем постарался не выказывать антипатии к философии человеколюбцев.

В это миг дверь распахнулась, снизу донеслись возгласы и смех — праздник был в разгаре. В комнату влетел Вейдер, сопровождаемый охранником.

— Гаррет! Где тебя носит?! Мы нашли Тома!

— Откуда вы узнали, босс?

— Аликс рассказала. С ним все в порядке. Он бродит по кухне и всем мешает.

Макс прямо-таки лучился от радости.

Я нахмурился. Что-то здесь было не так.

Вообще-то в этом деле с самого начала что-то было не так. Но вот что именно?

— А с Таэм и Киттиджо тоже все нормально?

— Тай командует парадом. А Киттиджо я не видел. Она шныряет по дому, как завзятый коммандос. Только отвернулся, глянь — ее уже нету.

За что же тогда меня шарахнули по темечку?

В дверном проеме появился Гилби. Он привел с собой Тома Вейдера, за которым следовала Тинни.

— Сделано, Макс, — сообщил Гилби. — Я отведу его наверх, а там Люк покараулит.

Минуточку, минуточку...

— Эй! — воскликнул я. — Когда он успел переодеться?

Все недоуменно вытаращились на меня.

— Полчаса назад на нем была другая одежда.

Том поглядел на меня исподлобья. Это было столь неожиданно — чтоб он вообще кого-то заметил, — что я не понял, вправду ли все случилось. Наверно, почудилось.

— Ты уверен?

— На все сто. — И Аликс подтвердить может.

— Я разберусь, — сказал Гилби. — Пошли наверх.

Я двинулся за ними, собираясь по новой осмотреть дом. Но этому намерению не суждено было осуществиться.

— Мистер Гаррет, — окликнул меня Норт-Энглиш, — соблаговолите задержаться.

Как я мог отказать человеку, который привык повелевать?

41

Я неохотно закрыл дверь за Максом. Вейдер на прощание одарил меня многозначительным взглядом. Спасиочки, босс. Я обернулся к мятежным баронам: они глядели на меня так, будто ожидали, что Гаррет сейчас окутается зеленым пламенем. Я же смотрел на них, предполагая, что кто-нибудь вот-вот отмочит полную несуразицу.

Наконец Норт-Энглиш изрек:

— Макс утверждает, что вы специалист своего дела.

- Стараюсь.
 - Еще он утверждает, что вы симпатизируете нашим целям.
 - Кажется, я вам сам об этом сказал. — Я слегка наклонил голову: мол, извините за резкий тон.
 - Тогда почему же вы не вступили ни в одно из Вольных Сообществ?
 - Не в моем характере куда-то записываться. Разве что в морскую пехоту... И потом, мне выбирать не предлагали. А когда у меня нет выбора, я гордо ухожу. В нашем деле иначе нельзя, если сам себе хозяином остьаться хочешь.
 - Вот именно.
 - Чего? — С парнями вроде Норт-Энглиша иногда стоит сыграть в дурачка: они начинают тебя недооценивать.
- Впрочем, с Маренго этот фокус не прошел.
- Вы идеально подходите для того, чтобы разузнать как можно больше о Черных Драконах.
- Почему бы нет? Я и так уже работаю на всех, кроме принца Венагеты. Может, сойдусь с Черными Драконами, внушу Стоквеллу с Уэндовером, что раскаиваюсь в прежних грехах, и попрошу зачислить меня в ряды и приставить к парню по имени Гаррет — мне он сильно не нравится. Знал я одного шустрика, Хмырь Пиготта его звали, который столь часто менял личины и служил стольким хозяевам одновременно, что однажды его послали следить за самим собой.
- Гаррет!
 - А? Ах, да. Звучит заманчиво, осталось финанс обговорить. У меня к этим ребятам свои счеты. — Я погладил макушку. Что-то слишком часто в последнее время ей достается.
 - Финансы?

— Естественно. Даже идеалисты нуждаются в прокорме, чтоб ноги не протянуть.

Норт-Энглиш нахмурился. Давай, скряга, раскошеливайся.

— Заплатите ему, и пускай валит отсюда, — вмешался Бондурант Алтуна. — Мы, значит, короля обдираем, выкуп серебром...

— Вы правы, Гаррет! — воскликнул Маренго, перебивая не в меру болтливого Алтуна. — С моей стороны даже как-то неприлично спорить из-за нескольких медяков. — Он достал из-под куртки кошелек и кинул мне.

Я ловко поймал кошелек на лету. Медяки, говоришь? Поглядим, что за медяки. Я сунул кошелек в карман жилета.

Маренго сдавленно пискнул. Попка-Дурак восхитился бы его произношением. Остальные заулыбались — иохоже, близких друзей в этом скопище пауков у Норт-Энглиша не было.

Он совладал с собой и снова обрел голос:

— Я полагал, вы возьмете столько, сколько нужно, чтобы возместить ваши расходы.

— Какая жалость. — Я раскрыл кошелек. Усмешки собравшихся стали шире.

Настала моя очередь выпучить глаза. Нет, я догадывался, что у всякого богатея при себе всегда найдется монетка-другая серебром на случай неизвестных трат, но чтобы кошелек был доверху набит серебряными монетами! Вдобавок среди них попадались и золотые! Я быстренько произвел подсчет: гонорар за десять дней, накладные расходы, все умножить на три, не забыть о скидке для важных клиентов (понимаю, что делать скидку — дурная привычка, но никак не могу от нее отделаться). Норт-Энглиш не видел, сколько денег

я в конце концов взял, но пока кошелек был у меня в руках, он переминался с ноги на ногу, как малыш, которому приспичило пи-пи. Несмотря на победу в Кантарде, серебро по-прежнему в цене.

Остальные воротилы переговаривались между собою, почти не понижая голоса. Заключались пари, станет ли Норт-Энглиш пересчитывать сумму.

Поразмыслив, я извлек еще пару-тройку монет на непредвиденные траты — скажем, на одну мою рыжеволосую знакомую; потом вернул кошелек хозяину. Все пристально наблюдали за Маренго, надеясь, что он раскроет кошелек, возобновит знакомство с уцелевшими монетками и оплачет перешедшие к Гаррету. Однако Норт-Энглиш совладал с искушением.

— Я предупрежу своего дворецкого, мистер Гаррет. Он пропустит вас ко мне в любое время суток.

Мимолетный взгляд в сторону убедил меня, что найдется немало «друзей» Маренго, согласных заплатить энную сумму, если я сначала принесу новости им, а уж потом человеку, который меня только что нанял.

— Пока все, мистер Гаррет, — сказал Маренго. Бедняга так испереживался, что не нашел в себе сил дать мне особые инструкции. Не уточнил, ни куда не заглядывать, ни во что не влезать. Вот и славненько, вот бы и дальше так было.

Просто здорово.

Я вышел из кабинета.

В коридоре меня поджидал Вейдер со своим телохранителем.

— Что они там затевают? — спросил Макс.

— Тебе лучше знать. Это *твои* друзья.

— Далеко не все. Норт-Энглиш, Клайв, Фоди, Слинк... Они устроили эту встречу и настояли,

чтобы я пригласил остальных. Даже часть расходов возместили. Им требовалось место, где их совет не привлек бы внимания. Я не стал отказываться. А вдруг мне когда-нибудь понадобится их помочь?

— Услугу за услугу... Понятно.

— Совершенно верно. — Макс кивнул на Тинни, мявущуюся у дальней стены. — Ступай. Со мной все в порядке, а тебе не мешает развеяться.

— Спасибо, босс. — Я направился к Тинни. Но развеяться мне было не суждено.

42

Стоит мне влить в себя две-три кружки «Вейдеровского темного», как я превращаюсь в охотника до танцулек. Все девушки мои, я со всеми танцую и всех огорчаю. Разумеется, Тинни имела преимущество перед остальными, но и она недовольно фыркала, когда я приглашал на танец Аликс, Никс или Киттиджо (с нею я отважился всего на один круг). Я раздухарился настолько, что протанцевал даже с матроной, строившей мне глазки в начале вечера. Она называлась мадам Тинстолл. Это имя было мне незнакомо. Для женщины ее возраста у мадам Тинстолл оказались замечательно стройные ножки, которые она, естественно, не преминула мне продемонстрировать.

Тинни фыркала, Аликс шипела, Никс была слишком дружелюбна для девушки, чью сегодняшнюю помолвку отмечали гости; впрочем, о помолвке мы с ней во время танца и не заговаривали. Киттиджо, этакая потрепанная жизнью Аликс, вообще помалкивала, не выказывая желания ударяться в воспоминания. Зато мадам Тинстолл говорила

не умолкая; у меня сложилось впечатление, что она отнюдь не прочь сунуть Гаррета под мышку и отнести к себе домой. Что подумает об этом ее муж, я уточнять не стал.

В перерывах между танцами я утолял жажду, отдавая предпочтение напиткам с маркой моего босса. Гаррет — он такой: уж если верен, то во всем.

Интересно, куда подевался Попка-Дурак?

— Что случилось? — спросила Тинни, заметив выражение моего лица.

— Сам себя не узнаю. Вдруг озабочился судьбой той пернатой скотины, которую мне приходится содержать. Ты его видела?

— Угу. На твоем месте я бы не стала его искать. — Она лукаво усмехнулась.

— Почему?

— Его выкинули из дома. Твое счастье, что никто не вспомнил, кто его принес.

— Поделом. Надеюсь, совы его сожрут. Он давно напрашивался.

Мажордом Макса, Джеррис Дженорд, уже изрядно охрипший, неожиданно двинулся в нашу сторону. По пути он обогнул Аликс и Киттиджо. Аликс глядела на старшую сестрицу с плохо скрываемой ненавистью; Киттиджо словно не замечала этого взгляда — она явно витала в облаках.

Дженорд протянул мне сложенный вчетверо, изрядно потрепанный клочок бумаги.

— Просили передать, — просипел он. — Сказали, дело очень важное.

Тинни нахмурилась, предчувствуя новые неприятности. Неужто она научилась читать мысли? Ну вот, только я расслабился. Впрочем, мне всегда везет.

— Спасибо, Джеррис.

Записка гласила: «*Надо повидаться. Сейчас. Р.*». Почерк крупный, почти детский.

«Р»? Что еще за «Р»? Кто может знать, где меня искать? Релвей, больше некому. Как тут не заподозрить новую беду?

— И что? — справилась Тинни. Видно, мои мысли она читать пока не умела.

— Пойду, посмотрю.

— Прямо сейчас?

— Так точно.— Я не сомневался, что дело и вправду важное: Релвей не стал бы отвлекать меня из-за пустяков.

— А как же твоя подружка?

— Что? А... Я скоро. И вовсе она мне не подружка, Тинни.

— Неужели? То-то она на тебя так смотрела, когда ты не видел. Будто сожрать хотела.

— То есть как я на тебя смотрю, даже когда ты видишь?

Призрак улыбки мелькнул на ее губках.

— Низкий льстец! Хватит ко мне подлизываться. Я объясню ей, куда ты слинял.

— Чего-чего?

— Я же тебя знаю, Гаррет. Ты уйдешь на пять минут, а сам либо получишь по голове и отрубишься, либо засмотришься на что-нибудь этакое и забудешь про все на свете, либо встретишь незнакомую красотку и побежишь за ней, виляя хвостиком...

— Женщина, ты меня оскорбляешь! Теперь, когда ты вновь признала мое существование, как я могу бросить тебя хотя бы на пять минут?

— Гаррет, на мне новые туфельки. Сшитые по особому заказу. Я их нарочно надела, чтоб в твоем вранье ноги не замочить.

— Очень симпатичные туфельки, и цвет у них такой приятный, зеленый, под стать твоим глазкам. — Может, послать подальше и Релвея, и его срочное дело? В конце концов, мне велено развлекаться.

Вынырнув из глаз Тинни, я твердо решил, что никуда не пойду. Не полный же я идиот, в самом деле?

Ее улыбка увяла.

— Ступай, Гаррет. Выясни, что там стряслось, и немедленно возвращайся. Если все будет в порядке, может, мистер Вейдер не заставит тебя торчать здесь всю ночь.

Ого! Звучало весьма многообещающе.

Пританцовывая, я двинулся к выходу.

— Мистер Гаррет! Мистер Гаррет!

— Да, мистер Грессер!

— У меня еще двое пропали! Что мне делать?

Я не могу один со всем спрятаться!

А я могу? Позвал бы Гилби с Дженордом; они всяко легче на ногу.

— Грессер, меня позвали ловить грабителей и прочих злодеев, а не беглых официантов. Обслуживать гостей мистера Вейдера мне никто не поручал. Вы же дока в своем деле, верно? Вам и карты в руки. А лучше поднос. — Я оставил его стоять с раскрытым ртом.

У самых дверей меня настигла Аликс.

— Ты куда, Гаррет? — Она подошла почти вплотную и улыбнулась так зазывно, что я чуть не откусил себе язык, чтоб не наброситься на нее прямо тут. Ну почему меня морят голодом, когда я на что-то способен, а когда времени нет, пытаются закормить?

— Получил важное послание, детка. Отлучусь на пару минут и сразу вернусь. — Я оглянулся,

высматривая Тинни, но не сумел различить ее в толпе.

Зато увидел Киттиджо, наблюдавшую за мной из укромного местечка у стены. Она выглядела обеспокоенной и явно не рвалась вернуть юные годы, проведенные вместе. Может, хоть она растолкует сестрице, что со мной не стоит связываться?

Я подмигнул Аликс и шагнул к дверям.

У Морли Дотса есть правило, которым он охотно делится с друзьями: поддавайся искущению, когда только можешь, ибо всякое искушение может быть последним в твоей жизни. Лично я не готов подписаться под этим правилом. Поддаться означает, по-моему, приблизить тот пресловутый последний раз. Но когда меня искушают блондинки, брюнетки или рыженькие, я не могу устоять.

Есть и другое правило, не менее полезное: никогда не связывайся с женщиной безумнее тебя самого. Проблема в том, что женщины умело скрывают свое безумие, и его не распознать, пока не окажется слишком поздно. Наглядный пример — Киттиджо.

За моей спиной Джеррис Дженорд сипло провозгласил начало церемонии. Наконец-то Никс и Таю предстояло во всеуслышание объявить о своей помолвке.

43

Я перебросился парой слов с охраниками у дверей, предупредил, что скоро вернусь, и вышел на улицу, высматривая Попку-Дурака — и того, кому я вдруг понадобился. Вряд ли Релвей пожаловал собственной персоной. Он предпочитает держаться в тени... И в этот миг из тени у стены дома

вынырнул знакомый силуэт. Я даже вздрогнул от неожиданности.

— Уф! Напугал, однако.

Релвей ухмыльнулся.

— Извини. И за то, что вечеринку прервал, тоже извини. Я решил, тебе будет полезно на это взглянуть.

— На что? И каким ветром тебя сюда занесло?

— Я здесь потому, что в доме Вейдера собрались все интересующие меня особы. Случай уникальный, им нельзя было пренебречь. Я должен увидеть все собственными глазами.

Интересно, а внутри люди Релвея есть? Я не стал ломать голову и задал это вопрос вслух. Ответом мне было молчание, лишь подтвердившее мои подозрения. Вполне возможно, в команде Грессера не только злодеи, но и агенты тайной полиции. Бедный мистер Грессер!

— Тихо сегодня, — заметил я. По правде сказать, тишина настораживала. У нас в Танфере есть примета: если на улице тихо, жди неприятностей.

— Да уж.

Дальше мы шли в молчании.

Впереди мелькнул алый блик. Факел. Ни всплеск, ни каких иных звуков, обычно сопровождающих митинги и драки, слышно не было.

Мы дошли до угла. Свернули. И уткнулись в пропавший фургон. Точно, он самый. А вот и мой старый знакомый, злобный мерин с клыками, как у тигра...

Фургон охраняли четверо. Троє держали в руках факелы, четвертый нацелил копье в спину человеку, лежавшему лицом вниз на мостовой. На двоих факельщиках были ливреи. М-да, и как им удалось выскоить незамеченными?.. Ба! Вот

на кого жаловался Грессер! Но охранники у дверей их и словом не помянули... Люди Релвея? Разумеется. Из чего следует, что он рассовал своих людей повсюду. Жаль, что нет возможности поручить им сделать за меня мою работу.

Тент был откинут именно с той стороны, с какой я подобрался к фургону, когда меня согрели по макушке. Или уронили мне на голову кусочек неба.

— Ребята видели, как тебя ударили, — сообщил Релвей. — Они прикинули, что стоит, наверное, проследить за фургоном и выяснить, что тут затевается.

Усилием воли я воздержался от комментариев, которые так и просились на язык.

Парень с копьем заставил пленника повернуть голову в противоположную от нас сторону. Релвей не хотел, чтоб я разглядел лицо моего обидчика.

Ну и ладно. По всему, эти четверо — из числа ближайших помощников Релвея. Я постарался запомнить их лица (особо пристально, впрочем, не вглядываясь, чтоб не нарваться на отповедь).

Заглянув внутрь фургона, я только покрутил головой.

— Вот зараза! Этого я и боялся... — Три трупа; два вообще без одежды, Том Вейдер — в том самом рубище, которое было на нем, когда я пытался отбить его у Стоквелла с Уэндовером. — Зараза! — Меня охватило отчаяние. Как я расскажу Максу?

— Ты их знаешь?

— Дети Вейдера, Том и Киттиджо. Третий работал в пивоварне, на складе. Его звали Люк. Гилби послал его охранять Тома. Отец семейства, четверо детей... По-моему, все гораздо хуже, чем каза-

лось поначалу. Загадка на загадке, слыхал такую поговорку?

— А если конкретнее?

— Я видел их всех в добром здравии уже после того, как фургон уехал. Хуже того, с Киттиджо я перемигнулся перед тем, как выйти к тебе.

Релвей хмыкнул.

— Звучит паскудно.

— Угу. Итак, что мы имеем? Злодеи растворяются в толпе, стоит только отвернуться. Но те, кого вроде бы похитили, все в зале...

— Оборотни? — предположил Релвей. Я так и хотел, чтобы эту версию выдвинул он.

— Зуб даю. Или кто-то, у кого в рукаве припасена пара-тройка нужных заклинаний.

— С оборотнями у нас никогда проблем не было. Однако...

— Что?

— Капитан получил на днях письмо с Холма. Мне он его не показывал, сказал лишь, что речь идет об оборотнях.

— В городе полным-полно пришлых. Среди них наверняка есть оборотни. Кто-то наверху мог об этом прознать. — Как правило, туда, где обитают колдуны и чародейки, оборотни предпочитали не соваться. К ним везде относились, скажем так, недоверчиво и старались поскорее спровадить добром. А если не получалось, с ними поступали, как с вампирами, — убивали без всякой жалости. — Честно говоря, я давно заподозрил что-то в этом духе, — продолжал я, — но думал, что обойдется... Уж больно безрадостная перспектива вырисовывается.

Хорошо известно, что оборотни убивают других живых существ и перевоплощаются в убитых.

Впрочем, на деле до убийства доходит редко: куда чаще они просто меняют облик, чтобы учинить какую-нибудь пакость, но никого при этом не убивают. И даже если они занимают места тех, кого убили, долго сохранять маску удается лишь отдельным, особо продвинутым особям. А уж обмануть родных покойного способны и вовсе единицы.

Никто не знает истинной природы оборотней. Догадок множество, но достоверных фактов раз-два и обчелся. Обычно они расхаживают в человеческом облике. Может быть, их переменчивость — результат некоего диковинного заболевания, как в случае с вампирами. Наверняка известно лишь одно (по крайней мере, в это верят повсеместно): если оборотень ни в кого не превращается, он умирает. Вот такой расклад... Возможно, и убивают они для того, чтобы раздобыть себе новую душу...

Вопреки расхожему мнению, в родстве с вервольфами они не состоят — хотя, как я полагаю, перекинуться в вервольфа им труда не составит. Был бы образец.

— У кого-нибудь есть серебро? — справился Релвей. Разумная мысль. И вампиры, и вервольфы, и оборотни, по слухам, серебра боятся. Что ж, вот и проверим.

Никто не отозвался, поэтому я с неохотой выудил из кармана одну из монет Норт-Энглиша, самую маленькую. При любой возможности расходы следует сокращать.

— Похоже, тебе платят куда приличней моего, — съязвил Релвей и опустился на колени рядом с пленником. Я в двух словах пересказал историю насчет подкормки идеализма. Релвей рас-

хочотался. Должно быть, и он подвержен переменам: раньше чувства юмора за ним не водилось.

Он задрал рубаху на спине пленника, потом ткнул пальцем в место под лопаткой. До этого места самому не дотянуться рукой при всем желании, если ты, конечно, не акробат какой-нибудь.

— Я взрежу ему кожу, а ты клади монету. Если они и вправду боятся серебра, мы не уберем монету, пока он не выложит нам все, что знает.

Я кивнул. Релвей взял нож и вспорол пленнику кожу со спокойствием военного хирурга.

Серебро подействовало мгновенно. Пленник задергался, завертелся, зашипел, принял извиваться почище любой змеи.

— Глядите в оба, — сказал Релвей. — В письме говорилось, что они способны чувствовать боль друг друга. А может, и общаться без слов.

Я заметил какое-то движение в сумерках.

— Ты что, целую армию с собой привел?

— Армию не армию, но, чтоб с человеколюбцами справиться, хватит.

Выходит, мозги оборотней устроены, как у лог-хиров? Тогда становится понятно, почему Покойник не сумел углядеть ничего этакого в сознаниях Уэндовера и Стоквелла.

— Никогда не слыхал, что они умеют мысли читать. Совсем хреново.

— До твоего напарника им далеко. Они общаются только между собой и улавливают лишь эмоции, а не конкретные мысли.

— Уверен?

— Нет, Гаррет, не уверен. Кто-то капитану рассказывал, а он мне передал. На всякий случай. На какой, не уточнил. Ему нравится притворяться, будто он Холму по большому счету не подчиняется...

У Вейдера на приеме что-нибудь интересное было?
Может, углядел чего?

— Некогда было. Правда, попал на одно совещаньице... По чистой случайности. Общий треп, ничего полезного. Разве что мне поручили раскопать подноготную Черных Драконов.

— Надеюсь, ты согласился?

— Я же сказал — мне поручили. Эта серебряная монетка, которую ты бестрепетно испоганил, — из личного кошелька Маренго Норт-Энглиша.

— Ясно. Небось, у него одного кошелек и остался: всех остальных-то он до нитки обобрал. — Пленник застонал; думаю, будь у него силы, он бы не стонал, а вопил. Релвей нагнулся и зажал ему ладонью нос и рот, чтобы усугубить положение. — Когда согласишься заговорить, дерни головой.

В вечернем сумраке послышалась какая-то возня. Длилась она не более минуты, потом все снова стихло. Любопытно, почему нет зевак? Танферцы приучены разбегаться при первых признаках опасности, но, едва опасность минует, они возвращаются на место происшествия и пляются почем зря. Может, от оборотней исходит некий сигнал, что-то вроде наказа держаться подальше?

Тогда почему я ничего не чувствую?

— Если они слышат друг друга на расстоянии, те, которые в доме, теперь поймут, что их раскололи.

— Не обязательно. Повторяю, они улавливают лишь эмоции.

— Откуда ты узнал, что они сегодня нападут на Вейдера? От Блока?

— Нет. Я не знал ничего, пока не задержал фургон. Я остановил я его по той причине, что думал, будто он имеет какое-то отношение к замыслам

наших борцов за права. Того, что нашел, я никак не искал.

— Столько суматохи из-за шайки придурков? — Я обвел рукой окружавшие нас сумерки.

— Эти придурки, Гаррет, весьма опасны. Еще полчаса назад я бы сказал, что они — величайшая опасность, с какой когда-либо сталкивалась Карента. Радея за права людей, они калечат и убивают подданных короны, занимаются шантажом и вымогательством, и с каждым днем действуют все нахальнее. Я не могу допустить, чтоб они развернулись на полную. А теперь еще и оборотни...

— По-моему, он отрубился. — Я показал на пленника.

— Точно. — Релвей убрал руку. — Ты хоть что-нибудь об оборотнях знаешь, Гаррет?

— Нет. Видел одного-единственного. Венагетский шпион, строивший из себя офицера нашей контрразведки. Сам себя выдал.

Релвей сел на пленника.

— Этого я и опасался.

— Чего?

— Потом расскажу. Пускай эта тварь сначала подтвердит мои опасения.

Показались двое или трое мужчин, явно из людей Релвея. Они волокли второго оборотня, лицо которого менялось едва ли каждую секунду. Все личины были мне незнакомы. Убедившись, что первый пленник по-прежнему без сознания, Релвей поднялся и лично обыскал второго.

— Любопытно. — Он показал мне татуировку на правом плече оборотня. В неверном свете факелов казалось, что на плече вытатуирован дракон; впрочем, надо будем глянуть днем. Под драконом виднелся армейский крест.

— Очень любопытно.

— Пожалуй, надо будет кое-что уточнить. Сдается мне, туман начинает рассеиваться.

Оборотень встряхнулся; лицо его застыло, татуировка пропала. Мы сделали вид, что ничего не заметили.

Я посмотрел на фургон.

— Мне пора. Понесу дурные вести, попробую схватить тех, кто внутри. Доставь тела в дом, ладно? Старик будет признателен.

— Помощь нужна?

— Отошли обратно своих официантов. Иначе Грессер с тоски зачахнет.

Релвей ухмыльнулся. У него был повод для радости: наконец-то появилось стоящее дельце.

— И сообщи, что сказали эти двое, — прибавил я.

— Естественно. А ты просветишь меня насчет наших общих друзей.

— Хоть сейчас. Они делят сферы влияния, заключают перемирие с Семьей и договариваются, кого в будущем трогают, а кого оставляют в покое. Им не хочется злить никого из тех, кто может послать на них регулярные войска, и между собой грызться тоже надоело.

— Какая жалость!

— С ними Белинда Контагью. Выступает от имени отца.

— Замечательная женщина. Такая молодая и такая жестокая. Кстати, ты же друг их семьи, верно? Тебе должно быть известно, почему в последнее время мы почти не видим ее отца. Все она да она...

— У Чодо был удар. Он это скрывает и делает все, чтоб поскорее поправиться. И хворь его

мягче не сделала: он все такой же безжалостный. Мало того: чем дольше хворает, тем безжалостней становится. Есть новости насчет Садлера с Краском?

— Нет. Они где-то в городе — это все, что я пока знаю.

Н-да, не густо. Эту парочку со счетов лучше не сбрасывать, если жить хочешь.

44

— Я заберу их в Аль-Хар, — сказал Релвей. — Забегай, расскажу, что удастся вытрясти.

Мы договорились, что он оставит двух своих людей в моем распоряжении: они будут сторожить на улице, пока я шарю в доме Вайдера.

— Не забудь про тела, — напомнил я.

— А забирай сразу.

Дают — бери. Я опустил тент, закрепил, взобрался на козлы, подобрал поводья — брезгливо, точно они были покрыты слизью — и попросил релвеевских громил:

— Ребята, поглядите, эта скотина в правильном направлении развернута?

Скотина оскалила зубы. Кто-то из громил — их звали Риттер и Абенд, и они были похожи друг на друга, как близнецы — ехидно спросил:

— Что, боишься не управишься? Тогда слазь.

— Управлюсь, — пробормотал я, стискивая зубы. — Когда захочу, я со всем управлюсь. Но раз ты сам вызвался, на, держи.

Конечно, я умею править. На фронте научился. Но пылиться на округлую оконечность этой гнусной животины и знать, что мерин так и норовит

выкинуть что-нибудь этакое, — нет уж, увольте, у меня других развлечений хватает.

Охранник у ворот бдел в оба глаза. Не так давно он преспокойно выпустил этот фургон — задно с ребятишками Релвея, о чем благополучно забыл упомянуть, — но теперь твердо намеревался стоять стеной.

- Как меня зовут? — требовательно спросил я.
- Гаррет.
- И кто я?
- Ты главный за...
- Вот именно! Я — главный! Давай, пропускай.
- Ты ж ничего не говорил по поводу...
- Считай, что сказал. Ты проспал это фургон, дал ему улизнуть. Я нашел его и привез обратно. Открывай ворота!
- Но...

У парней Релвея кончилось терпение. Они перескошили через забор и открыли ворота изнутри. Охранник завопил. Я пустился втолковывать ему по-новой, и тут подоспел встревоженный Гилби. Хвала небесам! А то мало мне четвероного чудовища, с которым сладу нет, — еще и двуногий олух попался!

- Я думал, ты ушел с мадам Тинстолл, — сказал Гилби. — Твоя подружка в истерике.
- Какая из?
- Та, с которой ты пришел. Что у тебя?

Я молча поднял тент. Во дворе было достаточно светло, чтобы разглядеть содержимое фургона. Гилби оперся рукой о козлы, другой прикрыл глаза.

— Что это значит? — выдавил он.

— Оборотни. — Я пересказал ему наши с Релвеем подвиги.

— Я только что видел Киттиджо... Днем она была веселая, а вечером из нее вдруг стало словечка не вытянуть. А я-то гадал...

— Как по-твоему, зачем шайке оборотней проникать в дом Макса?

— Может, они пива захотели? Или пивоварню?

Это был вовсе не образчик черного юмора — Гилби спрашивал на полном серьезе.

— Думаю, ты прав. Но зачем им пивоварня? И почему сейчас?

— Спроси лучше у них, Гаррет. Может статься, пивоварня здесь и не при чем. Что будем делать?

— Как ни это гадко, придется рассказать боссу.

— Разумеется. — Гилби тяжело вздохнул. — Но я о другом: что нам делать с теми, кто в доме? Надо их поймать. Или нет?

— Надо, и поскорее. Пока они не спохватились, не сменили обличье и не удрали. Думаю, их всего трое. Остальные увезли тела...

Я ничуть не сомневался, что если мы не изловим тех, кто в доме, они в скором времени приведут под кров Макса своих дружков-приятелей. И тогда дом Вейдера станет оплотом оборотней.

Но все-таки почему Вейдер? Есть немало других семей, не менее зажиточных и куда более фанатичных, да и дома покрепче найти тоже можно.

А если к этому имеет какое-то отношение сбороище наших правозащитничков? Если оборотни заинтересовались Вейдером только из-за списка гостей на приеме? Если они подменили Маренго

Норт-Энглиша и Бондуранта Алтуну? Самое главное, никто и не заметит подмены...

Как бы то ни было, вряд ли они лелеют долгосрочные планы. Все ухищрения оборотней выйдут наружу. Во всяком случае, как утверждает молва, раньше оно так всегда бывало. Едва по Танферу разойдутся слухи о событиях в доме Вейдера, оборотням не поздоровится: за них возьмутся наши тяжеловесы с Холма. А заодно прихлопнут и человеколюбцев — чтобы блюсти чистоту рядов.

Все боятся оборотней. Судебные психиатры сколачивают состояния, доказывая безутешным родичам, что их ненаглядные не были ни одержимы демонами, ни подменены. Или наоборот — были (сами знаете, народ разный попадается, одним нужно одно доказать, другим другое, а денежки капают).

Психиатры сродни адвокатам. Правый, виноватый, справедливость, улики — для них ничто не имеет значения. Значение имеет только результат. Не удивительно, что на танферских улицах полно бедолаг с пустыми кошельками и ошарашенными физиономиями.

Клиент психиатра, как правило, не желает слышать, что его зазноба спуталась с другим. Это неэстетично. А вот если припести сюда какое-нибудь сверхъестественное объяснение, чем мрачнее, тем лучше...

Мало того, в суде некоторые особо дальновидные убийцы пытаются оправдаться тем, что совершили убийство по закону: дескать, думал — оборотень, кто ж знал, что обычный человек окажется. Правда, я не слыхал, чтобы на основе этого довода оправдали хоть кого-нибудь.

— Пошли, — сказал я Манвилу. — От того, что мы тут стоим, слезами давимся, ничего не изменится.

45

В коридоре у кабинета Вейдера мы наткнулись на Белинду. Она стояла подбоченясь и слушала Норт-Энглиша. Судя по ее зачарованному виду, я недооценил Маренго как кавалера.

А как же красотка-племянница?

Завидев меня, Белинда мгновенно подобралась. Лицо ее стало холоднее полярных льдов. Потом она разглядела слезы в моих глазах.

— Что стряслось, Гаррет?

— Идемте с нами, оба. Макс в кабинете?

Норт-Энглиш кивнул.

— Он еще не спускался. Слишком много посетителей.

Значит, Маренго с Белиндой уже давно тут любезничают. Интересненько.

— Тай разозлится, — несколько невпопад заметил Гилби. — Он страшно не любит оказываться вторым.

Я пожал плечами и приоткрыл дверь кабинета. В коридор хлынула волна жара от камина. Макс сидел у камина, в своем любимом кресле, и пристально глядел в огонь, будто видел в языках пламени давно минувшую эпоху, когда мир не знал боли и страданий.

— Вернулся, Гаррет? — спросил он, подняв голову.

— Так точно, сэр.

— Твоя подруга на тебя рассердилась.

— Привычное дело. — Моя «подруга» оскорблена моргнула. — Нужно было кое-что проверить.

- Ну, выкладывай. Что еще плохого?
- Хуже некуда, Макс. Том и Киттиджо погибли. Их убили. И Люка тоже.
- Того парня. Которого я приставил к Тому, — пояснил Гилби.
- Подмена случилась раньше, — продолжал я.
 - Подмена? — эхом отозвался Вейдер.
 - Оборотни, — сказал Гилби. — Они подменили всех троих.
 - Похоже, Черные Драконы связаны с оборотнями, — прибавил я. — На всякие права и свободы им плевать. — Не-людей человеческие права не интересуют. А если интересуют, то отнюдь не в том смысле, в каком ими интересуется «Клич».
 - Я устал, Гаррет, — проговорил Макс со вздохом. Голос у него и вправду был усталый. — Садитесь. — Он указал нам с Манвилом на стулья. — Больше всего на свете я хочу избавиться от забот и отдохнуть. Мне надоело сражаться. Назовите, кому сдаться, — я с радостью стану пленником.
 - Крепись, Макс. Мы с Гарретом все уладим. — Он посмотрел на меня, получил утвердительный кивок и спросил: — Ланса берем?
 - Больно много из себя корчит.
- Гилби улыбнулся, не разжимая губ.
- Ты недалек от истины. Но у каждого из нас есть свои недостатки, Гаррет. — Он посмотрел куда-то мне за спину. В его глазах на мгновение блеснули слезы.
- Меня возьмите. — Белинда. Признаться, я забыл, что она вошла вместе с нами.
- Я не стал спорить. И Гилби не стал. По-моему, он просто опасается с нею спорить.

— Вон та груда хлама в углу, — проговорил Манвил, — когда-то была настоящим оружием. Подберите себе что-нибудь, по вашему вкусу.

Белинда не колеблясь выбрала длинный, зловещего вида клинок. Наметанный глаз, сразу видно. Гилби взял кинжал и маленький щит на руку.

— Стильно, — заметил я. Какой удобный стул, лень вставать.

Манвил и не подумал улыбнуться. У него в запасе остались улыбки лишь для мисс Контагью, остальные иссякли раз и навсегда. Все прочие тоже сохранили серьезность.

Эх, добрые старые времена, когда мы смеялись в лицо опасностям! Куда, куда вы удалились?

Когда над головой сгущаются тучи, только чувство юмора и спасает.

Я редко пользуюсь смертоносным оружием, но сейчас у меня выбора не было, тем более, что в этой куче дубинок не было и в помине. И вообще ничего такого, что сгодилось бы для частного сыщика. Мое внимание привлек маленький арбалет из амуниции то ли кавалериста, то ли кентавра. На фронте я неплохо стрелял из арбалета; правда, давненько уже не практиковался...

Норт-Энглиш обеспокоению наблюдал за нами.

— Вам лучше остаться с Максом, — посоветовал Гилби. — За ним стоит присмотреть.

Маренго облегченно вздохнул.

Великий поборник прав человека откровенно сдрейфил. Кто бы сомневался? Хотя, я так понимаю, позови его Белинда, он бы пошел с нами. Какое испытание для влюбленного — выбрать между собственным страхом и предметом страсти, беспрепятно лезущим на рожон!

Гилби порылся в куче и извлек длинный и тонкий меч.

— Я слыхал, вы неплохой фехтовальщик. — Он протянул клинок Маренго.

— Был когда-то, — заскромничал тот, — в молодые годы.

— Солдат всегда солдат, — изрек я. — Теперь мы можем не волноваться за Макса, он под надежной охраной. — И дружески хлопнул Маренго по плечу. Он раздулся от гордости, будто ему предстояло идти в самое пекло. Возможно, в мыслях он видел себя героем. И даже не догадывался, что в героях ему ходить не суждено.

46

Мы вышли на черную лестницу.

— Тебе не обязательно идти с нами, — сказал я Белинде.

— Знаю. Не говори ерунды, Гаррет, береги дыхание.

Я заткнулся. Во-первых, этот разговор мы вели уже невесть сколько раз. А во-вторых, ступеньки были крутые — не до разговоров.

К четвертому этажу я изрядно запыхался. Слишком много пришлось побегать за этот вечер. И ладно бы побегать, а то куда не сунься, везде норовят огреть тебя по башке чем-нибудь потяжелее. Судьба ко мне определенно неблагосклонна.

Что ж, на то она и судьба. Все ее любимчики рано или поздно кончают плохо.

Я остановился, сделал глубокий вдох, чтобы прийти в себя, и спросил Гилби:

— Из комнаты Тома один выход или несколько?

— Не могу сказать. В доме полно коридоров, о которых знают только слуги. Но если мы поторопимся, никто удрать не успеет.

Верно подмечено. А все-таки зря я не взял с собой наверх ребят Релвея.

— Гаррет, если б я знала дорогу, — прошипела Белинда, — я б оставила тебя в кабинете, с твоей привычкой задумываться ни к месту.

Все мне твердят, что я слишком много думаю. Согласен, но с одной оговоркой: когда замечаю красивую девушку, я вообще перестаю думать.

Уж так я устроен. Ничего не попишешь.

Я шагнул в коридор.

Люк-оборотень стоял на страже у двери в комнату Тома. Он поглядел меня с подозрением. Я состроил самую широкую улыбку, на которую только был способен. Следом за мной в коридор вышли Белинда и Гилби.

— Эй, Люк! — воскликнул я. — Босс велел привести Тома вниз. Он хочет, чтобы собралась вся семья.

Лже-Люк, естественно, не посмел ослушаться приказа главы семейства, иначе он запросто выдал бы себя. Вдобавок я не дал ему времени на размышление.

Арбалет — не очень подходящее оружие для устрашения противника. Другое дело нож у горла... Лже-Люк метнулся было в дверь, но я оказался быстрее и поставил ему подножку. Он с грохотом рухнул на пол. А прежде чем успел подняться, Белинда уже сидела на нем верхом, поигрывая своим ножичком.

Мы с Гилби ворвались в комнату.

— А выходов-то несколько, — разочарованно проговорил я.

В комнате царил полумрак, но света, который падал из распахнутой настежь двери, вполне хватило, чтобы отыскать другой выход. В стене имелось небольшое отверстие; человек моего роста мог протиснуться в него с немалым трудом. Прямо за стеной начиналась лесенка. Я скатился по ступенькам — и очутился в чулане, дверь которого открывалась в коридор. Я бросился туда, Гилби не отставал. Мы не могли допустить, чтобы оборотень улизнул снова.

В дальнем конце коридора хлопнула дверь. Классический пример глупости преступника — моя матушка была бы в восторге. Мы влетели в эту комнату — и застыли как вкопанные.

Спальня Ханны Вейдер.

В комнате стоял тяжелый запах болезни и отчаяния. На кровати лежала истаявшая от хвори женщина. Когда она увидела нас, ее лицо просветлело. Она попыталась что-то сказать.

Смертельно бледная, исхудавшая, Ханна Вейдер казалась не супругой Макса, а его престарелой бабушкой.

Произнести хотя бы слово у нее не получилось. Она шевельнула пальцем.

— Под кроватью, — догадался Гилби.

Из-под кровати выскоцил Трейс Уэндовер. Ринулся было к двери, сообразил, что я успею раньше, бросился на кровать, схватил Ханну и заслонился ею как щитом. В его руке появился нож.

Слов не требовалось. Угроза и без того была очевидной.

В этот миг в дверях появилась Аликс.

— Мама, я принесла тебе... Какого хрена!

Изумленный Трейс обернулся на голос.

Мама укоризненно поглядела на дочку: мол, разве пристало девушке так выражаться?

Я выстрелил — и попал Уэндоверу между глаз.

Да, не зря меня считали отменным стрелком. Мастерство не пропьешь.

47

— Она умерла! — прорыдала Аликс. — Сердце не выдержало...

Вне себя от горя, девушка принялась трясти тело матери, будто это могло вернуть Ханну к жизни.

Тут в дверях возникла Белинда с оборотнем в поводу. Посмотрела на Аликс, пожала плечами, метнула на меня вопросительный взгляд.

Просить ее успокоить Аликс было бессмысленно. Она успокаивать не умела. Ее саму в жизни никто наверняка не утешал.

— Приведи Тинни, — сказал я. Тинни она знала. — Или Никс.

Уэндовер, несмотря на стрелу во лбу, не утратил подвижности. Его тело словно таяло на глазах, личины постоянно менялись. Стрела выпала из раны на пол.

— Хитро, — пробормотал я. — Надо будет научиться.

Аликс прыгнула на оборотня.

Тот отшвырнул ее, как игрушку.

Я выстрелил снова. Подбежал, выдернул стрелу и сунул в рану серебряную монетку.

Оборотень обмяк.

— Гилби, кто из нас пойдет к Максу?

— Я, — ответил Манвил. — Это моя обязанность, Гаррет. Боюсь, это будет уже слишком... Он и жил-то ради Ханны...

Тот оборотень, которого привела Белинда, тоже решил высвободиться из пут. Сделался скользким, как слизняк, но это ему не помогло. Методом проб и ошибок я установил уязвимое место у него на голове — то самое, по которому долбанули меня — и снова вырубил.

— Ни у кого нет при себе куска серебряной проволоки?

— Держи, Гаррет. — Подоспевшая Никс протянула мне свой кулон на цепочке. — Тинни сейчас подойдет. Аликс, с тобой все в порядке?

И тут она поняла, что Ханна мертва. Взгляд, которым Никс одарила оборотня, заставила меня порадоваться, что эта красотка на нашей стороне.

— Ты сама пришла или как? — спрашивая я.

— Твоя подружка-вампирша велела мне подняться. — И язычок у нее острый, порезаться можно.

Я повесил кулон на шею оборотню. Он затрясся всем телом. Мне даже почудилось, что кулон соскочит, но все обошлось.

— Заткни ему пасть, — посоветовал Гилби, опускаясь на колени рядом со мной. — Еще не хватало, чтоб их вопли гостей переполошили.

В комнату вошла Тинни. За ней по пятам следовала Белинда.

— Тай придет, как только Ланс созовет своих парней.

Гилби покачал головой.

— Здесь ему делать нечего. Пускай ждет нас в отцовском кабинете. Дамы, окажите Ханне последнюю услугу, хорошо? Идем, Гаррет. Оттащим эту падаль вниз.

— Третий по-прежнему на свободе, — напомнил я.

— Знаю. Мы с ним разберемся.

Будем надеяться. Если Релвей прав, этот третий уже понял, что их план провалился.

48

Макс удивил всех. Череда ужасных новостей не доконала его, наоборот — вернула к жизни. Может, боль была слишком велика, чтобы воспринять ее. Или он давно уже привык к ударам судьбы. Так или иначе, Макс больше не выглядел усталым. О взгляд, который Вейдер метнул на наших пленников, можно было обжечься, но трогать он их даже пальцем не тронул. Деловой человек, деловой подход: все должно быть практичным, и месть в том числе.

Оборотни продолжали дрыгаться. Когда бы ни кляны во ртах, они бы наверняка вопили.

Гилби отправился за Таэм и Лансом.

Норт-Энглиша, Никс и Белинду попросили выйти. Их присутствие Макс считал нежелательным.

Вошел Ланс, за ним Тай на костылях, которыми пользовался крайне редко. Он был бледен и зол.

— Снова напортачил, Гаррет?

— Тихо, — велел Макс. Ну и выдержка! Голос спокойный, разве что безжизненный какой-то. — Садись. — Тай не посмел ослушаться.

Могу предположить, что такого голоса у отца он не слышал добрых десяток лет.

— Гаррет ни в чем не виноват. Он просил меня быть поосторожнее, но... Кто-то вознамерился убить всех Вейдеров. Почему — известно одному убийце. А мы сами подставились. Потому что мешали Гаррету. Виноват я, и никто другой. Мы поймали

пятерых оборотней. — Кстати говоря, Макс ни чуть не удивился, узнав, что за его домом следит тайная полиция. — Манвил, удалось отыскать последнего?

Гилби кивнул. Что еще он затеял?

— Пятерых? — выдавил Тай и уставился на два корчащихся тела на полу перед камином. Дрова почти прогорели, но от камня по-прежнему исходил жар, и оборотни изнемогали.

— Двоих ты видишь, а троих Гаррет изловил на улице. — Макс не упомянул ни о Томе, ни о Киттиджо. — Они заговорят, Гаррет?

— Думаю, да.

— В доме остался один, последний. — продолжал Вейдер. — Полагаю, мы с ними справимся сами.

Нет, Гилби и вправду что-то затеял! Надо было предупредить его, что эти твари способны ощущать эмоции друг друга.

— Об оборотнях почти ничего не известно, — вставил я. — Для нас они существа мифические. Громовых ящеров — и тех чаще встречают. — Впрочем, в этом году ящеров было на удивление мало. — Я слыхал разве что о семейке оборотней, которая в прошлом веке облюбовала себе уголок в лесу к северу от города, и то история эта сильно на сказку смахивает. В общем, оборотни — звери редкие, мы потому и не врубились сразу, что к чему. По правде сказать, я бы, может, и не вспомнил о них, когда бы со мной постоянно всякая бессовщина не творилась.

Высказавшись, я поднялся и направился к двери. Вейдер было нахмурился, но успокоился, увидев, что я встал так, чтоб меня не было видно, когда дверь откроется.

Расчет был верен. Минуту спустя дверь открылась, и в кабинет вошла лже-Киттиджо. Вид у нее был такой, словно она ни о чем не подозревала. Это меня удивило.

Выходит, она не почувствовала боли двух других оборотней? Может, причиной серебро?

Гилби подошел, чтобы закрыть дверь. Лже-дочь Макса кивком поблагодарила Манвила за услугу — и увидела меня.

Повисшую тишину нарушил Тай:

— Что происходит, отец?

— Это не твоя сестра. Эта... тварь убила ее и приняла ее облик.

— Отец, что ты говоришь!?

— Киттиджо мертва, Тай. Поверь мне. И Том мертв. И Лукас Блоклоу мертв. Их убили. Убили и подменили. — Макс указал на оборотней на полу.

Я взял арбалет на изготовку и многозначительно поглядел на фальшивую Киттиджо.

— Что вам от меня нужно? — спросил у оборотня Вейдер.

— Бред какой-то! — воскликнул Тай. — Джо, скажи что-нибудь!

Между тем его сестра менялась.

Менялась на глазах.

Превращается! Она по-прежнему была вылитая Киттиджо, но делала с собой что-то такое, что, вероятно, должно было открыть ей путь к спасению. Или же она собиралась перекинуться в нечто смертоносное...

— Меняется, — сообщил я в пространство.

Оборотень прожег меня взглядом. Гилби шевельнулся, и оборотень обернулся к нему. Я ткнул злодея кулаком в спину. Ощущение было такое, словно ударил по мешку, битком набитому камнями.

Оборотень развернулся ко мне. Похоже, он не слишком умен. Нет чтобы драпануть, пока есть возможность.

Я увернулся от удара. Гилби саданул оборотня по почкам. Никакого результата, не считая того, что Манвил крякнул от боли и что на костяшках у него выступила кровь.

Тай выкрикнул что-то вроде: «Оставьте Джо в покое!».

Я выстрелил, целясь твари в горло. Стрела про никла под кожу едва ли на дюйм и в следующее мгновение выпала из раны.

Гилби находился ближе всех к груде старого оружия. Он схватил грозную на вид булаву и дважды или трижды ударил ею оборотня по голове. А я наложил на тетиву второй болт.

Оборотень решил, что с него хватит. И ушел. Не потрудившись открыть дверь.

Я выскочил в коридор, выпустил стрелу. Она угодила твари в поясницу.

Оборотень не устоял на ногах и рухнул на парадную лестницу, лицом вниз.

— Меткий я стрелок, верно? — похвастался я.

— Да уж, — согласился Гилби.

Подняться оборотень не сумел и потому пополз вниз, цепляясь ногтями за ступеньки. Одна рука сорвалась, и он покатился кубарем, прямо в залу.

Я рванул следом.

Оборотень утратил всякое сходство с Киттиджо. Теперь он отдаленно напоминал громового ящера. Невесть откуда возникшая чешуя разрывала бальное платье. Из-под подола высунулся кончик хвоста.

Раздались крики. Музыка оборвалась. К подножию лестницы сбежалась целая толпа. Я под

скочил к оборотню. Рядом со мной оказался тря-
сущийся Ланс.

— Ее, должно быть, подменили первой, — сказ-
ал я. — С ней проще всего было справиться.

По лестнице, навалившись грудью на перила, спу-
стился Тай. Ему явно хотелось кого-нибудь при-
кончить. Он уставился на существо, убившее и под-
менившее его сестру.

— Извини, Гаррет, — прошептал он чуть пого-
дя. — Я не знал...

— Да ладно.

— Не годится намссориться между собой.

— Запомню.

Тай кивнул, оглядел толпу.

— Он сбежал бы, если бы не твоя стрела.

Хоть кто-то оценил!

— Мы с ним еще не покончили.

Происходящее подозрительно смахивало на
один из тех кошмаров, в котором чудовище то ухо-
дит, то возвращается.

— Ланс, — сказал Тай, — Джорджи пошла наверх,
в мамину комнату. И Аликс тоже там. Проверь, как они.

— И Тинни должна быть с ними, — добавил я.
Интересно, где Белинда? И кто следит за оборот-
нями в кабинете Макса?

49

— Как я выгляжу? — спросил спустившийся
Макс. Он, конечно, владел собой, но, по-моему, в лю-
бой момент мог сорваться.

— Все в порядке, отец, — отозвался Тай.

— Тогда давайте успокоим гостей.

Я взвесил на руке арбалет, сунул руку в кар-
ман, где лежали болты. Зеваки попятались.

Пожалуй, надо обезопасить себя от неожиданностей. Я вытащил еще одну монетку. Эти оборотни — чистое разорение.

Ноги оборотню по-прежнему не повиновались. В его лице не осталось ничего человеческого. Жуткая рожа, честное слово!

Макс повернулся к гостям.

— Не волнуйтесь, дамы и господа, ничего страшного. В дом проник наемный убийца. Мы его поймали. Веселитесь, прошу вас.

Откуда-то возник Норт-Энглиш, наклонился над оборотнем. С мечом в руке, весь из себя неустранимый — дамы млеют от восторга. Не удивлюсь, если по городу пойдут слухи, что убийца забрался в дом Вейдера, чтобы прикончить доблестного Маренго, защитника обиженных и угнетенных.

Чем ближе я его узнавал, тем меньше у меня оставалось иллюзий — если они вообще были. До сих пор я не получил ни единого доказательства, что сам он верит в идеалы, которые провозглашал; разве что суммы, потраченные на содержание «Клича»... Покажите мне хоть одного толстосума, который просто так бросался бы деньгами.

Может, спросить у Тамы Монтецумы? Она как раз подбежала к своему дядюшке узнать, не ранен ли он в жестокой схватке. И где таких красавиц выращивают?.. Внезапно я поймал себя на странной мысли: в Таме чувствовалась некая... пустота, что ли.

Бамс! Я саданул оборотня между лопаток.

— Разрежьте ему платье, — сказал я Норт-Энглишу. — Надо добраться до раны.

Оборотень заерзал; ему, похоже, не терпелось убраться как можно дальше от парней с арбалетами, ножами и серебряными монетками.

Гости снова отступили, но разойтись и не подумали. Таращились все, включая музыкантов и слуг. Сочувствия к Максу во взглядах я не заметил.

И после этого мне будут говорить, что в Танфере люди добрые?

Геройский Маренго сделал шаг вперед и изящным движением вспорол платье. Оборотень дернулся всем телом, однако ноги его отказывались слушаться.

Я выдернул стрелу и всунул в рану монетку.

— Надеюсь, это был последний. — Шесть оборотней в одном доме! Неслыханно, просто неслыханно! Или их и того больше?

Вейдер поглядел на оборотня, покачал головой.

— Не понимаю, Гаррет. — Его голос дрогнул.

Уж если он не понимает... Его дом, его семья, его дело. Зато он — мой друг.

— Я все выясню.

— Постарайся, Гаррет, ладно, — сдавленно попросил Тай. — И не церемонься с ними, когда найдешь. Мы... — Он махнул рукой и отвернулся.

— Помог бы кто-нибудь унести эту тварь. — Тут же, словно из-под земли, выскочили ребята Релвея. Наверняка подслушивали. Они просочились сквозь толпу гостей, как нож сквозь масло. — Где вас носило? — проворчал я. — Забирайте этого. Двое других наверху. В кабинете хозяина.

Вейдер вновь обратился к гостям:

— Прошу вас, веселитесь. Вспомните, по какому поводу вы здесь собрались.

Мне почудилось, что еще немного — и он заплачет.

Им нельзя было не восхищаться. Макс вел себя подобно тем аристократам, которые создавали империю. Он делал то, что должен был делать, заглушая терзющую сердце боль. И не позволит себе отиться горю, пока гости не разъедутся.

Парни Рельвея вернулись, и мы все вместе поднялись в кабинет Макса.

Как нельзя вовремя — один из пленников сумел высвободиться. Чтобы обуздить его, пришлось пожертвовать очередной монетой. Пожалуй, скоро я начну чахнуть над серебром, как Маренго.

— Мы их сзади вынесем, — сказал Риттер. — Шеф с тобой свяжется.

— Напомни ему, что он мне кое-что обещал.

Внизу меня поджидала Белинда.

— Можем уйти? — спросила она.

Я покосился на Норт-Энглиша, который, опершись на меч, развлекал компанию гостей описанием своих подвигов. Жаль, что отсюда не слышно. Наверняка я узнал бы много интересного.

Он заметил мой взгляд и нахмурился. Я хотел было помахать, но передумал: не стоит портить человеку удовольствие.

У мисс Монтецумы выражение лица было загадочное, почти испуганное. Она выглядела так, словно нашла змею в хлебнице. Хотя откуда ей знать, что такое хлебница?

— Можем мы уйти? — повторила Белинда.

— Ты да, я — нет. Мое место рядом с гостями. — И рядом с Тинни, мысленно прибавил я.

Белинда насупротила брови.

— Были времена, когда ты бросал любое дело...

Мы оба знали, что это неправда.

— Ступай, если тебе нужно уходить. Я с тобой свяжусь, хорошо?

Она печально кивнула.

Белинда Контагю, маленькая девочка, своенравная, жестокая и беспощадная. И грустная.

Порой мне хочется задушить Чодо за то, что он сделал со своей дочерью.

— Тогда я пошла. — Она посмотрела на Тинни. — Не забывай меня.

Надеюсь, она ничего такого не замышляет? Помнится, Чодо избавился от ее матери потому, что не терпел соперничества...

— Белинда, погоди.

Она не обернулась. Пробормотала что-то, проходя мимо Тинни с Аликс. Перекинулась словечком с Маренго. Тот, похоже, одновременно обрадовался, удивился и испугался. Потом задумчиво посмотрел на меня. Белинда подошла к дверям, возле которых отирался Джеррис Дженорд. Миг — и она исчезла, а мне вдруг подумалось, что Дженорду, судя по бледной физиономии, досталось за сегодняшний вечер даже сильнее, чем Гилби или Максу.

50

Больше ничего примечательного не случилось. Разумеется, прием не стал гвоздем сезона. На нем было слишком много варварской грубости, что никак не позволительно (и непростительно) для утонченных представителей высшего общества. Гости стали разъезжаться вскоре после ухода Белинды. Дольше других задержались только главари человеколюбцев и те, кто хотел пообщаться с Максом наедине. Уверен, они отбывали недовольными: Макс не был расположен к задушевным беседам.

Тинни остаток вечера не отходила от меня. Аликс тоже держалась рядом; по всей видимости, она не слыхала поговорки: «Рыжих не переупрямишь». Надо было ее предупредить; уж у меня-то подобного опыта предостаточно.

Даже закадычные друзья Вейдеров и Николаев стали собираться задолго до того, как оркестр закончил играть. Тай печально взирал на их сборы, Никс готова была разрыдаться.

— Паскудство, — пробормотала Тинни, вместе с которой мы стояли у дверей и глядели на стремительно пустеющую залу. Джеррис Дженорд кивнул, будто ее фраза предназначалась ему. Мажордом выглядел так, словно у него внезапно началась отрыжка. — Бедняжка Никс! Принести себя в жертву ради благополучия семьи и получить вместо праздника кучу дерьяма...

— Женщина! И тебе не стыдно так выражаться?

— Заткнись, Гаррет. Что хочу, то и говорю. Никс так расстроилась... И что ей теперь делать, скажи на милость?

— На Максе, по-моему, лежит проклятие. И не на нем одном, а на всей семье. Когда Никс вошла в семью, проклятие распространилось и на нее. — А может, тут и в самом деле замешано какое-то проклятие или иное чародейство? Казалось просто невероятным, чтобы на одного-единственного человека вереницей сыпались все возможные и невозможные беды.

По зале носился Грессер. Такое впечатление, будто с разъездом гостей у его уполовиненной команды резко прибавилось работы.

Тинни попрощалась с каким-то типом, которого мне представить не удосужилась.

— Собираешься сунуть меня в чулан и выпускать по большим праздникам? — ревниво спрашивался я.

— Отличная мысль. — Она пристально поглядела на меня. — И всякие Аликс уже не пристанут. Ты идешь?

— Вообще-то я предпочел бы остаться. А с каких это пор ты жеманиться стала?

— Я? Гаррет, опомнись!

— Ты, ты. Думаю, Дин меня не съест, если я проведу эту ночь не дома. Особенно если сочинить историю и упомянуть пару раз твое имя. — Тинни ходила в любимицах у старины Дина.

У меня, впрочем, тоже.

— Что меня в тебе восхищает, так это твоя неподдельная радость по поводу...

— Прошу прощения, сэр. — Дженорд проводил того типа, с которым Тинни попрощалась, до кареты и успел вернуться. — Вас хотят видеть.

Снова?

— Надеюсь, человек приличный?

— Увы, сэр, отнюдь не приличный.

— Так я и знала, — прошипела Тинни мне в спину.

Я вышел во двор. Там меня поджидал Релвей.

Конечно. Кто еще это мог быть? Уж всяко не мой треклятый голубок. После безобразия, учиненного в зале и окончившегося позорным изгнанием, попугай исчез бесследно.

Может, до него добрались нетопыри. Или он залег где-нибудь в укромном местечке, дожидаясь рассвета. Попка-Дурак — попугай городской, не то, что те птахи на островах: они бодрствовали ночи напролет, подражая возгласам часовых и стонам раненых.

Значит, Релвей. Говорите, не приличный человек? Да Дженорд подавился бы собственной слюной, узнай он, кого принесла нелегкая к дому Вейдера.

Вид у Релвея был потрепанный.

— Устал? — спросил я.

— Да нет.

— Что стряслось?

— Хочу, чтоб ты кое на что взглянул.

— Ничего хорошего, верно?

— Верно. Ночка выдалась...

51

Да уж, ночка и вправду выдалась богатой на события.

Идти оказалось недалеко, приблизительно до того места, где ребятки Релвея остановили фургон оборотней.

Черный экипаж Белинды. Пустой. Обе лошади лежали на земле: одна не шевелилась, у нее в горле торчал арбалетный болт; вторая судорожно дергала копытами.

— Яд, — пояснил Релвей, указывая на болт.

Сорванная дверца экипажа болталась на единственной петле. На подножке сидел незнакомый мне парень, придерживал левой рукой правую — очевидно, сломанную... — и тихонько постанивал.

Чуть поодаль два трупа. Обоих я знал. И, естественно, никаких зевак и никаких свидетелей.

— Это Пеквуд, — сказал Релвей, ткнув пальцем в парня со сломанной рукой. — Все случилось у него на глазах.

Пеквуд печально кивнул.

— Расскажи еще раз, для моего друга.

Друга? Гаррет, приятель, я бы почаше посматривал на руку, что хлопает тебя по плечу. Однажды в ней наверняка блеснет сталь.

— Карета ехала с той стороны, — начал Пеквуд, — лошади шли шагом. Вдруг вон оттуда выскочили два типа. — «Оттуда» означало с улицы, куда экипаж Белинды должен был свернуть по дороге домой. — По-моему, они собирались устроить засаду в другом месте, но им пришлось переиграть, потому как тот, кто сидел в карете, решил ехать иначе.

Я ничуть не сомневался: Релвей знает, чей перед нами экипаж. А Пеквуду он, разумеется, открыть этого не потрудился.

Почему Белинда свернула на запад вместо того, чтобы ехать на север?

— Они явно что-то замышляли, — продолжал Пеквуд. — Я следил за ними. Один выстрелил в возницу и промахнулся — запыхался, видать, после бега. Возница хлестнул лошадей. Ну, тогда они стрельнули в лошадок. Сдается мне, поначалу-то они собирались возницу прикончить и целиком карету захватить.

Разумный подход. Захватить карету вместе с лошадьми и с пассажиром — прекрасной мисс Контагью, у которой немало заклятых врагов.

Один из трупов на мостовой принадлежал Двупалому Харкеру. На теле было множество глубоких ран. Неподалеку валялся нож: судя по крови на лезвии, Харкер дорого продал свою жизнь.

Пеквуд перевел дыхание.

— Ну, карета остановилась, возница спрыгнул, и тут на него навалился второй, и пошла кровища хлестать. Спросите меня, так они точно друг друга

врасплох застали. Эти, которые напали, никак не ждали, что им сопротивляться будут.

— Знаешь их? — спросил Релвей, указывая на трупы.

— Келанд Джастин Карлайл, более известный как Ки-Джей. — Я кивнул на того, кто был понижестом. — Главный головорез Чодо. — От тела Карлайла тянулся кровавый след: как и Двупалый, он перед смертью успел кому-то насолить. Кто же отважился напасть на Белинду? — Говоришь, нападавших было двое?

Пеквуд утвердительно дернул подбородком.

— И они забрали мисс Контагью?

— Женщину. Уж не знаю, как ее кличут.

— Ну, Гаррет? — Релвей невесело усмехнулся. — Догадываешься, кто это был?

— Краск и Садлер?

— Они самые. Пеквуд пытался им помешать, но они его скрутили в два счета, хоть оба и ранены были.

— От меня им тоже досталось. — Пеквуд оскалил зубы в ухмылке. — Долго заживать будет.

— Белинда уехала довольно давно. Почему она кружила возле дома Вайдера? — И откуда взялся Карлайл? Или Чодо определил его в телохранители дочки? Вряд ли он следил за нами; во всяком случае, я его не видел.

Белинда бы сказала. Наверное.

Краск, Садлер и Белинда...

Я вдруг понял, что жутко устал. С этой парочкой мне отношения выяснить не хотелось, даже если Двупалый, Карлайл и Пеквуд оторвали им руки и ноги. У них остались клыки, ядовитые клыки, которые они не задумываясь пустят в ход.

— Куда они отправились, известно?

— Нет, — признался Релвей. — У моих людей приказ: если ты один на месте преступления, никуда не уходи. Пеквуд так и поступил.

— !!!

— Ну-ка, ну-ка, поподробнее.

— Да брось ты! Ну, побежал бы твой Пеквуд за ними, и что? Узнать бы мы все равно ничего не узнали, а его прикончили бы — за лишнее усердие.

— Рад, что ты это понимаешь. Другие стали бы спорить.

— Я бы тоже поспорил, когда бы силы остались. Ладно... Что будем делать? Среди членов Семьи у меня близких знакомых нет. Можно, конечно, к ее отцу отправиться, но тогда раньше завтрашнего вечера я не вернусь.

— Сдается мне, они были не в том состоянии, чтобы заметать следы.

На мостовой и вправду было много крови. Однако глупо надеяться, что кровавый след приведет нас прямо к убежищу, которое подыскали себе Садлер с Краском. В человеческом теле просто-напросто нет такого количества крови.

— Не люблю крысюков.

— Тебя никто и не просит их любить. — Релвей усмехнулся. — Сам знаешь, когда нужен хороший следопыт, нанимают крысюка.

Живых существ на свете великое множество, и у каждого народа есть свои особенности, отличающие его от других. Мы, люди, равно как и огры, тролли, эльфы и гномы — следопыты никудышные, особенно в городе и особенно по сравнению с крысюками, которые берут след лучше любой гончей.

Излюбленные колдовские штучки у тех, кто хочет сбить со следа погоню (и может себе позволить

это дорогое удовольствие), — ловушки с заклина-
ниями, отбивающими нюх.

Продолжая улыбаться, Релвей прибавил:

— Самое время, чтоб свести знакомство, Гар-
рет. Они работают по ночам.

Уж это мне известно. Крысюки — твари оч-
ные, а мы — дневные.

— Кандидатуры есть? Хотя бы подскажи, к
кому обращаться.

— Я не пользуюсь услугами крысюков.

— Чего ж тогда надо мной смеешься?

— У них есть свои странности, Гаррет. Пре-
дупреждаю: когда они узнают, что их хочет на-
нять человек, то примутся рыдать и шерсть из себя
выдирать, будто на казнь идут. Для них мы — па-
лачи и живодеры.

Крысюки — существа робкие. Жизнь приучи-
ла их не высовываться. Что там говорить: даже
я, образец добродетели, отношусь к крысюкам с
пребуждением. Естественно, они платят людям
тем же.

Я вздохнул. Как ни крути, а придется загля-
нуть к Морли. Признаться, я не хотел вовлекать
Дотса — как ради его безопасности, так и своей
собственной. Однако выбора, похоже, не осталось.

— Дай мне знать, что у тебя получилось, — по-
просил Релвей.

Можно подумать, ему и без меня не донесут.

— Конечно.

Теперь для Тинни я точно стану врагом но-
мер один. И кто меня заставляет спасать женщи-
ну в беде? Причем *другую* женщину. Причем *ты
самую*.

Вот если бы я спасал благородную девицу
Тейт...

Попка-Дурак плюхнулся на мое плечо через пару секунд после того, как я расстался с Рельвеем. Он весь дрожал — то ли замерз, то ли чего-то испугался. Ночь — время хищников. Они готовы сожрать все и вся, нападают друг на друга, на собак, кошек и даже на Малый Народец. У них не хватает умишка сообразить, что последнее равносильно самоубийству.

Кажется, на рынке цена на шкуры громовых ящеров не так давно подскочила...

— Везет, как утопленнику, — проворчал я. — Нет чтоб тебя коты слопали.

Попугай гордо промолчал.

— Что, язык откусили? — Вот это был бы подарок судьбы.

По-прежнему ни слова в ответ. Видно, Покойнику сейчас не до меня.

Тем не менее, я продолжал трепаться с попугаем всю дорогу до «Пальм». Ночная публика, попадавшаяся на пути, встревоженно на меня косилась и сворачивала в переулки, подальше от греха. Кто его знает, этого человека, который болтает сам с собой. Поговорит-поговорит, а потом еще как кинется крошить все подряд... Чокнутый — он чокнутый и есть, что с него возьмешь?

Отличный способ, надо запомнить. Впрочем, средь бела дня меня вряд ли кто будет сторониться. В лучшем случае не обратят внимания, а в худшем — позовут санитаров из Бледсо.

В «Пальмах» я наткнулся на нового официанта.

— Чем могу служить, сэр? — спросил он, глядя на меня так, словно моя кожа была, мягко выражаясь, не совсем обычного цвета. Ишь как нос задрал — чуть в потолок не уперся. Должно быть, на моей одежде остались пятна крови.

— Ничем. — Я отстранил его и двинулся дальше.

И вдруг увидел знакомое лицо. Мисс Тама Монтецума, собственной персоной! Она выглядела краше прежнего — верно, сгладила душевное потрясение вегетарианским салатом. Заметив меня, она улыбнулась и по-приятельски помахала рукой.

Спина ее кавалера тоже была мне знакома. Ба! Доблестный Маренго! Какая неожиданность!

Он обернулся посмотреть, кому это машет его ненаглядная племянница. Я заговорил о ней на физиономию умильную улыбочку.

Норт-Энглиш хмуро кивнул. Я кивнул в ответ и продолжил путь. В зале нашлись и другие гости Вайдера. Что ж, светский прием, на котором кого-то убивают, — развлечение ниже среднего; чтобы после такого успокоиться, непременно надо куда-нибудь зайти. Убийство на вечеринке допустимо, лишь когда кто-то из родичей жениха убивает родственника невесты, и наоборот.

— Клевый прикид, Гаррет, — буркнул Пудель. — Хоть на человека похож стал. Куда прешь-то? Забыл, как у нас заведено?

— Хочешь меня остановить?

— Что с тобой стряслось? — продолжал он, будто не рассыпывая моего вопроса. — Кто это тебе кружавчиков понавесил? — Он ухмыльнулся, поймал мой взгляд и наклонился к переговорной трубе. — Босс, приперся тот хмырь с попугаем. Ну да.

Откуда мне знать, босс? Я не спрашивал. Эй, Гаррет, какого хрена тебе надо?

— Заткни уши.

Пудель выпучил глаза.

— Давай, давай, заткни. — Едва он вставил в ушные раковины свои толстые, волосатые пальцы, я сказал в трубу: — Морли, Садлер с Краском похитили Белинду. Мне нужен нюхач.

Не прошло и минуты, как Дотс возник на верху лестницы, застегивая пуговицы на куртке. Его преследовал разочарованный женский стон. Он спустился, вальяжно махнул рукой клиентам и насмешливо оглядел меня.

— Гаррет, ты ли это? Небось, насилино в кружева запихнули? И кто посмел? Неужто они?

— Вы про кого, босс? — всполошился Пудель. — По мне, так точно пикси постарались, честное слово.

— Пудель, при твоей работе много думать вредно. — Я повернулся к Морли. — Меня там не было, зато был Ки-Джей. Его шлеинули. И Двупалого Харкера заодно.

— Харкер был хороший малый. Преданный, как собака.

— Ни одна добродетель не остается безнаказанной. Краску с Садлером тоже досталось, возможно, достаточно крепко. Им пытался помешать один из парней Релвея, но у него ничего не вышло, только руку сломал.

— След остался?

— Кровищи немерено.

— Пудель, дуй к Релиансу, скажи, мне срочно нужен его лучший нюхач. Может передать, что мой друг Гаррет платит щедро. — Морли ухмыльнулся, явно приглашая меня возразить. Но

я возражать не стал: будешь торговаться — на-
верняка прогадаешь.

Однажды Морли понадобится моя помощь, он
прибежит ко мне, и вот тогда мы с ним сочтемся. Я
ему все припомню, каждую монетку, потраченную
по его милости. А потом еще добавлю от себя, чтоб
впредь не выпендривался.

И предупреждать его об этом не нужно. Зачем
лишать себя удовольствия? Неожиданный расчет
всяко лучше уговоренного.

Пудель исчез.

— Он не задержится, — сказал Морли. — Ре-
лиансу вечно не хватает бабок, так что с ответом
затяжки не будет. А ты не сглушил, завалившись
сюда? Или человеколюбцы...

— За одним из твоих столиков, — перебил
я, — сидит мой друг Маренго Норт-Энглиш. Вот
он, с этой шикарной красоткой, якобы племянни-
цей. В лучшем случае, попахивает кровосмесе-
нием. Он меня уже видел. И потом, я беспокоюсь
за Белинду.

— Это и есть знаменитая Тама Монтецума?

— Она самая. Ты теперь вращаешься в высших
сферах, тебе ли не знать ее?

— Не опускайся до сплетен, Гаррет. Роскошная
женщина! И что она нашла в этом старом пердуне?

— Не знаю. Может, пойдем предложим свои
услуги? Дескать, не желаете ли отказаться от ва-
шей нынешней жизни, от богатства, от всеобщей
зависти? По-твоему, она готова броситься на шею
первому попавшемуся молодому красавчику, хоть
у него ни гроша за душою нет?

С этими словами я повернулся и направился
к столику Маренго, оставил Дотса стоять с рази-
нутым ртом.

Присел лицом к мисс Таме, но заговорил с Норт-Энглишем:

— Белинду Контагю похитили, когда она вышла из дома Вейдера. Несколько человек погибли. Я знаю, кто это сделал и где их искать. Мне нужны добровольцы. Не желаете пойти в спасатели?

Маренго холодно посмотрел на меня, скосил глаза на свою племянницу, которая слушала внимательно и обеспокоенно, затем уставился на тени в дальнем углу. Не знаю, что он надеялся там разглядеть. И вообще, каким ветром его занесло к Морли Дотсу? Уж не с деловым ли визитом?

— Благодарю за то, что поставили меня в известность, мистер Гаррет, — промолвил он, наклонив голову. — Я искренне желал бы присоединиться к вам. Мисс Контагю — очаровательная юная дама. Однако, как видите, обстоятельства не позволяют. Пожалуйста, сообщите мне о том, как все закончится. Я надеюсь, ничего страшного не случится.

Кто бы сомневался? Я подмигнул «обстоятельству». Мисс Тама вознаградила меня легкой улыбкой, на единий миг тронувшей ее чувственные губы. Как ни удивительно, она, похоже, презирала своего дядюшку. Да и Норт-Энглиш, если уж на то пошло, держался с племянницей непривычно холодно.

Нет, что бы о ней ни говорили, Тама Монтецума — далеко не обыкновенная подстилка для богатого старика.

Я встал и вернулся к Морли.

— Сдается мне, эта красотка — одна сплошная тайна.

— Гаррет, тебя хлебом не корми, дай за бабами поухлестывать. Когда ты наконец уgomонишься? — Он посмотрел на попугая на моем плече. — Что ты с ним сделал? Он сам на себя не похож. Нарциссио расстроится, если...

— Я и пальцем его не тронул. — Спесивый племянник Морли занимал в моем списке претендентов на удушение почетное третье место, сразу за своим дядюшкой и Попкой-Дураком.

— Что же он тогда молчит? Пойми правильно, я вовсе не требую, чтоб он раскрыл клюв здесь и сейчас, но... — Еще бы Морли не опасаться! Уж он-то прекрасно знает, на что способна эта милая пташка!

— Говорить он научился в твоем заведении, верно? Должно быть, сомлев от радости, как знакомые места увидел. Если хочешь, я его растормошу.

— Гаррет!

— Кхе-кхе. Ну, малыш? Скажи что-нибудь дяде Морли.

Треклятая тварь и не подумала откликнуться на мою просьбу. Вот так всегда: он непременно найдет способ меня разочаровать.

Морли успокоился и даже заулыбался. Не перестаю удивляться, какие у него ровные, жемчужно-белые зубы. Их у него больше, чем у двух хищников, вместе взятых. Эх, жаль, что я и вправду не чревовещатель.

— Высшая справедливость существует, Морли. Пробьет и твой час.

— Может быть, Гаррет. Но явно не сегодня. — Он приосанился — и принялся строить глазки Таме Монтецуме. Шустер, бродяга!

— Тебя разве не ждут наверху?

— Не могу же я уйти, когда мой друг в беде! Подождут.

— Благородный ты наш. — Не Морли, с его-то увлеченностью женскими прелестями, было рассуждать о друзьях в беде. Он готов забыть обо всем, когда на горизонте возникает какая-нибудь Тама Монтецума, уж я-то его знаю.

Вернулся Пудель. Пока они с Морли перешептывались, я изучал завитки кружев на куртке Пуделя. Пудель всегда остается самим собой, как бы Морли его ни наряжал. Надо признать, Дотс заботится о своих друзьях, а они платят ему за это собачьей преданностью и позволяют втягивать себя в самые безумные авантюры, вроде этой затеи с вегетарианским кабачком.

Внешность обманчива, истинную сущность любого из нас можно узнать только по тому, кто наши друзья.

Я не прислушивался, но несколько раз уловил имя Релианса. Мне уже доводилось слышать об этом крысюке, который сумел подняться над сородичами, внушить им страх и уважение. Этакий гла-варь банды с легким налетом светскости. Люди на него пока не злились — он не успел еще себя как следует проявить, — а сородичи уважали за то, что он не боялся общаться с другими существами. Крысюки уважали силу, в чем бы она ни проявлялась.

Морли поманил меня за собой и направился на кухню. Пудель пристроился за моей спиной. Я оглянулся. Нас провожали любопытными взглядами, среди которых были и взгляды Норт-Энглиша и его племянницы.

Может, «Клич» имеет какое-то отношение к похищению Белинды? Конечно, возможно все, но вряд ли они решились бы на такое. Норт-Энглишу ни к чему конфликт с Семьей...

Снаружи, у задней двери «Пальм», нас поджидали три крысюка. Одним из них был сам Релианс — крупнее обычного крысюка, шерсть тронута сединой (он ухитрился прожить на свете дольше, чем удавалось до сих пор его сородичам). И одет лучше всех крысюков, каких мне доводилось видеть; пышный наряд дополняли высокие черные пиратские сапоги и жуткая лиловая шляпа на макушке. Для крысюка он держался на редкость самоуверенно.

Спросите меня, так ему явно не хватало чего-нибудь этакого в тон красно-желтой рубахе и зеленым штанам. Мистер Большая Шишка замечательно смотрелся бы на его покатом плече.

Морли представил меня. Релианс извлек из кармана модные очки и осмотрел вашего покорного слугу с головы до ног. Дотс предложил мне изложить суть дела. Я не стал отнекиваться.

— Похитили Белинду, дочь Чодо Контагью. Это сделали отъявленные злодеи. — Уточнять имена я не стал: упомянешь Краска с Садлером, народ и перетрусит. — Мне нужно выследить их и освободить Белинду.

Релианс переглянулся со своими спутниками. В свете, падавшем из распахнутой двери, его глаза отливали алым.

— Оказать услугу Чодо Контагью почетно, — прошипел Релианс. Мне пришлось напрячь слух, чтобы разобрать слова. Человеческая речь для крысюков — сущее мучение. Между собой они говорят совсем на другом наречии.

Впрочем, если практиковаться постоянно, даже крысюковым языком можно овладеть. У моего брата

был дефект речи, которого я попросту не замечал, — привык. А другие его не понимали и всякий раз переспрашивали. Правда, это было давно... Меня война пощадила, а моему брату повезло меньше...

— Согласен, — отозвался я. Последствия дружбы с Чодо непредсказуемы, но у меня, например, все обошлось. Мало того, я перед ним в долгу. Хотя... как возвращать долг тому, кто волею судьбы превратился в растение? Вроде и живет, и не живет... Позаботиться о членах его семьи? А чем я сейчас, интересно, занимаюсь?

Релианс пристально поглядел на нас с Морли. В большинстве своем крысюки не слишком умны. Я бы поставил их между умной собакой и человеком-тугодумом. Но этот парень был для крысюка гением. Он ткнул лапой сначала в Морли, потом в меня.

— Я слыхал про вас. От Шота. Вам можно верить. — Теперь он говорил медленно, тщательно подбирая слова, чтобы мы понимали, о чем речь. Он знал, что никто из нас двоих сознательно не причинял вреда его народу. А Шот, которого он помянул, — нюхач, я его как-то нанимал. — Я помог вам. И Чодо будет мне должен.

— Разумеется. — Он что, не хочет денег? Крысюки всегда падки до бабок и перед тем, как взяться за работу, обычно оговаривают, сколько им причитается; работу они могут запороть, но бабки с заказчика сдерут, до последней монетки. По сравнению с ними гномы — просто бессребренники.

Релианс впился в меня взглядом. С его точки зрения, я уж больно легко согласился, тем более от имени Чодо. Крысюки все подозрительные. С

другой стороны, репутация Чодо была ему известна. Он знал, что Чодо всегда платит по долгам.

— Это Пулар Синдж, — сообщил он. Или Пурал — я толком не разобрал. В речи крысюков «р» и «л» плохо различаются. Нет, все-таки, наверное, Пулар. — Она молода, но очень талантлива.

Я посмотрел на спутников Релианса. Вот эта? Или вон та? В отличие от нас, людей, у крысючих женские... гм... признаки выражены неотчетливо. Сами крысюки, конечно, легко определяют, где самец, а где самка. Иначе крысюковый род давно бы пресекся.

Маленький крысюк шагнул вперед и что-то прошипел.

— Что ж, большое тебе спасибо, Релианс. Если ты говоришь, что она талантлива, значит, так оно и есть.

Крысючиха робко подступила ко мне — она явно не привыкла иметь дело с людьми. Я подмигнул, затем, верный своей привычке, заломил бровь. В конце концов, она ведь тоже женщина, верно?

— Как мне тебя называть? Пулар или Синдж?

У крысюков второе имя обозначало принадлежность к клану; так заблагорассудилось тому чародею, который сотворил их племя. И если невзначай обратиться к кому-нибудь из них не так, можно нажить себе неприятностей.

— Слышит она плоховато, — пояснил Релианс. — У каждого таланта есть оборот. И понимает по-человечески с трудом. Ее двоюродный брат Фенибро будет переводить.

Фенибро почесал мордочку:

— Ей больше нравится Синдж.

— Отлично. — Я обратил внимание, что Синдж следит за нашими лицами; наверное, читает по губам. С людьми, естественно, так проще.

Время поджимало.

— Ты с нами пойдешь? — спросил я Релианса. — Вопрос был задан только из соображений приличия. И с этими двумя я наверняка намаюсь, но главный крысюк может оскорбиться, что его не пригласили.

— Думаю, не стоит. Я слишком старый и хожу медленно.

— Я с тобой, Гаррет, — неожиданно заявил Морли. — Иди сюда, Пудель.

— Ты? Помнится, ты не собирался махать руки.

— Этих двоих будет маловато. — Всем известно, что крысюки разбегаются при первых признаках опасности. — И потом, ты слишком много думаешь. Тебя двадцать раз пришить успеют, пока ты мыслишь. А мне ты нужен живой. Где еще я найду такой замечательный отрицательный пример, ходячий вдобавок?

Может, он и правду говорит. А может, я должен ему энную сумму, о которой благополучно забыл. Ну не верю я в бескорыстие Морли Дотса!

— Тогда пошли. Они с каждой минутой все дальше.

Морли прошептал что-то Пуделю. Тот кивнул и скрылся за дверью. Морли уставил палец в небо, на луну, потом заявил:

— Я готов.

— Спасибо за помощь, — сказал я Релиансу. — Синдж, Фенибро, готовы? — И припустил с места в карьер. Морли побежал следом, крысюки тоже. Надо сказать, они бежали быстро, но довольно нелуклюже. Вообще-то, когда спешат, они скачут на

всех четырех конечностях, как гориллы. Напугайте какого-нибудь крысюка — сами увидите.

Попка-Дурак по-прежнему хранил молчание. Хвала небесам! От забытья он очнулся на единый миг, испустил сдавленный, озадаченный вопль и снова затих. Будь на это время, я бы, пожалуй, начал волноваться за Покойника.

54

— Что так долго? — проворчал Релвей. За время моего отсутствия с ним произошла перемена не то чтобы разительная, но вполне ощутимая: он успел приобрести безвольно повисшую руку, легкую хромоту, пришептывание и явное нежелание выходить на освещенные места. Сомневаюсь, чтобы Морли впоследствии смог его узнать — в другой одежде и в другой компании. Даже запах у него теперь был иной — верно, сбивал с толку крысюков.

- Дела, заботы.
- Посреди ночи?
- Так получилось. Кстати, я привел лучшего нюхача.

Релвей поглядел на крысюков, которые бродили чуть поодаль, принюхиваясь и что-то бормоча.

- Лучшая — Пулар Синдж.
- Она и есть. Вы знакомы?
- Просто наслышан.

Что ж, меня не обманули. Но у каждой медали две стороны: Синдж отыщет Белинду, а это означает, что мне предстоит выяснять отношения с парой главных танферских злодеев.

Загнанные в угол, они наверняка будут дратиться как звери. Как крысы. Ха-ха.

Что ни говорите, а Садлер с Краском — эта-
кая зловещая стихия, сама себе хозяйка, никому не
подвластная и не ведающая преград...

Я подмигнул Синдж. Это ее подбодрило. Она
оскалила клыки, состроила гримасу, которая у кры-
сюков означала улыбку.

Смешные они все-таки. Так и норовят пере-
нять все ужимки тех, кто их сотворил. Бедные вы,
бедные, нашли, кому подражать...

Нюхачи меня всегда восхищали. А Синдж вос-
хитила вдвойне. Сдается мне, она станет легендой
своего народа, когда достигнет зрелости. Взяв след,
она повела меня, и главное было не отставать. Фе-
нибро радостно ухмылялся, будто это он шел по
следу. А Пулар Синдж поглядывала искоса, как
бы испрашивая одобрения. Я благосклонно кивал,
поднимал большой палец, улыбался отеческой
улыбкой. По всей видимости, дома с нею обраща-
лись не слишком ласково. Молва утверждает, что
крысиюки держат молодежь и женщин в черном
теле.

Всякому из нас нужен кто-то, на кого можно
смотреть сверху вниз и с кем плохо обращаться.
Но на кого смотреть сверху вниз юным крысию-
чихам?

— Нет чтоб в ближайший подвал заползти, —
пробормотал я некоторое время спустя. Мы проде-
лали уже несколько миль, оставили позади центр
Танфера и приближались к местечку, носивше-
му название Равнина Кавалерии. Столетия на-
зад, когда в Танфере из всех родов войск была
только полиция, на этом пустыре собирались кон-
ные отряды, чтобы попрактиковаться в верховой

езде перед набегами на соседние города. В те годы равнина находилась за крепостной стеной. Затем и ее обнесли стеной и устроили на ней нечто вроде военного лагеря на случай осады. Потом принялись хоронить на равнине павших. Мало-помалу она превратилась в обширное кладбище. Ныне кладбище пришло в запустение и стало предметом затяжных препирательств. Одни утверждали, что земля внутри городских стен стоит слишком дорого, чтобы ей разбрасываться, и что о тех, кто похоронен на равнине, давно позабыли даже их потомки. Другие, те самые потомки, решительно возражали; к их возражениям пока прислушивались по простой причине — на равнине были похоронены герои, чьи подвиги вошли в бесчисленные предания. Впрочем, думаю, взятки рано или поздно победят сопротивление.

Кстати сказать, кладбище потихоньку снова превращалось в лагерь. Тут и там виднелись кособокие хибарки и палатки беженцев. Естественно, жители близлежащих домов были не в восторге от такого соседства, поэтому у «Клича» в округе насчитывалось немало сторонников.

Признаться, на кладбище было как-то тревожно. Еще этот полумрак — ни костерка. Я пожалел, что не прихватил с собой фонарь. От луны лично мне не было никакого толку; правда, Синдже ее света вполне хватало.

Хибарки и палатки торчали всюду, где имелась хоть толика свободного пространства. Грязь, вонь... Того и гляди, подхватишь какую-нибудь заразу. Сдается мне, ждать осталось недолго: в один прекрасный день городские волнения выплеснутся на кладбище...

— Стой, — сказал я и махнул рукой Пулар Синдж. Она остановилась и вопросительно уставилась на меня. По-моему, со слухом у нее все было в порядке, а разговоры о том, что она плохо слышит, велись исключительно для того, чтобы клиент согласился взять и Фенибру, тем самым увеличивая свои расходы. А вот человеческой речью она и впрямь владела не очень. Жаль — у меня сложилось впечатление, что она обладает отменным чувством юмора.

Все крысики — мутанты, но Синдж, должно быть, мутант в квадрате.

— Морли, как по-твоему, здесь легко найти убежище?

Вокруг, несмотря на поздний час, бродили обитатели кладбища — искали нечто, невразумительное для них самих. Как говорится, результат — ничто, движение — все.

Среди них попадались существа всех пород. Этакая взрывчатая смесь народов. Я заметил парочку типов столь диковинной наружности, что они, по-моему, сами себя должны были пугаться.

— Запросто, — подтвердил Морли. — Чтоб тебя тут заметили, надо быть размером с мамонта.

— След не пропадает? — спросил я Синдж.

Она покачала головой. Очередная человеческая ужимка; крысики таких повадок не знают. По всей видимости, Пулар Синдж отчаянно стремилась очеловечиться.

— Она не обещает, но постараётся найти, — сказал Фенибру.

— Она просто прелесть.

— Да. Кровь еще не высохла.

Кровь? Лично я перестал видеть кровь на земле, едва мы покинули ту улицу, где похитили Белинду.

Сколько, оказывается, можно сказать простым качанием головы.

— Второй тоже пыжится, — пробормотал Морли, — свой талант выпячивает.

— Какой же?

— Человеческая речь.

— А! Думаешь, нас нарочно сюда завели?

— Ты спрашиваешь, могли ли Краск с Садлером похитить Белинду только для того, чтобы заманить тебя на кладбище?

— Угу. С них станется, верно? Возможно, они учли и то, что ко мне присоединишься ты...

— Гаррет, такой план могу придумать я, но никак не эти двое. Нашел стратегов! Им представился шанс схватить Белинду, они им и воспользовались. Может быть, надеялись, что с нею окажешься ты. Но план сработал не полностью.

Ну-ну. А откуда они узнали, где искать Белинду? И кто мог им сообщить, что она едет одна — или не одна?

— Думаешь, они догадываются, что их выследят? — По мне, Морли уж чересчур пренебрежительно относился к нашим врагам. А мозги у них есть, я имел несчастье в этом убедиться. Потому-то их все и боятся.

— Разумеется. След-то какой оставили. Но вряд ли они ожидают, что до них доберутся так скоро.

Я огляделся. Наша компания со стороны выглядела, мягко выражаясь, необычно, однако на кладбище необычность была в порядке вещей; а кто слишком заинтересуется, тому нос оторвем.

— Считаешь, Релвей за нами следит?

— Луна что, из зеленого сыра сделана?

— Я тоже так думаю. — Впрочем, в пределах видимости «хвоста» не наблюдалось. — Веди, Синдж. Ты молодец. Но будь осторожна.

Взгляд Фенибро говорил: поучи свою бабушку яйца разбивать. А вот Синдж чуть ли не замурлыкала от похвалы. Фенибро услышал и обиженно надулся.

55

Перемена в окружении была весьма ощутимой. Как ни удивительно, первым ощутил ее именно я, а не Морли и не Синдж. Правда, Дотсу объяснить не требовалось, но я все же махнул рукой: глядите, мол, поблизости от вон того склепа нет ни единой хибарки.

Склеп возвели в имперские времена. Наверняка фамильная усыпальница, которой пользовались из поколения в поколение. Громадный, как дом; и под землю еще точно уходит невесть на сколько... Судя по обветшавшему фасаду, владевший склепом род пришел в упадок. Такое случается сплошь и рядом. Тем не менее, для временного проживания этот склеп годился как нельзя лучше.

Пулар Синдж принюхалась, ткнула лапкой — и попятилась. Прежде чем я сообразил, в чем дело, она очутилась у меня за спиной.

Пошепталаась с Фенибром, посмотрела на меня, похлопала ресницами, будто выпрашивая новую похвалу.

— Те, кого ты ищешь, внутри, — сообщил Фенибро. Он явно перетрусил и хотел одного: чтоб ему заплатили и он убрался восвояси. Я едва разбирал его шипение; Синдж и ту понять было проще. — Плохо пахнут. Даже я ихчу, а у меня нюха никакого. — Он передернулся.

Потерпи, приятель: я вас пока отпускать не собираюсь.

Морли присел на kortочки. Мне с эльфом в гибкости суставов не тягаться, поэтому я опустился на одно колено.

— Мы уже это проходили, — пробормотал Дотс.

— Когда вампиров ловили? — Я пригляделся к двери склепа. Между дверью и косяком была щель, вполне достаточная для того, чтобы сквозь нее могли притиснуться Краск с Садлером. Казалось, склеп злобно щерится.

— Ты прихватил что-нибудь тяжелое? — спрашивался Дотс.

— Вообще-то я собирался тебя туда запихать и посмотреть, что получится.

Фенибро пискнул, будто на него наступили. Верно, решил, что мы посовещаемся и бросим в склеп его. В отличие от Синдж, он юмора не понимал.

Синдж затараторила на своем наречии. Я с гремом пополам разобрал, о чем речь: сначала она успокоила Фенибро, потом сообщила, что они свою задачу выполнили и могут уходить. Пожалуй, пора расплачиваться.

Фенибро заспорил. Выпятил грудь, подбоченился: дескать, я в этом доме мужчина. Синдж зашипела. Фенибро съежился; вся его боевитость мгновенно испарилась.

— Синдж говорит, платить не надо, — проскурил он. — Релиансу деньги не нужны. Услуга за услугу.

Я мысленно застонал. Опять натуральный обмен: сколько у меня из-за него было неприятностей!

— Я думал, ты припас что-нибудь этакое, — гнул свое Морли. — Ты ж у нас запасливый.

— Промашка вышла. К несчастью.

— Хоть свет-то мы добудем?

Взгляд по сторонам убедил нас в том, что найти свет будет затруднительно. Обитатели кладбища давным-давно сожгли все, что могло гореть.

— Отправляйся домой, милашка, — сказал я Синдж. — Тут становится опасно. И смотри, ни к кому не зайдиайся.

Она бросилась бежать. Фенибро, поскуливая, кинулся вдогонку. Не приходилось сомневаться, что предмет вздоханий отвечал ему взаимностью только в его фантазиях.

— Вечно ты с голыми руками на рожон прешь, — проворчал Морли.

— Ты сам вызвался идти. Мог бы о фонаре позаботиться.

— Я? Совсем сдурел? Кто тут главный спаситель девиц?

Конечно, Гаррет. Правда, сейчас он не прочь улизнуть. Видите ли, Гаррету очень дорога его шкура: пускай она грубая и вся в шрамах, но это его собственная шкура, и он к ней сильно привязан. А если она достанется Краску с Садлером, те, чего доброго, пустят ее на ремни да на кошельки...

Первым шорох услышал Морли, но и я тоже насторожился. Кто-то двигался в нашу сторону.

Морли махнул рукой. Я махнул в ответ. Мы оба укрылись за надгробиями.

Судьба в очередной раз предоставила мне шикарную возможность выказать свою доблесть.

Я выскоцил из-за могильного камня, ожидая увидеть Краска, Садлера, одного из парней Релвея или местного хмыря, решившего поживиться моими

деньжатами, — словом, кого угодно, только не перепуганную Пулар Синдж, которая к этому времени должна была быть в нескольких милях отсюда. Мы стукнулись носами. Она пискнула и было побежала, но я поймал ее за лапку.

— Эй! — прошептал я. — Это я, Гаррет. Я думал, ты уже далеко.

Испуг миновал, дрожь осталась. Синдж поглядела на мою руку. Будь она человеком, наверняка бы покраснела. Я отпустил ее, но не спускал с моей новой подружки глаз — вдруг ей снова приспичит убежать.

— Что стряслось? — Я старался говорить как можно ласковее. Куда подевался Морли?

— Я принесла... — Значит, я был прав в своих подозрениях: и слышит она превосходно, и говорить по-человечески умеет.

Синдж не докончила фразы — почему-то смущилась, отвела взгляд... Потом протянула мне фонарь с заслонкой.

— Пулар Синдж, ты — благословение небес. Не похитить ли мне тебя у Релианса?

Она смущилась и того пуще. С чувством юмора у нее все было в порядке, но поддразниваний она, похоже, не воспринимала. Даже гениальный крысюк — все-таки не человек.

Ладно, надо ее утешить, не то она помрет от смущения.

— Спасибо тебе, Синдж. Мне в и в голову почему-то не пришло, что нам может понадобиться свет. Я перед тобой в долгу. Не перед Релиансом, не перед Фенибром — именно перед тобой. Понимаешь?

По-прежнему избегая смотреть мне в глаза, она протянула лапку к Попке-Дураку. Тот не шевель-

нулся, сидел чучело чучелом. Может, пока я отвернулся, кто-нибудь его придушил и приколол булавкой к моему плечу? Или наложил заклятие? Благодарю за заботу, очень тронут.

— Красиво, — прошептала Синдж.

— Хочешь?

Глядя в землю, она мотнула головой и порскнула прочь, не подумав попрощаться. Горе тебе, мистер Большая Шишка! Никому ты не нужен в этом жестоком мире! Ровным счетом никому.

Синдж исчезла почти беззвучно. Выходит, на пути сюда она шуршала намеренно, чтобы мы услышали.

Откуда-то возник Морли.

— Поздравляю, Гаррет. Пришел, увидел, наследил.

— Чего?

— Может, это было видение, навеянное лунным светом, но мои эльфийские глаза видели мисс Пулар Синдж, весьма одаренную юную особу, которая мгна перед тобой, как всякая служанка из трактира. — Он хихикнул. — Отличная пара, Гаррет.

Бред какой-то! Я энергично затряс головой. Сдались мне эти крысиюки! И я им тоже сдался.

Морли продолжал гнусно хихикать, перемежая смешки рассуждениями о том, на когда назначить свадьбу и как назвать детишек.

— Или у вас будут не детишки, а крысишки?

— Хватит, — буркнул я. — Нашел повод? Угомонись, пока я тебе ребра не пересчитал.

— Знаешь, Гаррет, почему я просто обожаю составлять тебе компанию? Всегда бывает что вспомнить долгими зимними вечерами.

Вечно он передергивает. Ну да что возьмешь с эльфа, пускай он и полукровка?

56

- Готов? — спросил я сквозь зубы.
- Ты вооружен?
- Мозги на месте, если ты про них. — Я пожалел, что не прихватил из дома Вейдера тот симпатичный арбалетик.
- Тогда держи. — Морли всучил мне маленький кинжал с плоской рукоятью. И откуда только достал? Наверняка у него при себе целый арсенал, невидимый глазу. Морли — он такой: без ножичка ни шагу. — Что-то подозрительно тихо.

Да уж. Если внутри и вправду Краск с Садлером, вряд ли они особенно церемонятся с Белиндою. Разочек-другой она всяко должна была вскрикнуть. Если жива, конечно.

- Думаешь, уже прикончили?
- Все может быть. Ну, идем?
- После вас.

Он не стал спорить. Сам догадался, что у него передо мной существенное преимущество: он видел во тьме как кошка. И потому просто обязан был идти первым, раз уж мы решили лезть в это бандитское логово.

Вблизи стало ясно, что склеп возводили приверженцы одного из наших полубезумных культов. Вокруг дверного проема располагались резные изображения мифических и полумифических существ, одно уродливее другого. Я снял попугая с плеча, посадил его на выступ. Если что, позовет на помощь. Наверное.

— По цвету в самый раз подходит, — пробормотал я. И по неподвижности. Щипать я его не стал, на всякий случай. А то еще разорется на всю округу.

Дотс ухмыльнулся. В лунном свете мелькнули ровные белые зубы.

Морли заглянул за дверь и жестом дал понять, что сразу у входа все чисто. Не оборачиваясь, он протянул руку за фонарем. Я отодвинул заслонку. Узкий конус света пронзил мрак подобно огненному клинку.

Пусто. Пыльно и пусто.

Морли ткнул пальцем себе под ноги. В пыли виднелись следы, уводившие куда-то в глубь склепа.

У меня засвербело в носу.

Дотс двинулся дальше, светя фонарем. Даже ему требовался свет, что уж тогда говорить обо мне. А ну, как он прав? А ну, как Садлер с Краском устроили западню? Они ведь знали, что Гаррет — рыцарь без страха и упрека, ради спасения прекрасной дамы готовый играть в поддавки со смертью.

След уперся в стену.

— !!! — пробормотал я. — Только потайной двери и не хватало! Как мы ее найдем?

Мои страхи оказались напрасными. Присмотревшись, я различил очертания массивной дубовой двери, заподлицо со стеной. Посветил на петли. Судя по всему, их давненько не смазывали. Это означает, что без шума дверь открыть не удастся.

Морли пожал плечами и шагнул к двери.

— Чего встал? — прошипел он.

И вправду, чего? Что там может быть, за этой дверью? Краск и Садлер? Эка невидаль! Всего-навсего пары хладнокровных убийц. Два ходящих кошмара. Тьфу! Мы таких по десятку на десерт съедаем.

Я потянул за ржавое кольцо.

В следующий миг из проема к моим ногам обрушилось человеческое тело размерами с платяной шкаф. Один из злодеев. Кто именно, выяснить было некогда.

Морли саданул его в висок рукояткой кинжала, как две капли воды похожего на тот, который он дал мне. Злодей отрубился с тяжким вздохом, словно наконец сбылась его заветная мечта — прель и отдохнуть.

— Гаррет! — послышался слабый голос. Беллинда! Жива!

— Иду, иду!

— Осторож...

Из мрака донеслось хрюканье, и передо мной выросло чудище вдвое больше левиафана, хрюпевшего у моих ног. Ручища размером с бревно возникла из темноты, схватила меня за шкирку и отшвырнула в сторону. Снова хрюканье, глухой удар, второй протяжный стон... Морли ловкости не занимать, но иногда и ловкость против грубой силы не спасает. Дотс ногами вперед пролетел надо мной и с грохотом врезался в кучу мусора на полу, прежде чем я успел подняться. Мгновение спустя дверь захлопнулась, и я, пытаясь проскочить в щель,狠狠 ударился плечом.

Когда-то мне снилось, что я погребен заживо... Как жаль, что это не сон.

Дверь слегка поддалась. Я испустил некий звук, что-то вроде смешка спятившего чародея, и налег снова. Кто-то шарахнулся по двери с другой стороны. Удар отозвался дрожью в теле и звоном в ушах. Краск — а это был он — принял клясть меня заодно с Садлером. «Вставай! Вставай, скотина!» — сипло ревел он. Если у него такой голос, значит, Харкер, Карлайл и

Пеквуд изрядно его отделали, а Садлера и того хлеще.

Я нажал. Краск надавил в ответ.

— Морли, подсоби!

В свете фонаря — луч бил прямо в потолок — было видно, как Дотс крутится возле Белинды, помогает ей подняться и что-то спрашивает.

— Конечно, нет, придурак! — рявкнула она. — Как со мной может быть все в порядке, если мне просто повезло?! Они оба вырубились прежде, чем успели меня замучить. Лучше Гаррету помоги. Или собираешься сидеть тут до конца дней, мышами да крысами питаться?

Узнаю породу Контагью. Что бы ни случилось, присутствие духа они сохраняют всегда.

Краск припер дверь чем-то тяжелым. Мы колотились о нее, пока у меня не онемело плечо. Но дело шло: с каждым ударом дверь открывалась на дюйм-другой. Наконец Морли лаской проскользнул сквозь образовавшуюся щель. Я слышал, как он бормочет: дескать, пуговицы отрываются, ткань трещит по швам, кто ему за это заплатит?..

Он отодвинул упор, и я смог выбраться из темницы. Тихо стонавшая Белинда висела у меня на руке; сил идти у нее не осталось. По-видимому, Садлер с Краском успели показать ей, что ее ожидает.

Мы вышли наружу.

— Что теперь, дубина стоеросовая? — осведомился Морли. — Нюхача ты отпустил. Подарил бы поцелуйчик — она бы до сих пор нас ждала.

— Я сделал то, что должен был сделать. Я вернулся Белинду. — Пора было двигать домой. Вот только какова вероятность того, что с Краском и Садлером покончено? Нууль без палочки.

— Куда они подевались? — Я тряхнул Понку-Дурака, восседавшего на выступе. — Отвечай, лох пернатый!

Его Высокомудрие не унизился до ответа.

С ума сойти! Гаррет требует, чтобы попугай заговорил!

По правде сказать, я все больше беспокоился за Покойника. Слишком долго от него не было вестей. Он что, решил меня проучить?

Или... Когда в мой дом явились оборотни, он их не распознал. А вдруг они добрались до него, пока я был у Вейдера? Что им стоило притвориться мной? Дин отпер замок, и...

— Релвей послал за нами своего человека, так? — прошипел Морли.

— Не сомневаюсь. — В глубине души я даже рассчитывал, что «хвост» нам подсобит, если совсем худо станет.

— Тогда иди к Релвею, и он тебе скажет, куда смылись наши старые приятели.

Разумный совет. Но захочет ли Релвей поделиться сведениями? Может, у него свои, далеко идущие планы на Краска с Садлером?

— Мы бы взяли их тепленькими. А если упустим... Они ничего не забывают и не прощают.

Морли похлопал меня по плечу.

— Хоть чему-то у меня научился... Белинда не в том состоянии, чтобы за кем-либо гнаться.

— Белинда выдержит! — процедила спасенная нами красотка. — У Белинды на все сил хватит. И она не привыкла откладывать... — Тут ноги ее подогнулись, и она вынуждена была опереться о ближайшее надгробие. — Ни слова, Гаррет! — Она прожгла меня взглядом.

В темноте послышался шорох. Что-то прошелестело в траве и удалилось — в том направлении, которое, скорее всего, избрали для бегства Садлер и Краск. Мы с Морли переглянулись, потом я спросил Белинду:

— Куда ты ехала, когда они на тебя напали? Насколько я знаю, засада была на другой улице...

— Нет. Они сперва засели на дороге к твоему дому. И сильно разозлились, что ты не поехал меня провожать. Им были нужны мы оба.

— Нам повезло, что у меня нашлись другие дела, а?

— Повезло? Ну конечно. — По тону Белинды легко было догадаться, что она не разделяет моей радости.

— Так куда ты ехала? — повторил я вопрос.

— В «Пальмы», — нехотя призналась она. — Мы договорились там встретиться... после приема.

— Ясно. — Помнится, перед уходом она беседовала с Норт-Энглишем, и тот выглядел приятно удивленным. Не мое дело, разумеется. Но позже вечером доблестный Маренго с непонятной тоской взирал на публику в «Пальмах», хотя рядом сидела его обожаемая племянница...

— Отвези ее к себе, ладно? — попросил я Морли. У него Белинда точно будет в безопасности.

— Ты же не собираешься преследовать их в одиночку? — небрежно справился он. Мол, что бы ты, Гаррет, ни выкинул, меня ничем не удивишь. Ты уже столько глупостей в жизни натворил, что одним фортелем больше, одним меньше...

— Нет, не собираюсь. Пускай Релвей их ищет.

А у меня другие дела. Надо проводить Покойника.

Окрестности моего дома встретили меня отнюдь не зловещей тишиной. Ночная жизнь была в самом разгаре, торговля правила бал, политическими дрязгами и не пахло. Я на ходу здоровался со знакомыми. Мое появление особенного внимания не привлекло; и за домом, как выяснилось при беглом осмотре, никто не следил.

Даже миссис Кардонлос — в кой-то веки у нее нашлось более интересное занятие.

Поднимаясь по ступенькам крыльца, я вдруг поймал себя на странном ощущении. Нет, это было вовсе не дурное предчувствие. Скорее, впечатление, что чего-то недостает. Некая пустота, словно возвратившаяся из далекого прошлого.

— Что тут было? — спросил я попугая. Он продолжал молчать, что в непосредственной близости от апартаментов Покойника было просто невероятно.

Невероятно тревожно.

— Старый хрыч! — позвал я, вставляя ключ в замок. О чудо из чудес! Дин не запер ни одной щеколды, не навесил ни единой цепочки. Я распахнул дверь и застыл на пороге, прислушиваясь к тишине.

В доме определенно что-то было не так.

Темень, как в сердце священника. Дин не позабылся налить масло в лампу, которая висела в коридоре. Может, хоть в печи огонь еще теплит-ся? Не хотелось бы возиться с кресалом; не то чтобы я не умею с ним обращаться, просто лень. С первого раза наверняка не выйдет, я начну злить-

ся, соседи подумают, что меня режут, и сбегутся посмотреть...

Я нашарил лампу, снял ее с крюка и наощупь двинулся по коридору в сторону кухни. Ступать старался крайне осторожно: никогда не угадаешь, что Дину заблагорассудится выставить в коридор.

Как ни удивительно, обошлось без травм.

Печь была теплой. Я выгреб тлеющий уголек, запалил кухонную лампу, чтобы найти масло для коридорной. Фитиль надо бы подровнять, но сил нет. Завтра скажу Дину.

Тинни, небось, кроет меня почем зря. С утра повторим извинения.

С лампой в руке я отнес попугая в чуланчик у входа. Он вяло перебрался с моей руки на свою жердочку. Похоже, и птах мой недобитый тоже вымотался.

Я повесил лампу обратно на крюк и ввалился в комнату Покойника.

— Ладно, партнер, выкладывай. Если ты дрыхнешь...

Однако он не дрых. Ни чуточки. Ни в одном глазу.

Он просто-напросто отсутствовал.

Я замер с разинутым ртом. Потом слегка очутился, взял лампу и обыскал комнату, будто четверть тонны гниющей плоти можно спрятать под креслом или под шкафом. Разумеется, колдовское, сверхъестественное меня давно не пугает, но это было уж чересчур.

Покойник исчез. Куда? Не мог же он встать и уйти. И Дину его из дома не выволочь.

Никаких следов борьбы. Если бы его похитили, такие следы были бы непременно.

Пропал — и все.

Как ни противно (во всех смыслах), а придется растолкать Дина.

Это у меня тоже не получилось.

На стук в дверь Дин не откликнулся.

— Дин, ты спиши? Надо поговорить. — Я толкнул дверь, надеясь, что меня не встретят потоком брюзжания.

Комната была пуста.

Не то чтобы неприбрана. Именно пуста. Ни клочка одежды, ни обломка мебели.

— Великие небеса! Неужто смылся?

В голове не укладывается. Дин сбежал? Сбежал Дин? Понимаю, Тинни или Никс, или какая-нибудь Тама Монтецума, но он...

— Что за хрень? — вопросил я полумрак с видом провинциального актера-трагика.

Естественно, мне никто не ответил. Пустая трапеза времени.

Я спустился в кухню и обследовал содержимое шкафов. Заодно приготовил себе поесть, налил холодного пива, продолжил поиски, держа в одной руке лампу, а в другой бутерброд и кружку с пивом.

Ничего. Ни даже записки со словами «Милый Гаррет»!

— Ну и хрен с вами! — пробормотал я. — Поняли? Идите все в задницу. — Кое-как дотащился до постели, громко перечисляя всех, кому следовало отправиться по указанному выше адресу заодно с Покойником и Дином.

Как лег, не помню.

И как встал, тоже не помню. Первое, что помню, — чей-то стон. Мгновение спустя я сообразил, что стон раздается в моей спальне и что идет он из моей пересохшей глотки. Тут на меня снизошло озарение: больно потому, что солнце светит прямо в глаза. Я лежал и зажмурившись таращился в окно, за которым то ли боги, то ли бесы устроили торжество солнечного света.

Близился полдень. Солнце, казалось, занимало половину неба.

Определившись с местоположением, я попытался понять, с какой стати таращусь в эту нечестивую толку.

Подходящая причина отыскалась сама собой. Под моим окном маршировали сотни идиотов. Очередная демонстрация, трах-тибидох! Дорогие гости, а не надоели ли вам хозяева?

Сотни парней в коричневой форме, все с нарукавными повязками, под разноцветными знаменами маршировали по Макунадо, слаженно выкрикивая речевки, готовые разорвать в клочья не только не-людей, но и обыкновенных прохожих, имевших неосторожность зачесать волосы на другой бок или нарядиться на иноземный манер.

Скорее всего, моя матушка меня неправильно воспитывала. Несмотря на множество доводов в пользу противного, содержание не имеет значения. В конфликтах верх одерживает тот, кто громче ворчит и у кого толще дубинка.

Ну почему все марши проходят по Макунадо? Почему не где-нибудь за городом, на природе? Там бы они никому не мешали, кроме фермеров, мамонтов да лесных эльфов. Честно говоря,

хотелось схватить рупор побольше и рявкнуть:
«Парни, мы тут спим, между прочим!».

Я опустил штору. Через минуту мне стало полегче. Похмелья вроде не было. Что я вчера пил? Только пиво? Отлично! Но все равно, стоит на время перейти на здоровую пищу...

Спускаясь по лестнице, я вдруг вспомнил, что Дина дома нет. Придется готовить завтрак самому. Бrr! Жизнь полна несправедливостей.

Попка-Дурак услышал мои шаги и радостно вякнул. А потом разразился тирадой, из которой следовало, что он — маленький ребенок и не надо его бить.

Вернулся, значит, в исходное состояние? Ну-ну. Я бы его покормил, да что-то настроения не было. Может быть, когда-нибудь...

Я бросил на сковородку несколько ломтиков бекона, поставил греться воду, а сам прошелся по нижнему этажу в надежде углядеть что-нибудь этакое, чего с устатку не заметил накануне. Результат прогулки оказался тот же самый: полный пшик. Ни Дина, ни Покойника. И никаких следов взлома, ограбления или борьбы. Получалось, что мои квартиранты встали и ушли, потому что им взбрело в головы встать и уйти.

Я пожевал бекон, погрыз черствый хлеб, попил чайку, пытаясь сжиться с мыслью, что Покойник мог переехать куда-либо по собственной воле. Если все действительно так и было, это произошло второй раз на моей памяти. В первый раз он добровольно переселился под мою крышу.

Еще лет сто — и он начнет танцевать на улице.

Я поглядел на бочонок с пивом. Заманчиво...
Нет, рановато. И дел много.

Дела, дела... Я поежился. Столько всего сразу навалилось...

— Заткнись! — прикрикнул я на попугая, который затянул военную песню из десяти тысяч куплетов; каждый куплет начинался словами: «Сам не видал, но мне говорили...»

Подлив в чашку кипятка, я добавил ложку меда, выбрал булочку помягче (чтоб не поцарапать свой рабочий стол, если ненароком уроню) и поднялся в свой кабинет.

— Доброе утро, Элинор.

Дама на картине загадочно улыбалась, как бы доброжелательно укоряя меня за встрепанный внешний вид. То, что она не ответила на приветствие, меня нисколько не удивило.

Попка-Дурак тем временем дошел до куплета про крысючих. Я бы не сказал, что Пулар этот куплет пришелся бы по нраву. Однако попугай выказал подозрительную осведомленность в повадках крысиного народа...

В отличие от него, я со вчерашнего вечера стал относиться к крысюкам иначе. Благодаря Пулар Синдж. Знакомство с нею сделало жизнь терпимее.

— Итак, милая. Покойник смылся для того, чтоб у меня не было проблем с человеколюбцами? Или устал от безделья и решил подыскать себе занятие? — Ну да, устанет он, как же! Он как тот камень из поговорки: не тронешь — будет лежать, мхом обрасти, тронешь — покатится, да недалеко.

Я догрыз булочку, допил чай, сходил за добавкой. По дороге смилостивился, снял попугая с

жердочки и накормил, чем пришлось. Он мгновенно замолчал. Я вернулся в кабинет, устроился в кресле и сказал Элинор:

— Вот что со мной случилось.

После чего подробно рассказал о Черных Драконах, Садлере и Краске, Белинде, Релвее, оборотнях, вечеринке у Вейдеров, Маренго Норт-Энглише и Таме Монтецуме.

— Что скажешь? Есть между всем этим какая-то связь? Или тут случайные совпадения? — Я нередко излагал свои мысли Элинор или Покойнику; оба, как правило, помалкивали, но иногда помогало — куски головоломки вдруг вставали на отведенные им места.

Но сейчас был не тот случай... Я долго вертел-крутил известные мне факты, лупил по ним молотком из старого железа, пытаясь выковать что-то, хоть отдаленно похожее на версию. Однако у меня не выходило. Все предположения были притянуты за уши.

— Есть хорошая теория, — сказал я Элинор, — хаотической называется. Дерьмо летает повсюду, а над тем местом, где я как раз стою, идет дождь из дерьяма. Я — центр притяжения, фокус интересов... О! А это, часом, не версия ли?

Улыбка на портрете стала дразнящей. Элинор знала, как я радуюсь, когда кто-то стучится в мою дверь.

Я не всегда слышу стук. В последнее время дверь приходилось часто менять; под конец я поставил самую массивную, какую смог найти. Пожалуй, надо будет повесить колокольчик, чтобы знать наверняка: пришел гость — и ни в какую не открывать.

— У тебя что, трехдневный запой был? — осведомился с порога капитан Блок.

— Ты тоже хорошо выглядишь, капитан. Вчера встречались. Забыл уже?

— Выходит, за ночь так надрался?

Наверно, у меня и вправду вид слегка помятый.

— Ладно-ладно, я просто не брился. — Я впустил Блока в дом. Интересно, с чем он пожаловал?

— Ну, хотя бы побрейся для начала.

— Чаю хочешь?

Попка-Дурак сорвался с жердочки и взмыл под потолок, осыпав семечковой шелухой сперва начальника городской полиции, затем и главу дома.

— Можно, я его утоплю?

— Пожалуйста! Готов принести ведро воды. Только чур, труп с собой заберешь. — Я провел Блока в кабинет.

— Хотел сообщить, что узнал Релвей, — сказал капитан, усаживаясь на стул. — А заодно и тебя послушать. Релвей склонен к преувеличениям.

— Что там было преувеличивать? — Я кратко пересказал события минувшей ночи. Забавно: полгода назад я бы ни за что не открыл Блоку всей правды, а теперь... Старею, должно быть, становлюсь слаб на голову. — Понятия не имею, что все это значит.

— На твоем месте я бы не задавался этим вопросом, пока не найду ответов на другие.

— То есть?

— Чем гадать, что все это означает, выясни, к примеру, почему оборотни напали на Вейдера. Да

мало ли других вопросов возникает! Картину одним мазком не нарисуешь, Гаррет.

Не то чтобы я раньше не слышал этого совета. Однако в словах Блока был некий подтекст, если хотите, сообщение. Он ненавязчиво напоминал мне, что хватит маяться дурью, пора заняться делом.

Что мне действительно необходимо — так это способ прожить жизнь, не помышляя о работе.

— Так что? Сколько мазков намалевал наш незаметный герой? — Точнее, конечно, было сказать «вымучил».

— Он просил тебе кое-что передать. Но вряд ли ты сильно обрадуешься. В общем, так: из оборотней мы ничего не вытянули. Ничего.

Наверно, у меня на физиономии было написано недоверие. Циник ты, Гаррет; людям надо доверять. И потом, если уж тайной полиции не веришь, кому тогда верить?

— Правда, Гаррет. Прежде чем Релвей вернулся в Аль-Хар, заключенные попытались бежать...

— Я их понимаю, оттуда любой удрать захочет, если он не законченный псих, но как...

— Они оборотни, Гаррет. В мышьей они, разумеется, превратиться не могут, зато могут сделаться настолько гибкими, что никакие прутья им не помеха. Вот и...

— Понял. И как мы сразу не сообразили! — Я прикинул возможные последствия, и мне, признаюсь, поплохело. Если эти твари способны на такое... — Выходит, они снова на свободе?

— Не все. Бежали трое, причем все ранены. Остальные погибли. Релвей приглашает тебя осмотреть тела.

— Татуировки у всех были?

— Откуда ты знаешь?

— Догадался. Дай еще попробую. Татуировка изображала дракона с карентийским военным крестом. Чтоб ее заметить, нужно знать, где искать.

— Ты их видел.— Блок прищурился, будто встревоженный моими познаниями.

— Да. Релвей обещал узнать, что означает эта татуировка.

— По-моему, у него не было времени.

— Думаю, мы имеем дело с наемниками, не наигравшимися в войну.

— Согласен. Ну вот, думал новости сообщить, а вышло, что просто прогулялся туда-сюда. Ты уже все знаешь.

— Гулять полезно для здоровья, капитан. Попшли на кухню, вода, верно, вскипела.— Я не сомневался, что это не все новости. Что-то Блок явно скрывал. С собой вниз я его пригласил по той причине, что в моем доме не принято оставлять гостей без присмотра. Прежде всего это относится к Торнаде и слугам закона. Все они страсть как любопытны и обожают совать нос в то, что их не касается.

На кухне я налил чай. Блок наблюдал за мной, изнемогая от внутренней борьбы.

— Мундир привычнее? — спросил я невинно. Он пришел ко мне в некоем подобии военной формы; насколько я знал, это недавнее нововведение. Сказать по чести, выглядел Блок... гм... потешно. Не то что человеколюбцы, щеголявшие в схожих нарядах.

— Бюджет у нас маленький, — пояснил капитан, принимая чашку.— Крутимся, как можем. Вроде получается.

Об этом, голубчик, не тебе судить. Со стороны виднее.

— Значит, с оборотнями дело швах?
— Угу. Хотя... С Холма потребовали привезти к ним тела погибших. Имен я называть не буду. Сам понимаешь.

Вот что его так терзало!

— А я решил, вы их для меня бережете.
Блок усмехнулся.
— Шайка оборотней привлекла внимание. — И многозначительно ткнул большим пальцем в потолок: мол, даже *tam*.

— О татуировках кто-нибудь знает?

Он пожал плечами.

— Я никому не рассказывал. Пока.

— Ну-ну?

— Хотел посмотреть, заметят или нет. В конце концов, я — тупой служака. Мне по долгу службы такими вещами интересоваться не положено.
По-моему, он еще что-то от меня скрывает.

— О новостях сообщишь?

Блок кивнул. Заговорщики, трах-тибидох!

— Скоро на этот след выйдут гончие сверху.

Большего он сказать просто не посмел.

Н-да, перспектива не из приятных. Не люблю чародеев. Опасная они публика. Непредсказуемая. Как адвокаты. К ним ко всем спиной лучше не поворачиваться. Родную мать за ерунду укокошат.

Пусть их. Но будет глупостью не расслышать то, что Блок пытается мне внушить.

— Вы, ребята, меня в последнее время просто избаловали.

Капитан вновь пожал плечами.

— Ты можешь нам помочь. Значит, мы должны как-то тебя заинтересовать.

Ни дать ни взять Чодо Контагью, предлагающий темную аферу.

- А может, мне просто смыться? Мои родичи в деревне живут...
 - Откажешься от этакой красоты ради деревенских порток? — Он указал на мой костюм. — Уж прости, но фермером я тебя не представляю.
 - Они овец пасут.
 - Тогда конечно. Проблем с подружками у тебя не будет.
 - По мне, лучше б мы о работе говорили. Интимные подробности давай оставим в покое, ладно?
- Блок ухмыльнулся.
- Как скажешь, красавчик.
 - Договорились. Так что мы решили? Надо определиться, чтоб двойную работу не делать.
 - Твоя задача — проникнуть в «Клич».
 - Я работаю на Макса Вейдера. «Клич» никуда не денется. А Вейдеры могут. Трое уже погибли, в моем присутствии.
 - Железная логика.
 - Да? Релвей упоминал, что мы сцепились с Краском и Садлером?
 - Прощупываешь меня? — Блок не настолько глуп, как хочет казаться.
 - Всего лишь спрашиваю.
 - Упоминал. Ты, говорят, спас очередную девицу. Любопытно. Мне казалось, об этом Релвей должен умолчать.
 - Но злодеев ты упустил, — продолжал Блок. — Какой же ты после этого герой?
 - Живой. По-моему, за нами следили.
 - Для твоей же безопасности.
 - Да ну? Чего ж нам никто не помог?
 - Я разумел не это. Вместо того, чтобы гнаться за преступниками, ты отправился домой. Твой подозрительный дружок тоже отказался от погони.

Но у него есть оправдание: он должен был позаботиться о мисс Контагю. — И заодно собственную задницу уберечь.

— И что? — спросил я.

— А то, что за преступниками пришлось бежать другим.

Меня озарило.

— Ты знаешь, где они?

— Безусловно. И мне было любопытно, захочешь ли ты это узнать.

— Я сцепился с ними прошлой ночью. Досталось всем, но я здесь, а они где-то там...

— По-твоему, мы только следили и ничего больше не делали? По ним давно плачет тюрьма. Они потеряли дружбу Чодо, и теперь мы можем устроить показательный захват, на потребу важным особам. При неоценимой помощи добродорядочного подданного короны. Хочешь стать добродорядочным подданным?

— Ты за тем и пришел?

— Почему бы не засветиться, когда успех гарантирован? Пошли вместе.

— В порядок себя привести надо. Не хочу подмочить твою репутацию своим неприличным видом.

— Если б мою репутацию было так легко подмочить, я бы давно на пенсии сидел.

— Ясно. Я скоро. Посиди у меня в кабинете, только постараися ничего не трогать.

Проследить за Блоком было, увы, некому, но Блоку об этом знать совершенно не обязательно.

ки. Желтый, красный, коричневый; у горла и на рукавах кружева. Я причесался. Поглядел на себя в зеркало.

— Ба! Если меня не похитит какая-нибудь эльфияночка, сопьюсь с горя. Но для такого наряда и обувь нужна соответствующая.

Мои башмаки давным-давно сносились и стоялились. Редкий экземпляр — хоть сейчас в музей сдавай. «Рабочие ботинки знаменитого частного детектива Гаррета». А что, звучит.

— Что с тобой стряслось? — спросил Блок, оглядывая меня с головы до ног, когда я зашел в кабинет.

— Вейдеры решили, что мне нужно обновить гардероб.

— Давно пора. Сколько можно в рваньеходить? М-да... Ботиночки тоже сменить не мешало бы. В этих только по деревне топать.

— Знаю. Ты говорил, у нас важное дело? Я готов.

— Новая? — поинтересовался капитан, когда я запирал дверь.

— Ага. Старую кто-то вышиб.

— Между прочим, кое-где до сих пор идет снег. Ты точно ничего об этом не знаешь? Ходили слухи, что ты каким-то боком замешан...

— Капитан, посмотри на меня. Похож я на человека, который снегопад летом устраивает? Или ты заодно с Тинни? Она считает, что я виноват во всем.

— И замок вставил? Шикуешь, Гаррет?

Действительно, не так давно мне подфартило, но Блоку этого знать ни к чему. А то еще напустит на меня воров. Или сборщиков налогов. Или вороватых сборщиков налогов. Или я зря на него

наговариваю? Для того, чтобы поступать так с приятелями, надо быть отъявленным стервецом. И психопатом.

Улица была пустынна, если не считать нескольких пострадавших во время утренней демонстрации. Они жались к стенам домов и тихонько постанывали.

— Гораздо лучше, — заметил я. — Видел бы ты, что тут творилось с утра!

— Я видел. Если бы не этот треклятый парад, я бы пришел на час раньше.

Мне не понравилось направление, в котором меня вел капитан. Шагая по прямой, мы выйдем к Басти — самому злачному кварталу в городе, славном своими злачными местами. В Басти правил один-единственный закон — закон силы. Чужаки осмеливались заходить туда только скопом.

— Надеюсь, мы идем не туда, куда ты, кажется, направляешься?

— Нам нужна северная окраина Басти.

— Этого я и боялся. Лиший новод надуть щеки?

— Да. Показать, что стражи не дремлет.

Явно не обошлось без Рельвея. Уж его-то ничем не проймешь. Откуда у фанатика осторожность? Но чем он соблазнил других, чем привлек тех «шишечек», которых они с Блоком жаждали впечатлить? Наверно, я что-то упустил.

Когда мы прибыли на место, нам с первого взгляда стало ясно, что стражи уже впечатлила и обитателей Басти, и зевак. Чуть в стороне, под охраной, маялась дюжина охламонов в кандалах. К несчастью, легендарных злодеев Краска и Садлера среди них не было.

Я ожидал увидеть воинский отряд, но Релвей привел от силы десяток стражников, будто предстояла самая что ни на есть рутинная процедура. Зевак было больше раза в три, если не в четыре. Блок представил меня некоторым из них. Кое с кем я был знаком. Работа такая — бегаешь, с людьми общаешься. Одни дружелюбны, другие нет; а нам-то что — у нас работа.

А вот оделся я неправильно. Верхом пижонства до моего появления были балахоны до колен. И тут приперся я — весь в кружевах...

Оставив Блока лебезить перед важными особами, я примкнул к Релвею. За нашими действиями хмуро наблюдали местные молодцы, до сих пор остававшиеся на свободе лишь по недоразумению, в лучшем случае по недосмотру. Они были не прочь вызволить своих закованных дружков. Или вспороть им брюхо, если в кандалах члены враждебной шайки. Грязные, чумазые, в набедренных повязках, а некоторые и без оных...

В Бasti следить за собственным здоровьем считается дурным тоном. Здесь нет даже примитивной канализации — канавы посреди улиц, — которая имеется во всех прочих кварталах. Да и самих улиц не найти: все застроено, лишь кое-где попадаются проплешины пустырей. Над кварталом витает особый, ни с чем не сравнимый аромат; спутать его с каким-либо иным запахом попросту невозможно.

— Думаешь, Краск с Садлером еще не спохватились?

Релвей глянул на ребят в кандалах, потом посмотрел на меня с таким видом, будто только сейчас опознал во мне умственно отсталого.

— Все может быть, — ответил он бесстрастно. — Мы никак не дождемся приказа начинать.

— Прости, но...

— Да, ты появился. Но все же ты не настолько важная персона, чтоб мы тебя с утра дожидались.

— Ты меня сразил. Так кого ждем?

— Некий юный чародей — то ли Вершитель Судеб, то ли Разоритель Гнезд, не помню — захотел принять участие. Мы таким людям не отказываем. Его и ждем. Похоже, подмастерьем его не научили следить за временем.

Сарказм был — вызывающим, что ли. Я лишний раз укрепился во мнении, что Релвей лишен здравого смысла. У нас в Танфере не принято насмехаться вслух над теми, кто обитает на Холме. Если до них дойдет, они превратят тебя в лягушку, а то и что-нибудь похлеще придумают.

— Тьфу!

— Что?

— Птичку дома забыл.

— Так сбегай.

— Слишком поздно. Думаю, обойдусь. — Не могу сказать, что мне недоставало живого украшения на плече.

К нам направился было один из парней Релвея, тот, что помогал мне у Макса. Кажется, Риттер. И тут из закутка между хибарами вынырнул мальчишка лет четырнадцати, не больше, с ржавым ножиком в руке. Воришко. Знаю я таких: подбегут, кошелек срежут — и драпать. Их в Танфере полным-полно, на каждой улице, на каждом углу; правда, в других кварталах они, как правило, выбирают жертв побогаче. Не знаю, на что рассчитывал мальчишка.

Его дружки радостно завопили. А дальше произошло вот что: Риттер посторонился, пропустил мальчишку мимо себя, схватил за волосы и трижды полоснул его невесть откуда взявшимся кинжалом. Мальчишка рухнул наземь и жалобно застонал. Риттер же не оглядываясь продолжил путь, будто не человека порезал, а жука раздавил.

Вот почему со стражниками не рискуют связываться.

Они не церемонятся, эти новые слуги закона. Фанатики.

— Чародей прибыл, — сообщил Риттер. — Полный придурок. Жалуется. Что мы тратим его драгоценное время.

Нет, они ведут себя слишком вызывающе.

— Молод еще, — сказал мне Релвей. — Образумится с годами.

Интересно, про кого он — про Риттера или про этого Разорителя-Вершителя?

61

Под наблюдательный пост определили косогор, с которого открывался вид на убогую хижину, лепившуюся к стене трехэтажного кособокого барака.

— Хорошо, что нам туда не надо, — заметил я, разумея барак. — Уж больно хлипкий на вид: плюнь — и развалится.

— Он крепче, чем кажется, — буркнул Риттер. — Там девяносто два человека живут.

По-моему, он преуменьшил. В таких развалихах обычно спят сменами, то есть народу там фактически гораздо больше...

— Все твердят, что рабочих рук не хватает, — сказал я Релвею, — потому, мол, и не-людей нанимают. Откуда же здесь столько безработных?

— Тут не все безработные. А некоторых просто никуда не берут. — Горечь в голосе Релвея была, как мне показалось, какой-то выстраданной, что ли, будто он делился собственным опытом.

Впрочем, так оно и есть. Он тоже выходец из низов. Ему удалось пробиться наверх, удалось чего-то достичь. А многие даже и не пытаются, хотя возможность имеют...

Между тем нас незаметно окружила целая толпа подростков. Все в возрасте того паренька, с которым так сурово обошелся Риттер. У кого налки, у кого обрывки цепей или кирпичи. Оружие бедноты...

Ни Релвей, ни прочие толпу словно и не замечали.

Кстати, командовал Риттер; верный своей привычке Релвей старался не привлекать внимания.

Показалась повозка, запряженная ослом. Толпа заволновалась. Чародей беспрерывно и визгливо жаловался. Совсем еще молоденький, в армии точно не служил. Следующее поколение; для них выстраданная нами в окопах истина «Перед смертью все равны» оставалась пустыми словами.

Он не понимал, не хотел понимать, что ему — а заодно и всем нам — грозит самая настоящая опасность. Должно быть, еще ни разу в жизни не бывал в переделках.

Разумеется, судьба не замедлила преподать ему урок: дескать, юноша, не думай, что все вокруг обожают тебя так же сильно, как ты сам.

Кирпич ударил его в грудь. Блок, стоявший рядом, заставил чародея спрятаться за повозкой.

Риттер и другие стражники ринулись в толпу и принялись лупить направо и налево. Кому-то из юнцов особенно не повезло: он так неудачно подставился, что ему перерезали горло.

— !!! — пробормотал я. — Ну все, сейчас начнется. — Честно говоря, я ожидал бунта.

Но мои опасения не сбылись. Стражники усмирили толпу, а чародей превратил того, кто швырнулся в него кирпич, в живой факел. Парень истощенно завопил, а мы кубарем скатились с косогора и ворвались в хижину.

И выяснили, что все приготовления были по большому счету напрасны.

Эпической битвы не произошло; отчаянной схватки не было и в помине. Краск метался в лихорадке, а Садлер лежал на земле без сознания. Четыре стражника вынесли моих заклятых врагов из хижины и погрузили на повозку, в компанию к тем, кого арестовали раньше. Учитывая их состояние, эту парочку в кандалы заковывать не стали.

Это было единственное послабление. В остальном с ними обращались не слишком аккуратно.

Я не возражал. Конечно, были времена, когда наша вражда притухала, однако...

Краск на миг очнулся — и узнал меня.

— Привет, ясноглазый! — поздоровался я. Вообще-то глаза у него были как два бездонных колодца.

Пожалуй, надо будет подбросить Маренго идею: пускай приглядится к людям, в которых нет ничего людского.

Даже страха. Страх для этих выродков был все-го-навсего средством управлять другими людьми.

— Допрашивать будете? — спросил я.

— Мы, конечно, туповаты, но не полные идиоты. — Релвей ухмыльнулся. — А чего ради, по-твоему, мы все это затевали?

— Извини. Я хотел бы знать, почему они похитили Белинду.

— Ну разумеется. — Ухмылка Релвея стала шире.

— Не понял?

— Сдается мне, у мисс Контагью тоже найдется пара вопросов. Например, откуда они узнали, где ее перехватить?

Я задумчиво кивнул.

— Что, по домам?

— Знаешь, Гаррет, я ждал кровопролития. И рад, что обошлось без него. Не такие уж они теперь и грозные, верно?

— И саблезубые тигры, бывает, хворают. Вы там осторожнее, парни. Эти двое и с виселицы спрыгнуть могут.

— Я всегда осторожен, Гаррет.

Не сомневаюсь. Вопрос в том, достаточно ли.

Когда «зачистка» Бasti закончилась, я попрощался и ушел. Моим новоявленным друзьям-патриотам ни к чему видеть меня с полицейскими чинами.

Арестованных юнцов ждет Кантард. Этим же вечером их погрузят на баржи. В шахтах всегда нужны крепкие руки.

Насколько мне известно, всех осужденных за мелкие преступления теперь отправляют в Кантард.

Вернуться суждено немногим. Попасть в шахту равносильно тому, чтобы подписать себе смертный приговор.

Иными словами, ничего не изменилось. Разве что подручные средства — нам вручили оружие, этим всучат кирки и кайла... А так — в Кантарде продолжает гибнуть молодежь...

62

Если расследование заходит в тупик и моих познаний не хватает, я обычно иду в Королевскую библиотеку у подножия Холма — там целый квартал занимают здания вроде городской управы и прочих бюрократических оплотов. В библиотеке великое множество книг; что самое приятное, среди них не найти ни единой колдовской.

Что касается последних, они хранятся на Холме, под замками и под заклятиями, о чем честно написано на дверях хранилищ. Небось, видели эти надписи: «Осторожно: колдовство!» До этих книг пытаются добраться только безмозглые варвары. Надо признать, попытки случаются довольно часто, и кожа на переплеты у чародеев не переводится.

Королевская библиотека, что явствует из ее названия, находится под опекой короны. Просто так ею не воспользуешься. Но Гаррет хитрый, он нашел способ проникнуть внутрь. У меня там работает друг. Точнее, подружка.

Линда Ли — настоящее сокровище. И язычок у нее острый, причем стоит мне заглянуть в библиотеку, как он на глазах становится острее и острее.

— Гаррет, ты меня достал! — заявила она, едва я отыскал ее в коридорчике между стеллажами. — Как ты на сей раз пробрался? И почему до сих пор таскаешь на плече этого полуодхлого пингвина? —

Перед тем, как идти в библиотеку, я заглянул домой — проверить, не объявился ли Покойник. По-прежнему ни слуху ни духу; нахлынули воспоминания, я расчувствовался и прихватил с собой попугая, как сувенир из славного прошлого. — Я же тебя просила, не приноси его сюда. Сколько можно повторять? — Линда терпеть не могла Попку-Дурака, зато ее всегда восхищала ловкость, с какой я ухитрялся говорить за птичку, не шевеля при этом губами. Даже если мы с попугаем находились в разных комнатах.

Как я пробрался? Да через боковую дверцу, на которую почти никто почти никогда не обращал почти никакого внимания. Впрочем, не удивительно: многие люди стремились не столько попасть в библиотеку, сколько выбраться из нее. Книжки — отрава для неокрепших умов.

Охранникам в библиотеке платили сущие гроши, поэтому им было глубоко наплевать на посетителей. Ну, ушел, ну, пришел... Самые же апатичные охранники стерегли ту боковую дверцу, о которой я упоминал. Когда ни приди, можно было не сомневаться: охранник — старый, молодой ли — или пьян, или спит. Или пьян и спит. Или его вообще нет: в горле пересохло, пошел искать выпивку.

Тем не менее, идти приходилось на цыпочках. У охранников неписаное правило: лезешь внаглую — они поднимают шум, чтобы не оправдываться потом перед начальством.

Сегодня неустрашимый оборонитель бесценных томов был пьян вдребадан и заснул с громадной, набитой «травкой» самокруткой в руке. Когда я проходил мимо, самокрутка дотлевала, и жар вот-вот должен был добраться до кожи...

— Ааа! — раздался под сводами библиотеки истошный вопль.

Следом донесся визгливый голос:

— Что вы себе позволяете? — Голос принадлежал старшей библиотекарше, старой грымзе, которая в отличном настроении вела себя хуже тролля с больными зубами, а уж когда на нее находило... Шаркая по полу, она направилась к охраннику. Лет ей было, наверное, двести, если не триста; за прожитые годы она напрочь разучилась потакать человеческим слабостям и теперь занималась исключительно тем, что отравляла жизнь молодым.

— А за нами она не подглядывала? — прошептал я.

— Держи свои руки при себе, Гаррет! — Можно подумать, я их распускал. Тут, пожалуй, распустишь. — Прекрати меня отвлекать! Никакого с тобой слада нету! Тебе шуточки, а мне потом отдуваться.

Я не стал спорить. Мы оба знали, что я никогда ни к чему Линду не принуждал. Просто у нее такой характер: последнее слово должно оставаться за ней.

— Дорогуша, я сама скромность. Тем паче, что, как утверждает Морли, я помолвлен с крысючихой по имени Пулар Синдж.

— Этот головорез будет шафером на твоей свадьбе?

— Э...

— Я заходила к тебе вчера вечером. Хотела повидать Покойника. — Мой напарник и Линда ухитрились подружиться. На все мои просьбы объяснить, как это он — и с женщиной подружился, Покойник внятного ответа не дал. — Соседка сказала, что они с Дином съехали, потому что устали

терпеть твои выходки. А ты, по ее словам, бегал по улицам за очередной шлюхой.

Не нужно быть гением, чтобы догадаться, с какой именно соседкой беседовала Линда.

— Милая, не всякой сплетне можно верить.

— К тебе это не относится, Гаррет.

Я решил сменить тему.

— А зачем тебе понадобился Покойник?

— Мне нравится с ним разговаривать. — Линда взяла мою ладонь, посмотрела на меня снизу вверх. В ее глазах плясали бесенята. — Иногда мне и вправду хочется просто посидеть, поболтать. С Покойником интересно. Он все видел, все знает.

— Эй! А теперь чьи руки...

— Я — другое дело.

Ну как с этим поспоришь?

— Что тебе нужно, Гаррет?

— А?

— Покойник не отвлекается.

— Гм... Он же мертвый. Хотя ты и мертвого разбудишь... Оборотни. Я хотел узнать про оборотней.

— Зачем? — Подражая Покойнику, Линда стремилась знать все.

— Оборотни убили нескольких моих знакомых. Убийц поймали, отвезли в Аль-Хар, но одни сбежали прежде, чем их успели допросить, а остальные умерли. Такие дела.

Уф!

— Вряд ли мы тебе поможем. Книги есть, но за их достоверность никто не поручится. — Линда наклонила головку и прислушалась. Судя по звукам, гарпия в человеческом образе распекала охранника. Пока у нее есть чем заняться, мы можем спокойненько пошептаться. — То, что тебе

нужно, ты найдешь, вероятнее всего, в другой библиотеке.

— В какой? — Меня вдруг посетило дурное предчувствие.

— В частной. На Холме.

То есть в колдовской. Благодарю покорно!

— Что-то расхотелось.

— Ты никого с Холма не знаешь?

— Так, встречал иногда. Одного сегодня видел.

Не нашего полета птицы.

— А из «Клича»?

— Из «Клича»? Они-то здесь при чем?

— В ту библиотеку можно попасть по направлению от Института расовой чистоты, который принадлежит «Кличу». Они сюда приходили, пытались переманить нас к себе. У них набралось много книг из частных коллекций; им нужно все разобрать, составить каталоги, чтобы было чем подкреплять теории...

— Линда Ли, ты — сокровище!

— Я знаю. А ты как сообразил?

— У меня есть знакомые в...

— Ага! — гаркнула вдалеке старая фурия. —

Вот я тебя и поймала, красавчик! — Как всегда, она поторопилась с выводами: я бесшумно отступил на заранее подготовленные позиции, к дальнему концу стеллажа. Если грымза вздумает меня обойти, Линда махнет рукой, и я сменю дислокацию. Так и будем играть в прятки, пока старуха не решит, что ей померещилось.

Для своего возраста она удивительно хорошо слышит.

— Я попробую разузнать, — прошептала Линда, оглянулась и чмокнула меня прямо в губы. Целоваться она умеет не хуже, чем книжки искать.

Пару-тройку секунд спустя из меня можно было вить веревки. Кто такой Вейдер? Какие еще оборотни? Знать не знаю никакого Релвея!

Клекот гарпии раздавался уже совсем близко:

— Я поймала тебя, красавчик! Никуда теперь не денешься! Я тебя научу, как приличные люди в приличных местах себя ведут! — И ноги шаркают — шарк, шарк — все ближе и ближе.

Я оторвался от Линды. Та подмигнула и принялась громко шуршать страницами, а я беззвучно скользнул в конец стеллажа. Мы это проделывали не в первый раз; могу предположить, что у Линды Ли и без меня хватает практики.

— Аргх! — вякнул Попка-Дурак и захлопал крыльями. — Спасите! Помогите!

Как всегда, он выбрал самый подходящий момент.

Задушу гада.

На мое правое плечо легла тяжеленная лапа. Подчиняясь грубой силе, я обернулся — и разинул от изумления рот: мне в лицо злобно ухмылялся огр, которого я никогда раньше здесь не встречал. И как подкрался, мерзавец! Я даже не слышал. Вдвое меня больше и наверняка вдвое тупее. Из пасти у него воняло. Могу предположить, он явился не за тем, чтобы предложить мне интересную книжку.

Хуже того: он производил впечатление детины, которому нравится бить людей. Наглядный пример: зеленый кулачище был наготове, оставалось лишь наподдать — и полетел наш Гаррет, свистя и переворачиваясь...

Старая грымза таки меня перехитрила.

Я изо всех сил пнул огра в пах. На его месте любой человек сложился бы пополам, а он только

оскалил зубы и проворчал что-то малоприличное. Эх, запамятали! Огров и троллей этим не проймешь. Надо по ушам.

Но до ушей было не добраться.

Почему по ушам? Огр, которого хлопнули разом по обоим ушам, падает замертво. По крайней мере, так говорят. Но подобраться достаточно близко, чтобы проверить это на практике, никому из моих знакомых до сих пор не удавалось. Кто говорит? Как обычно, ссылаются на приятеля приятеля приятеля, но сколько убежденности в голосе: «Гаррет, любой пацан это знает!».

Бам! Прежде чем потерять сознание, я успел с удовлетворением подумать, что старой грызне придется попотеть не одну недельку, собирая с пола книжки, которые я свалил пролетом сквозь стеллажи.

Пожалуй, в ближайшее время стоит воздержаться от визитов к Линде на работу.

Если меня и ограбили, пока я валялся без чувств в переулке позади библиотеки, никто и не подумал стащить то, без чего я точно не стал бы тосковать. Очнулся я под бормотание Попки-Дурака, который расхаживал вокруг с видом умалишенного, спорящего с призраками. Болело везде. Каждая косточка. Каждый сустав. Огр отколошил меня всласть.

Что-то в последнее время слишком много народа невзлюбило бедного Гаррета. Только успеешь очухаться от одной потасовки, уже другая на носу.

Может, у меня неосознанное стремление к смерти? Потому и нарываюсь?

63

Пора воспользоваться *старыми связями*.

Пора заглянуть к Чокнутым Старцам.

Не скажу, чтобы я предвкушал эту встречу. Ничего подобного. Однако куда еще было податься избитому, покалеченному, изувеченному частному сыщику?

Говорят, снять с кота шкуру можно несколькими способами. Наверное, так и есть; но зачем? И кто говорит? Публика с извращенными вкусами. К чему свежевать кошек? Я слыхал, на вкус они отвратительны.

Верно, эту поговорку придумал парень, который огров давил голыми руками.

Чокнутые Старцы — компания ветхих старииков и старушек, обитающих в древнем аббатстве, которое они выкупили у короны и в котором доожидаются смерти. Родные от большинства из них отказались — не вынесли. Вот такие старцы. Какой-то шутник окрестил аббатство «Райскими вратами».

В пору его расцвета в монастыре обитали пятьдесят монахов, и каждый мог позволить себе такую роскошь, как отдельная келья. Чокнутых Старцев было двести с лишним, — по три на келью, и набожностью они не отличались — монастырские часовни пустовали.

«Райские врата» угнетали посетителя не хуже Бледсо, и воняло там ничуть не меньше; оставалось лишь надеяться, что на старости лет меня возьмет на свое попечение юное невинное создание лет двадцати, и мне не придется коротать последние годы жизни в подобном заведении. Впрочем, с моей-то удачей я до старости вряд ли дожи-

ву; особенно если учесть, какой оборот принимают события.

Двухэтажное монастырское здание площадью превосходило целый городской квартал, а формой представляло собой квадрат с двориком внутри. Обычная танферская планировка. Семейство Тейтов владеет похожим особняком: там и жилая часть, и дубильное производство, и сапожное. По всему первому этажу окна — творчество монахов, питавших бессмысленную веру в добропорядочность ближних, — были забраны железными решетками; Чокнутые Старцы установили решетки после того, как им в очередной раз побили все стекла.

В «Райских вратах» двое ворот — парадные и черные. Те и другие узкие, только повозке проехать; на обоих двойные запоры и двойные решетки. Наша городская тюрьма Аль-Хар этому дому престарелых и в подметки не годилась.

Еще издали я заметил, что в монастыре стали устанавливать решетки и на окна второго этажа. Должно быть, чей-то внук решил проявить заботу. Что ж, похвальная предусмотрительность: с наплывом чужаков свободных зданий в городе почти не осталось...

Я подошел к воротам, остановился передохнуть в теньке.

— Эй, ты! А ну проходи! — потребовал дребезжащий голосок. — Нечего здесь болтаться!

Между прутьями просунулся заостренный кол — слишком медленно, чтобы испугаться.

Так в «Райских вратах» встречали всех посетителей, включая любимых сыновей и ненаглядных дочек.

— Я пришел к Медфорду Шейлу. — Суть заключалась в том, что Медфорд Шейл меня нисколько не ждал. Но у ворог требовалось назвать имя, вот я и назвал (а как узнал, вспоминать не хочется).

— Нет тут никакого Шейла! Проваливай!

— Как же нет, когда вон он, под оливой? В гамаке. — Я увидел его сквозь решетку. Наконец-то мне хоть в чем-то повезло.

Кол вновь попытался достать меня, но я не шелохнулся. Из тени с противоположной стороны решетки вышел человек.

— Привет, Геррик, — поздоровался я.

Человек прищурился. Нахмурился. Попытался расправить плечи.

— Я не Геррик. Он загнулся. Я его названный брат, Виктор.

— Привет, Виктор. Жаль Геррика, отличный был малый. Как бы мне Шейла повидать?

Глаза Виктора снова сузились.

— Давненько здесь не был, а?

— Не то чтоб давненько... — Медфорд Шейл не из тех, к кому тянет вернуться.

— Геррик тому два года как преставился.

Значит, и вправду давненько.

— Виктор, мне необходимо повидать Шейла.

— Тебя как зовут, парень?

— Гаррет. Мы старые знакомые.

Виктор ощерил в ухмылке редкие зубы.

— Это Шейл старый. А ты еще щенок. — Он начал было отпирать, потом остановился. Видно, решил, что слишком торопится. — Зачем тебе Шейл?

— Принес подарок. — Он наверняка заметил узелок. Надеюсь, в подробности вдаваться не придется. Очень не хочется.

— Подарок, говоришь? — Виктор смерил взглядом попугая на моем плече. — Зря ты с птичкой приперся. Времена голодные, сам знаешь...

Я похлопал по узелку.

— Вкусный подарок. — Опытным путем установлено: в «Райских вратах» лучшая взятка — лакомство, которое Чокнутым Старцам запрещено есть.. Или пить.

— С кремом?

— По-моему, был. Половина твоя.

Виктор завозился с замком на внутренней решетке, бормоча себе под нос: его явно не прельщала необходимость делиться с Шейлом. Я его понимаю. Старина Медфорд — чокнутый в квадрате. Пренеприятный старикан. Наверно, у него в роду были огры. Или логхиры. Он не слишком постарел с тех пор, как я был мальчишкой и приходил навещать свою тетушку Алису.

Но я знал его слабость.

Печенье с патокой.

Виктор отпер наружную решетку.

Едва она открылась настолько, чтоб я мог свободно пройти, Попка-Дурак продемонстрировал Виктору свое тайное родство со свиньей.

Виктор выпучил глаза, а я прошествовал мимо и направился к Шейлу. По дороге я выговаривал попугаю:

— Учи, этих старперов мясом не балуют. Мясо нынче дорого. Думаю, они не откажутся от попугайского супчика.

Смотрел я прямо перед собой, поэтому птаха видел лишь краем глаза, но могу поклясться — он ухмылялся! Вот скотина! И ведь уверен, что ему ничто не грозит!

Признаю, это я виноват.

— Эй, ты!

Я остановился, вздохнул, повернулся.

— Что, Виктор?

— Чего ж ты сразу не сказал, что чревом вещать умеешь? У нас искусствников всяких страсть как любят.

— Учу на будущее.— Может, и впрямь сменишь профессию? Никогда не видел чревовещателя с перевязанной головой или с рукой в гипсе. Ну почему все уверены, что это я вкладываю в клюв проклятому птаху всякие непристойности? — Давай Шейла спросим.

Интересно, с какой стати Попка-Дурак решил очнуться от спячки?

Может, происки какого-нибудь недобитого божка?

64

Шейл, похоже, спал. Или притворялся. Или помер. Грудь не колышется... Летаргический сон? Тогда понятно, почему он почти не меняется. Я слыхал, в летаргическом сне человек не стареет.

Должно быть, гамак с оливами не снимали: как повесили, так и висит. Поутру ветки заслоняли солнце, но сейчас оно светило Медфорду прямо в лицо, морщинистое, как печеное яблоко. Седые патлы зачесаны назад и собраны в хвост; распустить их, так до костлявых лодыжек достанут. Одежда штопаная, но чистая. Грязнулей Медфорд Шейл не был никогда.

— Шейл думает, ты бесталанный молодой нахал, и говорить не умеешь. Вместо тебя твое чучело болтает. — Губы Шейла едва шевелились. Но

жет, это не он говорит, а кто-то из неведомогодалека использует его как рупор? — Жену себе нашел?

— Рад видеть тебя в добром здравии, дядя Медфорд. Некогда было.

Любой другой старик в «Райских вратах» подмигнул бы, ткнул бы в бок: мол, гуляй, пока молодой. А Медфорд Шейл процедил:

— Ты, часом, не гомик? У нас в семье отродясь таких не бывало. Чего вырядился, будто шлюха подзаборная?

Всем родственникам Шейла известно: что бы ты ни сделал, он всегда найдет повод придраться. Поэтому наиболее чувствительные из родичей его и не навещали. Даже те, кого обычно попрекали тролльей шкурой. Иными словами, приходил один я.

— И минутки выкроить не можешь, чтоб родного дядю навестить. Ишь, занятой выискался!

— Именно так, дядюшка. Если надо выбирать между глубокомысленным бездельем и твоими нападками, я выбираю первое. — Мне давным-давно хотелось это сказать. Когда я был маленьkim, запрещала мама. Когда подрос, удерживало уважение к сединам; хотя, по-моему, уважение предполагает, что и к тебе относятся соответственно, а Шейл настолько поглощен собой, что ему не до уважения к другим. Сейчас же остановить меня было некому, а синяки, полученные в стычке с огром, — отличное лекарство от почтительности к старшим.

— Да как ты смеешь, сосунок!..

— Смею, дядя, смею! Чего ради я, по-твоему, сюда приперся? Придирок, что ли, не слышал? Тоже мне, страдалец нашелся!

Глаза Шейла раскрылись. Он резко сел. Трудно было ожидать этакой прыти от человека втрое старше меня.

— Этот попугай совсем спятил. Несет ахинею! Нет, он точно за тебя говорит. Мой родич ни за что таких слов не произнес бы!

— Ладно, будем считать, что мы не родственники. А попугай уже родился прикурком. Кстати, он намекает: хочешь сладкого — помоги мне. Я знаю, где раздобыть десяток печений с патокой. — Я показал Шейлу узелок.

Медфорд Шейл далеко не глупец. Но и в гениальности его упрекнуть трудно. Я научился обращаться с ним еще в детстве, до того как умерла тетушка Алиса, а он завалился в «Райские врата», рассчитывая, что здешний персонал будет заботиться о нем так, как заботилась жена. Его ожидания поначалу оправдались. Однако он способен обворочать любое доброе дело. Поэтому отношение к нему мало-помалу менялось — такова уж человеческая природа: за что боролся, на то и напоролся.

Мимо проходила сестра. Среднего роста, толстая, уродливая, типичная полукровка; должно быть, из ветеранов — женщины тоже воевали. Помню, у нас в Кантарде были такие сестрички... Она услышала мои слова насчет печенья.

— Эй, ему сладкого нельзя! Не вздумайте! Он психовать начнет.

— Да неужели? Куда уж больше-то?

— Есть куда. Родственник? — Признаться, она напомнила мне статуи из чужеземных храмов, здоровенных идолов, что сидели у дверей, возвышались близ окон или громоздились на крышах.

Я кивнул.

— Похож.

— Печенье никому и никогда не вредило, ведьма поганая, — наставительно заметил Шейл. — Не слушай ее, мальчик. Она нам житья не дает. Приходит среди ночи и... — Он замолчал. Видно, сестра и вправду держала беспокойных старичков в кулаке.

— Чего тебе? — спросила она у меня.

— А вам какое дело?

От моей наглости она слегка опешила.

— Я здесь главная. Мне нужно...

— Главные здесь постояльцы. А вы все на них работаете.

— Точно родственник. Оба нахалы.

— Я пришел не к вам. Или вы можете что-нибудь рассказать об оборотнях? Тогда милости прошу.

Я хамил не потому, что заразился духом этого места, и не из-за своих синяков. Просто требовалось проявить характер. Я пришел сюда в надежде узнать хоть вот столечко об оборотнях. Если вести себя ниже травы, я точно ничего не узнаю. Меня сожрут с потрохами, проглотят и не подавятся. Главное — не дать слабину, и тогда все будет в порядке.

— Парень, — прорычал Шейл, — с мисс Трим так не разговаривают!

65

На одних наорал, другим польстил, третьим пива поставил — и ты уже желанный гость даже в «Райских вратах». Медфорд Шейл буйствовал целых шесть минут, после чего отрубился.

— Положи его в гамак, — посоветовал я мисс Трим. Говорила, что ты здесь главная? Вот и отдувайся! — Почти как в гробу.

Полное имя сестры было Квипо Трим, причем она настаивала, чтобы я звал ее Квипо и обращался на «ты». Я чуть не исперхнулся, произнеся это имечко в первый раз, но потом пошло легче.

Гулять так гулять!

— Этот старый пердун наверняка переживет и меня, и моих детей, если они у меня когда-нибудь будут. Раз так, есть повод устроить ему преждевременные поминки. На настоящих мне все равно не бывать.

Стоило мисс Трим пропустить пивка, с нею сразу стало легко и просто. Но не завидую тому, кто отважится за ней ухаживать. Попробуй-ка удовлетвори этакую прорву! Пиво она глушила кувшинами — за неимением больших емкостей. Из бочонка хлебать я ей, естественно, не дал.

— Гаррет, ты мне нравишься! — Она расхохоталась, хлопнула меня по спине (я чуть не плюхнулся наземь). — Умеешь женщину повеселить!

— Себе я тоже нравлюсь. Надо познакомить тебя с одним моим приятелем. Его Пуделем кличут...

Тут появилась одна из помощниц Квипо. В сестры ее взяли отнюдь не за смазливую мордашку. Среди персонала вообще преобладали дурнушки.

— Новый бочонок привезли, — сообщила она.

Я застонал. Какой ужас! Ладно, я знаю, кто за это заплатит. Но вот беда — сколько выпито, а ничего толком не вызнал. Правда, есть ощущение, что если добавить по маленькой, что-нибудь да прояснится.

— Велите прикатить его сюда, чтобы он был у меня под боком. А то, как я погляжу, народ увлекся.

Старички и старушки отрывались на полную. Персонал старался не отставать. Мальчики и девочки бегали по двору, зажигали фонари и пытались ловить ночных бабочек. Чаще попадали по фонарям, но всем было очень весело.

— Хорошо ты придумал, Гаррет, — Квило повела могучей дланью. — Им надо было развеяться.

— Хорошо-то хорошо, да больно накладно. — Положим, угощение за счет моих работодателей. Ух, какой счетец я им выкачу! Но для начала надо выкачать полезные сведения из этой оравы обалдевших доходяг. — Пора за дело браться. Мне необходимо разузнать про оборотней.

На мгновение мне почудилось, будто мисс Трим готова сообщить нечто дельное. Но я обманулся.

— Какой ты любопытный! — проворковала она. Ее рука скользнула по моей ноге.

Попка-Дурак заметил движение, захлопал крыльями, что-то злобно пробормотал. Боги, чего только не приходится терпеть ради истины?!

Весть о том, что мне нужны сведения, разлетелась по богадельне. От Шейла я толку не добился: наговорил-то он много, но больше половины явно сочинил, а остальное переврал, и к оборотням его рассказы отношения не имели.

Молодые или старые, богатые или бедные, грешники или святые — у всех у нас, танферских мужчин, есть нечто общее. А именно — все мы ветераны. Связанные одной цепью. И когда мы об этом вспоминаем, то помогаем друг другу — как ветеран ветерану.

Старикашка по имени Райт Сеттлинг, бывший морской пехотинец, донимавший всех историями о своих подвигах, постучал по пустому бочонку и раздраженно заворчал. Неймется ему!

— Слушай, — сказал я, — мне непременно надо...

— Слыхал, слыхал. Эх вы, молодежь, все торопитесь. Уж минутку-то можешь и погодить.

— Зачем?

— А затем, что Трейл со Стори подгребут, они тебе и выложат правду-матку. — Судя по его гримасе, неведомые Трейл и Стори выкладывали правду-матку каждому, кто оказывался в пределах слышимости, и по двадцать раз на дню. Сеттлинг поглядел на мисс Трим и неожиданно хмыкнул. — Берегись, сынок. Как бы не задохнуться, под таким-то весом.

Старики частенько становятся отъявленными циниками, не замечали? Но по мне уж лучше циник, чем Медфорд Шейл с его беспрерывным брюзжанием.

— Речь о жизнях многих людей. От меня зависит... — Я задумался. А что, собственно, от меня зависит? Пока непонятно, но что-то зависит наверняка.

— Вон Стори. Ты мне пиво, я тебе Стори, идет?

Я надул Сеттлинга — грубо нарушил условия договора. И Квило сердце разбил, заявил, что мне пора уходить. А сам, вдвоем с попугаем, направился к Стори.

— Мистер Стори? Мистер Сеттлинг уверяет, что только вы можете меня выручить. — Лесть еще никогда и никому не мешала.

— Да ну? В чем этот старый козел меня обвиняет? И вообще, ты кто такой, парень?

— Внучатый племянник мистера Шейла.

— Мои соболезнования.

— Между прочим, вы все пьете пиво, купленное на мои деньги. И, пожалуй, новый бочонок я

открывать не буду. Чего зря время тратить и деньги просаживать? — Я отвернулся.

— Мы с Трэйлом служили вместе, — сказал Стори мне в спину. Похоже, сейчас я услышу одну из историй о крепкой воинской дружбе. — В мизходскую кампанию оборотней нам попадалось столько, сколько ты в жизни не видывал.

Мизходская кампания? Впервые о такой слышу. Где этот Мизход? Разве мы там воевали?

— А если чуть пораньше начать, мистер Стори?

— Я и не ждал, что ты вспомнишь. — Он печально улыбнулся. Все мы рано или поздно осваиваем такую улыбку. — Славных кампаний не счастье, но кто о них помнит кроме тех, кто их прошел и остался в живых?

Мне ли не знать? В разговорах я нередко вспоминаю острова, и ребята, которые на них не были, принимаются зевать или перебиваются, чтоб поведать о своем: это все ерунда, а вот они точно сидели по горло в дерьме...

— Значит, вы сталкивались с оборотнями? Они воевали за венагетов?

— Да нет, за нас. Сперва они воевали за нас, но так, что про них забывать стали.

— Спецподразделения?

— А ты что, в пехтуру бы их спровадил?

— Я — нет. Но штабные крысы столько дров наломали...

— Твоя правда, сынок. — Стори хихикнул. — Помню, был случай...

— Оборотни, говорите? И что?

— Они в наступлении участвовали. — Старик нарочито закашлялся. Я плеснул ему свежего пива. Он пригубил, отсалютовал мне кружкой и продолжил: — Мизход, чтоб ты знал, — речка

пересохшая. Венагеты понастроили на южном берегу своих укреплений и оттуда на нас нападали. Укрепления были что надо, ни в лоб не взять, ни обойти. Генералы наши на ушах стояли, требовали костью лечь, но захватить южный берег. И в штабе план родили: оборотни пробираются в укрепление и открывают ворота коммандос. Мы делаем свое дело, а за нами уже регулярные приходят.

В первую ночь мы оттаскивали в тыл тела тех, кого оборотни подменили. На вторую ночь, когда они забрались глубже, в самое логово, мы должны были атаковать по сигналу. Командир нам сказал, что мы перережем венагетов раньше, чем из них кто-нибудь «Мама!» крикнуть успеет.

Стори умолк и сделал большой глоток. По его щеке скатилась слеза.

К нам присоединился еще один старик.

— О Мизходе толкуешь, Уилл?

— Ага. Гаррет, это Трейл.

— Рад познакомиться, Трейл.

— Мы с Уиллом почитай что одни выжили, — заговорил Трейл. — Подвезло нам, чего уж там. Мы, значит, в венагетскую форму переоделись, ну и побежали со всеми заодно, а они как драпали, токмо пятки сверкали. Бежали мы, бежали, а потом по-тихоньку в сторонку свернули ...

— Ловушка это была, — перебил Стори. — Западня, понял? Драпали они, потому как их не предупредили загодя, а так... Продали нас эти паскудные оборотни! Заманили в мышеловку, всех наших и положили. Когда б не они, война бы лет на сорок раньше кончилась.

М-да... Не удивительно, что наши власти до сих пор помалкивают о таком позоре.

Что ж, я узнал нечто любопытное, но какое это имеет отношение к делу, которое я расследую? Пока не знаю.

Выходит, оборотни сражались за Каренту? Тогда понятно, откуда у них татуировки с карентийским крестом.

— Когда это было, Стори?

— В сорок первом или сорок втором.

— В сорок втором, — твердо сказал Трейл.

— В том году моя мать умерла, и брата убили. Точно в сорок втором. Было-то как? Добрались мы, значит, до своих, обрадовались, что живые, а нам и говорят...

— В дезертирстве нас обвинили, парень! — снова перебил Стори. — Это мы-то дезертиры?!

— Мы потребовали чародея-дознавателя привести, — продолжал Трейл. — Но нам все равно верить не хотели. Сам понимаешь, штабные за свои шкуры тряслись. Но тут и другие, кто уцелел, возвращаться стали, так что пришлось в конце концов поверить.

— Будто битву какую выиграли, что вернуться сумели, — буркнул Стори. — Боги нам помогали, не иначе. Двести миль по пустыне прошли, и ни венагеты нас не зацепали, ни местные. А не вернись мы, эти сволочи, оборотни которые, так бы и строили из себя наших союзничков.

— Жуткое дело, — вставил Трейл. — До сих пор кошмары снятся. А как проснусь, все себя убеждаю, что оно того стоило. Когда б мы с Уиллом не вернулись, вам, пацанам, и войны бы не досталось, чтоб победу одержать.

— Конечно, стоило, мистер Трейл. — Я поежился. На островах точно так же было. В основном мы старались просто оставаться в живых, однако в

глубине души верили, что если продержимся, то хоть чуточку приблизим общую победу.

Значит, в сорок втором? Пятьдесят с лишним лет назад. А этих старичков по-прежнему воспоминания преследуют. Попрошу-ка я их припомнить поподробнее.

— Вы оборотней близко видели?

— Близко? — Стори фыркнул. — Сынок, да мы три месяца перед наступлением спали вместе! Вестимо, видели. Одного я никогда не забуду. Мы его Балбесом прозвали. Уж больно похоже имя его звучало, на ихнем языке, да он и впрямь туповат был. Оборотни все скудоумные. Ух как он злился, когда прозвище слышал!

— Сдается мне, боги нарочно так определили, — сказал Трейл, — чтоб оборотням мозгов не хватало. А то и обличье менять, и еще головастыми быть — это, братцы, чересчур.

— А они дар богов не ценили, — снова вступил Стори. — Не могли, верно. И способности свои целиком подчинить не могли. Естество у них всегда было сильнее разумения.

— Ага, — согласился Трейл. — Был один, Стоквеллом звали. Цыпленок, и тот поумнее будет. По их меркам только из пеленок вырос. Остальным с ним...

— Bay! Стоквелл? Точно?

— Ну, настоящее-то имя у него другое было, а Стоквеллом его прозвали. Да, Картер Стоквелл. Вышло-то как: служил у нас...

Неужто тот же самый? Полноте, возможно ли такое? Сколько лет минуло!

— Я на днях поцапался с шайкой оборотней. Хотите верьте, хотите нет, один из них называл себя Картер Стоквелл.

— Ух ты! — Впервые за время беседы Трейл заинтересовался. — Вот чудеса-то, а, Уилл?

— Угу, — мрачно подтвердил Стори. — Мне бы этого Стоквелла встретить, я бы его так отдал, кочергой раскаленной да ножичком серебряным. Гаррет, ты знаешь, что их только серебро берет?

Я кивнул.

— Имел опыт.

— Всегда говорил, что они и в войну-то ввязались из-за серебра, — заявил Трейл. — Карента, венагеты — им было плевать, они токмо о себе пеклись. Доберись они до рудников, захапали бы серебро, и вообще никакого сладу с ними бы не стало.

— Любопытная мысль. — Если честно, теория показалась мне притянутой за уши. — Не стесняйтесь, ребята, наливайте. И говорите, говорите. Имена называйте. — Нет, не верю я, что ко мне приходил тот же самый Картер Стоквелл. Должно быть, внук. — И про татуировки расскажите.

Стори и Трейл озадаченно переглянулись.

— У тех оборотней, которые меня достают, на руке татуировка. Разглядеть можно только у мертвых, у живых она почти незаметна.

Стори помотал головой.

— Не помню никаких татуировок.

— И я не помню, — поддержал товарища Трейл.

— Зато я помню, — возвестила мисс Трим, набравшаяся под завязку. С лица у нее не сходила глупейшая, чисто троллья ухмылка. Она что, этак меня завлечь пытается? — Дракон с крестом коммандос в лапах, верно?

— Давай, Квипо, — подбодрил я.

— Наемники. Я и не знала, что они оборотни.
Черные Драконы. Говорили, они с Фраманагта.

— С Фраманагта? Остров на востоке, в такой
дали, что никому и в голову не взбредет туда
плыть... А про Вальсунга ты не слыхала?

— Это их командир. Полковник Нортон Валь-
сунг. Он из Каренты.

Та-ак... Помнится, Стоквелл со своим дружком
думали, будто мне про них что-то известно.

— И чем эти Черные Драконы прославились?

— А ничем. Наоборот, они из Фулл-Харбора
не высовывались. Когда поджимало, их чуть не пал-
ками выгоняли. Какая уж тут слава...

— Так вот где ты служила? В Фулл-Харбore?

— Девять лет оттарибанила, день в день.

Именно в Фулл-Харбore я встретил оборотня,
который изображал из себя офицера нашей конт-
рразведки. Но связано ли одно с другим? И стоит
ли связывать?

— Когда уволилась?

— Тому шесть лет будет. — Квило ничуть не
возражала перейти от слов к делу, но вот беда:
единственный достаточно юный кавалер не разде-
лял ее устремлений.

Нет, шпиона поймали гораздо позже.

Я погрузился в воспоминания, стараясь понять,
знаю ли я что-нибудь этакое, о чем и не догадыва-
юсь. Наверняка знаю. Или Черные Драконы не
подозревают, что я не знаю.

— Драконов в двойной игре не обвиняли?

— Ч-чего?

Пиво брало свое. Взгляд Квило стал бессмыс-
ленным.

— Эти парни могли сотрудничать с венаге-
тами?

Мисс Трим на мгновение вырвалась из сладкого забытья.

— Мбыть... Верняк... Не дума...

Шмяк! Она упала на землю, как переспелая груша.

Чокнутые Старцы зашлись от восторга. Лишь то обстоятельство, что за ними приглядывали несколько трезвых сестер, спасло Кви-по от посягательств, надругательств и кулачной расправы.

Я превратился в героя-избавителя. В мою жилетку плакались все подряд. Каждый старикан желал непременно поведать мне историю своей жизни. Естественно, ни в одной истории оборотни не появлялись даже мельком.

Я смиленно выслушивал, изображал на лице сочувствие, глубокомысленно кивал. Не исключено, что однажды мне снова придется попросить у них помощи...

Гулянка продолжалась всю ночь, пока не зашла луна. Наконец пиво иссякло, и я завалился спать.

66

Похмелье. Опять. Кто бы мог подумать!

Не то чтоб классическое. Скорее, предвестие. Но перспективы необъятные. И ведь рассвет еще только теплится. Что ж дальше-то будет?

Кто-то пнул меня в бок. Прямо польному. Я приоткрыл один глаз. Виктор. Я приоткрыл второй глаз и огляделся. Я лежал под оливой, на холодном, отсыревшем за ночь камне. Полка-Дурак примостился на ветке над моей головой и что-то тихонько бормотал. Я различил свое имя. Он что, мне косточки moet?

— Вставай, Гаррет! — потребовал Виктор. И снова пнул. Бок пронзила боль. О нет, только не сломанное ребро! Сколько можно?! — К тебе пришли.

Ко мне? Пришли? Кто? Я никому не рассказывал, что собираюсь заглянуть в «Райские врата». И «хвоста» за мной вроде не было. Правда, я особенно не приглядывался... Садлер с Краском в тюрьме. Оборотни зализывают раны. Остальным до меня дела нет. Наверное.

— Вставай, пьянчуга! — Виктор не собирался со мной цацкаться. Ему бы палачом служить, а не дом престарелых охранять.

Ночью я успел выяснить, что Виктор — убежденный трезвенник, ярый — и единственный в «Райских вратах» — ненавистник спиртного. Таким вот уродился. Видно, мамаша частенько к бутылочке прикладывалась, когда в тягости была. И теперь мне выпало испытать его ненависть к алкоголю на собственной шкуре.

— Виктор, попробуй только снова пни, побежжишь протез заказывать.

Это слегка охладило его пыл.

— Ступай к воротам, — буркнул он.

У ворот меня поджидал Риттер, один из релвейской шайки. Похоже, от братца Релвея нигде не скроешься.

— Ребята, вы когда-нибудь спите? — Я зевнул.

— Спим? А это как? Погоди, вспомнил! В армии заставляли, точно! Раз в неделю, и не спрашивали, хочу я или нет. Спать нам некогда, Гаррет, дел невпроворот. Это Кард. — Из темноты протянулась рука. Ни лица, ни фигуры было не разглядеть.

— Я всегда подозревал, что вы — психи, но теперь наверняка знаю. Что стряслось?

- Босс зовет тебя к Вейдерам.
 - Так срочно, среди ночи? Зачем?
 - Еще одно убийство.
 - !!! Кто? — Эх, надо было оставить при Максе Плоскомордого.
 - Не могу сказать. Сам не знаю. Мне велели привести тебя, и все.
 - Как ты меня нашел?
- Он поглядел на мое плечо.
- По птичьему помету.
 - Очень смешно.
 - Босс подсказал. Откуда он узнал, я не спрашивал. — Ну разумеется. — Гаррет, меня пытать бесполезно. Мое дело — весточку передать.
 - Вы пешком или в экипаже? — Мало мне похмелья и вчерашних синяков, так еще и не пошевелиться. Угораздило же меня заснуть на камне!
 - Шутишь? Забыл, сколько нам денег казна выделяет?
 - Извини. Привык на лучшее надеяться... Правда, ожидаю всегда худшего. Разочарований меньше. А порой тебя даже приятно удивляют.
 - Идти недалеко. Пару миль.
 - Я бы сказал, четыре. У меня башка трещит и ноги не ходят.
 - Да, огр тебя хорошенъко отметелил.
- Похоже, Релвей со своими ребятишками следил за каждым моим чихом. И хотел, чтобы я это знал. Вряд ли Риттер настолько туп, чтобы выложить мне служебную тайну без санкции босса.
- Ладно, уговорили. Одно условие — не подгоняйте. Как могу, так и буду идти. Подождите, я сейчас.

На негнущихся ногах я добрел до кельи Шейла. Он жил один. Охотников делить с ним все прелести бытия, естественно, не нашлось. Я вложил ему в руку узелок с печеньем. Тип, конечно, мерзкий, но родственник, как ни крути. И других родичей у меня не осталось.

67

У дома Вейдеров меня встретил капитан Блок. В форме.

— Утро доброе, Гаррет, — поздоровался он. Взмахом руки отпустил Риттера и Карда, внимательно оглядел меня с головы до ног. Неподалеку маялся здоровенный бугай — должно быть, на случай, если капитану срочно потребуется гора мускулов.

Снаружи дом выглядел опустевшим. В окнах ни огонька, никто не выходит, хотя час отнюдь не ранний...

— Ты сам решил появиться?

— Дело серьезное. Верхи интерес проявляют. Там, наверху, много чего происходит. — Он определенно что-то недоговаривал и в подробности вдаваться не собирался.

— Не нравится мне это. Где Релвей?

— Хороший вопрос. Я не видел его со вчерашнего дня.

— Он за мной посыпал.

— Это я за тобой посыпал, Гаррет. Ты знаешь этих людей, они тебе доверяют. Им сейчас нужен кто-нибудь свой.

— Риттер сказал, произошло еще одно убийство.

— Да. Парня звали Ланселин Мак. Он сцепился с кем-то, кто пытался проникнуть в дом. Калека видел, но помочь не сумел.

— Тай, что ли?

— Ну да. Поговори с ним. Он тебе все расскажет.

— А где он?

— Там же, где все остальные, — в столовой. По одиночке больше никто не ходит. Это мой приказ, и распространяется он на всех без исключения. Понял? — Вот откуда взялся этот двуногий шкаф у капитана за спиной.

— По-твоему, Ланса убили оборотни?

— Может быть. Кто еще Вейдеров донимал?

Я пожал плечами и кратко изложил то, что мне удалось узнать в «Райских вратах». Блок слушал не перебивая.

— Любопытно, — сказал он, когда я закончил. — То же самое название... Допустить пару возможностей, в голову сразу такое лезет...

Да уж. Мне отчаянно хотелось потолковать с Покойником. Обсудить с ним кое-что относительно его ненаглядного Слави Дуралейника и планов, которые тот мог лелеять.

— У них есть цель. Если мы догадаемся, какая, то сможем предупредить следующий удар.

— Жаль, что те у нас из-под носа улизнули. Но кто ж знал, что решетки им не помеха? Вот сюда.

Блок остановился у двери в столовую. Во время недавнего празднества эту столовую занимал мистер Грессер со своей шатией.

— Где ты был, олух?! — накинулась на меня Тинни, едва я переступил порог.

— По свету странствовал, прекрасную даму спас, преклонного старца навестил, принес ему печенье, чтоб смертный час подсластить...

— Про Белинду Контагью мы слышали. Ты лучше скажи...

Тут появилась Аликс. Вся ее шаловливость, все озорство исчезли без следа. Ни дать ни взять маленькая девочка, которой очень нужно, чтоб ее утешили.

На лицах, обратившихся ко мне, было написано отчаяние.

— Привет, Аликс. Держись, детка, мы справимся. Привет, Гилби, привет, Макс, привет, Тай, привет, Никс. — Тай в инвалидной коляске. Никс рядом с ним, за длинным столом розового дерева. В праздничный вечер этот стол придвигнули к стене, и Грессер загромоздил его подносами со съестным. На мое приветствие Никс откликнулась движением руки; мысли ее были, по всей видимости, далеко отсюда.

Пожалуй, надо будет поработать над собой: что-то мое обаяние сбить начинает.

— Тай, покажи, где это случилось. — Деловитость — тоже мое второе имя. Даже с красоткой на руках я помню о деле. Правда, помнить и делать — вещи разные...

Надеюсь, мне Тай не откажет, как отказал Блоку.

Он оттолкнулся от стола.

— Пошли. — Голос безжизненный. Готов сломаться, но держится, потому что от него ждут именно этого. Я такое уже видывал. Выдержка закаляет душу. Каких только поговорок не придумают!

Никс встала за спиной у Тая. Двигалась она как сомнамбула.

Да, членам этой семьи срочно требуется помощь. Причем если я не потороплюсь, может сложиться так, что помогать будет некому.

Следом за Никс, толкавшей коляску Тая, я вышел в холл. За мной по пятам шагал Блок. Судя по шарканью ног, к нему присоединился Макс. И Гилби. Макс выглядел так, словно постарел разом на тридцать лет.

— Сюда, — пробормотал Тай.

И Аликс с нами. Впрочем, в ней я не сомневался.

По знаку Тая Никс подкатила коляску к подножию лестницы. Тай поманил меня.

— Я не мог заснуть, Гаррет. Спина болела, а ногу будто на костре жгли. Я решил заняться чем-нибудь полезным. Растикал беднягу Ланса и заставил его спуститься вместе со мной сюда, чтоб прикинуть, как нам расставить мебель заново. Я сидел в коляске, вот здесь, и смотрел на стену; вдруг Джеррис голос подал. Я удивился, когда его увидел. Он сказал, что в дверь стучат. И ему, мол, тревожно. Ланс заявил, что обо всем позаботится.

— Никс, ты не могла бы сыграть для нас Ланса? — попросил я. — Аликс, стань вон туда. Будешь Дженордом.

— Зачем, когда есть настоящий? — вопросил скорбный глас. Дженорд вышел из толпы, собравшейся за спинами Макса и Гилби.

— Отлично. Итак, Дженорд сесть. Начнем, что ли?

Никс развернула коляску Тая.

— Помнится, я рассуждал о том, что отцу наверняка захочется вернуть на место те ржавые доспехи и что хорошо бы его отговорить, когда появился Джеррис.

Дженорд объявил от входной двери:

— Сэр, там какой-то молодой человек просит его впустить. Я бы даже сказал, требует.

— Кажется, он выразился покрепче. Юный на-
глец или что-то в этом роде, — заметил Тай. —
Что ему нужно, Джеррис?

— Он просто хочет войти, сэр.

— Тут Ланс и сказал, что обо всем позабо-
тится. Он злился, что его разбудили, и готов был
набить физиономию кому угодно. Я предложил
ему спустить этого хама с крыльца. Он подошел
к двери...

Я посмотрел на Дженорда. Тот зачастил:

— Я с ним пошел. На всякий случай. Но зазе-
вался, понимаете? Что-то случилось, так быстро, что
я и не заметил.

Понятно.

— Никс, ступай к двери.

Дженорд подвел Никс ко входу.

— Замрите, — велел я. — Дженорд, вот так все
и стояли? Тай, ты по-прежнему глядел на стену?

Дженорд утвердительно кивнул.

— Нет, — сказал Тай, — я смотрел через плечо
на дверь. Но не видел ни Ланса, ни Джерриса.

Мне не пришлось ни нагибаться, ни на кор-
точки присаживаться, чтобы оценить правдивость
его слов. С того места, где он сидел, не видно было
даже края юбок Никс.

— Зато ты наверняка все видел? — Я повер-
нулся к Дженорду.

Он снова кивнул.

— Тот человек был в тени, понимаете? И я
как раз обернулся к мастеру Таю, когда Ланс за-
стонал.

— Но ты разглядел незваного гостя, когда раз-
говаривал с ним, верно?

— Разглядел и запомнил. Узнать смогу.

— А тогда не узнал?

— Простите?

— Я подумал, а не было ли его на празднике? Может, Грессеру помогал? Или кому другому?

— О, понимаю! Нет, вряд ли. Правда, если предположить, что убийца — оборотень, он мог побывать у нас под иной личиной. Но разве вы не всех поймали? — В голосе Дженорда неожиданно прозвучали самодовольные нотки. Нравится быть в центре внимания?

— Ясно, что убийца пришел с определенной целью, — заметил Блок. — Будь ему все равно, кого убивать, он бы тебя прирезал, едва ты дверь открыл. И мне кажется, что все вышло случайно, иначе он бы и вас с Таэм пришил. Где один, там и трое; терять ему уже нечего было.

— Он что-нибудь сказал? — спросил я Дженорда.

— Э... — Джеррис замялся. — По-моему, да. Попробую вспомнить. — Самодовольство испарилось. Дженорд закрыл глаза, глубоко вздохнул — и выдал многоэтажное требование вернуть сбежавшую подружку, изукрашенное малоприличными оборотами речи. Я нахмурился, все остальные тоже. Дженорд запнулся. — Э... Примерно так он и выразился. Я обомлел, понимаете? Потому и Ланселина позвал. Домом он ошибиться не мог... — В окрестностях оцюта семьи Вейдеров не было других жилых домов.

Мы с Блоком переглянулись. Какое-то насторожение загадок, каждая нелепее предыдущей.

— Я имел в виду, сказал ли он что-нибудь после того, как ударил Ланса? Но для начала скажи мне вот что: убийца обвинял Ланса в том, что тот увел его подружку?

— Нет. — Дженорд, похоже, удивился моему вопросу. — Не совсем. Имен он не называл. Хотя, наверное, так и было, ведь обращался-то он к Лансу... Потом... ну, сделал то, что сделал, сам испугался и удрал.

— Девушки тут ни при чем, Дженорд, — бросил Тай. — И тебе это известно. Я не слышал, о чем они говорили, но уверен: ссора была не из-за девушки. Гаррет, Ланс тебе сам говорил...

— Угу, — подтвердил я. — Он кроме Киттиджо никого не видел. — И потом, если кому и вздумалось свести счеты с Лансом, откуда этот кто-то мог знать, что именно Ланс подойдет к двери? — Дженорд, как убийца был одет?

— Что?

— Он ведь не голый пришел, верно? Опиши его одежду. Богатая или бедная? Чистая или грязная? Новая или штопаная? Ну?

Дженорд помолчал.

— Э... На нем был костюм армейского покроя, сэр. И держался он как солдат, точно. Нет, как старший сержант.

Он словно описывал себя самого.

Самодовольство росло на глазах. Экий ты переменчивый, Джеррис Дженорд.

— Нарукавной повязки не заметил? — спросил Блок. — Медалей не было? Ничего такого, что вольного правозащитника в нем бы выдало?

— Никак нет, сэр. Он же в тенях прятался.

Я сделал пару шагов в сторону, посмотрел на дверь, сказал Блоку:

— Капитан, давайте-ка мы с вами попробуем.

Блок недоуменно согласился. Что ни говори, а чутье у него имеется: следственный эксперимент оказался весьма кстати.

Дженорд снова забеспокоился.

— Я буду убийцей. Вы, капитан, Дженордом. Эй, Дженорд, отойди. Никс, ты останешься Лансом. Тай, сиди, как приклеенный. Готовы?

— Сижу, жду.

Тинни кашлянула...

— Что ты пытаешься выяснить?

— Я пытаюсь понять, что произошло на самом деле. Что-то здесь не так. Логика хромает.

Дженорд поглядел на меня исподлобья.

Так, все на месте. Я вышел наружу — не закрывая двери, чтоб от меня ничто не ускользнуло. Мы воспроизвели сцену убийства. Впору пьесу ставить, постановщик — Джеррис Дженорд. Ох и мрачная у него рожа! Потом еще раз, причем мы с Никс поменялись ролями.

— Возвращайтесь в столовую, — сказал я наконец.

Тинни было задержалась, но я подмигнул, и она покорно ушла, даже не нахмурилась.

— Ну что? — справился Блок.

— Есть одна мыслишка. Ответь мне, пожалуйста, на глупый вопрос.

— Гаррет, отвечать на глупые вопросы — моя профессия. Валяй, задавай.

Глупые вопросы различаются по степени глупости.

— Думаю, все было именно так, как мы это сыграли. Противоречий в показаниях нет.

— Но?

— А вопрос такой: почему Джеррис Дженорд оказался у входной двери посреди ночи?

— О небо! Мне и в голову не пришло ...

— Ты учゅял нестыковку, потому и на эксперименте настоял. А что в голову не пришло...

Открывать дверь — обязанность Дженорда, вот никто и не задумался, чего это он ночами по дому шастает.

68

— Извини, милая, — сказал я Тинни. — Только члены семьи. Никс, ты уже принята. — Я задумчиво посмотрел на Гилби. — И ты, Манвил.

Он разозлился: как я смел усомниться!

— Давайте отойдем в уголок. Таштите стулья. — Я приволок один для себя. Затем рассадил Вейдеров и примкнувших к ним полукругом.

— Что у тебя на уме, Гаррет? — Макс немного приободрился. Может, решил, что я что-то выяснил? Мне бы его уверенность в собственных талантах...

— Вы можете счесть мой вопрос глупым. Но ответ на него крайне важен. Объясните мне, почему Дженорд оказался у входной двери посреди ночи. Даже у меня не хватает здоровья бодрствовать сутки напролет.

Тай хмыкнул, но сказать ничего не сказал. А в прежние времена непременно произнес бы что-нибудь, дабы напомнить о своем присутствии.

Потом до него дошло, о чем я спрашиваю, и он напрягся.

- Не знаю... Джеррис всегда открывает...
- У вас нет ночного привратника?
- Нет.
- Идем дальше. Откуда мы знаем, что в дверь стучались? Так говорит Дженорд.
- Вот зараза, — прорычал Тай. — Я же был там! Но Дженорд никогда...
- Почему Дженорд оказался у входной двери посреди ночи? — перебил сына Макс.

И никто не похвалил меня. Никто не похлопал по плечу, не сказал: «Молодчина, Гаррет!».

— Может, спросим Дженорда? — предложил я.

— Я их обоих терпеть не мог, — проворчал Гилби, — и Ланса, и Дженорда, но теперь...

— Не торопись. А вдруг Дженорд не врет? — Линчевать мажордома мы всегда успеем. Что же касается того, врет он или нет, лично я ему не верил.

Макс зыркнул на меня так, что захотелось пожеваться.

— Приведи его, Гаррет.

— Я приведу, — вызвался Гилби. Все правильно, его Дженорд не испугается.

Вскоре он вернулся вместе с мажордомом. Тот выглядел встревоженным. Верно, чувствовал, что попался.

— Что-то я никак не пойму, Дженорд, — начал я. — Насчет того парня у двери. Никто кроме тебя его не видел. И не слышал, хотя ты утверждаешь, что он кричал.

— Мне могло показаться. Я так испугался... — Дженорд пожал плечами. — Я вам рассказал все, как было.

— Неужели? А что ты делал у двери среди ночи, а? Ведь когда Тай с Лансом вышли в холл, ты уже торчал у двери, верно?

Дженорд переступил с ноги на ногу. Огляделся. И не ответил.

— Тебя застали врасплох, да? Они не могли тебя не заметить. Рано или поздно кто-нибудь поинтересовался бы, что ты тут делаешь. Ты запаниковал. И ухватился за первое, что пришло тебе в голову. Позволь заметить, с твоей стороны это была

непростительная глупость. Которую ты усугубил, сочинив невероятно тупую байку...

— Я просто открыл дверь на стук!

— Ну да. Как же в нее колотили, если ты услыхал стук с четвертого этажа? Хватит, Джено́рд, колись. Ты где-то шлялся и хотел тайком вернуться. Так? Или кого-то поджидал. Или с кем-то шептался, и этот кто-то не успел удрачить, и Ланс его разглядел, а может, и узнал... — Думаю, одна из моих версий соответствует истине. — Капитан Блок?

— Что?

— Ваши люди наблюдают за домом?

— Тот охламон, которого я прислал, как раз отлучился. Говорят, кушать захотелось.

— А разве у вас поодиночке на задание ходят?

— Второй смылся и того раньше. И до сих пор ни слуху ни духу. Мы его уже отчислили.

— Сдается мне, разболтались твои ребята, Блок.

— Согласен. Правда, первый тревогу поднял, когда вернулся. Хоть на том спасибо. Знал, что ему задницу надерут, но долг выполнил.

Джено́рд повеселел. Это заметили все.

— Серебряная монетка найдется? — спросил я. — И ножик заодно?

69

Оборотнем Джеррис Джено́рд не был. Но в том, что за ним водятся грешки, сомневаться не приходилось.

Говорить он отказался наотрез.

— У нас любой заговорит, — хмыкнул Блок.
Оракул наш доморощенный...

— Обыщи его комнату, Манвил, — предложил я. — Может, найдется что-нибудь интересненькое. Не просто же так он своим хлебным местом рисковал.

Люди Блока увели Дженорда. Он шагал, гордо выпрямив спину.

— Вы его хорошо знали? — спросил я.

Не замедлило выясниться, что не очень.

М-да... Учитывая все, что уже случилось в доме Вейдеров, это предательство приобретало особенно зловещие черты.

— Друзья у него были?

Ни единого. Джеррис Дженорд, говорите? А это что? Болезнь тропическая, что ли?

Вернулся Гилби.

— Гаррет, иди взгляни сам.

— Что там такое?

— Мы совсем не знали Джерриса.

— Свинья он... — Я призадумался. — Чистюля? Аккуратист до мозга костей, верно?

— Верно. — Гилби протянул мне обгорелый клочок шерсти. Я добросовестно его изучил.

— И что?

— Ты свою одежду сжигать станешь?

Некоторые мои друзья полагали, что мне так и следует поступить.

В комнате Дженорда камина не было. Зато в углу стояла жаровня, которой, судя по всему, недавно пользовались, хотя на дворе у нас лето. В этой жаровне, помимо нескольких клочков шерсти, мы нашли обуглившиеся обрывки бумаги. Запахло паленой шерстью.

— У него было время замести следы, — заметил я.

— Угу. Между прочим, кто-то жаловался на дым, когда мы собирали всех внизу. Но я не придал значения. Из каминов частенько пованивает. Чистить их пора.

Я легонько пнул жаровню.

— Он торопился.
— Конечно.
— Значит, мы еще можем что-нибудь откопать.

— Лучше сюда глянь. — Гилби указал на большой мешок в противоположном углу.

— Армейский вещмешок. Я с таким хаживал.
— Смотри. — Манвил вывалил содержимое мешка на пол. Одежда, личные вещи, всякие безделушки... — Похоже, братец Дженорд был не прочь улизнуть втихую. И тщательно готовился. А я гадал, почему в последнее время в доме столько всего пропало...

Да, Дженорд запасся основательно.

— Драгоценостей он не носил? — Кто его знает, этого задаваку.

— Нет, Гаррет. Он просто намеревался удрать. И скоро. — Гилби выудил из кучи на полу золотой кулон. — Это кулон Кигтиджо. Ланс ей подарил.

И тут я углядел под поношенной рубашкой что-то голубенькое.

— Ого!
— Нарукавная повязка! Ну и фрукт! «Я в политику не лезу». Какая группа?

— Вольные Сообщества, — ответил я. — Братство Волка.

Гилби нахмурился.

— Какое братство?

— Волка. Вооруженное подразделение «Кли-ча». Серьезные ребята, уж поверь. — Все страньше и страньше. И жутче и жутче.

Больше ничего любопытного не нашлось. Джено́рд успел сделать все, кроме одного — смыться. Может, повязку он принас, чтоб за своего сойти? Или же это милый пустячок, любезный сердцу? Вроде дрянь, а выкинуть жалко.

Когда мы вышли на лестницу, я сказал Манвилу:

— Известим только Макса. Если разойдется слух, что в доме Вейдера арестовали вольного сообщника, наверняка найдутся придурки, которые решат проучить Вейдеров, чтоб знали свое место.

Многое оставалось неясным. Вполне возможно, Джено́рд не смешивал работу и политику. Возможно, но как-то не верится. Слишком много внимания в последнее время уделяли Вейдеру и его пивоварне. А у Волков дурная слава.

— Хорошая мысль. Но долго скрывать не получится.

— Там поглядим. — Как ни крути, а придется мне сделать следующий шаг, и чем скорее, тем лучше, иначе упущу отличную возможность.

В столовой я сразу же отозвал в сторонку Блока.

— Чудеса продолжаются. — Он воззрился на повязку. — Это из вешмешка, который Джено́рд упаковал после убийства. Видно, свалить хотел, да засобирался малость.

— Гаррет, Волки — парни крепкие, что твои коммандос. А Джено́рд хлюпик...

— Может, почетный член. Или хороший актер. И потом, он уцелел в Кантарде, а это что-нибудь

да значит. Когда он Ланса прикончил, совесть его точно не мучила. Нет, ну надо ж было так проколоться!

— От страха люди способны на любую глупость. Какие предложения?

— Не знаю пока. Наверно, придется завербоваться в ряды. Глядишь, кое-что всплынет. А вам придется охранять Макса и его семью. Опасность не миновала, уж тебе ли не понимать. Тот, кто за всем этим стоит, своего еще не добился.

— С твоего позволения я заберу повязку. Джениорду покажу. А ты постараися не обронить случайно, что имел дело с этим типом. Его дружки могут обидеться.

Дельный совет.

— Не забудь умыться. Вообще приведи себя в порядок. И попугая дома оставь. У наших родителей чуть что — разговор короткий.

— Неужто они даже попугаев ненавидят?

— А ты думал! Особенно тех, которые сами на зуботычину нарываются. Или не видишь, что на улицах творится? «Клич» удержу не знает. Уж бьют так бьют, до смерти.

Надо запомнить.

— И про себя поменьше болтай, — продолжал наставлять Блок. — Иначе расколют в два счета.

— Не понял.

— Не только Релвей за тобою следит.

— Правда? — Он задел мое самолюбие. Я всегда гордился тем, что с ходу замечаю «хвост». А тут «хвостов», оказывается, несколько, и ни одного я не заметил...

Спэцы, ничего не скажешь.

— Следят, следят, — уверил Блок, с наслаждением лицезреля мою расстроенную физиономию. — Кто именно, не знаю. Релвей пока не выяснил. Но выяснит непременно: профессиональная гордость заставит.

Уж если Релвей не знает...

Стареешь, Гаррет. На пенсию пора.

Ладно, хватит себя изводить. Сменим тему.

— Ты слыхал про Институт расовой чистоты?

— Нет. Это что такое?

Я объяснил.

— Разузнаю на досуге, — пообещал Блок. —

Осторожнее там, Гаррет.

— Я пока не ухожу. — По большому счету меня ничто не удерживало, но я чувствовал, что не готов уйти. Не готов спать на каменной постели, вскакивать по приказу и по приказу ложиться, не готов отказаться от радостей жизни во имя светлого будущего — пускай даже временно.

70

Я плюхнулся на стул и выложил Максу все — что узнал, о чем думал и что подозревал. Он внимательно выслушал. В нем кипел гнев, взгляд обжигал, как огонь. Человек высокой души, попрекать своими бедами меня он не стал.

Я проснулся оттого, что вокруг моей шеи обвилась чья-то рука. Раскрыл глаза, и увидел у себя на коленях чью-то аппетитную попку.

— Уф!

С канделябра на стене донесся клекот Попки-Дурака.

Тинни была в бедовом настроении.

— Ты заснул. Мистер Вейдер просил тебя не трогать: мол, ты сильно устал за эти дни... — Ее гримаска говорила, что лично она в мою изможденность ни капельки не верит.

— И что теперь?

— Может, пойдем домой? — Она поерзала у меня на коленях. — Отдохнешь, расслабишься...

Голова моя была настолько затуманена сном, что я сперва не понял намека.

— Хорошо, хорошо. Только сосну часок перед дорогой, ладно?

Потом, с запозданием, до меня дошло.

— С другой стороны, дома тоже забот хватает. Впору умелого помощника нанимать.

Попка-Дурак злобно захихикал.

Помимо всего прочего, домой надо заглянуть по той простой причине, что в мое продолжительное отсутствие какой-нибудь окрестный хулиган решит забраться в дом, несмотря на паутину страха, которой оплел наше обиталище Покойник.

Тинни зарычала. Устала, бедняжка. Я тоже устал — и честно об этом сказал. Но покидать относительно безопасную столовую при всем при том как-то не тянуло. Блок оставил Вейдеру нескольких своих людей — как он выразился, на всякий случай. Можно подумать, они способны нас защитить... В нынешних обстоятельствах вооруженная охрана — не более, чем иллюзия безопасности.

В поле моего зрения появилась Аликс. Слегка приободрившаяся и потому снова взявшаяся за свое.

— Хочешь, я отведу тебя в уютную комнатку с мягкой кроваткой? — невинно предложила она.

— Спасибо, не надо. — Я подмигнул.

Тинни устроилась поудобнее: награда за правильный ответ.

— А как насчет моей комнатки? — промурлыкала она.

— Я бы с радостью, крошка, да дело зовет. А голос у него визгливый, противный такой.

71

Тинни проводила меня до двери. На ней было простое крестьянское платье и туфли без каблуков. Глупый Гаррет спросил:

— Ты куда это собралась?

Глупый Гаррет не сообразил, что отговаривать ее поздно. Да и не слишком хорошо у меня, признаюсь, получается рыжих бесенят отговаривать...

— С тобой. Нам же велено ходить по двое.

— При мне моя мерзкая пташка.

— А какой от него толк в драке?

— Он орет как резаный и...

— Осторожнее, Гаррет. Думай, что говоришь.

О-х-о-х. Снова распинаться... Главное, слова не перепутать. Еще бы знать, правда, что именно я должен произнести.

Рыженькие, они такие.

А блондинки с ними заодно. И брюнетки, и все прочие прекрасные дамы.

— Ладно, пошли. Только учти — сама напросилась. Идем, что ли?

Спросите, что с нами могло случиться? Да что угодно! Ведь я намеревался нанести визит в поместье одного из любимчиков карентийской короны.

Едва мы вышли за пределы Танфера, не замедлило выясниться, что в сельской природе по-прежнему процветает дикость. Я предпочитаю прирученных, одомашненных жуков, тараканов, клопов и блох. Они не такие кровожадные. Голод утолили, и все; а эти кусают, кусают...

И зелени полным-полно. Хорошо хоть, не слишком буйной — вблизи от города траву, кусты и деревья регулярно подстригали.

— Не устала? — спросил я свою спутницу. Она выглядела свеженькой и притягательной, как булочка из печи, и наверняка таковой останется, даже когда я свалюсь без сил.

— Снова от меня избавиться пытаешься?

— Что значит «снова»? Я никогда... — Я смекнул, что занес ногу над пропастью, и поспешно заткнулся.

Учусь потихоньку.

— Ой, смотри! — Тинни резво, как девчонка лет пятнадцати, сбежала с дороги и прыгнула в заросли васильков.

— Все синее, теперь мне твоих глаз не разглядеть, — пожаловался я.

— Ничего страшн... Ай! — Тинни буквально взвилась в воздух. Вот уж не подозревал, что она такая прыгучая.

Из зарослей возникло крошечное личико. Стебли раздвинулись, и показался крошечный человечек. Ростом с пивную кружку, не больше. Он ухмылялся, но веселья в его ухмылке не было. При встрече с нами, верзилами, Малый Народец улыбкой выгадывал время и находил возможность улизнуть.

За спиной человечка я углядел зеленое с коричневым платье, приметил золотые кудри, рас-

слышал топот каблучков. Так-так. Я усмехнулся. Попка-Дурак поддержал мое начинание.

Я взял Тинни за руку, потянул.

— Пойдем. Не будем мешать ребятишкам.

— Что? Ты хочешь сказать...

— Угу.

— Ой... А неплохая мысль, Гаррет! И как я сама не додумалась.

Ну, если она так считает...

— Вообще-то...

— Знаешь, давно я за городом не была. Воздух свежий, аж голова закружилась. А вон там, на выпасе, васильки цветут.

— И коровы с лошадьми пасутся.

— Не знала, что Малый Народец живет за стеной. Выходит, громовые ящеры не всех сожрали. Ты боишься этих несчастных коров?

Нет, коров я не боюсь. Но там лошади, а с лошадьми у меня отношения не складываются.

Как бы ответить, чтоб себя не уронить?

— А вдруг мы их напугаем, и они разбегутся?

— Гаррет, когда б вранье покупали на вес, ты бы изрядное состояние сколотил и стал первым богачом Танфера.

— Пока жив Морли Дотс, — скорбно ответствовал я, — мне суждено оставаться вторым.

Тинни подобрала юбки — и ловко проскользнула между прутьями ограды.

— Слабая женщина не может устоять против грубой мужской силы. — Ее зубки соблазнительно блеснули.

Уж такова она, моя Тинни. В семье все ее держат за ангелочка, а на самом деле она — сущий бесенок. Кстати, как будет женский род от слова «бес»?

Я облокотился о забор. Наши носы почти соприкоснулись.

— Мне тут кое-что в голову пришло.

По дороге из города мы миновали лесок, и за деревьями виднелись лишь вершина Холма, две-три башни и зловещее облако смога.

— Наверняка что-нибудь неприличное.

— Да нет. Скорее, тревожное.

— Гаррет, ну сколько можно быть серьезным?

— Выбирать не приходится, милая.

— Ладно, выкладывай.

— Капитан Блок утверждает, что за мной следят. Причем сам я слежки ни разу не замечал. Вполне возможно, и сейчас за нами увязался «хвост».

— Неужели кто-то принимает тебя всерьез? Поздравляю. Гаррет, сбылась мечта идиота.

— Спасибо, родная. Весьма польщен. Мне просто подумалось, что если я поддамся искушению и завалюсь в цветы с самой сногшибательной красоткой к северу от Кантарда — а ничего другого мне так не хочется, — меня может затоптать толпа жаждущих доискаться, куда я провалился.

Лесок у меня за спиной представлял собой идеальное укрытие для наблюдателя.

Тинни подалась вперед. Веки подрагивают, губы приоткрылись.

— Сногшибательной? — выдохнула она.

— Ах ты, ведьмочка моя!

Она засмеялась.

— Видишь, ты обо всем забыл... — Она внезапно умолкла и уставилась куда-то вбок.

Я обернулся.

Из леска вышел человек. Не спеша, будто на прогулке. Вперевалочку двинулся по дороге.

Тинни прошептала:

— Все равно мысль была хорошая, Гаррет. Может, на обратной дороге?

— Посмотрим.

Донесся топот, похожий на отдаленный раскат грома. Он шел из-за другого леска, впереди, до которого было приблизительно полмили.

— Это что? — спросила Тинни.

— Конные. Целый отряд.

Незнакомец на дороге тоже услышал шум. Он сперва замер, а потом сиганул через ограду и скрылся в высокой траве. Гм...

Я перебрался к Тинни.

— Двигай вон к тем зарослям.

— Зачем?

— Ты знаешь, кто это скачет? И я не знаю. Нынче на дорогах можно встретить кого угодно.

— А...

Война приучила меня спокойно воспринимать неудобства и стойко их переносить, поэтому я лишь заворчал под нос, когда в мою кожу впились колючки. Тинни же подняла крик. Что возьмешь с городской девушки? Но она разом смолкла и выпучила глаза, когда на дороге показался отряд кентавров. Одни самцы, по виду ветераны, закаленные в боях. Они четко выдерживали походный строй. Все вооружены, все готовы к схватке. Ну-да, дела-делишки... Считать я их не считал, но десятка полтора в отряде точно было.

Мне уже доводилось подглядывать за кентаврами — в Кантарде, на их исторической родине.

Наверное, они что-то искали. Но пастбище их не заинтересовало, и вскоре они вновь скрылись за деревьями.

— Что им нужно? — справилась Тинни, когда топот копыт стих в отдалении. — Куда они поскакали?

— Не знаю. Но на беженцев они не похожи.

— Мне это не нравится, Гаррет.

— Мне тоже. Мы почти пришли. Обитель Норт-Энглиша за дальним леском.

Надеюсь, нас не вытурят в шею. Дескать, проваливайтесь, гости незваные, пока целы.

Не люблю являться без приглашения. Но что делать?

72

Поместья, в которых живут наши толстосумы, похожи друг на друга, как близнецы: высокая и колючая живая изгородь, в полумиле от нее, на косогоре, — усадьба из красного кирпича; аккуратно подстриженная травка, многочисленные деревца, купы и рощицы, домашний скот на выпасах и армейские палатки на лугу. Доведись какому-нибудь мастеру пейзажа писать вид поместья, последние две подробности он наверняка бы опустил. Живописцы всегда опускают детали, нарушающие сельскую идиллию.

— Ты бывала здесь? — поинтересовался я. Лучше поздно, чем никогда, верно?

— Нет. Говорили, Маренго отшельником живет, но... — Тинни указала на палатки. — Вон сколько у него родичей гостит! А ты бывал?

— Мы с ним до недавних пор в разных кругах вращались.

Тинни кивнула, остановилась и стала обуваться. Босиком она шла от самой городской стены, под тем предлогом, что хочет ощутить пальцами землю. Пальчики были очень даже симпатичные, хоть и запылились по дороге. Усилием воли я заставил себя отвести взгляд и уставился на следы копыт перед воротами. Этих следов было множество. Какие странные подковы... Или просто свет так падает?

— Почему ворота не охраняют? — спросила Тинни, прыгая на одной ножке и одновременно пытаясь натянуть туфлю на вторую. Зрелище было достойное.

Признаться, я и сам задал себе этот вопрос. Неужели Маренго настолько уверен в своей силе? Нет, вряд ли. В непосредственной близости от Танфера боги и те не могли быть ни в чем уверены.

Мыском ноги я указал на отпечатки копыт.

— И это меня беспокоит.

Впрочем, те кентавры не слишком походили на беглецов с поля брани. И на победителей — тоже.

— Вернемся?

— Поздно. Засветло нам до ворот не добраться. — А мыкаться до утра под городской стеной я не собирался. Назовите это предрассудком, если вам так хочется. Да, мне известно, что владельцы поместий, ферм, садов и виноградников и в ус не дуют, но они живут в домах с крепкими стенками и глубокими погребами, где можно укрыться от громовых ящеров. А все прочих они убивают прежде, чем те успевают спохватиться.

Короче, по-глупому я рисковать не собираюсь.

Ночью может произойти что угодно. И смерть в пасти голодного зверя — еще не самая худшая участь.

— Струсили, Гаррет?

— Ну естественно. Ты понимаешь, чем я занимаюсь? Если нет, лучше...

— Мы с тобой команда, приятель. Ты, я и тот уродец у тебя на плече.

Уродец поднял голову и презрительно поглядел на Тинни. До ответа, как ни удивительно, он не снизошел.

Я огляделся. Куда ни посмотри, ни единого человека...

— Эй! Чем могу помочь?

Из кустов справа от ворот, застегивая ширинку, вышел запропастившийся охранник. Пальцы его не слушались. И он не сводил взгляда с Тинни.

Сочувствую. У меня такое каждый день случается.

— Гарретом кличут. Маренго меня нанял. Он грозился предупредить...

— Было дело, называли мне имя. — Охранник наморщил нос. — Но босса сейчас нет. У них сегодня большое собрище... — Он снова посмотрел на Тинни, словно приглашая ее сменить кавалера.

Ну почему все вокруг норовят обидеть бедного Гаррета? Лишь бы отобрать, увести, отбить...

— Ступайте в дом, — сказал охранник. — Через парадный вход. Там вас примут.

Я приподнял бровь — мол, благодарствую — и двинулся к усадьбе. Тинни подхватила меня под руку. Охранник насупился и печально сплюнул. Несправедливая штука жизнь...

— Ах ты, маленькая стервочка, — сказал я своей маленькой стервочке.

— Ты о чём, Гаррет?

— Как о чём?! Ты ушла со мной и разбила сердце этому типу.

— Не говори ерунды. — Она ничего не заметила, что ли?

И тут Тинни подтолкнула меня бедром.

Вот бесенок!

73

Нас и вправду приняли. С крыльца за тем, как мы поднимаемся к дому, следила высокая, статная женщина. Выглядела она странно — и по-королевски величаво, и в то же время так, словно у нее вдруг разболелся зуб. По-моему, она была мне не рада.

Тинни вновь подтолкнула меня бедром.

— За твои грязные мыслишки, — пояснила она.

Это не женщина, это логхир какой-то, честное слово!

Мисс Монтецуму, разумеется, появление мисс Тейт нисколько не обрадовало, однако она ничем не выдала своих чувств — держалась спокойно, отстраненно, слегка надменно.

— Добро пожаловать в «Пайпс», мистер Гаррет. Мисс Тейт, спасибо, что заглянули. К сожалению, вы выбрали неудачное время для визита. Все уехали в город. Сегодняшний вечер очень важен для нашего движения.

Я посмотрел на здание. Возведенное в середине прошлого века, оно строилось как маленькая крепость. Но нынешние владельцы не слишком

прилежно о нем заботились: кладка рушилась, фасад весь в трещинах, ров не чистили невесть сколько лет... Будь у меня такие друзья, как у Маренго, я бы наполнил этот ров кислотой и запустил туда крокодилов.

С крыльца я обозрел окрестные просторы. То ли луга, то ли пастбища. Миленько. Некий пастушок пытался убедить овец, что им пораозвращаться в загон.

— Все уехали? Даже Маренго? — Насколько я знаю, Норт-Энглиш никогда не участвовал в публичных акциях своей банды. — Ой! А там что случилось? — Я указал на часть луга, изрытую копытами так, будто на нем сшиблись два кавалерийских отряда. Или коровы с лошадьми плясали.

Тама Монтецума нахмурилась.

— Наверно, коровы. Снова Толли не уследил, бестолковый мальчишка!

— Куда все рванули-то?

— Маренго мне многоного не рассказывает. Он просто упомянул мимоходом, что нынешний вечер — судьбоносный для нас и для всей Ка-ренты.

— Жаль, что мы разминулись.

Мисс Монтецума смерила взглядом мисс Тейт.

— Неужели?

Я уже говорил, мне в жизни везет, как утопленнику.

Тинни стукнула меня по ноге. Я скосил глаза. У нее в волосах торчал луговой цветок.

Попка-Дурак громко фыркнул.

— Что же нам делать?

— Заходите. Поужинаем вместе. Я как раз собиралась за стол садиться. И ночевать оста-

вайтесь — да города не близко, а время позднее. Расскажете, зачем пришли; быть может, я помочь сумею.

— Bay! — воскликнул я.

— Извини. — Мисс Тейт убрала свою туфлю с моего большого пальца. — Я сегодня такая неуклюжая.

Попка-Дурак снова фыркнул.

Кто я такой, чтоб возражать красивой женщине?

Но уж туфли-то могла бы и снять.

Попугай затанцевал у меня на плече. Еще бы — ведь он не ел со вчерашнего дня. Возбужденная птичка даже буркнула что-то невразумительное, что разобрал только я.

Во всяком случае, надеюсь, что только я.

Присутствие сразу двух прекрасных дам, похоже, ослабило заклятье, наложенное на его клюв. Или же мы находились слишком далеко, чтобы Покойник мог полностью подчинить себе волю пернатого негодяя. Или Его Высокомудрие пренебрегал своими обязанностями; а может, попросту передал управление какому-нибудь из своих второстепенных умишек... Или... или... или...

Конечно, он не мог взять и отказаться от слежки за мной. Уж больно много интересного он узнавал, приглядывая через попугая за оболтусом-напарником. И никакие человеколюбцы не вынудили бы его разорвать мысленную «связь».

Да, старый хрыч где-то прячется и ведет свою игру, не забывая, впрочем, и о моей. В этом деле столько всего понамешано — должно быть, лишь логхиру по силам в нем разобраться.

— Какой ты милый! — проворковала Тинни, почесывая попугаю головку. — Гаррет, поучился бы любезностям у своей птицы!

Тама Монтецума, словно подражая небезызвестному Гаррету, приподняла бровь и улыбнулась, как бы приглашая меня заговорить.

Я не стал отнекиваться.

— Уймись, каплун похотливый, — это попу-
гаю. — По правде сказать, — это уже одаренной
мисс Монтецуме, — я хотел узнать у вас об обо-
ротнях.

Она чуть не подпрыгнула.

— У нас? Об оборотнях? — Интересно, с чего она перепугалась?

— В Королевской библиотеке меня отправи-
ли в Институт расовой чистоты. Сказали, что в
этом институте своя библиотека, битком набитая
книгами о не-людях.

— А! — Мисс Монтецума овладела собой. — Странно, что кто-то принимает это всерьез... Кни-
ги сложены в бывшей столовой. Их собирали
годами, зачем — никто и понятия не имеет. Пы-
тались привезти библиотекаря, но добровольцев
не нашлось — взывали к совести, по-моему, вме-
сто того чтоб денег предложить.

Очень похоже на Маренго Норт-Энглиша, перв-
вейшего танферского скрягу.

— Гаррет, займись делом, — предложила Тин-
ни. — Ты и читать умеешь, и все такое.

— Порядок наводить — это не по мне. — Я и Дина-то нанимал именно для того, чтоб он навел порядок в моем доме. Договаривались мы на неполный день, но не успел я опомниться, как он уже переехал к нам...

— Есть хотите? — спросила мисс Монтецума.

— У нас зверский аппетит, — прошебетала Тинни. Моя милашка из Тейтов, а Тейты всегда любили покушать.

— Я проведу вас мимо библиотеки, — сказала Тама. — После ужина можете туда заглянуть.

— Маренго возражать не будет?

— Маренго здесь нет.

— И вообще никого. — Слуг не наблюдалось, хотя хибарка Маренго существенно превосходила размерами хижину Вейдера. И темно было; хоть бы свечку зажгли, что ли. — Правда, в темноте не разберешь...

— Слуг у нас теперь нет, — пояснила мисс Монтецума. — А свет мы не зажигаем из предосторожности, ведь с огнем шутки плохи. Всю работу стараемся делать днем, на вечер ничего не оставляем. Но для вас, мистер Гаррет, мы лампу зажжем.

В лепешку готовы расшибиться, только бы мне угодить.

— Тем более, что в бывшей столовой окон нет.

Попка-Дурак очередной раз фыркнул.

— Эй, пташка, не зарывайся! — предупредил я. — А почему слуг нет? Нет, я слыхал, что Маренго прижимист, но...

— Все дело в «Кличе». Он все равно что вампир, никак не может насытиться. Приходится чем-то жертвовать.

Неужто у Норт-Энглиша деньги стали заканчиваться? Вот до чего доводит безоглядная борьба за права человеков! Того и гляди, без штанов останешься.

— Понимаю. Вы за ним смотрите, чтоб мебель продавать не начал.

— Мистер Гаррет, вы циник. Маренго верит в свое предназначение.

Циник Гаррет в этом сомневался.

— А мисс Монтецума?

— Мнение мисс Монтецумы не имеет значения. Она — племянница Маренго, и не более того.

— Разве племянница не разделяет воззрений своего дядюшки? Разве не должна она обращать в свою веру всех окружающих?

— Я уверена, мисс Тейт не позволит мне заняться вашим обращением.

Мисс Тейт у нас такая. Мне не надо было поворачиваться к Тинни, чтобы угадать: она едва сдерживается и в любой момент может взорваться. Главное сейчас — не натворить глупостей.

— Хочу спросить. — Голос Тинни звучал на удивление спокойно. — Если у вас не осталось слуг, как же вы питаетесь?

— Я готовлю сама. И делаю это намного лучше, чем то, что мне приписывает молва.

Оп-па!

Готовила мисс Монтецума и вправду отлично. Под ее руководством мы с Тинни участвовали в приготовлении блюда из кролика, которого — кролика, разумеется — Тама, по ее словам, поймала собственными руками.

— Сколько у нее талантов, — вполголоса процедила Тинни.

— Угу. — Я отметил себе, что надо будет проверить прошлое мисс Монтецумы. Как ни странно, в слухах об этой женщине не было ни слова о ее предках. Это настораживало.

За ужином мне велели называть мисс Монтецуму Тамой. Я также узнал, что поместье Маренго и впрямь пустует. Присутствовали: хозяйка, мы с Тинни, и трое слуг.

Парня, охранявшего ворота, звали Стукер. Он явно не был расположен к общению. Толли — юнец лет четырнадцати, пасший скотину и сохший по Монтецуме — не сводил глаз с хозяйки. Третьим был старик, одноглазый и с протезом вместо правой руки. Его звали Венейбл, и он возглавлял местную службу безопасности, состоявшую из него самого. От громовых ящеров он был без ума; по его словам, они — самое лучшее из творений наших богов. О ящерах Венейбл мог говорить часами, тем паче, что в усадьбе держали целую стаю, которую выпускали на прогулку по ночам. Венейбл уверял, что его малютки бросаются только на чужаков.

Иными словами, если меня ненароком слопают, он скажет, что мой запах его крошкам был незнаком.

У ящеров как охранников есть неоспоримое преимущество — тупость. Их нельзя улестить, заболтать и все такое прочее. Правда, у всякой медали две стороны. Ящеры настолько тупы, что кидаются на любую приманку. И потому в усадьбу легко проникнуть, если, скажем, бросить ящерам писклявого попугая с оборванными крыльышками.

Венейблу очень хотелось посвятить меня во все подробности ухода за ящерами, однако Тама зыркнула на него так, что он поперхнулся словами.

Толли сидел не поднимая головы; на Тинни он глядеть вообще не решался, а к Таме если и поворачивался, тут же краснел, бледнел и вновь утыкался в тарелку.

После ужина пошли в библиотеку. Я настоял, памятуя, что Маренго может вот-вот вернуться. И кто его знает: вдруг ему покажется, что мы оскверняем святыню?

Давным-давно мне втолковали простую истину: полезными сведениями люди делятся весьма неохотно.

Помещение, отведенное под библиотеку, было просторным и пыльным. Тут были и книги, и бесчисленные диковинки, причем назначение многих с первого взгляда угадать не представлялось возможным.

— Маренго собирался начать исследования, но так и не сумел выбрать время, — сказала Тама.

Сдается мне, дядюшка и в самом деле не посвящал племянницу в свои планы.

— Уж рабочих-то рук у него хватало, верно? Привел бы своих молодцев, они бы за день управились.

— Он слишком увлеченный человек.

— Да? — Я поставил лампу на покрытый пылью стол и принял обозревать поле деятельности. Книги были сложены в ящики, громоздившиеся вдоль стен. Свитки отдельно, перевязанные, по четыре-пять штук в вязанке. — А как вы относитесь к его увлечению?

— Мое отношение не имеет значения. — Она не собиралась делиться мыслями.

И то сказать: разве мы настолько близко знакомы?

Тинни между тем обходила комнату, разглядывала книги, рассчитывая, должно быть, что-нибудь да найти. Разумная тактика, ничем не хуже прочих.

— Мисс Монтецума, вы увиливаете, — заявил я. — Меня интересует ваше личное мнение, а не принадлежность к Внутреннему Кругу.

— Тама, Гаррет. Мы же договорились. Послушайте, я — любовница Маренго. Это ни для кого не секрет. Любовница — и все, понимаете? Он ценит мои суждения не больше, чем суждения ночного горшка. Грубо, но точно. И мне такая жизнь нравится. — *Почти всегда*, добавил ее взгляд.

— А когда увянут розы на щеках?

Она поняла. Ну конечно, она должна была об этом задумываться.

Мне сразу вспомнился Норт-Энглиш, уивавшийся за Белиндой.

Дядюшка Маренго был явно не прочь расширить свои горизонты.

Ну и хрень с ним.

— Я кое-что нашла, — подала голос Тинни. Как ни удивительно, она до сих пор ухитрялась держать себя в руках. Книга, которую она мне протянула, называлась заманчиво. «Оборотни: чудовища в людском обличье».

Вскоре выяснилось, что название — самая занимательная часть этой книжнечки. В ней описывались только случаи превращения людей в волков, медведей, кошек и прочих, в том числе мифических животных. Умение управлять превращением — будь то в орлов, змей и т.д., и т.п. — приписывалось исключительно богам и демонам. Это что же получается: я опять связалась с богами? Благодарю покорно.

Тама даже не пыталась заглянуть в книгу, не говоря уж о том, чтобы читать у меня через плечо. Она что, неграмотная? Может быть; неграмотных хватает, особенно среди женщин. лично я научился читать и писать потому, что это — замечательный способ убить время между атаками врага. На фронте многие грамоту освоили. Со временем все приказы стали отдавать в письменной форме. В конце концов, грамотные карентийцы оказались сильнее неграмотных, в большинстве своем, венагетов.

Но это было на войне. А ныне карентийские владыки забеспокоились, начали подозревать, что совершили изрядную глупость, допустив простой народ к грамоте и книгам. Образованность ведет к тому, что в головы подданных проникают всякие бредовые идеи. Книги позволяют разным парням, которых и на свете-то давным-давно нет, передавать грядущим поколениям свои крамольные мысли.

Поговаривают, что и крестьяне стали тайком учить своих детишек грамоте. Нынешнее вольнодумство грозит распространиться на все общество и подорвать государственные устои.

Но девушек по-прежнему грамоте не учат. Тинни — исключение; ее научили потому, что кому-то требовалось вести книгу учета. В семье Тейтов каждому найдется дело; своей деловитостью они порой напоминают гномов, ей-ей.

Некоторое время спустя Тама сказала:

— Гаррет, я птица дневная. И встала сегодня рано. Пора ложиться.

Я рассеянно кивнул. Ее это, естественно, не устроило.

— Гаррет, я хочу спать. А если я оставлю вас без присмотра, Маренго меня убьет.

— А...

— Я покажу вам ваши комнаты. Надеюсь, вы не удерете среди ночи с фамильными драгоценностями Норт-Энглишней.

Красться на цыпочках мимо громовых ящеров, да еще без света? Вот Венейбл порадуется.

Вслух я ничего говорить не стал, ограничился кивком. Тинни не оценила моей сдержанности, приняла ее за трусость, и я удостоился презрительного взгляда.

Значит, комнаты. У каждого своя, и дверь закрывается на засов, и никто не знает, где все остальные...

Меня поселили первым. Быть может, из тех соображений, что Тинни вряд ли пойдет бродить по коридорам. В отличие от буйного Гаррета.

В комнате было темно хоть глаз выколи.

— Вот кровать, — сказала Тама, поднимая повыше лампу, которую держала в руке. — Горшок под кроватью. Спокойной ночи, Гаррет. Спокойной ночи, птичка. — И они с Тинни вышли.

Я сумел наощупь добраться до двери и остановиться в живых. Выглянув в коридор. Ни лучика света. Нет чтобы рассыпать крошки, которые светились бы в темноте. Плохая девочка. Или — недостаточно плохая.

Попка-Дурак тихонько хмыкнул.

Вы не поверите, но я начинал тосковать по прежнему горлопану и похабнику.

— Будешь хмыкать, выкину во двор, — пообещал я. — Сожрут как миленького. — И, не раздеваясь, плюхнулся на кровать.

Пуховая перина приняла меня в свои объятия. Я заснул в мгновение ока, слишком вымоченный, чтобы страдать от одиночества.

А когда проснулся среди ночи, то вдруг выяснил, что одиночество закончилось.

— Ты что, клубок за собой разматывала, чтоб меня потом найти?

— Откуда ты узнал, что это я? — шепотом спросила Тинни.

— А кому еще?

— Ну, этой тощей ведьме Монтецуме, например. Или она здесь уже побывала?

Я узнал тебя по аромату твоих волос, по фигурке и по всему остальному. Да ты и не такая костлявая, и не такая длинная, как пресловутая тощая ведьма. Вслух я этого говорить не стал.

— Нет, ее пока не было. Как ни странно, никого, кроме тебя, ко мне особо не тянет.

— Да неужели? Смотри, допросишься: тогда уж точно никого тянуть не будет.

— Потише, лапушка, а то попугая разбудишь.

— Норовишь мне рот заткнуть?

Я знал один способ, как это сделать. Но у него есть недостаток — приходится прерываться, не в последнюю очередь потому, что Тинни любит, чтоб ей *так* затыкали рот.

Две вещи, обе малоприятные, случились одновременно. Попка-Дурак вдруг разразился пиратской песней о роме, серебре и сундуках мертвцев, а меня кто-то ткнул под ребра острым, будто нарочно заточенным пальчиком. Боль

была едва терпимой. Чей-то голос прошептал мне на ухо:

— Гаррет! В комнате кто-то есть!

Ну разве можно так кричать! Ни стыда, ни совести...

— Оставь меня, женщина, — простонал я.

Попугай завопил так, будто с него живьем сдирали шкуру. Тинни зарычала.

— Гаррет, ты что, не слышишь?! Хватит спать! В комнате кто-то есть!

Послышался грохот, словно кто-то споткнулся о не вовремя подвернувшуюся под ноги мебель.

— Насилуют! — завизжал Попка-Дурак.

— Пожар! — завопила Тинни, резонно предположив, что это событие привлечет больше внимания.

— Молчать! — гаркнул я.

Пока я выбирался из постели и шарил в потьмах рукой, подыскивая что-нибудь потяжелее, грохот удалялся в сторону двери. Затем раздался скрип, и на мгновение на фоне призрачного света из коридора в дверном проеме обрисовалась сутулая тень. Прежде чем дверь захлопнулась, я благополучно перeskочил через тумбу и столик, на которые наверняка налетел бы в темноте, потому что стояли они вовсе не там, где им полагалось (когда Тама привела меня в комнату, я запомнил расположение мебели).

К несчастью, стул, также преграждавший дорогу, оказался более терпеливым. Он затаился у двери и дождался, пока дверь закроется, а уж потом метнулся мне под ноги.

Я врезался головой в стену. Выставленные вперед руки почти не смягчили удар. В глазах

помутилось, однако я все же поднялся и кое-как отворил дверь.

Ночной гость поспешил удаляться. В его руке слабо светился фонарь. *Его ли?* Фигура вроде как у Тамы... Есть что-то от этого влюбленного пастушка, Толли... Ну, все-таки больше на Таму смахивает. Наверное, она хотела проявить радущие во всем, а Тинни ее спугнула своими воплями.

Скорее всего, так и есть. Что касается Толли — ну с какой стати мальчишке подглядывать за мной? Или он думал, что лезет в комнату Тинни?

Неважно. Гораздо сильнее меня занимал другой вопрос: почему у ночного гостя в левой руке был фонарь, а в правой — то ли тесак, то ли мясницкий нож?

— Кто это был? — прошептала Тинни.
— Не знаю.
— Догадаться нетрудно.
— Не сомневаюсь. А еще проще обвинить во всем меня.
— Как же без этого, Гаррет? Может, нам дверь заложить? На всякий случай?

— Думаю, так и надо сделать. — По-моему, это был тесак, самый настоящий. — Но учти, если тебя найдут в моей постели...

— Я скажу, что ходила во сне и перепутала. Аргумент. Мы придвигнули к двери мебель, потом снова легли. Меня живенько отвлекли от раздумий, и я заснул, так и не успев прикинуть, что же это все означало.

Если Тама Монтецума и знала что-либо о событиях прошлой ночи, имела к ним какое-либо отношение или, по крайней мере, о чем-либо догадывалась, за завтраком она своих чувств не выдала.

— Доброе утро, Гаррет. Я бы разбудила вас раньше, но Тинни сказала, что вам надо как следует выспаться.

И как прикажете понимать? Это издевка или сочувствие?

— Он редко встает раньше полудня, — заметила Тинни. — Верно, Гаррет?

— Ну... Я не в претензии. Тама, по словам Тинни, вы получили сообщение о том, что Маренго возвращается?

— Поутру прискакал гонец. Передал, что Маренго на пути сюда и что он в дурном настроении. — В глазах ее промелькнуло... испуг не испуг, но что-то вроде беспокойства. — В городе у него не вышло.

— До сих пор не пойму, как он мог вас оставить. — Я и вправду раздумывал над этим. Видно, не зря мне твердят, что я циник: у меня возникли определенные подозрения насчет истинности слов доблестного Маренго. Не верю я в то, что Норт-Энглиш настолько предан борьбе с нелюдями, чтобы помчаться в Танфер,бросив на произвол судьбы красавицу племянницу.

— Он говорил, что возможны столкновения. — Узнаю стиль речей Маренго. — Но не торопитесь с выводами, мистер Гаррет. Я сама решила остаться. — Прозвучало очень убедительно. Пожале, в кои-то веки Тама удосужилась сказать правду.

Я поглядел на Тинни. Мысли той витали далеко-далеко.

Вчера я не заметил ничего такого, что могло бы предвещать некую драматическую развязку. С другой стороны, я весь день не мог ни на чем сосредоточиться. В присутствии Тинни со мной это бывает.

Но даже при всем при том тяжеловато не заметить орду парней в коричневых рубашках, марширующих по городским улицам, распевающих воинственные песни и готовых пересчитать зубы всякому, кто не в коричневом, песен не поет и мысок не тянет.

— Он сказал, что в городе может быть опасно, — добавила Тама. Маска холодного величия потихоньку сползла с ее лица.

Первыми вернулись с десяток вольных со-общников. Они ворвались в дом, громогласно требуя еды. Вместо одежды лохмотья, все в бинтах, лица в ссадинах. Ни смешка, ни даже улыбки.

— Страшно подумать, как другим досталось, — пробормотал я.

Вскоре потянулись и другие — поодиночке, парами, небольшими компаниями. Все подавленные, неразговорчивые. Многие ранены.

Возможно, будут и такие, кто не вернется вовсе.

На меня никто не обращал внимания. На Тинни и то не глядели.

— Что с ними стряслось? — спросил я Таму, когда она заглянула в библиотеку. — Как-то не по-людски себя ведут.

— Им надрали задницы. — Мисс Монтецума, живя бок о бок с бывшими солдатами, не

могла не усвоить солдатский лексикон. — По первое число.

Вот незадача! Все ждали, что рано или поздно какая-нибудь демонстрация обернется столкновением. Дождались наконец — а меня в городе не было. Свежим воздухом дышал.

Пока не могу понять, повезло мне или не повезло.

— А почему они вас с Тинни будто не видят? Им же не по сто лет. Молодые мужики...

— Маренго строго следит, чтобы члены организации вели себя соответственно. Он часто повторяет, что правильное поведение — первый признак сверхчеловека. Те, кто сейчас на кухне, все сверхлюди. У них есть планка, ниже которой они просто не могут, не позволяют себе опускаться. Обо мне и о мисс Тейт говорят, но не более того, поскольку поддаться естественным пополнениям значит проявить себя недочеловеком. А недочеловекам в рядах организации не место. Так говорит Маренго, который платит деньги. — Тама отчеканила все это с таким видом, будто давилась смехом. — Знаешь что? — прошептала она. — Открою тебе страшную тайну: в городе, среди других людей и прочей публики, они становятся обыкновенными парнями.

— Сколько волка не корми, он все в лес смотрит.

— Тебе виднее, Гаррет. Ты же мужчина, как никак.

Я поначалу попытался перехватить кого-нибудь из вернувшихся. От меня отмахивались, как от назойливой мухи. А настаивать было бы невежливо...

— Они, часом, не с кентаврами столкнулись?

— С кентаврами? — изумилась Тама. — А почему... — Она примолкла. — Нет, не думаю. Просто все другие народы оказались готовы к сопротивлению. Дошло до того, что пришлось вызывать войска.

Наверняка толку было мало. «Срочники» и «Клич» мыслят примерно одинаково, так что первые вряд ли станут беззаботно защищать не-людей от вторых. Вероятнее всего, они оброняли дома и дворцы важных персон, друзей и покровителей «Клича».

Да, я циник, и этого не скрываю.

Тактика «Клича» ни для кого не являлась секретом — небось, не вчера начали и даже не позавчера. Они хотели запугать не-людей и уничтожить их имущество, то бишь выгнать их из Танфера. Могу предположить, что волнения прошлой ночи по плану должны были обрести невиданный размах; тогда короне не осталось бы ничего иного, как выдворить не-людей за пределы города во избежание дальнейшего кровопролития.

Внутренний Круг предполагал, что прошлая ночь окажется ночью всех ночей. Гнев должен был воспламенить сердца обывателей.

Но этого не произошло. Поддержки, судя по всему, почти не было, зато сопротивление оказалось яростным.

За что боролись, на то и напоролись. Самые воинственные из не-людей ожидали нападения и готовились к отпору.

Короче, «Клич» облажался.

Но это была далеко не катастрофа. Так, мелкое недоразумение, которое нужно пережить.

Мы с Тинни — под бдительным присмотром Тамы — в конце концов договорились, кто из нас ищет книги, а кто их просматривает. Тинни выпало первое, мне — второе. Оба начали резво и некоторое время шли голова в голову, а потом я начал отставать. Впрочем, своей подружке я готов уступить во всем... Ну, почти во всем.

— Не возражаешь, если я в другую стопку буду складывать книжки не на карентийском? — спросила она.

— Ничуть. — Подать сюда переводчика! Я чихнул. — Хоть бы кто удосужился пыль протереть.

Дверь распахнулась.

— Мисс Монтецума! А, вот вы где. — В проеме возник старикашка с протезом вместо ноги. Он что, тоже в город ходил? — Шеф скоро будет. Говорят, он ранен.

— Говорят? — переспросила Тама, делая шаг к дверям.

— Ну да, разное болтают. Дескать, и помирает почти, и вроде как его только поцарапало.

— Он ранен! Гаррет, Тинни, я должна идти.

— Счастливого пути. — Я не сомневался: слух о том, что Норт-Энглиш при смерти, исходит от самого Маренго. С этого позора вполне станется.

— Гаррет, я не могу оставить вас одних.

На язык просилось крепкое словечко, но я сдержался.

В коридоре, шагая следом за Тамой, Тинни бросила:

— А ты учишься.

— Чего?

— Перестал совать ногу, едва дверь приоткроют.

— Я что-то упустил?

— Вряд ли. Но если так, оно и к лучшему.

Боль — великий учитель, красотка.

Тама выбежала на тот самый портик, с которого взирала на нас накануне. Мы присоединились к ней в тот самый миг, когда прибыл экипаж Маренго в сопровождении вооруженных всадников.

Надо же, у Маренго есть телохранители. Им тоже досталось — все в крови, одежда свисает лохмотьями.

Подкатил второй экипаж, с лекарями.

Интересно, чем все закончилось. Дыма над городом не видно, значит, до поджогов не дошло, однако потерять явно немало — другая сторона, без сомнения, тоже пострадала.

Н-да, это вам не обывателей распугивать...

В глубине моего утомленного разума завозился некий червячок, этакий зародыш слова. Надеюсь, я сумею не выпустить его на волю. Иначе парни в коричневых рубашках окажутся во власти демона.

Имя которому Война.

В поместье Маренго, где не-людей было не сыскать днем с огнем, вольные сообщники ходили гоголем, разве что между собой иногда цапались. Но теперь у них, похоже, появился достойный противник.

Лекари извлекли Маренго из экипажа, уложили на носилки и рысцой припустили к дому. С того места, где я стоял, Маренго и вправду выглядел тяжело раненным.

Вблизи бросилась в глаза его бледность, будто он потерял много крови. Да, так и есть, и кровь

продолжает сочиться. Одежды на нем почти не осталось; видно, происки тех, кто пытался залатать рану.

Несмотря на ранение, он был в сознании. Нахмурился, приметив меня, с подозрением поглядел на Таму, но гут рядом со мной встала Тинни, и все подозрения Норт-Энглиша мгновенно рассеялись.

Что с ним такое стряслось?

Тама захлопотала вокруг дядюшки. По голосу чувствовалось, что беспокоится она искренне.

И правда, не все же ей обманывать.

Должно быть, в поместье привыкли ко всякой публике. Нас с Тинни никто ни о чем не расспрашивал. Мы пришли с женщиной босса. Он нас видел и неудовольствия не выразил. Значит, с нами все в порядке.

Разумеется, на попугая на моем плече поглядывали косо. По счастью, Попка-Дурак не разевал клюва, и мне не пришлось никому объяснять, чего ради я заделался чревовещателем. К моему великому сожалению, никому из молодчиков Маренго домашний попугай не требовался.

— Отличный экземпляр, — уговаривал я. — Посадите его на ваш флаг, он гномов сверху обзывать будет...

Тут попугай не вытерпел и обозвал меня — неразборчиво для других, но для моего слуха вполне отчетливо.

Большинство вернувшихся просто попадали наземь и заснули где упали. Лишь некоторые сохранили достаточно сил, чтобы остаться на ногах.

Помню, у нас на островах было то же самое: после боя, вымотанные до последней степени, мы

падали замертво, а глаза закрывались сами со-
бою еще во время падения.

Осмотревшись, я подошел к парню, который показался мне побойчее прочих, и спросил:

— Что было-то?

Он глянул мельком, припомнил, что видел меня с Тамой, и пожал плечами.

— Кто-то их упредил. Я думал, мы им всып-
лем по полной, устроим, растудить твою, ночь
Очищения. Собирались-то, растудить твою, со
всех сторон вдарить. Не только «Клич» с Тевер-
ли, а все скопом, растудить.

Вот о чем главари совещались в доме Вейде-
ра! План совместных действий согласовывали.
Это ж надо — пришли на праздник резню об-
суждать!

— Выдали, значит?

— Нас ждали. — Он замолчал, словно этим уже все было сказано. Впрочем, поражение не лишило его чувства юмора. Он прибавил: — С ограми на улице лучше не связываться.

— Да уж, приятель, по тебе догадаться не-
трудно.

Показался блондинистый юнец, ростом пониже моего, с ранцем на спине и эполетом на плече. Он принял озираваться, заметил Тинни, по ней установил меня и приблизился.

— Гаррет?

Я кивнул.

— Командир тебя зовет.

— Норт-Энглиш?

— А ты других знаешь?

— Я тут новенький. Может, полковник Те-
верли...

— Пошли.

Я подчинился. Проходя мимо Тинни, я поймал подружку за руку и увлек за собой.

78

Норт-Энглиш принял нас в комнате, напоминавшей обстановкой кабинет Макса Вейдера; правда, эта комната была значительно больше. Если начнется дождь, парады можно и здесь устраивать. Сюда по всему, именно отсюда Маренго руководил своими шайками. В полутемных углах висели карты, под картами виднелись столики с макетами зданий; некоторые здания казались смутно знакомыми.

Дорогу к этим столикам преграждали два парня — плечи развернуты, грудь колесом, взгляд тупой. Должно быть, их вызвали на случай, если со мной случится очередной приступ моего неуемного любопытства.

Приятно видеть, что мне доверяют ровно настолько же, насколько доверял бы я сам.

— Звали? — спросил я, когда мы подошли поближе.

Вид у Маренго был неприветливый.

— Тама сказала, вы пришли повидать меня. — Голос слабый, но не дрожит. Глаза его расширились от боли — это Тама продолжала обрабатывать рану. Циник Гаррет не мог не подумать, что голый до пояса Маренго — не слишком привлекательное зрелище.

Ему повезло, что он остался в живых. Не тело, а сплошные раны, порезы, царапины, синяки и ссадины. Многим из нас этого вполне хватило бы, чтоб окочуриться.

— Хотел сообщить, что узнал, — сказал я. Маренго вяло махнул рукой: мол, начинай. Я его

прекрасно понимаю: в таком положении по-настоящему интересует лишь одно — собственная жизнь.

Рассказывал я честно, ну разве что самую малость опустил. Если за мной следили, то все мои передвижения известны. Все то, что я выяснил, могли выяснить и другие. Поэтому смысла скрывать что-либо не было. Впрочем, я все же не стал упоминать, что работаю также на Блока с Рельвеем.

Я дошел до кентавров.

— Боевой отряд. Никакая маскировка ветеранов не скроет.

Маренго вновь махнул рукой.

— Погодите. Тама, дай нам поговорить.

Я ждал, а он что-то обдумывал.

— Давайте уточним, — сказал наконец Норт-Энглиш. — Вы не знали, что на прошлую ночь было намечено Очищение?

— Понятия не имел. Вы единственный могли мне об этом сообщить, но почему-то не сообщили.

— Обычно вы и так все узнаете. У вас острый слух и наметанный глаз. — По-моему, Маренго и думать было тяжело, не то что говорить.

— Острый-то острый, но надо знать, кого слушать и куда смотреть.

— Если вы ничего не заметили, значит, мы ничем себя выдать не могли. — Сообразил, что у него предатель завелся! — Тама, мисс Тейт, оставьте нас, пожалуйста. Я хотел бы переговорить с мистером Гарретом наедине. Эд, ты тоже выйди, и ребят своих прихвати.

Эдом звали того самого юнца, который привел меня. Он попытался возразить:

— Сэр, я бы не советовал...

— Выйди, Эд.

Он увял.

И Тинни с Тамой, разумеется, уходить не хотелось. Но они даже голоса поднимать не стали. С Маренго Норт-Энглишем не спорят. Наверное...

Я хмыкнул.

— Теперь Эд изведется, босс.

Норт-Энглиш нахмурился.

— Вчера я его уже не послушался. Велел уйти — и сами видите, чем дело кончилось.

— Туго пришлось?

— Говорю же, мне просто повезло, что я жив остался. Меня собирались прикончить, и прикончили бы, когда бы не шайка гномов, искавшая, кому бы набить физиономию.

— Что-то совсем запутался, — признался я. — Может, с начала начнете? Вас спасли гномы? А убить пытались люди? С какой стати? — Нет, конечно, боль и страх развязнут язык кому угодно. Но почему он вдруг стал откровенничать именно со мной?

— Меня не узнали. Кроме того, люди, напавшие на меня, были нашими сторонниками.

— То есть из Вольных Сообществ?

— Да. Мне крайне неприятна эта мысль, но...

У меня хватает соперников. Возможно, кто-то из них... Поэтому я и попросил Эда с остальными выйти, чтоб мы могли говорить свободно.

— О чём?

— Прошу вас оказать мне услугу и выяснить, что произошло вчера ночью. Особенно меня интересует, кто были эти люди. Не сомневаюсь, им приказали убить Маренго

Норт-Энглиша; и то, что я уцелел, всего лишь ирония судьбы.

— Пока я все равно что впотьмах блуждаю.

— Слушайте. Прошлая ночь должна была стать судьбоносной. Мы готовились к ней многие месяцы. Несколько раз откладывали выступление по причине недостаточной готовности, хотя поводы были подходящие. Но вчера все совпало: мы были наготове, и повод оказался превосходный — гномы отмечали Новый год. Следовало выступать немедленно, иначе город заполонят их родичи из провинции...

Прежде чем продолжить, Норт-Энглиш снова задумался. У Вейдера он держался раскованно, а сейчас был сугубо деловит.

— Как вы могли заметить, у нас с вами есть нечто общее. Я разумею любовь к прекрасным дамам. Так вот, некоторое время назад я познакомился с некой красавицей, которая как будто заинтересовалась мной. Прошлая ночь замечательно подходила для того, чтобы углубить наше знакомство. Очищение давало мне повод покинуть поместье. А что касается личного участия... Согласитесь, ну не солидно мне за палку хвататься.

Я неопределенно пожал плечами. Никак не мог понять, кто он по натуре: фанатик или лицемер.

Может быть, его неискренность — плод моего воображения.

— Иными словами, вы махнули на свидание. И вам перепало...

— Я угодил в засаду. Глупее ничего не придумать. Эд предостерегал меня, но я отмахнулся. Мы, мужчины, такие.

— Да уж. — Мне ли не знать?

— Живым я выбрался лишь по дурацкой прихоти судьбы. — Он скосил на меня глаза, как бы намекая, что шутку можно и оценить.

Я воздержался от рассуждений насчет глупцов и пьяниц.

— Итак, вы махнули на свидание. Дальше?

— Дальше... — Он тяжело вздохнул. — Прошлой ночью были убиты восемь наиболее влиятельных членов нашего движения. Кто-то покушался на жизнь Бондуранта Алтуны, поджег его дом. Но Алтуна дома отсутствовал. — Мне почудилось, или в голосе Маренго прозвучало разочарование? — Ладоре Анкни, бедняжке, досталось даже больше моего. Сам я, как уже говорил, угодил в западню.

— Помнится, вы со стариной Бондурантом не очень-то ладили.

— Так и есть. С ним никто не ладит, и в свои планы мы его не посвящали. Но он каким-то образом узнал об Очищении и покинул дом — чтобы путаться у нас под ногами, зачем же еще? — буквально за минуту до того, как всыхнул пожар.

— Нападения не были случайными?

— Нет.

— Почему вы в этом так уверены?

— Все нападавшие были людьми. — Маренго прикрыл глаза. — Среди членов нашего движения стольких отступников набраться не могло. Среди остальных... — Он пристально поглядел на меня. — Люди делятся на два сорта, Гаррет. На тех, кто с нами, и на тех, кто тоже с нами, но сам пока этого не осознает.

Босс, тебе предстоит узнать много нового.

— Вы знаете, кто погиб, так? Можно попробовать догадаться, за что их убили. Что у них было общего.

Норт-Энглишу явно не хотелось задавать себе этот вопрос. Он уже знал ответ.

— Итак? — Я заметил, что он исподволь вглядывается в мое лицо. Ищет клеймо предателя, что ли?

— Все те, на кого было совершено нападение, обеспечивали движение деньгами. Или принимали решения, которые могли их обеспечить. Возможно, я единственный, кто это заметил. Как по-вашему, могли на меня напасть по этой причине?

Ответ напрашивался сам собой. И порождал новые вопросы, не менее неприятные.

Маренго, пылая страстью, помчался на свидание с Белиндой. И угодил как кур в ошип. Теперь его изводили не столько раны, сколько уязвленное самолюбие: он опасался, что все было подстроено изначально.

Белинда — дочь своего отца; вдобавок она женщина, и очень красивая женщина. То есть мужчин она сражает наповал одним своим видом. И ведать не ведает, что такое милосердие.

— На их территории приходится играть по их законам, — сказал я. — Выживают сильнейшие. Того, кто покушается на их деньги, они убивают. Если прежде не убьют их самих. Они мыслят иначе, не так, как короли, генералы или вы. Они не станут послать солдат на других солдат. И убивать не станут, пока те им дорогу не перейдут. Куда проще главаря прикончить: нет главаря — и солдаты разбежались.

Честно говоря, никогда не понимал, почему, изловив какого-нибудь венагетского чародея, или полководца, или аристократа, мы непременно требовали за него выкуп. Или даже просто отпускали, если он давал клятву больше против нас не воевать. Хотя гораздо надежнее было сажать их под замок. Глядишь, и война скорее бы закончилась.

Интересно, а что может рассказать Белинда? Нет, спрашивать я, конечно, не буду. Не хватало мешать работу с личными делами. Просто любопытно.

— Я давно знаком с этой публикой, — продолжал я. — И меня, признаюсь, поражает их терпимость.

Маренго так и вскинулся.

— Терпимость?

— По их меркам, разумеется.

— Мистер Гаррет, я не причастен к противозаконным действиям. Как глава «Клича», я постоянно на виду, но не забывайте: у нашей организации руководство — коллективное. Добывать деньги... э... не совсем обычными способами предложил Совет. Я выступил против этого предложения, напомнил, что организация была основана с благими целями, что одна из наших задач — подавать пример обывателям, поэтому нам непозволительно преступать закон. В противном случае мы ничем не лучше не-людей и сами создаем прецедент, за который впоследствии можем заплатить сполна...

Норт-Энглиш явно вознамерился произнести речь. Все-таки фанатик. Но грубый Гаррет не дал ему развернуться.

— Сдается мне, вам припомнили ваши слова.

— Может быть. Хотя я сомневаюсь. — Он помолчал, словно ожидая, что я что-нибудь прибавлю, но я уже все сказал. — Гаррет, такое впечатление, будто меня посадили верхом на льва. Он слушается поводьев, лишь когда ему самому захочется. А если я соберусь слезть — помоги мне боги!

И снова этот пытливый, прикидывающий взгляд.

— Что вы хотите от меня? Похоже, Семья отправила вам весточку. В своем духе, естественно. Вам повезло, что вы выжили. Но в покое они вас вряд ли оставят. Не злите их. Чодо куда суровее Белинды.

— Она меня подставила?

— Возможно. — По мне, Белинда состряпала ловушку в последний момент, что называется, по наитию. — Возможно, поэтому она и искала встречи с вами.

Уязвленное мужское самолюбие — страшная штука. И в самом деле, что ж это за мир, если мужчина нужен женщине только для опытов?

— Вы знаете Белинду. Поговорите с нею.

Если я откажусь, он на колени передо мной встанет?

— Вам наверняка известно, что Чодо я знаю ближе, чем Белинду. — В определенном смысле, разумеется.

Норт-Энглиш загадочно усмехнулся. Может, он знал больше, чем мне нравилось думать.

Он подмигнул, закрыл глаза и откинулся на подушку. Раны, похоже, и вправду серьезные.

— Что же произошло на самом деле? — спросил я, когда Маренго отдохнул и принял болеутоляющее.

— Мы с Белиндой договорились встретиться в меблированных комнатах на северной окраине. Она сказала, что дом принадлежит ее семейству.

— Название улицы помните?

— Нет. Я же не возница... — Заметив, что я насупил брови, Норт-Энглиш прибавил: — По-моему, у нее вообще названия не было. — И самую чуточку покраснел.

— Вас, случайно, не к эльфам занесло? — Эльфы не забивают себе головы всякой ерундой, вроде названий улиц или номеров на домах.

— Это на границе между кварталами. Никто не знал, что я туда иду.

— Получается, кто-то все же знал.

— Да. — Норт-Энглиш вкратце поведал, как напали на его экипаж. Схема, если не считать расхождений в подробностях, соответствовала нападению на экипаж Белинды.

Это совпадение или как?

Очень может быть, что покушение планировалось раньше. Белинда назначила Маренго встречу в «Пальмах». С нею был Ки-Джей Карлайл... Неужто Краск с Садлером попортили кровь не только нам с Белиндой, но и кое-кому еще?

— Могу я поговорить с вашим возницей? — спросил я.

— Если у вас есть знакомый некромант — милости прошу. Гаррет, выжил я один. Меня просто не успели выволочь из экипажа...

Как ни жаль, а о перекрестном допросе можно лишь мечтать. В моем распоряжении потерпевший, но нет ни нападавших, ни хотя бы свидетелей.

И ладно. Я уверен, тут замешана Белинда. И Маренго это знает. Но что ею двигало, вот вопрос.

Нападение весьма решительное, даже для нее. Если она и впрямь за всем этим стоит. Сложись обстоятельства так, что «Клич» придет к власти, преследования Семье обеспечены; пока же мы имеем череду стычек, плавно перетекающих в карманную войну.

Должно быть, Белинда решила, что необходимо в очередной раз внушить всем и каждому — с Семьей шутки плохи. Коли так, значит, она действовала в ответ на...

Если допустить, что Маренго каким-то образом причастен к похищению Белинды...

А он наверняка причастен! Доказательств у меня не было, но я ничуть не сомневался.

Бедный Маренго! Зомбированный наш.

Кто-то вернул Краска и Садлера. Эти двое никого и ничего не боялись, но глупцами их не назовешь при всем желании. Они знали, сколько народу мечтает с ними справиться.

Следовательно, они были уверены, что выполнят заказ, ограбят деньжат и успеют смыться прежде, чем им сядут на хвост.

Когда Белинда появилась вместе со мной у Вейдеров, Норт-Энглиш нашел способ известить Краска с Садлером. Возможно, он не знал, что у нас с этой парочкой старые счеты. А и знал бы — и что?

Ничего. Вот именно.

Белинда назначила свидание. Верно, рассчитывала свести Норт-Энглиша с Карлайлом, чтобы последний преподал первому урок фехтования на ножах. А Маренго согласился; думаю, он рассуждал так: даже если похищение сорвется, Белинду он все равно соблазнит.

Никаких доказательств. Никаких улик. Но Покойник меня бы поддержал. И заглянул бы в головку Белинды, в это гнездо пауков и змей.

Я вовсе не тороплюсь с выводами. Погоняяся вы с мое за всякими злодеями, и у вас развился бы нюх на эту публику, и вы научились бы разгадывать их хитроумные загадки.

С Белиндой все было более или менее ясно.

Но при чем тут оборотни и методичное истребление семейства Вейдеров? И по-прежнему непонятно, кого поддерживает «Клич» — то ли Вейдеров утешает, то ли оборотней науськивает...

Зараза! И что толку, что я вывел Маренго на чистую воду? У них с Белиндой могут быть и ссоры, и примирения, и драки до крови, — меня это не касается. Сами знаете, милые бранятся — только тешатся.

Маренго рассказал Белинде, а она предупредила не-людей о кануне Очищения. Щупальца Семьи проникали в столь укромные уголки, о существовании которых Релвей и не подозревал. Как ни крути, а в Танфере не найти того, кто не был бы обязан Семье, хоть чем-то... Иными словами, Норт-Энглиш предал сам себя.

— Можете дать вашему Совету по рогам? — спросил я.

— В каком смысле? — не понял Маренго.

— В том смысле, чтоб вымогательством заниматься бросили.

— Я могу попытаться. Если мне назовут убедительную причину.

— В живых остаться хотите? Чем не причина?

— Гаррет, одними словами их не убедить. И потом, еще не факт, что они на самом деле этим занимаются.

Сколько можно притворяться?!

— Хорошо, вот другая причина. Если Семья объявит вам войну, Маренго Норт-Энглиш будет только первой жертвой. Со временем они доберутся до всех. Найдут в ближайшем окружении тех, кого можно подкупить, и доберутся. Им плевать, кто вы такие, кем были ваши родители, сколько у вас денег или с кем вы знакомы. Поверьте мне, ночные события — последнее предупреждение.

— Именно поэтому я прошу вас склонить ее к переговорам.

Я опешил.

— Ну что? — требовательно спросил Маренго, заметив выражение моего лица.

— Какие переговоры? Вам же сказано: не суйте свой нос, не то пожалеете. Следующего раза уже не будет, вас перебьют — и дело с концом.

Я слегка преувеличил. Как в любой семье, в Семье не без урода; всегда найдется кто-нибудь, кого можно переубедить и даже приручить, были бы средства в достатке. Думаю, рано или поздно, когда у него других дел не останется, Релвей приберет Семью к рукам.

Если Белинда не разберется с ним раньше.

— И на кой вам сдался рэкет? — продолжал я. — Неужто денег мало стало?

— Богатые люди не торопятся раскрывать свои кошельки, мистер Гаррет. Сначала их нужно заинтересовать. — С ума сойти! Какой сарказм! — Я содержу организацию практически в одиночку. Кормлю, пою, одеваю своих людей и тысячу человек полковника Теверли. А до Теверли содержал Братство Волка.

— Не поладили? — Разумеется, мне хотелось узнать побольше, чтобы выяснить наконец, кто такой Джеррис Дженорд.

— Они не желали никому подчиняться. Поэтому, когда появился полковник Теверли, их выпустили. Часть присоединилась к нам, наиболее рьяные исчезли в неизвестном направлении. — Маренго махнул рукой, как бы стряхивая с себя все, что связывало его с Братством Волка. — Знаете, во сколько обходится оружие, если покупать у гномов?

Ну и дела! Гномы продают оружие людям и обдирают их по-черному, а люди с этим оружием потом идут на гномов.

Одни с деньгами расстаются, другие наживаются. Себе во вред.

Занятная штука жизнь.

Я хмыкнул. Если хочет, Маренго может принять мое хмыканье за плод глубоких размышлений.

— В библиотеке что-нибудь нашли? — поинтересовался он, меняя тему.

— Нет. А я, признаться, надеялся отыскать хоть что-то об оборотнях. Эта банда у Вейдеров появилась неспроста. Узнав больше о породе, я, быть может, сумею понять, чего они добиваются.

Норт-Энглиш рассеянно кивнул.

— Тама говорит, вы одновременно сортируете книги. Весьма признателен. Всякое дело требует разносторонней подготовки, но мы до сих пор библиотекой пренебрегали, все больше маршировали... Откуда вы узнали о моем собрании?

— Я зашел в Королевскую библиотеку. Там мне посоветовали заглянуть сюда или в частную библиотеку какого-нибудь чародея. Я выбрал первое. Среди моих знакомых дружелюбных чародеев нет.

— А они вообще существуют?

Маренго говорил сам с собой, не глядя в мою сторону. Видно, у него имелся печальный опыт общения с чародеем...

В его манере держаться произошла разительная перемена. Теперь он обращался со мной как с верным старым слугой. Почти уважительно. Но недоверчиво.

— Что, и вам от чародеев доставалось?

Добро пожаловать в наш клуб, приятель.

Норт-Энглиш сообразил, что слишком уж разоткровенничался.

— Мы все побывали в Кантарде, мистер Гаррет, — буркнул он и поспешно сменил тему. — Тама превысила свои полномочия, пустив вас в библиотеку без моего разрешения, однако все оказалось к лучшему. Дайте знать, если отыщете что-нибудь полезное. Как-никак, Макс Вейдер — мой друг.

Иными словами, Гаррет, можешь идти. Словно подтверждая, Маренго прикрыл глаза. Он хотел отдохнуть, подумать, прикинуть, как проще и надежнее внедрить в Танфере свободу. Как он ее понимал.

Я вышел из комнаты.

У дверей толпился народ. Все тревожно переглядывались, будто боялись пропустить что-то важное. Я гордо прошествовал сквозь толпу.

Итак, Маренго знал чародеев? Что в этом удивительного? Он человек со связями. А чародеи предпочитают людей со связями мелкой сошке вроде вашего покорного слуги. И почему, спрашивается? Я такой пусик...

А им-то что?

80

Тинни и Тама выжидательно уставились на меня.

— Жить будет, — сказал я Таме. — И настроение у него получше, чем я думал. Тинни, ты ему понравилась. Любовь с первого взгляда. Предложил мне три монетки за то, чтобы я записал тебя в его племянницы.

— Не смешно, Гаррет.

— Я ему так и сказал. Предупредил, что у тебя нет чувства юмора. А он предложил мне зайти через пару месяцев. Мол, дайте только ее пощекотать...

— Что здесь смешного, Тама? — процедила Тинни.

— Я просто попыталась представить Маренго, который произносит эти слова. Жуткое зрелище, должно быть.

— Он разрешил мне пользоваться библиотекой, — продолжал я. — И просил сообщить, если что-нибудь найду.

— Так ступайте туда, вместе с будущей племянницей, — усмехнулась Тама. — У меня дел

по горло. — Она кивнула и пошла прочь. Даже у любовниц есть заботы.

Между тем к дверям комнаты Маренго стекались все новые офицеры. Наверно, беспокоились, не придется ли им вскоре подыскивать себе новое занятие.

Тама сделала то, на что не осмелился ни один из них. Она вошла в святая святых Норт-Энглиша.

— Не знаю, что их связывает, — пробормотала Тинни. — Большую часть времени ей на него начхать.

— В ее положении это слишком большая роскошь, — не согласился я. — А любопытно, кстати, что она думает о нас с тобой.

— Ты к чему клонишь?

— К тому, что я тоже не понимаю наших отношений, но с Нового года решил о них вообще не задумываться. И без того дел хватает.

Тинни погрузилась в размышления. Она девочка умненькая, но порой ее клинит, и тогда она начинает болтать не думая. Когда у двоих общий порок, это грозит обернуться неприятностями.

Дин утверждает, что мы предназначены друг для друга.

Впрочем, он говорил то же самое, когда я встречался с другими юными красавицами. Даже свой выводок племянниц однажды ухитрился приплести. У него-то племянницы настоящие, не извольте сомневаться. Он полагает, что мне нужна опора в жизни. Мой образ существования ему категорически не нравится.

— Ау, Гаррет!

— Извини. Не выспался.

- Это ты хвастаешься или жалуешься?
- Я думал о Дине.
- С какой стати?
- Он пропал. Заодно с Покойником.
- Правда? — Тинни посерезнела. — Никогда не думала...
- Всякое бывает.
- Угу... — Она молчала до тех пор, пока мы вновь не очутились среди книг. — Гаррет, а это... навсегда?
- Что?
- Ваш разрыв.

Я огляделся. Напряг слух. Мало ли кто может нас подслушивать. Борцы за права и по натуре пааноики, а после этой ночи станут пааноиками вдвойне.

— Это должно было произойти. Обстоятельства, понимаешь? Дин не принял бы меня нового. Никакие уговоры не помогли бы.

- И?
- Вот они и смылись.

До сих пор не могу поверить, что Покойник сдвинулся с места! Точнее, *сам* попросил, чтоб его сдвинули.

Я щаверняка отыщу его. Мне бы Плоскомордого отловить, а там все значительно проще станет. Без Тарпа тут точно не обошлось, ведь он — один из тех, кому Покойник доверяет.

Но где его искать? Догадайся сам, Гаррет! От пернатого чучела на плече помохи ждать нечего.

— Если вы разошлись насовсем... — В тоне рыжей плутовки прозвучали нотки, заставившие меня насторожиться. У нее на уме что-то было. Очередная авантюра?

Понка-Дурак содрогнулся всем телом, слетел с моего плеча и запорхал над книгами, поднимая клубы пыли. Из клюва его неслись невнятные вопли.

— Не знаю. — Я не сводил взгляда с птицы. Неужели с Покойником что-то стряслось? Попугай словно пытался заговорить. Может, старый хрыч пытается пробиться ко мне?

Или его наконец поглотила тьма.

Надеюсь, прежде чем покинуть юдоль праха, он соизволит поделиться со мной своими домыслами.

Хотя... Если он все время дрых, откуда взяться домыслам? Разве что ему кошмарный сон привиделся...

— Попугай сам на себя не похож, — проговорила Тинни. — И давно уже.

Я раскрыл книжку.

— Ты у нас и в стервятниках разбираешься? Нашла, кого жалеть! Или это ты придумала — мне его подарить?

А что, шутка вполне в духе Тинни. Она могла решить, что я только такого и заслуживаю.

— Нет. Но Морли молодец, что отыскал его, правда?

— По твоему Морли палка плачет, — проворчал я.

— Долго мы здесь торчать собираемся? — спросила Тинни. — Я дома сто лет не была. Дядюшка Уиллард, верно, шипит от злости.

— А когда узнает, что ты со мной была, так весь слюной изойдет.

— Ты ему нравишься, Гаррет.

— Ага. На расстоянии.

— Он не слепой и не глупый.

Стоп. Иначе меня снова примутся убеждать, что мне жизненно необходимо переселиться в усадьбу Тейтов.

— Хочешь, чтобы я проводил тебя домой?

— Мой новообретенный дядюшка пока с постели не встает, так что кроме тебя некому.

Я окинул взглядом помещение. Мы просмотрели десятки книг, но не изучили и четверти содержимого библиотеки. И это только книги. Дальше свитки, тетради, отдельные листы...

Уходить не хотелось. Библиотека — отличный предлог, чтобы задержаться здесь подольше. Само пребывание в поместье Норт-Энглиша позволит узнать много интересного. Скоро ко мне привыкнут, перестанут замечать, как не замечают мебель, и тогда...

— Уж больно хороша возможность. — Тинни во все подробности посвящать не стоит. Чего не знает, того не расскажет болтливым подружкам.

— Понимаю, Гаррет. Но дядя Уиллард будет сердиться.

— Особенno если узнает, чем ты занималась. Ее глаза блеснули.

— А как насчет того, чтоб у него повод появился...

— Женщина, уgomонись! Прямо тут?

— Сюда никто не ходит, Гаррет. Мы первые...

Дверь со скрипом отворилась.

— Прошу прощения за вторжение, но...

— Все в порядке, Эд, — утешил я помощника Маренго.

Он моргнул.

— У нас неприятность. Босс велел привести вас. Сказал, что вы в библиотеке.

- Все-то он знает. Что за неприятность?
 - Убийство.
 - Не было счастья... — Я сдул пыль с книги, которую держал в руках. — Чем могу помочь?
 - Босс сказал, вы специалист. — Он покосился на Тинни. Судя по выражению лица, рыжеволосые были полностью в его вкусе.
- Хоть один разумный человек в этой психушке.
- Пошли.

81

Когда мы спустились по ступенькам, я сказал:

— Эд, мне бы надо мисс Тейт домой доставить. Она сильно задержалась. Ее родные волнуются.

— А я тут при чем?

— Венейблу наплевать на всех, кроме его неснаглядных ящериц, а ты тут вроде второй по старшинству из отвечающих за охрану, верно? Я думал, тебе полагается знать, кто уходит, кто приходит и зачем.

— В таком случае, мистер Гаррет, извольте обращаться как положено, — прошел он. — Лейтенант Нагит.

— Ладно, Эд. Больше я тебя Эдом звать не буду. Вот только не стоит меня взглядом есть. Я на фронте всякого навидался, и перед тобой вытягиваться не намерен. Для меня война закончилась. Считай, что я — гражданский сиц.

Это ему явно не понравилось. Еще бы — какой вояка доверяет шпакам? Они все простофили и растяпны.

— Договорились, мистер Гаррет, — сказал Эд. — Зовите меня мистер Нагит.

— Может, просто «лейтенант»?

— Или просто «лейтенант», — подтвердил он.

В этот момент кто-то хихикнул у меня за спиной — то ли Тинни, то ли Полка-Дурак, перелетевший с моего плеча на плечико мисс Тейт. Оба хранили непроницаемое выражение; впрочем, я ничуть не сомневался в том, кто именно это сделал.

— Тебе попугай не нужен, мистер Нагит?

— Вряд ли.

— Говорящий.

— Тем более, мистер Гаррет. Но если решите избавиться от дамы... — Он хмыкнул.

— Мм... Цену назови.

— Гаррет!

— Прости, милая.

Мистер Нагит усмехнулся. На время мы стали друзьями — надолго ли?

У ворот поместья толпился народ. Мало того, люди продолжали подходить со всех сторон.

— Занять бы их чем-нибудь, — пробормотал я.

— Босс дал всем день отдыха. Но вы правы. Эге! А это что значит?

Мы как раз подошли к изрытой копытами лужайке.

— Еще вчера спрашивал у мисс Монтецумы, — заметил я. — Она сказала, что знать ничего не знает.

Пока лейтенант изучал следы, я стоял в сторонке.

— По крайней мере дюжина животных, — сказал он, обойдя лужайку. — Не слишком большие

и подкованы плохо. Прискакали от ворот, развернулись и убрались восвояси. Сюда шли рысью, отсюда шагом.

— За кем-то гнались? — предположил я.

Он задумчиво кивнул.

— Возможно, это как-то связано с убийством... — Нагит двинулся было к воротам, но остановился. — Ну и кавардак!

Подумаешь! Хотя Нагит — военный, а для военного любой непорядок сродни вселенскому потопу...

— Может, они мучили свою жертву?

— Кто из людей на такое...

— Мы с Тинни вчера, по дороге сюда, видели отряд кентавров. — Я описал, при каких обстоятельствах. Скрыть смысл не имело. Ведь я уже все рассказал Маренго, а он вполне мог шепнуть словечко-другое своему лейтенанту.

— Кентавры? Гм...

Тинни между тем пыталась утихомирить Попку-Дурака, с которым вдруг случился легкий припадок. Скажем так, приступ пустословия.

— Мистер Нагит, птицы в окрестностях ничего странного не вытворяют?

— Не замечал. А что?

— У этой твари второй припадок за сегодняшнее утро. Я подумал, может, он чего уловил?

— Сомневаюсь.

Мы продолжили путь. Который в конце концов привел нас к сосновой купе у ворот.

— Небось, все отпечатки затоптали, — проговорчал я.

— Я предупредил, чтоб к деревьям никто не подходил.

- Тело там?
- Сейчас увидите.

82

Не обманул.

Зеваки, понукаемые лейтенантом, расступились. Да, с дисциплиной у них все в порядке.

Запах стоял еще не сильный: так, пованивало, зато мух было в избытке. Они всегда первые. Я услышал их жужжание до того, как что-либо увидел.

Первый труп принадлежал не человеку. Когда-то это была дикая собака. После встречи с кем-то от нее осталась лишь голова, огрызок лапы, клочья меха да осколки костей, валявшиеся среди сосновых иголок.

За моей спиной кто-то причмокнул. Я обернулся и увидел одноглазого любителя громовых ящеров. Почему-то его появление меня ничуть не удивило.

— Твои питомцы постарались?

— Они у меня до собачек-то охочие, верно, — отозвался он со смешком. — Но к Стукеру не притрагивались. Он уже мертвый был. А они падаль не трогают, разве когда совсем изголоддаются. И то сперва сильные слабых пожирают, а потом уж за мертвчину принимаются. Хе-хе.

Обеденные привычки ящеров меня нисколько не интересовали. А мистера Нагита — и подавно.

— Что там насчет Стукера? — спросил я. — Я видел его живым-здоровым, минут десять назад.

Венейбл выпучил глаза.

Вскоре я понял.

Стукер. Мертвый и голый. Весь в грязи. Ночью его телом лакомились дикие собаки... Кого же я встретил совсем недавно?

Судя по всему, его убили накануне днем.

— Однако он с нами ужинал, — пробормотал я.

Кто-то разворошил иголки. Под ними, на земле, виднелись четкие отпечатки копыт.

— Почему его не похоронили?

— Похоронили, — заверил Венейбл. — Вон там. Просто неглубоко закопали. Собаки и вырыли. Мы перенесли его сюда и чуть отряхнули, прежде чем лейтенанта позвать.

Я еле удержался от того, чтобы не накинуться на Венейбла с кулаками. Единственное, что меня остановило, — какой теперь толк выбивать из него дурь?

Я повернулся к Нагиту.

— Мы видели кентавров на дороге к северу отсюда, — напомнил я лейтенанту. — А ворота никто не охранял. Мы как раз гадали, что бы это могло значить, когда Стукер вылез из кустов, застегивая штаны. Я решил, он ходил отливать. Однако...

Лейтенант упорно не понимал.

— Босс знает. Это снова оборотни. Оборотни-убийцы.

— А! — Нагит просветел. — Я слыхал, как босс разобрался с ними в доме Вейдера. Их же вроде в тюрьму посадили?

— Ну, посадили. А они сбежали. И другие подвалили. Что-то слишком много оборотней развелось.

— Надо схватить того Стукера, в доме.

— Отличная мысль! Только мы его не найдем. Спорим?

— Почему?

— На его месте, будь ты там, наверху, — что бы ты подумал, увидав толпу у ворот?

— Что тело нашли. — Мистер Нагит улыбнулся.

В его улыбке не было и намека на веселье. Так улыбаются Венейбловы любимцы, когда примечают жертву.

— Вот именно. В минувшие недели что-нибудь подобное происходило? Убийства, нападения, загадочные кражи, одни и те же люди одновременно в разных местах? — Последнее вряд ли: оборотни были на сей счет весьма осмотрительны.

— Нет. — Лейтенант прикрикнул на зевак, подступивших было поближе. — Эй, вы! Ты, ты, ты... — Он отобрал с полдюжины. — Ступайте в дом и задержите Стукера.

— Но...

— Это не настоящий Стукер. Настоящий вон лежит, разлагается. Живо, живо!

— В следующий раз будут знать, как подходить близко к офицеру, — заметил я.

Нагит снова улыбнулся. Надо занести в анналы.

— Наверное. — Он сурово оглядел толпу. Зеваки попятались: никому не хотелось искушать судьбу.

Хоть и бывшие, а все равно солдаты.

— Заткнись! — прикрикнул я на Попку-Дуррaka. Он успел перебраться обратно — Тинни его устраивать перестала — и теперь исполнял на моем плече что-то наподобие варварского охотничьего танца.

— По-моему, он хочет взглянуть на тело, а вы все ходите кругами.

Тоже мне, толкователь птичьих ужимок!

— Может, он проголодался? Стервятник по натуре, этот птах. Венейбл, пустим его порезвиться с твоими ящерками?

Нет?

Эх, полуగайчик! Никому ты не нужен. Даже в приманку для громовых ящеров не годишься.

83

Лже-Стукера видно не было. Какая неожиданность. И в кого он перекинулся на сей раз?

Признаться, я нисколечко не удивился, приметив некоего Картера Стоквелла. Злоказненный оборотень пробирался сквозь толпу, направляясь к воротам. Никому, естественно, и в голову не приходило задержать его и спросить, кто он такой и почему на нем одежда покойного Стукера.

— Вон наш молодчик, — указал я Нагиту. — Вон там. В этом обличье он ходит, когда никого собой не подменяет.

Нагит прищурился, искоса поглядел на меня и взмахом руки подозвал к себе нескольких своих людей.

— Откуда вы знаете, мистер Гаррет?

— Я с ним уже сталкивался. Он всегда в этот облик возвращается.

Со стороны, наверное, казалось, что я несу ахинею, но для меня эта ахинея была полна смысла.

Должно быть, оборотни и впрямь чувствуют угрозу. Картер внезапно посмотрел на меня, буд-

то уловил мой интерес. В следующий миг он удвоил прыть.

— Он понял, что его засекли, мистер Нагит.

Лейтенант отдал приказ, и все бросились его выполнять. Эти ребята, очевидно, никак не могли наиграться в войнушку.

Разумеется, ничего хорошего из этой затеи не вышло. Черепахам не догнать зайца. Стоквелл превращался на ходу, ноги и руки его удлинялись, пока не обернулись коровьими копытами. На четырех конечностях он побежал резвее прежнего, обогнул палаточный городок и исчез в лесу.

— Ух ты! — проговорил мистер Нагит — Вот это, я понимаю, сноровка. — Лицо его оставалось бесстрастным.

Снова Стоквелл... Любопытно, он как-то связан с кентаврами?

Должен быть связан. Мы с Тинни углядели кентавров вблизи поместья Маренго. Несколько минут спустя к воротам, застегивая ширинку, вышел лже-Стукер, причем вышел из той самой купы, где позднее нашли тело настоящего. Чуть в стороне от изрытой лужайки...

— Лужайка! — пробормотал я. — Изрытая копытами лужайка. Кентавры помогали ловить настоящего Стукера.

Отсюда следовало, что кентавры и оборотни замыслили что-то вместе. Думаю, Покойник, с его жгучим интересом ко всему, связанному с Кантардом, был бы весьма заинтригован. Ладно, я ему расскажу. Как-нибудь, когда-нибудь...

Попка-Дурак сорвался с моего плеча и взмыл в воздух. Этот шельмец выложит мои догадки первому встречному. Задаром. Давно не летал,

кстати; вон как его заносит. Рыская из стороны в сторону, попугай полетел к Тинни.

— Как мне их узнать, если они надумают вернуться? Или убежал всего один, а остальные тут?

— Попробую выяснить. Я потому и в библиотеке рылся, что хотел найти что-нибудь полезное. Пока ничего не нашел, но еще не вечер. Мне известно, что они боятся серебра. Вооружите своих парней дубинками с накладками из серебра. И чего они позарились на этого несчастного Стукера?

Нагит посмотрел на меня так, будто я ляпнул несусветную глупость.

— Он охранял ворота восемнадцать часов в сутки, мистер Гаррет. Видел, кто приходит и кто уходит. А за такие сведения многие готовы заплатить, уверяю вас. Кроме того, в оставшееся время он присматривал за домом. И могходить, где ему вздумается.

— И никто его не заподозрил бы... Как ловко замаскировался, скотина! Ладно я, мы ведь толком не знакомы были, но он даже мисс Монтецуму за ужином одурачил!

— Самая подходящая цель, мистер Гаррет. Стукер был одиночкой, ни с кем близко не сходился. В его преданности движению никто не сомневался. Босс часто повторял, что у Стукера всем нам не мешает поучиться отношению к делу. Словом, на него никто бы не подумал.

У лже-Стукера не было возможности закопать поглубже того человека, которого он подменил. И все потому, что явился этот треклятый Гаррет. Я поежился: то ли зябко стало, то ли страшновато... На месте Сгоквелла я бы загля-

пул в гости к Гаррету, лучше ночью и с ножичком в кармане.

Говорите, Стукер был предан вашему великому делу? Ну-ну... Вам, конечно, виднее.

— Уверены?

— Насчет Стукера? Целиком и полностью. Онправлялся со своей работой на «отлично». А для меня это — основное.

— Понятно. — Краем глаза я заметил, что в нашу сторону направляется Тинни. Казалось, она не видит выщученных глаз и разинутых ртов. Да, испытания моей подружкой эти сверхчеловеки явно не выдерживали.

Едва она вложила свою ладошку в мою лапу, все мужчины окрест возненавидели меня лютой ненавистью.

— Ты еще долго? — промурлыкала она.

— Не знаю, милая. Тут снова оборотни объявились. Подменили охранника.

— Жаль. Он мне понравился.

— Это был оборотень. А настоящего убили до нашего появления.

Я ткнул пальцем. Тинни покосилась в том направлении и дернула плечиком.

— Мерзкое зрелище, — согласился я. — Сперва им полакомились дикие собаки, а потом и внейбловы ящерки...

— Фу, Гаррет! Вечно ты какую-нибудь гадость скажешь! Так мы идем или нет?

По правде сказать, встречаться с дядюшкой Уиллардом у меня не было ни малейшего желания, однако...

— Мистер Нагит, мне нужно проводить эту очаровательную особу. Я скоро вернусь.

Особой радости лейтенант не выказал.

— Поступайте, как считаете нужным. Я распоряжусь, чтобы вас пропустили.

— Пускай Венейбл пустит свою свору по следу оборотня, — предложил я на прощание. — И учтите: если вы его поймаете, первым с ним говорю я.

Нагит нахмурился.

— Думаю... Ну что там еще?

Все вдруг засуетились, забегали.

— Похоже, кто-то едет.

Так оно и было. Причем этот «кто-то» не скучился на показуху. Его свита была столь многочисленной, что вполне могла сойти за небольшую армию.

К нам подбежал парень, слишком юный на вид, чтоб быть ветераном.

— Полковник Теверли, лейтенант. Он вот-вот прибудет.

И вправду пора сматываться. Готов поспорить на что угодно: после вчерашней ночи полковник, мягко выражаясь, не в духе.

Тинни прижалась ко мне и проворковала:

— По-моему, нам лучше свернуть в сторонку.

— Может, ты и права.

— Конечно, я права! Если они на нас, чего доброго, накинутся, тебе попадет не только от дядюшки Уилларда! — Быстро девочка соображает, да? За это я ее и люблю. Разумеется, орду, возвращавшуюся из города в лагерь, никто не мог предупредить, что мы — желанные, даже в известном смысле почетные гости. А старина Теверли, помнится, имел скверную привычку сначала проткнуть насеквоздь, а уж потом разбираться, чужой ты или свой.

Вдобавок я отнюдь не рвался возобновить наше с ним фронтовое знакомство. В конце концов, мне все равно сюда возвращаться. Вот вечерком и свидимся.

Только мы выбрались за ворота, как мимо нас проскакали первые всадники. Что удивительно, лишь двое или трое из них скользнули взглядом по моей подружке. Меня же вообще никто не заметил, будто я был в плаще-невидимке.

Проводив всадников взглядом, мы повернулись и зашагали к городу. И тут Попка-Дурак заерзal у меня на плече и принял истощно вонить. Наверно, он пытался что-то сказать, но за то время, что помалкивал, успел забыть человеческий язык.

— Не приспособлен к сельской жизни, — пояснил я для Тинни. — Э-хе-хе... Может, оставить его в лесу?

84

— Кстати, о лесе. — Тинни махнула рукой в сторону рощицы, которую нам предстояло миновать по дороге из усадьбы. Над макушками деревьев поднималась тонкая струйка дыма. — А что стало с теми, кто, по твоим словам, следил за нами?

— Отличный вопрос, дорогуша, — одобрил я. — Пожалуй, мне стоило попросить у твоего нового покровителя что-нибудь поувесистее...

— Естественно. Но ничего, ты уболтаешь любого врага.

— Твоими бы устами, лапушка... Будь оно так, не пришлось бы мне улепетывать без оглядки от той богини, что в подружки набивалась.

— Гаррет, ушам своим не верю! Ты — и убежаешь от женщины?

— У нее кожа зеленая, а рук четыре вместо двух. И зубы как у ящериц Венейбла. Хотя она симпатичная.

— Не сомневаюсь. Там кто-то есть.

Зрение Тинни острее моего. Лично я ничего и никого не видел, но положился на ее слова: склонности к дурацким шуточкам за нею не водились. Во всяком случае, пока.

— Надеюсь, не гнилая, — пробормотал я, подбиравая с земли палку. Она наверняка разлетится на мелкие кусочки при первом же ударе, но к человеку с палкой в руке обычно относятся уважительно. — Надо забежать домой, прибарахлиться.

— Я бы составила тебе компанию, да дядюшка Уиллард, верно, с ума сходит.

— Настоящий мужчина всегда поймет женщину, — сообщил я Попке-Дураку. Среди деревьев, между тем, мелькнула тень: кому-то не сиделось на месте. Мало того, этот «кто-то» был не один. — Надеюсь, они не вместе.

Обошлось: соглядатаи и вправду не были заодно; мало того, друг друга они приметили, похоже, давным-давно и все норовили укрыться так, чтобы не заметили остальных. Пока мы с Тинни шли через рощицу, со всех сторон доносились шорохи и приглушенные возгласы.

— Это их ты до сих пор не замечал?

— Ребята городские. Что ты хочешь? Одно дело в городе следить, а на природе — совсем другое.

— Прямо как ты.

— Эй!

— Я начинаю подозревать, что ты мне все на-врал, про морскую пехоту. Служил ты небось в тылу, полы в штабе мыл. Признавайся, так?

— Ты меня расколола. Пожалуйста, не рассказывай никому, а то меня из рядов вышибут. И чем я тогда буду развлекаться?

— В зеркало смотреться.

— Между прочим, не все такие кокетки, как ты.

Тинни взяла меня за руку, и мы не спеша двинулись дальше. По-моему, не очень-то она торопилась под крыльышко к дядюшке Уилларду.

Те, кто следил за нами, ни во что не вмешивались. Верно, наигрались в прятки-догонялки.

85

— Город другой.

Тинни тоже это почувствовала. Нет, на первый взгляд все было как обычно: толпы народа на улицах, все заняты своими делами, однако...

— Никто ни с кем не разговаривает.

И правда. Кроме того, все сторонились друг друга и старались не поворачиваться спиной к тем, кто принадлежал к иной, чем они сами, породе. Как говорится, не из нашего болота — значит враг.

Настороженность и страх. И предвкушение чего-то, что должно непременно произойти. Быть может, совсем скоро.

Вопреки настрою ребят Маренго, катастрофы не случилось. Просто-напросто мир замер в ожидании ответного хода. Когда Маренго сообразит...

Я зыркал по сторонам, но особенно ни к чему и ни к кому не приглядывался. Мне было о чём

подумать. Снова и снова я выстраивал цепочку событий, пытаясь отыскать в них хоть какой-то смысл. Но сколько бы я ни пыжился, ни выпендривался и ни напрягал мозги, смысл отказывался проявляться. По всему выходило, что некоторые события должны были происходить одновременно. Однако в глубине души я был уверен, что это не так, что я упустил что-то довольно важное...

— Про себя забыл, — сказала Тинни.
— Чего? — Я огляделся. Мы подходили к дому Тейтов.

— Ты говорил вслух. И у тебя неплохо получалось. Пора менять профессию, Гаррет. Иди народ развлекать. Костюм у тебя уже есть.

Полка-Дурак внезапно издал вопль, скорее вороний, чем попугайский, сорвался с моего плеча и взмыл в воздух.

— Какого хрена?! — гаркнул я ему вслед. Неужто мне наконец улыбнулась удача?

— Как ты его разбудил? — удивилась Тинни.
— Понятия не имею. — Впрочем, мне пришла в голову одна мысль. Большой, толстый, сидит в темноте и почти не дышит, — кто таков? Сами догадайтесь. — Про себя я не забыл. Да, без меня нигде не обходится, но я же появляюсь после того, как все произошло. — Понугай исчез за углом. — И ведь вернется, зараза такая, обязательно вернется.

— Не зайдешь? — спросила Тинни с усмешкой. Она знала, что я вовсе не горю желанием повидать дядюшку Уилларда.

— В другой раз. Мне надо в библиотеку. — Мы перешли улицу. Я вдруг заметил, что народ сбивается в компании и что оружия на,

виду куда больше обычного. Попадались экземпляры, за ношение которых прежде сажали в тюрьму.

— Ну, конечно. К Таме Монтецуме с ее костлявой задницей.

— Женщина! Что ты такое говоришь?! Я смотрел только на тебя.

Тут ворота дома Тейтов распахнулись, и оттуда высыпала орава молодых людей.

— В следующий раз пострайся не отводить глаз. Тогда я, может, тебе и поверю.

— Ладно. — Следом за оравой, весело щебечи, выбежала Рози, двоюродная сестра Тинни. Брюнетка, красотой вся в кузину, вот только фантазии у нее какие-то странные, опасные для Гаррета. Когда она заметила меня, ее лицо осветилось, точно поблизости разожгли костер. — Мало мне неприятностей...

— Не выдумывай. Я знаю, она с тобой заигрывает, но стоит дядюшке Уилларду погрозить пальчиком, как она тут же от тебя отстанет. — Тинни прижалась ко мне, одарила долгим, настойчивым поцелуем. — Будь осторожен, не связывайся с подозрительными женщинами. И не забывай меня навещать.

— Заметано. — Я поцеловал ее в ответ. Рози оскорбленно вздернула подбородок и отвернулась. — Постараюсь недолго. — Надеюсь, обстоятельства не заставят меня в очередной раз обмануть мою подружку. А то обещаешь, обещаешь, а потом бац! — и все коту под хвост...

86

Я двинулся домой, то и дело оглядываясь. «Хвоста» вроде не было, но я уже успел свыкнуться с мыслью, что за мной следят постоянно, ухитряясь при этом не попадаться мне на глаза. Мысль была не из приятных, но приятные мысли в последнее время посещали меня крайне редко.

Куда больше меня заботило напряжение, разлитое в воздухе.

Достаточно малой искорки — и пожар охватит весь город.

Разумеется, сильнее прочих достанется тем, кто выглядит уязвимым. И за Попку-Дурака я тоже волновался. Впрочем, от меня ничего не зависело, поэтому я постарался выбросить его из головы.

К своему дому я всегда подходил осторожно. Привычка. Сегодня осторожность казалась вполне оправданной. Я не увидел ничего необычного — разве что миссис Кардонлос куда-то запропастилась. Дом целый, крыша на месте, дверь не сорвана. По всей видимости, плохиши не набрались еще храбрости, чтоб перейти от слов к делу.

Я переступил порог — и замер, не успев закрыть за собой дверь.

Что-то было не так. Мои ноздри уловили чужой запах.

Кто-то побывал в моем доме. Кто-то потный и грязный, усердно побрызгавшийся фиалковой водой, чтобы заглушить запах пота. Может, Плоскомордый? С него станется; он у нас известный чистюля с грязными манжетами.

Или Торнада? Нет, вряд ли. Ничего как будто не тронуто, а Торнада не удержалась бы и хоть безделушку бы да умыкнула.

На цыпочках, избегая скрипучих досок, я прошел по коридору до двери в комнату Покойника. Других признаков взлома, кроме запаха, не было, но я не сомневался — в доме кто-то есть. А это означало, что хитроумная система задвижек и дорогущий замок, поставленный Дином, оказались бесполезными.

Между прочим, я сразу сказал, что этот замок — пустая трата денег.

В апартаментах Покойника, среди всякой дребедени, имелись и подручные средства для расправы с незваными гостями. Вооружившись, я вернулся в коридор. Ни дать ни взять, флибустьер; только повязки на глазу не хватает и попугая на плече.

И тут из кухни вывалилась туша с тарелкой в каждой руке.

— Пудель! — рявкнул я.

— А, Гаррет! Здорово! Я решил перекусить, чтоб зря не ждать. Как ты влез, что я даже не слыхал?

— Лучше скажи, как ты в мой дом забрался? И зачем? Обожрать меня вздумал?

— Как-как... Через дверь вошел. Ты бы замок сменил, приятель, а то понавешал фигни всякой, любой сопляк справится. Купи себе «пигглтон», с клиньями который... — Продолжая учить меня жизни, Пудель направился в мой кабинет. Судя по всему, он провел в доме немало времени и успел разобраться, где что находится. А еще он явно привык, что за ним убирают другие... На столе громоздилась гора пустых тарелок, с которых он,

видимо, вкушал раньше. Он бухнулся на стол обе свежие тарелки и развалился в моем любимом кресле, которое жалобно затрещало под его весом.

-- Чувствуй себя как дома, Пудель.

— А то.

— Чем обязан? — Интересно, откуда он взял еду? Уж не с собой принес, это точно. Значит. Дин позабочился, пожалел страдальца. Меня бы так обихаживал, как всякую шушеру. Ладно, вот вернется, я с ним разберусь.

— Босс тебя хочет, Гаррет. Повсюду искал.

— С какой стати? -- Я взял с тарелки куриное крыльышко. Когда я последний раз заглядывал к себе домой, курицы у нас точно не было. Пожалуй, придется зайти к миссис Кардонлос и выспросить ее обо всем, что тут происходило в мое отсутствие.

Может, в дымоход, чего доброго, стадо свиней залетело?

— У босса спросишь, -- выдавил Пудель, не переставая жевать. Да, одна свинья залетела точно. Вон как хрюкает.

— Погоди, только переоденусь. — Я поднялся на второй этаж. Там стоял бельевой шкаф, в котором отродясь никакого белья не хранили. На то, чтобы наполнить карманы, рукава и башмаки разными полезными вещицами, у меня ушло всего несколько минут. Когда вернусь в поместье Маренго, надо не забыть прикупить у Венейбла пару яиц. Если Покойник не вернется, посажу на цепь у входа громовых ящеров и кормить их стану только-только, чтоб не сдохли с голода; тогда и чародей с Холма крепко подумает, прежде чем сунуться в мой дом.

Когда я спустился, Пудель вновь шарил на кухне. Ни стыда, ни совести.

— А у тебя вкуснее, чем у нас в «Пальмах».

— Сам такому боссу служить пошел. Тебя ж никто не заставлял.

Пудель хрюкнул.

— Готов? — Он сунул в карман пару крыльышек.

— Не совсем. — Я тоже запасся едой на дорожку. Завтракал-то я давным-давно.

87

Порой вся моя сообразительность куда-то пропадает, и я становлюсь тупым, как кирпич. Мы прошли, должно быть, с полмили, прежде чем до меня дошло:

— Эй, мы что, не в «Пальмы» идем?

— Я боссу говорил, ты вообще не заметишь. За тобой следят, может, знаешь? Вот босс и решил соломку подстелить, чтоб ему твоего счастья не перепало.

— Ишь какой предусмотрительный, — проговорил я. В следующий миг меня словно что-то подтолкнуло: я окинул взглядом стаю голубей на карнизе соседнего дома и разглядел среди сизой массы нечто красно-желто-зеленое. Подул прохладный ветерок; улица казалась неестественно спокойной для города, погрязшего в полукриминальных разборках. Осень скоро... Если мне повезет хоть немножко, Попка-Дурак решит, что гуси ему родня, и улетит с ними на север...

По-моему, мы направлялись к конюшням Плеймета; впрочем, добропорядочный, богобоязненный

Плеймет с публикой вроде Морли Дотса компании старался не водить. Предполагаемый «хвост», вероятно, определил направление раньше моего — ведь я был погружен в невеселые раздумья, которых прибавлялось с каждым днем.

Мы обогнули угол, свернули налево. Пудель шагал со стороны мостовой. Через пару шагов он вдруг навалился на меня всей своей тушей, и я буквально ввалился в открытую дверь. Портняжная мастерская, что ли? Не успел я издать и звука, как он пихнул меня дальше. Я лишь углядел мельком старуху с шитьем в руках да женоподобного юнца, захлопнувшего за нами дверь. Мгновение спустя мы очутились в дальнем конце комнаты, и я увидел уводившие вниз крутые ступени. Где-то вдалеке мерцал огонек.

— Чего встал?! — прошипел Пудель.

Я стал спускаться.

За нами захлопнули еще одну дверь, повисшую на единственной петле. Ступеньки отчаянно скрипели; лестница вряд ли могла выдержать наш сдвоенный вес, но все-таки выдержала. Когда мы достигли подножия, Пудель поднял с земляного пола светильник — треснувшую чашку, в которую до половины налили масло. В масле плавал фитилек. Пудель поморщился: верно, чашка успела основательно нагреться. Ну и ладно: он меня сюда затащил, ему и огонь нести.

— Морли настолько перетрусил?

— Смотри в оба, Гаррет, дальше проживешь.

И язык придержи.

Положительно, все вокруг с ума посходили. Может, мне тоже слегка рехнуться?

— Так всегда бывает. Жизнь наладится.— Вопрос только в том, скоро ли.— Мир — театр, а мы в нем актеры...

— Театр, говоришь? Был я тут давеча в театре, на Стрэнде который. Третий раз пьеску гляжу, а все как по-новой. «Аттербонс Кровавый», слыхал? Это про короля Аттербонса, что в старину правил.

Признаться, я удивился. На Стрэнде типы вроде Пуделя — гости нечастые. Им бы все таких зрелищ, где бабы одежду скидывают, как говорил один мой знакомый...

А Пудель продолжал рассказывать, и чем дальше, тем возбужденнее становилась его речь:

— Этот Аттербонс, он своего брательника хлопнул и на сеструхе женился, от нее сынка заимел, а тот вырос, значит, и с бабкой заодно войско набрал, чтоб папаше рыло начистить...

Короче говоря, Пудель пересказал мне весь сюжет, причем как минимум половина подробностей не имела ни малейшего отношения к исторической действительности. Сам я пьесу не видел, поэтому не мог судить, кто из них двоих напутал — Пудель или драматург. Исторический Аттербонс женился на вдове своего брата, что в те времена было в порядке вещей (однако на убийство даже тогда смотрели косо). Кроме того, за всем стояла та самая вдова: именно она подстроила убийство своего мужа, не считая других кровопролитий, а позднее приложила руку к восстанию сына — который впоследствии исчез вместе с матерью при загадочных обстоятельствах; наследовал ему его шестилетний брат-полукровка, о чьем происхождении ходили самые разные слухи.

Должно быть, эта пьеса об Аттербонсе — из новоделов. Слишком она мрачная и суровая для традиционной мелодрамы или комедии.

— Пожалуй, надо будет сходить, посмотреть, что в пьесе осталось от истории. Кто ее сочинил?

— Хрен его знает. Слушай сюда: как до конца дойдем, чтоб ни звука, понял? Там чужие края. Тишком, молчком, так и проскочим.

У Танфера великое множество секретов. Если представить их себе этакой горой, то она на две мили под землю уходит и на столько же в небо подымается. Кстати, о птичках. А не связаны ли между собой все эти подземные коридоры? Если связаны, то по ним можно добраться и до подвалов пивоварни, правильно?

И тот, кто завладеет этим лабиринтом коридоров, получит шикарный источник доходов.

Сколько я слышал всяких рассказней о людях и тварях, якобы населяющих танферские подземелья! Например, толковали о короле крысюков, по слухам, помеси верховного жреца и Чодо Контагью; сдается мне, это был крысючий идеал, к которому, верно, стремился Релианс — только ему не хватало ни мозгов, ни решимости, ни удачи.

Как ни удивительно, ни в одном из баек не упоминались гномы.

Пудель свернулся направо. Я, как мне велели, не подавал голоса. Показалась лесенка, столь же ветхая, как и в мастерской. Первым взобрался Пудель; я подождал, пока он влезет на верх, и лишь затем поставил ногу на первую ступеньку. Уж если его выдержала, то меня выдержит точно.

Лесенка вывела в комнатушку — что-то наподобие передней в купеческой доме. Обстановка с потугами на роскошь, как ее понимают обыватели, и ни души кругом. Ни тебе воплей младенцев и визга детей, ни рыка мужей и отцов, ни плача матерей и жен, ни брюзжания старииков. Но чувствовалось, что здесь живут, и что обитатели дома затаили дыхание и забились в укромные уголки, пережиная, пока мы уйдем. Возможно, для них распахнутая настежь дверь погреба была своего рода знаком беды.

Пудель пыхтел и отдувался; мне даже показалось, что с ним вот-вот случится удар. Но выяснилось, что это он просто дует на фитиль в чашке, чтоб затушить огонь. Когда фитиль погас, он поставил чашку на верхнюю ступень лестницы и захлопнул дверь.

Мы вышли на улицу и через пять кварталов наткнулись на Морли, сидевшего в гномьей забегаловке. Гномы как будто ничуть не возражали против его присутствия.

— Из-за чего сыр-бор? — справился я. — Или просто развлекаешься?

— У тех, кто следит за тобой, просто сверхъестественный нюх. Я решил проверить, так ли это.

— И все?

— Нет. Об остальном поговорим там. — Он кивнул на заднюю дверь.

Мы прошли мимо гномов-официантов, которые словно ничего не видели. Мы для них были все равно что призраки.

На что только не согласишься ради выгоды?

В комнате за дверью нас поджидали весьма занятные личности. Белинда Контагю и Пулар Синдж сидели за колченогим столиком, на котором возвышалась груда лохмотьев.

— Это что?

В этот миг Морли что было сил огrel меня по уху.

— Каво хрна ты длешь? — возмутился я. Моя фраза мне самому показалась до отвращения внятной, однако все прочие ее, по-видимому, не разобрали. Во всяком случае, мне никто не ответил.

Удар, конечно, был сильным, но не настолько, чтобы я вырубился. Я смутно сознавал, как меня тискают руки мужские и женские, крысочки и наполовину эльфийские; в конце концов Гарретта разоблачили до белья, и я стал похож на тех парней, которые просят подаяния на улицах. Пудель засунул мою одежду и все те вещицы, которые я прихватил с собой из дома, в сумку и удалился. Морли с Белиндой привязали меня к хлипкому стулу, на котором, когда мы пришли, сидела Пулар Синдж. Сама она пробормотала что-то наподобие извинения и выскользнула вслед за Пуделем.

Сознание мое то приливало, то отступало, как если бы оно превратилось вдруг в бурливое море. Удар отзывался в голове болью ото всех предыдущих. То, что я говорил, мог понять только пьяный грузчик. Или Синдж — я-то ее понимал.

Морли заявил, что если, дескать, я окажусь настоящим, он накормит меня лучшими блюдами

ми своего заведения. Я бы и рад был согласиться, да не мог это высказать.

Обещания Белинды, кстати, звучали более привлекательно.

Вдвоем они принялись тереть меня серебром.

Грубый гномий голос что-то прорычал. Морли ответил на том же языке. Белинда начала меня развязывать. Я попытался перегнуть ее через колено, но сил у меня осталось лишь на то, чтобы приподнять и уронить руку. Тогда я сказал пару слов на языке, напоминавшем по звучанию гномий, но непонятном для окружающих.

— Ты слишком сильно его стукнул, — упрекнула Белинда. Наконец-то я начал улавливать, о чем они говорят!

— Не говори ерунды. Иначе бы он дышать перестал.

— Да ты мозги ему вышиб!

— Это вряд ли. Было бы, что вышибать. Погоди минутку, он сейчас оклемается.

Ничего, Морли Дотс, придет срок, я тебе все припомню. И попугая, и эти твои слова.

— Извини, — сказал он мне, причем в голосе его не было и доли раскаяния. — Надо было убедиться, что ты настоящий. Тут объявились с полдюжины Гарретов. Насколько мне известно, при всех своих талантах ты раздавиваться еще не научился?

— Научусь, — буркнул я. — Готовься. В следующий раз один Гаррет будет обедать с Релвейем и капитаном Блоком, а другой в это же время станет запихивать тебе в глотку пернатый мешок с дермом. И хорошо, если в глотку.

Как ни странно, мне удалось все это выговорить на вполне разборчивом карентийском. Морли,

похоже, изумился и слегка обиделся, но не позволил чувствам отвлечь его от дел.

— Твой близнец объявился вчера в «Пальмах» и стал спрашивать Белинду.

Я покосился на мисс Контагью. Она что, все еще околачивается в этой забегаловке?

— Не смотри на меня так, Гаррет, — криво усмехнулась она. — Садлер с Краском хорошо поработали. Я едва могу двигаться.

— Мы сразу поняли, что это не ты, — продолжал Морли.

— Да? — Значит, у меня есть привычки, по которым настоящего Гаррета можно отличить от оборотня? Хотел бы я их знать; но для начала хорошо бы, чтоб перестала болеть голова.

— Сардж подсунул тебе тарелку с перцем. Одна из его обычных шуточек. А ты слопал и не поморщился.

— Вот идиоты! — Даже голодная свинья не станет жрать перец. А у Морли перец подают на блюде, и его там полным-полно, всех размеров и расцветок. Этакий попугай из перца. Я бы подавился одним только запахом, если бы и принял подобное угощение. — Что вы с ним... со мной сделали? — За несколько часов эти оборотни разрушат репутацию, которую я создавал годами.

— Мы его схватили, но он удрал, стоило нам отвернуться. У них, похоже костей и в помине нет. Он выбрался сквозь дырку, в которую и не всякая кошка пролезет.

Шестеренки у меня в мозгу потихоньку проворачивались. А в руке внезапно оказалась чашка — верно, ее принес гном — с чем-то на редкость пахучим. Если не ошибаюсь, это настой иво-

вой коры. Часок потерпеть — и головную боль как рукой снимет; главное потом — не отходить далеко от ночного горшка.

— Дайте сообразить. Он пришел за Белиндою, так?

— Наверное. Ты куда разговорчивей, чем твой двойник.

— Страньше и страньше. Сначала оборотни напали на дом Вейдеров. Потом на «Клич». Потом взялись за Белинду... — Я замер с раскрытым ртом. Мимолетная мысль оказалась столь важной, что упустить ее было бы непростительным грехом. — Белинда, после того как мы тебя освободили, ты сидела у Морли?

— Не сидела, а спала. В основном.

— Но со своими связывалась?

— По необходимости.

— А с Маренго Норт-Энглишем?

— С Маренго? Зачем?..

Я поднял руку, прерывая.

— Погоди. — Мысли ворочались, тяжело, но ворочались. — Прошлой ночью «Клич» пытался устроить ночь длинных ножей.

— И лопухнулся. — Морли оскалил зубы в ухмылке. Он не разделял идей Маренго.

— Между тем как его подчиненные раздавали тумаки и ломали двери, сам Норт-Энглиш пребывал на северном рубеже Квартала Эльфов, где он рассчитывал встретить Белинду и предаться с нею утехам любви.

— Что? — прорычала Белинда. — Да как ты...

— Он получил записку, в которой говорилось, что ты будешь ждать его там. И он ни на миг не усомнился в ее подлинности. — Я и сам не заподозрил подвоха, когда Маренго мне рассказывал. —

Мужчины часто поддаются соблазнам. — Вспомни я о состоянии Белинды, я бы преисполнился подозрений, едва Маренго упомянул о записке. А так... Семейству Контагю принадлежат многие строения в Квартале Эльфов, поэтому назначить встречу там было вполне естественно. Во всяком случае, для Норт-Энглиша. — Когда он приехал туда, на него напала шайка ребят в коричневых рубахах. Они бы его прикончили, когда бы не гномы, шедшие разбираясь с человеколюбцами.

— Ирония судьбы, — пробормотал Морли с абсолютно бесстрастным лицом.

— Да уж. — Я выдавил улыбку. Настой потихоньку начинал действовать: головная боль поутихла, в кончиках пальцев покалывало. — Во всех событиях есть нечто общее. А именно — оборотни. И не просто оборотни, а наемники-коммандос из отряда «Черные драконы».

— Как насчет Краска и Садлера? — спросила Белинда. — Уж они-то точно не оборотни.

— Понятия не имею, — признался я. Голова вдруг разболелась по-новой, будто Краск с Садлером, если они еще живы, помянули меня тихим недобрым словом в своих камерах. — Оборотни их наняли. — Когда есть версия, надо подгонять под нее все факты.

— Или их нанял тот, на кого работают оборотни, — добавил Морли.

Ну спасибо, удружили! Так все было стройно и просто, а теперь что?

— Не забудьте еще про Слави Дуралейника. Который тоже каким-то боком сюда замешан. — Я поморщился. Да, без Дуралейника наверняка не обошлось, иначе откуда бы взялись кентавры? Дуралейник единственный умел управлять

ся с кентаврами, ему единственному они подчинились. Никто другой не заставил бы их сражаться за идею, а не за деньги или добычу.

В комнату проскользнула Пулар Синдж. Интересно, вдруг подумалось мне, а где Фенибро? Может, она решила, что стала вполне самостоятельной и теперь обойдется без дружка? Что ж, посмотрим, как у нее получится.

— Они ушли за сумкой с одеждой. — Пулар старалась выговаривать слова как можно отчетливее. Дикция у нее уже была не хуже, чем у Фенибро. Молодец, ничего не скажешь. — Я проледила за всеми, кроме одного. Он следа не оставил.

Судя по всему, речь шла о тех парнях, что следили за мной.

Я нахмурился. Как это — не оставляет следа? Морли пожал плечами.

— Они скоро сообразят, что в мешке Пуделя только одежда, — сказала Белинда.

— Дельное замечание. Гаррет, ты можешь идти?

— Кругами.

— Тот, который следа не оставляет, похож на... — Пулар Синдж указала на меня. — У того тоже запаха не было.

Любопытно. Существует ли способ распознать оборотня? Ну разумеется — возьмите в телохранители крысюка.

89

— Кто мог подсадить на тебя «жучка»? — справился Дотс, когда мы вышли на улицу и направились к конюшням Плеймета (теперь уж

точно). Морли единственный из нас шел нормально. Я ковылял кое-как и был вдобавок полуодет. Со стороны мы, верно, смотрелись кучкой попрошаек.

Вся моя одежда, которую я носил в последние дни, принадлежала Тэду Вейдеру. Тем самым список подозреваемых оказывается не слишком велик. «Жучка» могли подсадить только в доме Вейдера, иначе до этой одежды было не добраться — ведь я ее не снимал. А в обители Макса лишь некоторым было известно, что эта одежда переходит мне.

По правде сказать, как все было проделано, меня не очень-то занимало. Скорее всего, наложили соответствующее заклинание на пуговицы брюк или на бумажки в карманах. Если понадобится, я вам за полчаса найду дюжину чародеев, способных сотворить нечто подобное за стоимость бутылки вина. А находили меня, должно быть, по камертону или по чему-нибудь вроде птичьего пера в чашке с маслом? Куда я пойду, туда оно и покажет.

— Начинает проясняться, — сказал я. — Не знаю пока, кто и зачем, но, похоже, догадываюсь, как.

— Ну? — поторопил Морли, не дождавшись продолжения.

Я повернулся к Пулар Синдже.

— Синдж, эти ребята, которые пошли за мной... точнее, за Пуделем и моими вещами. Кто именно следил — оборотень? А остальные бежали за ним по пятам?

Пулар призадумалась. Ей, наверно, было трудно определить, что имеет значение, а что нет — все-таки ее лично эти события не затрагивали.

Кроме того, она не сильно поднаторела в человеческих обычаях, которые для крысюков чудны сами по себе.

— Тот, который без запаха. Да.

— Что все это значит. Гаррет? — раздраженно спросил Морли.

— Это значит, что пелена рассеивается. Одежду пометили, чтобы знать, куда я хожу. Пометили ее оборотни. Но одежду принесли мне домой прямо от Вейдера, незадолго до вечеринки. В то время никаких оборотней в доме Макса еще не водилось. Э... Белинда, ты можешь поклясться, что не имеешь касательства к нападению на Норт-Энглиша?

— Могу, красавчик. Клянусь землей под небесами. Но если бы понадобилось, я бы с удовольствием его пришила.

— А как насчет остальных? В его движении хватает больших рыбин.

— Мы с ними договорились. Они обещали не залезать в наши угодья. Нарушить уговор они, конечно, нарушают, но пока у них времени на это не было.

— А через Садлера с Краском?

— Гаррет, пораскинь мозгами. Я для себя решила, что Маренго слишком занят собой и своими предрассудками, чтобы нанимать эту парочку. Он бы послал подчиненных. И остальные большие рыбы, думаю, тоже. По крайней мере, с первой попытки.

Я припомнил слова Тамы Монтеумы: дескать, библиотекаря найти трудновато, потому что Маренго и прочие не желают платить приличных денег.

— Сходится, — пробормотал я.

- Что сходится?
- Синдж, как выследить того, кто не оставляет запаха? — Для верности я добавил поясняющий жест, дабы мы поняли друг друга наверняка.

Пулар Синдж — серьезная молодая особа, готовая трудиться не покладая рук при наличии достойной цели. Вообще великая вещь — целеустремленность: было бы желание, а с желанием и горы свернуть можно.

- Я бы следила за теми, кто идет за ним, — ответила Синдж, поразмыслив. — Но они могут бросить погоню, когда поймут, что их перехитрили.

В последнее время мне удавалось перехитрить разве что себя самого. Но Синдж мы об этом напоминать не станем, верно?

Когда Пулар отвернулась, Белинда и Морли одарили меня усмешечками. Таковы друзья: всегда готовы подколоть, чтоб показать, как они вас любят. Впрочем, если так рассуждать, получится, что у Гаррета в друзьях весь мир.

- К Плеймегу идти нет смысла, — сказал я. — Им наверняка известно, что мы с ним дружны. Пойду я лучше к Вейдеру. — Возвращаться в поместье Маренго в темноте — уж увольте. — Синдж... Куда она подевалась?

— Побежала следить за теми, кто следит за тобой, — отозвался Морли.

— Она влюблена, Гаррет, — добавила Белинда. — Такое случается со многими женщинами, которые видят тебя в первый раз. Она готова расшибиться в лепешку, лишь бы ты погладил ее по спинке. Подожди недельку, она придет в себя.

Выложив все это, Белинда хихикнула, Морли расхохотался, а сверху, с высоты второго этажа, донеся утробный гогот и нечто желто-зелено-красное сорвалось с карниза, размахивая крыльями. Дотс, как ни странно, ничего не заметил. Возможно, попугай показался только мне — так сказать, дал понять, что знает, где меня искать в случае чего.

90

— Извини за прямоту, но выглядишь ты, как дермо на палочке, — изрек Макс. — По мне, уж лучше бы совсем разделся. Где та одежда, которую мы тебе дали?

— Потерял и пришел за новой, — холодно предположил Гилби.

— Скажите честно, за последние сутки я тут ничего не натворил?

— А должен был? — устало осведомился Манвил.

— Дело в том, что по городу бегают мои двойники и устраивают пакости. А вы, ребята, какие-то смурыне. Вот я и подумал...

— Прости, мы не нарочно. Так уж получилось. А смурыне мы оттого, что ты ничего не выяснил. Плюс стоит тебе появиться, как начнется всякая хренотень.

Я не моргнул и глазом. Против правды что возразишь?

— Думаю, скоро все изменится. Картинка по-тихоньку проясняется. Я хочу знать, кто паковал одежду, которую вы мне прислали. На ней был «жучок», следящее заклинание, и оборотни могли следить за каждым моим шагом. — Жаль,

что я на деле не могу развоиться. В моей профессии такая способность была бы неоценимым подспорьем.

— Дженорд, — ответил Макс. — Одежду упаковывал Джеррис Дженорд. — Только он это сказал, как я и сам вспомнил: имя Дженорда поминалось. Вот и доказательство. Да... Может, меня слишком часто по голове били, что я очевидные вещи пропускать стал? Или от пива отупел?

Признаться, я даже немного обрадовался. Хорошо, что это Дженорд. Гилби подозревать не хотелось, он мне нравился.

Теперь ясно, чего Дженорд так разнервничался, когда Ланс с Таем его у двери застукали. Наверняка там был кто-то посторонний, кто-то, кого не должны были увидеть... Но что его связывало с оборотнями? Сам-то он не оборотень, мы это установили.

Одну ниточку между Дженордом и Черными Драконами я мог назвать и сам. Братство коммандос. Как бы Дженорд ни выглядел, у него имелась нарукавная повязка вольного сообщества, состоявшего из бывших коммандос. С прибытием в город полковника Теверли Братство Волка, до того ходившее в фаворе, оказалось не у дел — во всяком случае, формально. Но я был уверен, что они по-прежнему действуют, по-прежнему подсобляют Норт-Энглишу. И гот оборотень в поместье Маренго...

— Чего?

— Я сказал: «Почему бы не спросить Дженорда?» — повторил Гилби. — Он же в тюрьме, правильно?

Разумеется, правильно. Но тащиться в Аль-Хар было свыше моих сил. И без того я за сегодняшний день отмахал немало миль.

— Не возражаете, если мы с друзьями у вас чуток передохнем?

Действие настоя заканчивалось. синяки и шишки болели все сильнее, а глаза слипались сами собой.

— Подыщи им местечко, Манвил, — велел Макс. По его тону можно было догадаться, что он разочаровался во мне. Что ж, я не виню его. Я и сам в себе разочаровался.

Старательно избегая коридоров, где навстречу могли попасться слуги, Гилби провел нас в комнату, предназначенную, судя по всему, для отдыха заезжих торговцев. Белинду он не узнал, а с Морли он знаком вообще не был (по с ходу угадал, что перед ним — эльф-полукровка) и держался до отвращения вежливо.

Мы с Морли уступили Белинде единственную в комнате кровать (мужчины мы или нет?). Я разложил постельное белье на полу. У Дотса спа не было ни в одном глазу. Он никак не мог успокоиться и бормотал себе под нос; что такая у него планида — услуги оказывать.

— Займись делом, пока я дрыхну. Попытайся понять, на что нужна пивоварня, кроме как варить пиво.

— Зачем?

— Затем, что все началось именно с нее. Оборотни хотели подменить Вейдеров. А это имело смысл лишь в одном случае: если они стремились прибрать к рукам пивоварню. — Я улегся. Пол был мягче самого податливого камня. Спать... спать...

Меня пнули под ребра. Не открывая глаз, я догадался, кто это. Белинда. Только женщина пинаят под ребра. Мужчина обычно метит по бедру или пониже спины.

Я хрюкнул.

— Вставай, Гаррет. Четыре часа прошло. Мы с Дотсом не собираемся до конца жизни слушать твой храп. Не те обстоятельства. Если я задержусь еще немного, мне уже можно будет никуда не возвращаться.

Я сел, потряс головой, прогоняя остатки сна.

— А почему раньше не разбудили?

— Тебе следовало высаться, — откликнулся Морли. — На твоем месте я бы домой пошел и снова в кровать завалился. Видок у тебя, между прочим...

Ну, видок. Ну и что? Мало ли у кого какой видок?

Белинда тоже выглядела уставшей. Я почувствовал укол совести. Ей отдых был нужнее, чем мне. Однако она и не подумала отдыхать.

— Вы, часом, не забыли упомянуть ни о чем важном?

Морли искоса поглядел на меня, но промолчал. Белинда смотрела прямо перед собой.

— Спасибо, что согрели меня по башке и что от «хвоста» увели. — Я потер ухо. — Но вот чего я понять не могу — с какой стати?

Морли пожал плечами.

— Крысючиха попросила, — ответила Белинда, не глядя в мою сторону. — Испугалась, что они с тобой что-нибудь сделают.

Так-так. Похоже, я оказался в центре некой сделки между Семьей, Релиансом и Морли Дотсом. Надеюсь, они не умрут от огорчения, когда поймут, что я играю по своим правилам.

— Не знаю, как у тебя получается, Гаррет. — Морли ухмыльнулся и развел руками. — Эта Синдж готова за тобой хоть в преисподнюю отправиться и там тебе прислуживать.

Белинда поднялась и кисло добавила:

— А эта дурашка-блондиночка, которая недавно сюда заходила, так расстроилась, что ты не один.

— Аликс? Да она просто избалованный ребенок.

Морли снова усмехнулся и одарил меня изгибанием брови в своем собственном варианте.

— Может быть, — нехотя согласилась Белинда. — Она принесла еду.

— На твое счастье, мы сожрали не все. — Доткнул пальцем. — В мешке твоя доля.

Провожать нас никто не провожал. Дом Вейдера напоминал огромный мавзолей. Самый воздух в нем был пропитан отчаянием, истекавшим, казалось, из комнаты Тома. Мне вдруг стало странно — а что, если беды Вейдеров еще не закончились?

— С оборотней станется вернуться, — пробормотал я.

Хотя капитан Блок должен быть на страже. По слухам, это его работа.

91

На улице было темнее обычного, и прохожих попадалось непривычно мало. Нас окидывали недружелюбными взглядами, но открытого вызова никто бросить не посмел. Я заметил, что некоторые горожане, особенно беженцы, готовятся к отъезду. Ночь длинных ножей все же прошла недаром.

Город дрожал от напряжения. Половина населения Танфера — не-люди, и в большинстве своем они ведут ночной образ жизни. Но для людей, объединенных идеей, количество противника не имеет значения. Вдобавок не-люди и между собой не ладят. К примеру, эльфы враждуют с гномами уже которое тысячелетие. Так что, если начнется серьезная заварушка...

— Бескровная победа, — мрачно произнес я. — «Клич» добился своего, напугал обывателей.

— Верно. Но жизнь продолжается.

Возможно, Морли знал что-то такое, чем не хотел делиться. Впрямую он, разумеется, ни во что не ввязывался. Сколько я его помню, он всегда поддерживал нейтралитет.

— Если у Маренго остались хоть какие-то мозги, — сказала Белинда, — он спрячется и не будет ничего предпринимать. Он уязвил гордость Аллегруана и Дрижкакгула Гнариссона, теперь они будут держаться заодно. — Аллегруан и Дрижкакгул — это танферские вожди эльфов и гномов соответственно. — Но союз распадется, если дать им время припомнить старые обиды.

— Ты права, — согласился Морли. — Уже пошли разговоры. Один из братьев Аллегруана попался с дядькой Дрижкакгула в ту самую ночь, и все потому, что прабабка Гнариссона была сестрой Бурли Бурлиссона, который напал на эльфов в каньоне Зенда, когда они возвращались домой после нападения на пещеры гномов в Стальной горе.

— Долгая у них память, однако. — Я и не слыхал об этой стычке в каньоне. У Каренты история многовековая, всего не упомнишь и не за-

зубришь, тем более когда случившееся не касается тебя и твоего народа. А предательства и ве-роломства в ней всегда хватало. Среди лесных эльфов, кстати сказать, предательство — высшая форма искусства.

— Ему так и ответили. Если уж на то пошло, Бурли съязмальства был не в ладах с хорошими манерами.

Вот что значит очевидец, хоть и полукровка.

— Морли, меня восхищает твоя способность во всем находить смешное.

— Смешно оно по нынешним меркам, Гаррет. А по меркам той поры, что гномым, что эльфийским, Бурли повел себя очень некрасиво. Он даже пленных не брал. Убил всех эльфов, поотрезал им головы, насадил на пики и выставил эти пики на опушке леса Тромдредил. А оправдывался тем, что провел несколько лет в Танфере и заразился человеческой кровожадностью и человеческим безумием. Ладно, пора расходиться. Передавай привет тюрьме.

Они с Белиндой растаяли во мраке. А у меня было столько вопросов!

92

— Не надо! — воскликнул я, заметив, что меня вновь собираются треснуть по макушке — за то, что я попросил встречи с капитаном Блоком. — Это настоящий я. Хоть всего серебром оботрите. Или суньте мне под язык монету. Только по голове не бейте!

Мгновение спустя меня окружила целая толпа. Лица сплошь незнакомые, если не считать Рельвея. Наконец подошел Блок, смерил меня взглядом и

приказал удостовериться. Крепкие руки крепко держали Гаррета, пока парень с серебряным кинжалом проверял мою способность к изменению облика.

Извиниться никто и не подумал.

— Ты сегодня уже забегал, — сообщил Блок. — Но мы тебя раскололи.

— Да ну? И как же?

— Мы знали, что ты в поместье Норт-Энглиша. За тобой, конечно, грехов много, но склонности к раздвоению вроде не водилось.

— Узнал что-нибудь? — требовательно спросил Релвей.

— Этим утром мы долго беседовали с Маренго один на один. Могу пересказать, о чем шла речь, слово в слово, но вряд ли ты услышишь что-то для себя новое. Их секреты — чушь собачья. — Тем не менее я выложил Релвею все подробности разговора с Маренго, так, на всякий случай. А потом поинтересовался у Блока: — Этот я, который не я... Что ему было нужно?

— Он пытался уговорить дежурного надзирателя, чтобы тот отпустил Садлера с Краском. А надзиратель, олух, уши и развесил... Будь эта парочка в состоянии ходить, их бы след давно простыл. Но надзиратель явился ко мне с просьбой предоставить транспорт. Я припомнил, что тебя в городе нет, и спустился выяснить, в чем, собственно, дело. Оборотень понял, что прошёлся, и удрал прежде, чем мы успели его схватить.

— Значит, мои добрые друзья по-прежнему у вас?

— А куда они денутся? Камеры под завязку забиты. Правда, на меня давят с Холма, требуют

отпустить всех, кто так или иначе замешан в событиях прошлой ночи.

— А как там Джеррис Дженорд? Удалось вам его расколоть? Я нашел доказательства его связи с оборотнями. — Или с неким посредником между оборотнями и человеколюбцами; эта версия мне самому казалась наиболее правдоподобной. Вряд ли Дженорд намеренно причинил зло Вейдерам. И вряд ли он сознательно помогал оборотням проникнуть в дом. Скорее, он был пешкой, которую передвигали таким образом, что любой ход непременно влек за собой малоприятные последствия для окружающих. Вполне возможно, он в конце концов сообразил, за кого его держат, и именно запоздалым раскаянием и объясняется его состояние в ту ночь, когда с ним повстречались Тай и бедняга Ланс.

— Мы еще его не допрашивали, — сказал Релвей. — Некогда было. Хлопот полон рот.

Однако за мной проследить он не забыл, хорек этакий.

— Могу я с ним поговорить?

— Погоди, позову ребят, и вместе сходим.

— Я не собираюсь вырывать ему ногти. Всего-навсего хочу пару вопросов задать.

— Если за твоей спиной буду я, со щипцами в руках, у него быстрее язык развязется. Не беспокойся. Вмешиваться я не стану.

Релвей — это Релвей. Ему интересно все: и какие вопросы я буду задавать Дженорду, и что Дженорд мне ответит.

Ну и ладно.

— Тогда пошли.

— — —

Когда мы вошли в камеру, Дженорд спал, но мгновенно проснулся и сел, дико оглядываясь по сторонам. Камера у него была на редкость омерзительная, словно из кошмаров спятившего палача. С другой стороны, ему не приходилось ни с кем ее делить. А в прочих камерах узники в буквальном смысле сидели на головах друг у друга.

— Удобно? — справился я. — Я заглянул посмотреть, как о тебе заботятся. — Дженорд изменился; и перемена эта в парне, которого сунули в Аль-Хар, была несколько неожиданной: он словно заматерел, взгляд сделался ледяным. Коммандос в натуре. Как говорится, с кем поведешься — топором не вырубишь: наякипался с оборотнями и тоже превращаться стал.

Мой вопрос остался без ответа.

— Я вот что подумал, — сказал я Релвею. — Как по-твоему, оборотни знают, что мы его поймали?

— Наверняка. Тот, который за тебя сойти пытался, видел Дженорда, когда Краска с Садлером навещал.

— То есть, если он что-то знает, его попытаются либо выкрасть, либо успокоить навсегда? — Обоим — и Релвею, и Дженорду — почудилось, будто они понимают, куда я клоню. Но я поспешил развеять их предположения. — А если мы его выпустим? Что решат его дружки?

— Что он их продал, — немедленно отозвался Релвей. — Мне это нравится. И место освободится, а то камера на одного по нынешним условиям — чересчур вольготно. Да и на еде сэкономим, а то корми его, пока судья не приговорит к виселице. Сам знаешь, мы на

бюджете. Кого содержим, за того и отчитываемся.

Можно подумать, я ему поверю! Блок мне кое-что рассказывал о том, как финансируют Стражу.

Я повернулся к Дженорду.

— Братство Волка состоит из бывших коммандос, так? А оборотни — Черные Драконы Вальсунга — воевали в Кангарде. Наемная элита. Небось, вы с ними на фронте спелись? — Помолчав, я высказал мысль, которая давненько не давала мне покоя: — Или вас свел Слави Дуралейник?

Маска безразличия на какой-то миг спала с лица Дженорда. Глаза его расширились, снова сузились. Он кивнул.

— Да, Дуралейник за всем стоит.

— Врет, — театральным шепотом сообщил Релвей.

— Думает, что врет, — поправил я. — Точнее, думал, а теперь гадает, не оставили ли его с носом. — Дженорд и впрямь выглядел так, словно засомневался в своих неведомых хозяевах.

Мне показалось, он хотел что-то сказать, но передумал. Выбрал молчанку, как самое безопасное. Что ж, я его понимаю. Он ведь не главный и потому должен верить в своих боссов. Верить в то, что они его спасут.

Коммандос в этом отношении похожи на морскую пехоту. И те, и другие своих в беде не бросают.

Я сказал об этом Релвею. Тот выпятил подбрюшок: дескать, пусть только попробуют.

Итак, имен мы не услышали, бесспорных доказательств не нашли, зато теперь знаем твердо,

что между шайкой Дженорда и оборотнями существует некая связь. Остальное я надеялся выяснить в поместье Маренго.

— Подержите его еще немного, чтоб у меня было время рассказать о нем в паре-тройке мест. А потом выпускайте.

Тай Вейдер знает толк в мести. Ему мой способ точно понравится. Правда, Дженорд может и выкрутиться, если сумеет запудрить мозги своим дружкам...

По-моему, этим талантом его природа обделила.

Релвей оставил при Дженорде охранника — на тот маловероятный случай, если Джеррис решит покончить с собой. А сам испарился по дороге к кабинету Блока.

— Краска с Садлером проверять будешь? — спросил капитан.

— Зачем? Ты говоришь, что они никуда не денутся. Этого с меня вполне достаточно. Поправляются хоть?

— К несчастью, да.

— Осторожнее с ними, капитан. И не забудь: на волне хватает тех, кто готов о них позаботиться.

— Я помню. И даже кое-что придумал. — Блок зловеще усмехнулся.

— Хочешь их как наживку использовать? Тогда и братца Дженорда не забудь.

— Его можно вычеркнуть из списка. — Снова зловещий смешок. — Мы их всех поймаем, Гаррет.

— Не сомневаюсь. Надеюсь только, что к тому времени хоть кто-то из моих друзей в живых останется.

— Друзья полезны и мертвыми: они тебе mestечко в преисподней приготовят. Знаешь, что тебя там ждет? Бочонок пива в каждом углу и орда распаленных девиц.

— По-твоему, это преисподня?

— А что, не нравится?

— Да нет, нравится, но я пока туда не хочу.

Блок скривил физиономию.

— Экий ты привередливый.

— Своей дурной славой я обязан исключительно миссис Кардонлос.

Неужели капитан моргнул? Или мне показалось?

— Что дальше делать будешь? — спросил он.

— Вернусь в поместье Норт-Энглиша. Я почти уверен, что лично он тут ни при чем. Хотя меня одурачить несложно... Ты-то как считаешь, он и вправду верит в то, что говорит?

— Я стараюсь не прислушиваться к словам таких личностей. Главное — не что они говорят, а что делают.

— Кстати, ты сказал, что с Холма на тебя давят.

— Подавят и перестанут.

— Выходит, на Холме поддерживают «Клич»?

— Пока он побеждает. Никто не желает болтаться в соседней с Маренго петле, если они в конце концов опростоволосятся.

Приближался час волка — самое холодное, самое жестокое время ночи, когда отчаяние проникает даже в сердца записных храбрецов. Час, когда на улицы высыпают отъявленные негодяи из троллей и огров. В такой час одинокому сыщику, у которого слишком много врагов, не след покидать гостеприимный кров.

— У тебя нет свободной камеры на пару часиков? До рассвета, не дольше?

Солдат спит, служба идет; в эту ночь может случиться что угодно, но я все равно лягу спать, а утром уж поглядим, что там стряслось.

— Есть одна, с твоей фамилией на двери. Шучу. Ложись в моем кабинете. Я спать не собираюсь, мне работать надо. Донрошу кой-кого. — Что такое час волка, Блоку объяснять не требовалось. Самое подходящее время для допроса тех, кто валяется в кандалах на куче грязной соломы, дрожит от холода, обирает с себя вшей и отгоняет крыс.

— Спасибо. Вели, чтоб меня разбудили на рассвете. — Прежде чем он успел отпустить очередную шуточку, я прибавил: — Хочу повидать солнце, пока не помер.

Вот и койка. Я вытянулся во весь рост. Уф! Поспать дважды за ночь — какое блаженство! И самое приятное — ни одной говорящей пернатой твари поблизости.

93

Разбудил меня вовсе не кто-либо из блудущих закон Блоковых бандюг. Разбудила меня Пулар Синдж. Я чуть не завопил спросонья, честное слово.

— Ты как сюда пробралась?

Она испугалась. Мне пришлось долго ее успокаивать, прежде чем я сумел добиться сколько-нибудь внятного ответа. От испуга она сильно прищептилась, а понимала человеческую речь гораздо хуже прежнего. Ну, некоторое время спустя я выяснил, что она просто вошла в Аль-Хар,

следуя за моим запахом. Охранников на дверях не было. Не было, и все.

— А трупов?

— Я не видела.

— Проклятие! Надеюсь, с ними ничего дурного не случилось. — Отсутствие охранников могло означать лишь одно: на тюрьму напали, и все кинулись отражать нападение. Кто напал? И живы ли до сих пор Блок и Релвей? Признаться, бежать узнавать особого желания не было. — А ты зачем пришла? — Я проснулся окончательно, встал и принялся аккуратно подталкивать Синджа к ближайшей двери на улицу. В приступе стратегической гениальности я сообразил, что чем скорее мы отсюда уберемся, тем лучше для нас.

— Релианс приставил нюхачей ко всем, кто следил за тобой. Он считает, что теперь, когда ты оторвался от того, у кого нет запаха, остальные побегут к своим хозяевам. А за тем следила я сама и двое моих друзей. Его можно выследить.

Мы подошли вплотную к двери. Мне почудилось, я различаю в отдалении злобный смешок Блока.

— Каким образом?

— Он не оглядывается. Не замечает тех, кто не человек. Поэтому за ним легко следить. Даже Фенибро хватает ума иногда оборачиваться. Мы следили по очереди. Подменяли друг друга.

— Гм... — Чем дальше, тем в большем долгу у крысюков я оказываюсь. Не нравится мне это, по правде говоря. Рано или поздно должок придется возвращать. И, насколько я знаю Релианса, там и проценты набегут.

На улице было уже достаточно светло. С реки наползал туман. Должно быть, это случается не так чтобы редко, но я обычно в этакую рань не встаю и потому никакого тумана не вижу.

Для некоторых рано — уже поздно. Синдж явно чувствовала себя на свету неуютно, но шагала рядом со мной, излагая в подробностях все, что крысюкам удалось выяснить о моих преследователях. Я был весьма польщен таким интересом к собственной персоне. Мои друзья ухитрялись следить друг за дружкой и при этом узнавать факты, полезные для меня.

За мной не следил разве что Макс Вейдер. Но ему обо всем, что со мной происходит, докладывает Релвей, а уж он-то приставил ко мне целую ораву.

И где он столько народа набрал?

Мысль о том, что он отыскал столько людей, фанатично преданных закону и порядку, пугала ничуть не меньше той, что всякие Маренго Норт-Энглиши и Бондуранты Алтуны с такой легкостью вербуют себе новых приверженцев.

Начинался новый день. Люди потихонечку вываливались на улицы. Многие из них наверняка поддерживали Маренго. Им очевидно не нравилась моя компания.

Человек и крысюк — что у них может быть общего?

По-моему, мужества Синдж надолго не хватит. А моего?

— Я не могу оставаться, — сказала она.

— Понимаю. Пока не ушла, скажи, пожалуйста, вот что: удалось ли вам найти других без запаха?

— Да. Он пошел прямо туда, где его ждали другие.

— Ага! И где это? И сколько их там было?

— Трое и тот, за которым мы следили. Они говорили на непонятном языке. Близко я подобраться не могла. Они были настороже. Беспокоились.

— Но ты была достаточно близко, чтобы расслышать разговор?

Она торжественно кивнула.

— Мы часто подбираемся ближе, чем думают.

Я приобнял ее за плечи. Синдж едва доставала мне до пояса. Почему-то, когда мы шли, она казалась выше.

— Ты молодец, Синдж! Ты просто умница!

Оказывается, крысюки умеют мурлыкать. Я слышал, как мурлычат кошки и еноты, но вот крысы... А Синдж именно замурлыкала от удовольствия.

— Но больше на рожон не лезь, ладно? Эти негодяи очень опасны. Им убить кого-либо — раз плюнуть. А если с тобой что-нибудь случится, я себе никогда не прощу.

Синдж замурлыкала громче прежнего. Я услышал словно наяву хихиканье Морли и Белинды. Пожалуй, пора остановиться, а то совсем девчушке голову задурю.

— Где они прячутся?

Синдж затруднилась с ответом. Крысюки не разбираются в таких вещах, как названия улиц и номера домов. Впрочем, последнее в ходу только на Холме. А простой народ считает так: мой дом в стольких-то дверях от той или иной местной достопримечательности. Скажем, от таверны.

А таверны в большинстве своем называются по вывескам, которые легко запомнить и неграмотному. «Веселый крот». «Холодный шов» — это таверна гномов. Или «Пальмы» — пристанище людей с тугими кошельками и чрезмерным самомнением.

Худо-бедно я начал понимать. Тем более, что Синдж перешла на язык жестов.

— Лампа? У реки? Но там же нет таверн... Ах, пивоварня Лампа? Ее же двадцать лет как прикрыли...

Идеальное место! Пивоварня Лампа, конечно, уступала размахом пивной империи Вейдера, но в пору своего расцвета исправно снабжала дешевым пивом рабочий класс. Старики до сих пор вспоминают это пиво добрым словом. Наверное, за давностью лет любое пойло кажется живой водой. А между тем, будь пиво Лампа настоящим пивом, его пивоварня существовала бы по сей день.

— Очень интересно. Спасибо, Синдж. — Надо известить Релвея. Мы с ним обязательно наведаемся к реке когда я вернусь из поместья Маренго.

Значит, у оборотней есть пивоварня. Которая не действует и которую, судя по всему, уже не запустить снова. Все, что на ней было полезного, давным-давно растащили.

— С меня причитается, — сказал я. Синдж замурлыкала еще громче. — Но тебе, а не Релиансу. Он явно замышляет что-то нехорошее.

Девчушка промолчала. Самое правильное, что она могла сделать. Если нас, наче чаяния, подслушивает кто-то из ее сородичей, ей в вину поставить будет нечего.

Я хмыкнул.

— Ты лучше всех. Слушай, мне нужно прогуляться за город, а ты ступай домой и отоспись. И перестань рисковать собой ради этого шалбера.

Синдж остановилась. Набралась храбрости, поглядела мне прямо в глаза (для крысюка это самый настоящий подвиг). Потом протянула лапу. Я в ответ протянул свою. Мы обменялись коротким, нервическим рукопожатием.

— Спасибо, что ты не злой.

— Злой? В каком...

Пулар Синдж свернула в переулок и растворилась в нем беззвучнее тех хвостатых грызунов, от которых произошел ее народ.

94

Шагая к городским воротам, я нежданно-негаданно обнаружил, что за мной снова следят. Целых трое, причем явно профессионалы. Но теперь у них не было прежнего преимущества: ведь на мою новую одежду никаких следящих заклинаний наложить не успели. Поэтому им приходилось держаться ко мне почти вплотную, а это означало, что я рано или поздно должен их заметить — конечно, если не стану, по обыкновению, считать ворон.

Один из трех — рельвеевский громила, которого я видел в доме Вейдера. Значит, мои друзья-приятели в Аль-Харе нашли время вспомнить обо мне даже в той суматохе, которая охватила тюрьму этим утром.

Кстати, а кто напал на Аль-Хар? Оборотни, по словам Синдж, отсиживались на пивоварне Лампа. Неужто дружки Дженорда?

Скоро узнаю, не от Релвея, так от Блока. Если они будут в настроении рассказывать.

Честно говоря, даже под присмотром недреманного ока Стражи я чувствовал себя беззащитным. Во-первых, один-одинешенек. Во-вторых, без какого бы то ни было оружия, кроме собственных мозгов. А встречные провожали меня оценивающими взглядами. Еще бы — в наши дни человек, который расхаживает по танферским улицам в одиночку, либо уверен в себе на все сто, либо полный кретин.

Я напыжился, показывая, что уверен в себе на все двести.

Подул холодный ветерок. Как всегда, я забегался и не уследил за погодой. Между тем на юге громоздились тучи. Чего доброго, и грозу нанесет. В это время года грозы обычно начинались после полудня. Что ж, если потороплюсь, то, может, и успею вернуться в город до грозы...

Когда я добрался до поместья Маренго, резко потеплело, а тучи стали менее зловещими. Правда, едва похолодает, они снова разбухнут.

Эй! Что-то не припомню, чтобы кто-либо обращал особое внимание на подобные вещи. Разве что фермеры. Но на предсказании погоды можно заработать просто бешеные бабки. Вон властители бурь — какие они деньжищи заколачивают только на том, что творят погоду в конкретной местности! С другой стороны, есть и более приятные способы набить мошну. Магия действует на самого мага куда сильнее, чем на окружающий мир.

На дороге было оживленно, но я уже не беспокоился; все мои страхи остались за городской стеной. Здесь я был всего лишь одним из

толпы попрошаек. Повсюду виднелись мундиры и нарукавные повязки — должно быть, Маренго и его присные в городе устроили совещание через вестовых. Как ни странно, через ворота меня пропустили сразу; видно, мистер Нагит и впрямь не забыл предупредить. Теперь ворота охранялись как следует. Разумеется, отряд кентавров пробился бы без труда, но все прочие, пожалуй, призадумались бы, прежде чем атаковать.

А кстати, что стало с теми кентаврами? Блок и Релвей обещали мне связаться с армией. А может, это сделал мистер Нагит — или полковник Теверли. Ситуация требовала вмешательства. Не хватало еще, чтобы в окрестностях Танфера шлялись вооруженные банды.

От ворот к усадьбе меня вызвался проводить юнец, отдаленно напоминавший Гаррета шести- или семилетней давности.

— Ты пешком пришел? — спросил он недоверчиво.

— Угу. А ты, небось, в кавалерии служил?

— Точно.

— Ясненько.

— В смысле?

— Ничего личного, дружище. Просто я не люблю лошадей. Какие новости со вчерашнего вечера? — Лучше сменить тему. Кавалеристы терпеть не могут, когда дурно отзываются о лошадях. Это меня всегда поражало: вроде бы в остальном толковые ребята...

— Да никаких. Начальство совещается. Старик злой, только что не кусается. Нос-то ему утерли.

Неужели Норт-Энглиш поплакался в жилетки подчиненным? Я спросил в лоб.

— Нет, что ты! Молчит, как рыба. Другие расстреляли, кто с ним был.

Любопытно. Мне Маренго говорил, что он единственный уцелел в стычке. И я не сомневался, что он говорил правду.

— Слушай, перескажи мне, пожалуйста, что там в лагере болтают.

Юнец охотно откликнулся на мою просьбу. Его рассказ почти в точности соответствовал рассказу Маренго.

Страньше и страньше.

Почему так получилось? Большинство из нас предпочитает скрывать свои промахи и ошибки. Маренго Норт-Энглиш не производил впечатления человека, склонного к публичному самобичеванию. В чем же тогда причина?

А если он поделился с кем-то, кто не стал хранить его тайну? Или... Или в лагере скрывается один из нападавших, который все и рассказал?

95

Мое возвращение, верно, показалось Маренго подарком судьбы. Не прошло и пятнадцати минут, как я уже сидел в его полутемном кабинете. Судя по выражению лица, он жадно ожидал хороших новостей. Придется его расстроить. Я не стал тянуть.

— Вам известно, что весь лагерь знает правду о событиях прошлой ночи? Мне историю пересказали чуть ли не вашими словами.— Наверняка и Тама слышала. Самое время поинтересоваться, что она об этом думает.

Глаза Маренго сузились. Вероятно, от гнева.

— Я рассказал только вам, — прорычал он. И уставился на меня. Понятия не имею, что он расчитывал увидеть.

— Я был нем, как камень. — Я притворился, что размышляю. — Вы вроде говорили, что те, кто на вас напал, были в форме «Клича»?

Норт-Энглиш крякнул и насупился. Эта мысль, естественно, была ему крайне неприятна. Однако от нее, как ни крути, было никуда не деться. Юнец, проводивший меня в усадьбу, поведал по пути, что Маренго отсиживается в кабинете и никого не принимает, кроме Тамы. Даже телохранителей прогнал; судя по всему, он начинал подозревать всех и каждого.

— Я видел Белинду, — продолжал я. — Она поклялась, что приглашения не посыпала и нападать не нападала. Я ей верю.

Норт-Энглиш снова крякнул. Утонченный аристократ на глазах превращался в плебея. Куда запропастилась былая любезность? Он сидел, глядя перед собой, и напряженно думал. Некоторое время спустя встряхнулся, как собака, и уставил на меня палец.

— Дальше.

Я изложил пару-тройку идей, пришедших мне в голову по дороге из города. Маренго внимательно выслушал. Похоже, он проникся ко мне доверием; хуже того, я потихоньку становился для него кем-то вроде оракула.

— Вы уверены, что между Братством Волка и Черными Драконами существует связь?

— Прямых доказательств нет, но косвенные улики лично мне кажутся убедительными.

— Косвенных мало.

— Ищем. Стражка тоже подключилась к расследованию. Вполне возможно, что Волки и

Драконы спелись еще на фронте. Кроме того, оборотни могут быть как-то связаны и со Слави Дуралейником.

Маренго поморщился: этого имени он не хотел слышать вовсе.

— Что вы предлагаете? — Только что передо мной сидел Маренго Норт-Энглиш, униженный и оскорбленный в лучших чувствах; и вдруг он исчез, а вместо него появился тот, кому хотелось безоговорочно верить, тот, кто готов без жалости истреблять своих противников. И голос его теперь звучал тверже и суровее.

— Я предлагаю рискнуть. Есть у вас люди, которым вы доверяете целиком и полностью? Прежде чем ответить, припомните, что Волки — ваши, можно сказать, телохранители.

Маренго испепелил меня взглядом. Ничего, мы оgneупорные.

— Или я сам подыщу нужных людей. — Можно подумать, он уже согласился.

— Объясните поподробнее.

Я объяснил. Он нахмурился. Похоже, его что-то смущало, причем что именно, он и сам не мог сказать.

Помолчав, он внезапно спросил:

- Библиотека вас больше не интересует?
- Еще как интересует. — Я вкратце похвалился своими разысканиями.
- Вейдер сотрудничать будет?
- Думаю, да, — ляпнул я, хотя с Максом мы эту тему и вскользь не затрагивали.
- Понятно. Что ж, выбирать не приходится. Сколько людей вам нужно?
- Десятка два. Для подстраховки.

— Хорошо. Когда приступаем? — Пять минут назад он и пальцем о палец ударить не желал.

Наедине Маренго Норт-Энглиш казался совсем другим человеком. Это перед своими сторонниками он выпендривался, а один на один вел себя вполне разумно.

— Как только, так сразу. Скажем, завтра вечером. Надеюсь, успеем все подготовить.

— Договорились. За дело, мистер Гаррет. Найдите Нагита. Ничего ему не говорите, просто попросите зайти ко мне. Я его введу в курс, потом пошлю к вам, так что вам не придется скакать туда-сюда каждые три часа.

— Спасибо за заботу. Вообще-то я не скаку, я пешком хожу. — С этими словами я направился к двери.

— Что за бред, Гаррет? Почему вы до сих пор себе лошадь не подобрали?

— Ноги тренирую. — Ведь наверняка знает, клоун. Должен был разузнать перед тем, как мне работу предлагать.

Маренго усмехнулся.

— Ясно.

Точно знает. И не только про лошадей. У меня возникло ощущение, что ему известна вся моя жизнь, до мельчайших подробностей. Еще и дразнится, паразит. Или дает понять, чтоб я не рассчитывал на приобщение к кругу избранных? Что у нас не более чем брак по расчету?

— И скажите Нагиту, что я велел дать вам наряд попристойнее, — прибавил Маренго. — Будет очень жаль, если все пойдет в задницу из-за того, что вас заберут в богадельню.

В задницу? С чего это вдруг Норт-Энглиш стал изъясняться на простонародном языке? А как же сверхчеловеческие манеры?

96

В коридоре я столкнулся с Тамой. Она держала в руках поднос с чайником, двумя чашками и рулетом. Пахнуло свежезаваренным чаем. Мисс Монтецума как будто рада была видеть меня, однако глянула с подозрением.

— Надеюсь, на сей раз вы задержитесь по-дольше? — хрипловато проговорила она.

У меня по спине побежали мураски. Колени мои подогнулись, ноги стали ватными. Эта женщина умела сказать многое, не сказав ничего!

Ее улыбка сделалась шире. Ну конечно, ведь рядом со мной не было Тинни, так что спасти меня было некому.

— Я бы очень хотел... — промямлил я.

Она придвигнулась ближе. Длинные, тонкие пальцы скользнули по моей груди, пробежали по лицу, потрепали волосы... Вот бесовка!

— Ловите момент, мистер Гаррет. С делами покончено?

— Гм... — Это не с делами, это со мной покончено. — Мне надо найти мистера Нагита. — Я судорожно сглотнул и вдруг почувствовал, что задыхаюсь.

— Он на конюшне. По-моему, прячется от полковника Теверли. Они друг с другом не ладят. Отведайте чайку, мистер Гаррет, пока не остыл.

Она придвигнулась еще ближе. Шаловливые пальчики вновь пробежались по моей щеке... Ма-

ренго Норт-Энглишу нескованно повезло. Тама продолжала улыбаться, от нее исходила самая что ни на есть животная похоть. Я взял чашку, глотнул и, глядя вслед своей искусительнице, которая в конце концов направилась в кабинет, постарался обуздать разнуждавшиеся мысли.

Не знаю, что там Тинни напридумывала. Пониже спины у Тамы все в порядке. Даже более чем...

Нагита я нашел на заднем дворе. По его физиономии можно было догадаться, что меньше он обрадовался бы разве что приходу старухи с косой. Тем не менее, лейтенант был изысканно вежлив. Я рассказал то, что, по моему мнению, ему следовало знать.

— Старик собирается выдернуть затычку? Отлично. Проснулся наконец, старый хрыч!

— Мне кажется, или я улавливаю прискорбное недоверие к способностям командира?

— Сразу видно сыщика. — Нагит кисло усмехнулся. — Какое уж тут доверие, когда изображаешь из себя мебель, а шишки наши совещаются, важно или неважно, если кто-то предупредит не-людей о нашем выступлении. Я решил, что босс согласился с общим мнением: дескать, неважно.

— Босс толковее и крепче, чем выглядит. По мне, он просто давал всем высказаться.

Нагит хмыкнул.

— Они все забывают — или не хотят об этом думать, — что где-то поблизости бродит Слави Дуралейник. Никто не желает о нем слышать.

— Я желаю. Ты прав, лейтенант. Он затеял большую игру. Не знаю, что это за игра. Пока не

знаю. А Маренго весь скривился, когда я ему про Дуралейника сказал.

— Он странно ведет себя с самого возвращения из города. Сегодня в особенности. Как заперся с утра в кабинете, так и сидит, никого к себе не подпускает, кроме этой Монтезумы. Сдается мне, ты переодеться хочешь?

— Ну почему всем не нравится, как я выгляжу? Раз меня столь настойчиво просят, я не могу отказаться. И буду премного благодарен за пару-тройку ножей и чего-нибудь еще, чтоб уверенней себя чувствовать.

— Думаю, мы подберем и наряд, и утварь. — Последнее слово Нагит произнес с легкой издевкой в голосе. — Лошадку?

— Э...

— Гаррет, я трачу свое время, чтобы тебе помочь. Как говорится, услуга за услугу.

Ну что за издевательство? Неужели вся Ка-рента знает, как я отношусь к лошадям — точнее, как они ко мне относятся?

У, проклятые твари! Они, они всем вокруг раззвонили! Ведь те идиоты, которые лошадей обожают, наверняка понимают их речь.

— Мне, пожалуйста, самую смиренную.

— Как скажешь. Но на твоем месте я бы выбрал конька порезвее — на случай, если с теми кентаврами столкнемся.

— Чего-чего?

— В окрестностях бродит шайка кентавров. Ты же сам об этом предупредил. Полковник отправил патрули на их поиски. — Нагит прицокнул языком, словно удивляясь, что полковник Теверли мог отдать столь разумное распоряжение. — Пока никаких новостей. Они

умеют маскироваться. Чувствуются бывалые солдаты.

— Рано или поздно мы их найдем. — Я выпятил грудь.

— Гаррет, удача — штука капризная. Выбирай коня.

Он мне будет про капризы удачи рассказывать!

— Ладно, выберу. А потом пойду в библиотеку и буду рыться там до посинения. Не забудь к боссу сходить.

— Постараюсь. По правде сказать, у меня и без того забот хватает, чтоб еще мальчиком на побегушках служить.

Его тон заставил меня насторожиться.

— Что стряслось?

— Кроме кентавров? Очередной труп. Плюс один из моих людей пропал без вести. Плюс один изувеченный. Скот разбежался. Громовые ящеры обезумели и кусают всех, кто подвернется, включая друг друга. Можешь добавить сюда некоего полковника, который строит из себя отца солдатам, а сам ни в чем ни ухом, ни рылом.

Я заломил бровь. На мужчин эта моя манера действует совсем иначе, чем на женщин.

— Поподробнее можно? — Будем надеяться, в моем голосе прозвучало сочувствие.

— Бардак начался прошлой ночью, когда ящерицы Венейбла вдруг рехнулись. Они перепугали коров и овец, стали кидаться друг на дружку, откусили Венейблу вторую руку, когда он попытался их успокоить, и загрызли какого-то чужака. Потрудились на славу, его уже не опознаешь. Утром выяснилось, что пропал Толли, но загрызли не его: этот, чужой,

ниже ростом и в плечах шире. Все остальные на месте, вот и выходит, что ящерки закусили пришлым.

— Венейбл говорил, что его зверюшки нападают только на чужаков.

— Говорил, говорил.

— А сегодня что сказал?

— То же самое. Твердит, что их то ли околовали, то ли что им в еду подсыпали. Хорошенькое дельце, верно? А Теверли на все плевать. Знаешь, Гаррет, я человек сдержаный — ты, наверное, успел заметить, — но как же мне надоела эта хренотень! Поскорее бы с ней покончить и настоящим делом заняться!

Я задал несколько уточняющих вопросов, на каждый из которых мистер Нагит дал исчерпывающий ответ, нисколько, впрочем, не прояснивший общую картину.

— Катись оно псу под хвост, — проворчал лейтенант. — Мне велено состоять при тебе, этим я и займусь, и с удовольствием тюкну тебя по башке, если ты ухитришься рассердить босса или его пассию.

— Разочарование пополам с цинизмом. Или я ошибаюсь?

— Нисколько. Я бы с радостью отсюда свалил, честное слово. Но куда? К Бондуранту Алтуне? Или к Арнесу Минглу? Самое печальное, что лучше, чем здесь, нигде не будет. Паркер, ко мне!

Подбежавшему Паркеру приказали помочь мне выбрать лошадь, после чего лейтенант удалился. А я отправился на конюшню и стал выбирать. Каждому коню я заглядывал в глаза, выискивая животное покрепче и потупее, глупое на-

столько, чтоб у него дурных помыслов и в помине быть не могло. Наконец выбор был сделан, и я с великой неохотой попросил оседлать скакуна.

По дороге в усадьбу я встретил любимца Нагита, полковника Мошеса Теверли. По всей видимости, полковник не помнил сержанта Гаррета, вместе с которым воевал на островах. По крайней мере, на шею мне он не бросился и скучной мужской слезой мою грудь не оросил. Хуже того, он меня попросту не заметил. Ну и славно. Вполне может случиться так, что мое с ним знакомство окажется мне во вред.

Вокруг него по-прежнему увивались воинственные дамочки. Он по-прежнему выглядел гением всех времен и народов и по-прежнему выставлял напоказ шрамы, благодаря которым слинял с островов как раз перед тем, как венагеты обрушились на тех из нас, кто остался на передовой.

Я исподтишка последил за ним и решил, что он не имеет ни малейшего отношения к происходящему. Так, случайно оказался под рукой, не более того; актеришка, вся роль которого — пройтись по сцене.

В библиотеке я копался в книгах, откладывая в сторонку все мало-мальски интересное, пока, памного позже, чем я ожидал, не появился мистер Нагит. Он принес оружие и одежду, мгновенно вызвавшую у меня отвращение.

— Мундир? — простонал я.

— Другого не нашлось. — Нагит усмехнулся. Его явно забавляло мое отчаяние.

— Ладно, только учти, мундир я напялю, но служить не пойду. Уж если я решу вернуться

в армию, то меньше, чем на генерала, не соглашусь.

— И в два счета скатишься до рядового. Послушай, Гаррет, мы не зачислим тебя, даже если ты очень попросишь. В тебе слишком много загадок, а у нас нет ни времени, ни желания их разгадывать.

А всего-то несколько дней назад меня наперебой зазывали вступить в ряды! Притом что тогда у меня был напарник из не-людей, и я водил дружбу с персонами сомнительной расовой чистоты. И как это я умудрился выйти из доверия? Должно быть, отвернулся не вовремя.

Хотя — Черным Драконам Вальсунга я, быть может, еще сгожусь. И Братству Волка. Забудем старые обиды, ребята. Я ваш с потрохами.

Переодеваясь, я размышлял о том, в каком невидимом положении очутился. Все вокруг требовали, чтоб я ворошил для них осиные гнезда, но к своим собственным тайнам не подпускали. Пинали туда-сюда, как пресловутый мячик. Морли, пожалуй, обозвал бы меня занозой в заднице. Или помойной мухой, которая всем на нервы действует.

— А неплохо, — отметил я, оглядев себя. — Не люблю форму, но ваш мундирчик мне к лицу.

— Девки штабелями лягут, — поддакнул Нагит.

— Ты встречал Дуралейника?

— Что? — Лейтенант опешил от неожиданности. — Нет. И не слыхал, чтобы кому-нибудь доводилось. А что?

— Да так. У меня был напарник. Он на Дуралейника только что не молился, восхищался его умением приспосабливаться к обстоятельствам. — Честно говоря, при всем его восхищении Дура-

лейником Покойник был ревнителем традиций. Для логхиров революции и прочая дребедень — досадная помеха в плавном течении жизни.

— Таких всюду хватает. Каждый из нас всю жизнь к чему-нибудь да приспособливается. Ну что, двинули? Чем раньше закончим, тем скорее я домой вернусь.

— Готов. — Я оглядел себя напоследок и досадливо поморщился. Ни дать ни взять, правофланговый борец за счастье человечества. Надеюсь, меня ни с кем не перепутают.

Мы вышли в коридор и наткнулись на Таму Монтецуму, которая беседовала с каким-то парнем. Тот нахмурился. Нагит смерил его суровым взглядом. Я же просто не обратил внимания, поскольку видел перед собой лишь обворожительную Таму.

— Гаррет, это вы? Какая прелесть! Вам надо запретить снимать форму!

Отставленный кавалер проскользнул мимо Нагита и исчез за углом. Расстроился, бедняга, что его оттерли. Все мужчины одинаковы. Женщина чужая, а мы все равно хвост распускаем.

Какие огромные у нее глаза! И какие жгучие! Везет мне: любая встречная женщина так и норовит поджарить мой рассудок на огне своего взгляда.

— Гаррет, — предостерегающе пробормотал Нагит.

— А? — Ну да, он же правая рука Маренго. — Прошу прощения, мисс Монтецума. Мы очень спешим. У нас много дел.

Она улыбнулась улыбкой хищницы, сулившей небывалое наслаждение перед гибеллю, и удалилась, покачивая бедрами.

Понятия не имею, с чего Тинни взяла, будто у Тамы костлявая...

— Bay!

— Угу, — согласился Нагит. — Что бы это значило?

Хм... В присутствии Тинни он вел себя как нормальный карентиец, у которого в жилах кровь, а не вода.

— В смысле?

— Эта девка и пальцем не шевельнет, пока не подмаслишь. А перед тобой прямо стелется.

— Зря старается.

— То есть?

— Она хочет натравить на меня босса.

— Вот именно. Мне показалось, она сильно первничает.

О чём мы вообще толкуем?

Оказавшись на свежем воздухе, я первым делом глянул на небо — как там тучи. Моя догадка оправдалась: собирался дождь. А возле крыльца меня ожидала небесная кара в лошадином обличье. Коняга, которую я выбрал, выглядела теперь слишком свою равной для кобылы приблизительно моих лет. Еще у крыльца толпились с дюжину парней в мундирах и с нарукавными повязками. Я завертел головой, стараясь запомнить все эмблемы и высматривая, не найдется ли обормота, который нацепил повязку с эмблемой Братства Волка.

— Это необходимо?

— Кому-то же надо весточки доставлять. И кентавры где-то рядом.

На все у тебя отговорка есть, приятель.

Несмотря на ножи в кармане, я вдруг почувствовал себя беззащитным.

Что-то плюхнулось мне на плечо. В первый миг я решил, что это огр хотел отвесить мне оплеуху да промахнулся, а когда повернул голову, то столкнулся нос к клюву с Попкой-Дураком.

— Проклятие! Я думал, ты сгинул без следа! Знаешь, лейтенант, эти птицы живут очень долго. Рано или поздно ты заведешь семью. Порадуй своих будущих детишек, прихвати для них говорящего попугая.

— Я не могу лишать твоих будущих отпрысков такой роскошной забавы. — Нагит широко улыбнулся.

Ему смешно, паразиту! Нет чтобы посадить птака себе на плечо, вместо эполета. Я покачал головой, подошел к кобыле, примерился — и с первого раза взобрался в седло. Ура! Сыграл на губах сигнал трубы, и мы тронулись в путь. Впрочем, тронулись — это громко сказано. Нас без труда обогнал бы иувечный кентавр на трех ногах.

97

Гилби отверг мое предложение, что называется, с порога.

— С нас достаточно неприятностей, правда, Макс?

Папаша Вейдер перевернул письмечко, которое вручил ему Нагит, будто проверяя, не приписал ли Маренго что-нибудь на обороте. Он увидел там то же, что и я, — печать Норт-Энглиша.

— Мы согласимся, Манвил. — Он снова перевернул листок. Письмо Маренго сделало свое дело, однако оно изрядно озадачило старину

Макса. Но в своем друге Маренго он не сомневался. — Вели прибрать в зале. Друзья этого юного офицера тебе помогут. — Вежливое указание Нагиту и Гилби, что они могут идти.

— Гаррет, план сработает?

— Не знаю. По-всякому повернуться может.

— Да уж, обнадежил. С другой стороны, мы бы избежали многих бед, когда бы вовремя тебя послушали. Я прекрасно понимаю, что ты чувствуешь. Но кто мог представить, что такое произойдет? — Последний вопрос Макс задал самому себе.

— Норт-Энглиш пришлет людей, которым он доверяет. Ты, я знаю, ему веришь. Но я бы пригласил своих друзей — на всяких случай.

— Гаррет, этот человек — мой друг, но ты волен думать о нем что угодно.

— Спасибо. Мы договорились, да? Еще я приглашу ребят из Стражи, по рекомендации Блока. Каждый будет следить за каждым. Вечеринка выйдет на славу.

Макс улыбнулся, не разжимая губ.

— Ты не был на похоронах.

— А что, уже похоронили? — Ну конечно.

На дворе лето, как-никак.

— Да, сегодня рано утром.

— Извини. Меня никто не известил. Я бы пришел.

— Не переживай. Ты был занят делом. Богоугодным делом.

Макс не то чтобы религиозен, но принадлежит к числу приверженцев одного из старинных культов. Слыхали небось — адское пламя, котлы с серой, око за око, зуб за зуб? Из-за болезни Ханны он постепенно утратил интерес к пивова-

рению, несмотря на то, что выпускал лучшее пиво в мире. Нет, последнее слово по-прежнему оставалось за ним, но управление пивоварней он передоверил Таю и прочим. Боюсь, как бы смерть Ханны не вынудила его окончательно отрешиться от всего мирского; чего доброго, решит за ней последовать...

- Я хочу отомстить.
 - К завтрашнему дню успеете подготовиться?
 - Да. — Правда, устану, как собака, свалюсь бревном в углу, и никто меня не поднимет.
 - Хорошо. Тогда вперед.
Вот и меня отпустили.
Когда я открывал дверь, Макс прибавил:
— Сними мундир, Гаррет. В нем ты нарываешься, тем более, если один бегать будешь.
-

Макс оказался прав.
Толпу вестовых с нарукавными повязками не заметить было невозможно. Новость распространилась со скоростью слухов. Окрестные улицы замерли в напряженном ожидании. Кое у кого нервишки начинали шалить.

Мне предстояло все делать самому. Я не мог поручить своих дел ни ребятам Нагита, ни парням с пивоварни.

Пришлось снова взобраться на скакуна и скакать, скакать.

Для начала я заглянул в «Пальмы». Морли не стал отнекиваться; он также сказал, что Сардж, Пудель и еще несколько человек наверняка не будут против сходить на вечеринку. Я оставил записку для Белинды; Дотс клятвенно пообещал

персдатъ. Потом я заскочил к Плеймету. Тот был дома и согласился помочь, вдобавок он сообщил мне, где именно я найду Плоскомордого. В «Райских вратах» я перекинулся словечком с Трейлом и Стори, с мисс Трим и, как ни прискорбно, с Медфордом Шейлом. Поскольку при мне не было ни пива, ни сладостей, старики встретили меня более чем холодно.

А потом еще удивляется, почему его никто не навещает!

Предсказатель погоды из Гаррета вполне пристойный. К Тарпу я поехал после обеда, и к тому времени над городом шел дождь, местами переходивший в проливной.

Попка-Дурак ни разу не проронил ни звука. Похоже, он пытался меня переуирямять. Ну-ну. Он что, думает, я скучаю по прежнему охальнику и горлодеру? Нисколечко.

— Плеймет с нами. Морли с нами, — сказал я Тарпу, который жаждал услышать имена. — Даже Покойник с нами, осталось только его найти. Ты мне нужен, понимаешь? Без тебя ничего не получится. — Ну, преувеличил, ничего страшного, зато польстил и человеку приятное сделал.

Когда Плоскомордый наконец кивнул, я доходчиво объяснил, что от него потребуется.

Он покачал головой.

— Лихо загнулся, Гаррет. Ишь, навалил...

— У тебя другие планы? — В прошлом он никогда не отказывался от моих предложений.

— Да нет. Просто Торнада собиралась...

— Держись от нее подальше, приятель. Она тебя до добра не доведет, попомни мое слово.

— Сам знаю. Ну... Ладно, по рукам! И не пудри мне мозги. Гаррет. Терпеть не могу, когда мне долги мои поминают.

Я хихикнул, постаравшись, чтобы мой смешок напоминал зловещий смех капитана Блока.

Кстати, Блок — следующий в моем списке. Закончив уламывать Плоскомордого... извините, наставлять мистера Тарпа, я выскочил на улицу. На меня обрушились потоки ледяной воды. Раз я обзавелся конем, надо бы и плащ с капюшоном поиметь.

— Это что, лошадь? — изумился Плоскомордый, который вышел меня проводить. — Ты ездишь на лошади? — Ему хватило такта не назвать животину клячей. — Я все понял, Гаррет. Дело и вправду, видать, важное. — С этими словами он нахлобучил на голову шляпу.

Сколько раз я ему твердил, что им с Торнадой не достанет ума даже от дождя спрятаться? И не сосчитать. Что ж, выходит, не впустую воздух сотрясал, коли Тарп шляпу надевает, выбегая под ливень.

Пулар Синдж перехватила меня у ворот Аль-Хара, когда я покидал тюрьму, заручившись согласием Блока и обещанием Рельвея. Капитан был в приподнятом настроении. Попытка освободить Джерриса Дженорда завершилась полным провалом, причем никто из стражников не пострадал. Один из нападавших погиб, двое составили Дженорду компанию в камере. Еще двоим удалось улизнуть; их, кстати, интересовал не старый приятель Дженорда, а некто Садлер и Краск.

Какая неожиданность!

Синдж выглядела как... мокрая крыса. Я мысленно пнул себя за это сравнение, но уж очень

было похоже. Мокрая крыса в насквозь промокшей рубашке.

— Я надеялся, что твои сородичи меня заметят. Где ты взяла рубашку? — Прежде эта рубашка была моей. А до того, как попасть ко мне, принадлежала Тэду Вейдеру.

— Ты ее сам выкинул. А вещь хорошая. Него же бросаться.

Рубашка ей не шла. Крысюки все-таки не совсем люди, фигуры у них другие.

— А если б оборотни на тебя напали?

Синдж попыталась улыбнуться. Очередная попытка воспроизвести человеческие манеры.

— У них сплошные разочарования.

Насколько я понимаю, крысюки распределили мои веци между собой. И плевать они хотели на всякие заклинания.

— Рад слышать. А как насчет экипировки?

— Эки.. Что? — Эх, Гаррет, как не стыдно изводить бедную девчушку умными словами! Быть может, она и гений, но только среди своего народа.

— В моей одежде было оружие и всякие приспособления. — И стоили они недешево, хоть и достались мне задаром — от преступников, которых я задерживал. А может, страсти деньжат на пополнение арсенала с моих многочисленных работодателей, а?

— Не знаю.

Ладно. Кажется, на оружии нет личных меток — ни моих, ни вейдеровских. Так что, даже если оно где-нибудь и засветится, нас к ответу не привлекут.

— Релианс отпустит тебя завтра на вечеринку?

Я сообразил, что свалял дурака, еще до того, как Попка-Дурак разинул клюв и прохрипел что-то не-членораздельное. Совсем зарапортовался, кретин! Давай, объясяй, а то у девчушки головка от счастья закружится.

— Предстоит серьезная работа. Хочу нанять тебя, чтоб ты помогла мне отыскать существ без запаха. Кроме тебя, это сделать некому. — Как ни старался, я не смог сдержать усмешку.

Что подумают люди? Человек без шляпы под дождем, с мокрым, нахохленным попугаем на плече и с антикварной кобылой в поводу, любезничает с крысючиходой, которую как будто сперва утонили, а потом сжалились и таки вытащили на берег...

Я огляделся по сторонам. И приметил вторую мокрую крысу.

— Ты знаешь, что Фенибро следит за гобой?

Синдж раздраженно зашипела. Ясно, кавалер явился незваным.

— Я же ему велела... — Дальше было не разобрать.

— Да ладно, не злись. Может, его Релианс за тобой отправил.

— Релианс слишком много на себя берет. — Полностью солидарен, малышка. — Однажды он докомандуется. Я помогу тебе найти оборотней. — Последнюю фразу она произнесла почти безупречно.

— Кстати, об оборотнях. Они все еще там, на берегу?

— Да. — Синдж оглянулась и оскалила зубы. На месте Фенибре я бы поспешил ретироваться.

98

— Выкладывай, Гаррет, — велел Макс, взмахом руки указав на свободный стул.

— Стоит ли? Сплошные догадки, ничего достовер...

— Не морочь мне голову!

С ума сойти! И это наш флегматичный папаша Вейдер? Уж сорвется, так сорвется...

— Ладно, как скажете. Итак, обо всем по порядку. Джеррис Дженорд — подсадная утка. Часть хитроумного плана, один из целой толпы «уток», которых Волки подсаживали в богатые семейства. Они охотились за деньгами, не более того. И на Тая наехали именно Волки. Если же лаете, можем устроить очную ставку в тюрьме; я уверен, он опознает кое-кого из арестованных.

Джеррис узнал, что Аликс обратилась за помощью ко мне, и немедленно известил своих дружков.

А дальше было вот что. В один прекрасный день Волки столкнулись с Драконами, которых помнили еще по Кантарду. Столкнулись — и запросили подмоги. Или просто попытались нанять Драконов. Но у тех были собственные планы. Волки думали, что они используют Драконов, а на деле все было наоборот: это Драконы использовали Волков. И как раз Драконы выбрали Вейдеров своей основной целью.

Когда Дженорд сообщил, что Аликс ходила ко мне, наши злодеи провели разведку и решили, что я представляю некоторую опасность. После чего попытались отвлечь меня, заманив в движение за права человеков. Попробовали завербовать меня, как уже завербовали часть ра-

ботников на пивоварне. Стоило мне появиться у тебя, Макс, Драконы оповестили оборотней, и те прислали «ударный отряд» из своего логова на пивоварне Лампа. У них ничего не вышло, и тогда Дженорд пометил одежду, которой его босс оделил потрепанного Гаррета. Остальное вам известно. — Хотя бы в общих чертах.

Манвил Гилби поворошил угли в очаге. Макс зябко поежился — видно, он так нервничал, что постоянно мерз — и задумчиво проговорил:

— Значит, Волки и Драконы использовали друг друга. Волкам требовались деньги. А чего добивались оборотни?

— Им была нужна пивоварня в рабочем состоянии. Зачем, не знаю, сам пока не понял. Может, их жажда замучила. Сдается мне — это всего лишь догадка, подкрепленная только чутью, — что за всем стоит Слави Дуралейник. И он замешан в происходящем по самое «не балуйся». — Признаюсь: мое предположение основывалось отчасти на загадочном, мягко выражаясь, бездействии Покойника, продолжавшемся по сей день. — Еще я думаю, что того, кто возглавляет Волков, шантажом убедили встать на сторону Драконов. Иначе откуда все неувязки и мелкие стычки?

По-моему, этот таинственный «кто-то» вернул в город Садлера с Краском, чтобы разобраться с шантажистами. Но тут появилась Белинда, что изрядно осложнило дело. Ведь она спит и видит, как бы пустить эту славную парочку на фарш. И наш многомудрый Волк вознамерился упростить жизнь себе и своим приятелям, покончив с Белиндой и со мной. Он натравил на нас Садлера и Краска, но забыл предупредить

союзников, которые тоже собирались устроить засаду, но попозже.

Экий из меня, оказывается, ловкий теоретик! Скорее всего, половина моих рассуждений вила-ми по воде писана. Но даже если так — наплевать. Главное — уверенность в себе.

— После вечеринки и столкновения с оборо-тнями Дженоид вдруг сообразил, что Волков бессовестно надули. Ночью он ускользнул из дома, чтобы поднять хай по этому поводу. Но его не пожелали слушать. Раздосадованный, возможно, преследуемый, он вернулся домой, и у входной двери Тай с Лансом застали Джерриса врасплох. И завертелось; с того самого дня все разла-дились, и у Волков, и у Драконов.

Между тем никто из замешанных в этой бо-дяге не проявлял особого интереса к разговору по душам с вашим покорным слугой. У всех, включая тебя, Макс, имелись свои собственные дела, которыми вы не желали поступаться. Правда, каждый открывал мне некую любопыт-ную подробность, чтоб я мог при случае уку-сить кого-нибудь другого. Не знаю, что нашло на тебя, босс. Может, тебе просто не хотелось видеть в своем доме парня с грязью под ногтями? Небось, боялся, что я всех твоих гостей пе-ренугаю? Ты меня обидел, Макс, но я пережи-ву; в конце концов, это твой дом, твоя вечерин-ка, твои деньги.

Макс метнул взгляд на Гилби. Ага! Вот по кому палка плачет!

— Ты знаешь, кто этот тайный злодей? — спросил Гилби.

— Догадываюсь, но наверняка не скажу. Но если все пойдет, как задумано, кто-то непремен-

но ткнет в него пальцем и крикнет: «Он меня заставил!»

Гилби вновь поворошил уголья. Макс задумчиво глядел в камин.

— Думаю, на сегодня достаточно, — заявил я. — Хватит слов, пора и делом заняться.

99

Я стоял на верху парадной лестницы и глядел на просторную залу. Рядом со мной, просунув руку мне под локоть, пристроилась Тинни. О ней я вспомнил благодаря Морли, который попросту настоял, чтоб мисс Тейт включили в список гостей; тем самым он избавил меня от нескольких веков мучений в Чистилище (причем с Тинни сталоось бы истерзать Гаррета еще на гречной земле). Да, Морли Дотс у нас заботливый, но попугая я ему никогда не прощу.

— Знаешь, так и подмывает спросить, кто умер, — проговорила Тинни. В зале толпилось множество людей, разнообразного возраста и вида. Большинство сбились в угрюмые кучки. Туда-сюда сновали официанты мистера Грессера, ловко огибая коренастых парней с прищуренными взорами — нашу доморощенную охрану, состоявшую из приспешников Теверли, ребят с пивоварни, моих собственных друзей и пары-тройки головорезов Белинды.

— Бывает, — рассеянно отозвался я. — Проклятие!

— Что случилось?

— Тарп привел Торнаду. — Не хватало только, чтоб она устроила очередной скандал, на глазах у честной публики. Я передернул плечами

и глянул вверх. Под потолком, на ободе люстры, росседал мой пернатый скверносолов. Около часа назад он вдруг очнулся от спячки, взлетел на люстру и оттуда пялился на гостей, не издавая при этом ни звука. Даже Морли его не заметил. Все-таки с ним что-то не то творится... Но если он будет помалкивать и дальше...

Дверь в кабинет Макса приоткрылась.

— Долго еще? — спросил Манвил Гилби, выглядывая из-за двери.

— Пока все не соберутся. Ага! Помяни лихо... Прибыл Блок со своими громилами. — В зале прибавилось коренастых парней с прищуренными глазами; вряд ли это тайные агенты, скорее, явные, — Релвей ни за что не согласился бы выставить на всеобщее обозрение настоящих *тайных* агентов. Некоторые гости поспешили отойти в сторонку, особенно когда в залу ввели заключенных в кандалах — Краска, Садлера, Джерриса Дженорда и прочих. Дженорд, казалось, переживал сильнее других.

Всех заключенных усадили на скамью, прикованную цепью к колонне. На этой скамье компанию им составили восемь Волков, не успевших улизнуть из поместья Маренго до того, как лейтенант Нагит затеял зачистку. Кстати сказать, действия Нагита изрядно удивили самого Норт-Энглиша, который «просто взбесился», — так утверждала Тама Монтецума, которая по-прежнему выступала его голосом.

К нам присоединилась Аликс Вейдер.

— Здесь столько народа, который друг друга терпеть не может. — Какое шикарное на ней платье! И как кровожадно она в нем выглядит! — И как тебе удалось их сбрать?

— Я их приманил лучшим в городе пивом. Никто не устоял. — Я приметил Трейла, Стори и мисс Трим, близ которых маячил и Мелфорд Шейл, наотрез отказавшийся оставаться в «Райских вратах». Все четверо с усердием, достойным лучшего применения, налегали на хозяйствское пиво.

Истинная причина, по которой все эти люди пришли сюда, — они испугались не прийти. Испугались, что могут упустить нечто важное. Нынче время такое, напряженное, на шаг отстанешь — считай, что жизнь прожил зря. Нынче будущее переписывает самое себя, каждую минуту, каждый миг, и коли не хочешь оказаться на обочине, нужно не упускать ровным счетом ничего, даже малой малости.

— Манвил, скажи... — Куда он подевался? — А! Лучше поздно, чем никогда. — Плоскомордый выполнил поручение: из столовой в залу вышел Тай Вейдер. На костылях. Его сопровождала Никс, не спускавшая с жениха обеспокоенного взгляда. За Таем ребята с пивоварни волокли громадную деревянную бочку на добрую тысячу галлонов; в таких бочках пиво отстаивается, прежде чем его переливают в бочонки, привычные для покупателей. Я заметил, что бочка возбудила всеобщее любопытство; однако гости слишком опасались один другого, чтобы задавать вопросы. Тай посмотрел на меня, утвердительно махнул рукой. Я послал ему воздушный поцелуй. Теперь мы с ним — не разлей вода.

— Ступай к отцу, — велел я Аликс. — Переайдай, что все готово, ждем только Релвея.

— Только Релвея. Угу. Больше ничего?

— Нет. Он и так все поймет.

Когда Аликс упорхнула, Тинни спросила:

— Думаешь, она не забудет по дороге?

— Ты несправедлива к бедняжке. И потом, вы ведь подруги.

— Надо же, вспомнил. Ладно, оставим это. Скажи лучше, с какой стати ты согнал сюда всю эту шатию?

— О, я жажду их огорчить. По-настоящему. Тут выбирать не приходится: либо я огорчу их, либо огорчусь сам — из-за того, что выставил себя полным идиотом.

— Куда уж больше? Ты всегда ведешь себя как идиот.

— Подними-ка юбку.

— Прямо здесь? Я не прочь порезвиться, Гаррет, но...

— На пару дюймов, не больше. — Чтоб от пола оторвалась. — Ха! Так я и думал.

— Ты о чем?

— На тебе зеленые туфли. То ли они тебя в злючку превращают, то ли ты их надеваешь, когда злишься, однако...

— Кто-то пришел.

Точно. Ребятки с пивоварни Лампа. Закованые в серебряные цепи, они выглядели весьма эротично. Честно говоря, не ожидал, что их сразу возьмут в оборот. Что ж, остается в очередной раз восхититься предусмотрительностью Релвея.

— Пять... шесть. А где остальные? Их ведь гораздо больше должно быть. А здесь всего ше... пятро! — Шестым был Релвей собственной персоной, загrimированный, строивший из себя младшего помощника палача и лениво поигрывавший концом цепи. По-моему, узнали его разве что мы с Пулар Синдж.

Она, к слову, держалась замечательно, не стушевалась в присутствии стольких людей, под многочисленными взглядами. Правда, старалась держаться у стенки, но это вполне прощительно.

Орлы-человеколюбцы неодобрительно на нее косились, но истерики не закатывали. Их куда больше беспокоили ребята Морли и головорезы Белинды. Крысюки свое место знали, а вот эти...

Итак, гости в сбore. Оборотней, кроме тех, которых привел Релвей, как будто не наблюдалось, но Синдж продолжала принюхиваться. Я, признаюсь, рассчитывал, что у нас будут и незванные гости.

Сквозь толпу протолкался Маренго Норт-Энглиш. От каждого случайного прикосновения его просто-напросто передергивало. Ну и неженка, аристократ хренов! Он волок за собой свою очаровательную племянницу. Тама настороженно оглядывалась, ее явно что-то тревожило. Может, она побаивалась злыдней, которые собрались сегодня в доме Вейдера? Вряд ли; по-моему, ей не составит труда умаслить самого отъявленного злодея. Насколько могу судить, она, с ее хладнокровием и острым умом, способна выпутаться из любых неприятностей.

Я ничуть не сомневался: пока Маренго заглядывается на Белинд, Тинни и Торнад ипускает слюни, Тама строит собственные планы. На месте Норт-Энглиша я бы позаботился припрятать понадежнее все ценности и серебряные ложки.

Капитан Блок о чем-то шептался с Релвеем, причем оба поглядывали в мою сторону. Наконец

Блок несколько раз кивнул и двинулся к лестнице.

Тем временем Маренго добрался до меня и спросил:

— Не пора начинать?

Как ни странно, Таме, судя по выражению лица, мой ответ хотелось услышать куда сильнее, нежели ее дядюшке.

Я надеялся, что сборище окажется еще более пестрым. Но и без того компания подобралась что надо. Входную дверь заперли. Возле нее, точно два обрюзгших храмовых тролля, возвышались Сардж и Пудель. Оба одеты соответственно оказии, из-за чего выглядели они точь-в-точь как кошмары от несварения желудка. К несчастью, я сам был не в том положении, чтобы их дразнить, поскольку на меня напялили второй выходной костюм Тая Вейдера (первый надел сам Тай). В этом костюме я смотрелся худосочным юнцом, который вознамерился опорочить честь своей добродорпорядочной семьи.

— Пора.

В поле зрения возникла Синдж. Маренго искося поглядел на нее и вздохнул. За Синдж теними следовали Плеймет, Плоскомордый и Торнада, которая пока ничего, по счастью, не учудила. Взгляд Норт-Энглиша задержался на Торнаде. Что ж, если они решат, что созданы друг для друга, я возражать не стану. Идеальная пара. А у меня есть отличный подарок на свадьбу — большой, толстый. И с крыльями.

Я задрал голову. Вероятный подарочек по-прежнему безмолвствовал и таращился на людей внизу.

Синдж отправилась обнюхивать официантов Грессера и кухонную шайку Нейрсы Бинтор.

А ко мне наверх, тяжело отдуваясь, взобрался капитан Блок. Он ухватился за перила, глубоко вдохнул и выдавил:

— Погоди маленько, Гаррет.

— Но...

— Что, веская причина? — пророкотал за моей спиной Макс Вейдер. Я шевельнул рукой, и Попка-Дурак послушно сорвался с люстры и плюхнулся мне на плечо. Похоже, Аликс изложила папаше все, что она обо мне думает: голос Макса сочился недоверчивостью. Правда, когда имеешь дело со слугами короны, недоверчивость — необходимое условие.

— Думаю, да, — ответил Блок. — Вы, конечно, можете не согласиться...

— Что такое? — спросил я. Наверняка ничего хорошего. Попугай наклонил голову, чтобы лучше слышать.

— Должен появиться один знакомый, так сказать, сизойти. — Капитан сделал ударение на последнем слове. Макс не понял, зато я догадалась сразу. Таинственный покровитель Блока решил спуститься с Холма и осчастливить нас своим присутствием. Здорово! На это я и не надеялся. Теперь в моем плане почти не осталось изъянов; предпоследняя змеюка выползла из своего логова на солнышко. Если же и некий ветхий потрясатель основ, недавно из Кантарда, не сумеет сдержать любопытства и тоже заявится на вечеринку, мне впору медаль давать за безупречную организацию.

— Он немного запаздывает, — продолжал Блок. — Надо его подождать. От нас не убудет, а

польза от него немалая, уж поверьте. — Капитан подмигнул, что было совершенно не в его духе. Похоже, этот тип с Холма особо с Блоком не церемонится, раз капитан о нем такую заботу проявляет.

Макс прицокнул языком. Он сообразил, что речь идет о какой-то «шишке». В отличие от меня, он относился к ним ко всем... э... не слишком тепло.

Маренго ничуть не огорчился. Напротив, как будто обрадовался. В следующий миг до меня дошло, что он слушает не нас, а разговоры внизу.

— Кто он такой? — спросил я у Блока. — Или это секрет?

— Владыка Бурь Перилос Спайт.

Никогда о нем не слышал. Я раскрыл было рот, но сказать ничего не успел, — меня опередил Макс.

— Что ему тут понадобилось? — Макс потемнел лицом. Он что, этого Спайта лично знает и терпеть не может? Или Спайта знают вообще все, кроме меня? Мне по роду занятий полагается знать больше, чем другим. Знать и понимать. Но хоть убейте, ума не приложу, каким боком этот ведьмак замешался в наши дела.

— Он обладает обширными познаниями во всем, что касается разведчиков, командос, сил особого назначения и тайных операций в Кантарде. Он лично в них участвовал. И у него свои счеты с оборотнями. Едва он услышал о татуировках с драконом, как сразу предложил свою помощь.

От кого он мог услышать? Неужто капитан Вестман Блок имеет приказ сообщать обо всех мало-мальски значимых расследованиях тем, кто

может быть заинтересован в их результатах? Может, его и назначили на эту должность только при таком условии? Фу, Гаррет, нельзя же быть настолько циничным! Или это не цинизм, а трезвый взгляд на окружающую действительность?

— Не знаю почему, — выкладывал Блок, — но он и вправду изрядно заинтересовался. Доставал меня каждый день, похлеще той старухи из старой сказки про рыбака. И всегда знал больше, чем Релвей... — Блок сообразил, что слишком уж разговорился, и торопливо закончил: — Это он настоял на своем присутствии здесь.

— Но прийти не спешит, — проворчал я. — Все они там, на Холме, одинаковы. — И то сказать, не пристало Владыке Бурь подстраиваться под планы простонародья. Ну и ладно. Зато придет, и мы на него поглядим. Ох, поглядим! — Скажи-ка, старый приятель, от кого этот хмырь узнал о моей вечеринке?

Блок пожал плечами.

— Понятия не имею. Но не от меня. Ему многое известно, я ж говорю.

— Хм... — Я покосился на Маренго Норт-Энглиша, который стоял рядом со своим другом Максом Вейдером. Помнится, он жаловался на капризы чародеев. — Ясно.

У Маренго не хватило ума притвориться, будто он смущился.

— Ясно, — повторил за мной Макс. — Подождем, Гаррет. А ты пока продолжай страху нагонять, чтоб у них дым из ушей повалил. Чародей заявится, мы его сразу в толпу пихнем, как кота в мышиную нору.

— Слушаюсь, босс. — Пожалуй, идея здравая: кого-то может и пронять. — Прошу прощения. — Блок замер на середине лестницы и многозначительно уставился на меня. Он явно хотел сообщить мне что-то еще.

Когда я подошел, капитан шепнул мне на ухо:

— Релвей просил передать, чтобы ты заглянул на пивоварню Лампа.

— Он нашел что-нибудь?

— По всей видимости, да. В подробности он не вдавался. Сказал только, что сам разобраться не может, но верит в тебя. И добавил, что тебе не помешает посмотреть на все своими глазами, прежде чем вечеринка начнется.

Уйти сейчас?

— Может, он не заметил, что я слегка занят? И потом, всякий раз, когда Релвей меня зовет, я натыкаюсь на трупы. Честно говоря, я от них устал... Вот зараза! — Медфорд Шейл в компании прочих обитателей «Райских врат» оглаживал пивную бочку с таким видом, будто эта была дверь в рай. Только бы не вздумали открыть кран, иначе весь мой план пойдет насмарку, а гости окажутся в шоке — по крайней мере, большинство. — Эй, пташка, лети вниз и прогони этих пьяничуг. Пусть проваливают. Давай, лети.

Появление попугая произвело желаемый результат. Старичье отступило к открытым бочонкам. Однако двигались они хитроумным зигзагом и в итоге оказались лицом к лицу с закованными в кандалы заключенными.

Тут Стори словно обезумел. Брызгая слюной, он замахнулся своей клюкой на одного из оборотней.

— Похоже, приятеля встретил, — пробормотал я. — Выходит, это тот самый Картер Стоквелл, что на Мизходе воевал...

— Что?

— Долго рассказывать. Эти старики когда-то были солдатами. Наемники-оборотни предали их венагетам, и мы получили солидную оплеуху. Кажется, один из наших оборотней был там в ту самую пору... Стори — вон тот, весь из себя, с клюкой — назвал мне имя, которое я слышал совсем недавно.

— По-моему, я начинаю понимать, отчего так заинтересовался чародей.

Я тоже, тем более если верна моя догадка насчет того, кто такой этот Перилос Спайт.

— Надо его утихомирить.

— И с Дилом потолковать.

100

Стори утихомирился лишь после того, как Трейла чуть было не хватил удар. Оборотням досталось изрядно: некоторые были все в крови, да и серебряные оковы не прибавляли им сил. Стоквелл скулил как побитый щенок. Голос того парня, с которым мы сцепились сперва на конюшне, а потом на лестнице в доме Вайдеров, произнес: «Надо было прикончить эту скотину». Честно говоря, не понял, кого он разумел — Стори или меня.

Ребятки из Братства Волка, прикованные по соседству, сидели бледные и пристыженные, изредка поглядывая на тех, с кем они якобы сотрудничали, на тех, ктоими, по большому счету, помыкал — на не-людей, подчинивших себе

человеколюбцев... Джеррис Дженорд, судя по его физиономии, догадался обо всем уже давно. Быть может, в тюрьме. А может, еще в ту ночь, когда он прикончил беднягу Ланселина. Возможно, он угадал и главное.

Кто за всем стоит.

У меня тоже была идея, по фамилии Дуралийник. Однако я никак не мог втиснуть его в эту схему. При тех уликах, какие были у меня на руках, на роль заправили больше всех подходил Маренго Норт-Энглиш.

Волки держались вместе, от Дженорда никто не отодвигался. По всей видимости, Блок с Релвеем не удосужились им даже намекнуть... Доверяют друг другу. Как трогательно! В наши дни доверие — непозволительная роскошь, от которой, впрочем, быстро отучаются.

Значит, я ошибался насчет Дженорда. Он — настоящий командос. Такое доверие на пустом месте не возникает; чтоб заслужить его, нужно пройти сквозь ад.

— Посодействовать не желаешь? — спросил я Дженорда.

Он смотрел прямо перед собой, словно не замечая меня, и рта раскрывать явно не собирался. Вон как подбородок выпятил — дескать, сколько ни пыжьтесь, не стану я вам помогать.

Знакомо, знакомо. Знаешь, приятель, и я проходил сквозь ад... Славные были деньки. Вот только никого из тех, с кем мы шли плечо к плечу, уже не осталось... Моя дружба с Морли и прочими — лишь бледный призрак *той* дружбы.

Из кухни донесся рев, столь громкий, что все без исключения гости навострили уши. Нейрса

Бинтор затрубила, точно разъяренная слониха. Прежде чем я успел удостовериться, что хотя бы половина охранников не сорвалась со своих постов и не кинулась на кухню, Нейрса, пылая гневом, ворвалась в залу. На плече у нее болталось тело — тело оборотня, застигнутого посреди превращения. В руке Нейрса сжимала колотушку весьма угрожающего вида; такими колотушками впору колья в землю забивать. Гости поспешили расступиться. Нейрса обвела взглядом толпу, заметила меня — и швырнула к моим ногам оборотня. Тот проехался по полу, ободрав кожу на спине.

— Эй, Гаррет! — рявкнула матушка Бинтор. — Я, значит, с кухней управляюсь, да. А ты бы лучше за всякой шушерой приглядывал, да. И крысу свою забери, ты!

Пулар Синдж у нее за спиной выглядела одновременно смиренной, как овечка, и донельзя довольной. И вполне заслуженно — ведь она унохала очередного злодея.

Мне пришло в голову, что Нейрсу Бинтор мы в наши планы посвятить забыли. Да, упущенница. На подобные промашки богиня иронии снисходительно не посмотрит и простит не скоро. В домашней иерархии Вейдеров Нейрса шла сразу за Максом — или, быть может, за Манвилом Гилби (правда, в последнем я сомневался).

Призвав на подмогу все свое красноречие и обаяние, я принялся многословно извиняться. Пernатая тварь, восседавшая на громадной бочке, сопровождала мои слова радостным уханьем. Я не стал этого терпеть — одолжил у Стори клюку и пару раз шарахнул по бочке. Мистер

Большая Шишка поперхнулся смешком, досадливо покрутил головой, взмыл под потолок и уселся на люстре, как на насесте, чувствуя себя в полной безопасности.

— Ты, пташка, слушай сюда! На моей кухне тебе делать нечего, говорящий ты или нет, понял, ты?! Не то башку сверну! И прочие тоже чтоб не совались!

Оборотень у моих ног вздумал пошевелиться. Нейрса примерилась, шиула его в бок мыском своего огромного башмака, потом для верности добавила колотушкой. Оборотень затих. Пока стражники опутывали его цепями, матушка Бинтор колотушку не опускала.

Я прошептал на ухо Синдж (можно подумать, она была настолько бестолкова, что нуждалась в моих советах):

— По-моему, на кухне тебе лучше не появляться.

— Ты мне говорить будешь, ты, — шепнула она в ответ.

Просто умница! Уже и шутить научилась.

— Угу. Ступай.

Выпрямившись, я увидел, что матушка Бинтор величественно удаляется в свои заповедные угодья.

— Парни, посадите его к остальным, пока он не очухался, — велел я стражникам. Судя по всему, вялость оборотней отчасти объяснялась их мысленной связью: они, похоже, были охвачены отчаянием, которое передавалось от одного к другому и лишало их... э... боевого задора.

Блок, рядом с которым стоял Релвей, замахал руками, подзывая меня к себе.

В некоторых случаях Релвей вполне предсказуем. Например, он любую ситуацию норовит превратить в мелодраму. На пивоварне Лампа он заставил своих парней бродить с факелами, заполнив руины замечательно жуткими, зыбкими, поистине готическими тенями.

— Я думал, она лучше сохранилась, — заметил я, разумея пивоварню. Снаружи кирпичное здание выглядело относительно целым, однако внутри стены сыпались, а в полу зияли трещины.

— И пахнет странно, — пробормотал Морли. Он ухитрялся переступать через груды мусора на полу, совсем не поднимая пыли.

— Сам увидишь, чем пахнет, — буркнул Релвей. Он злился на своего приятеля Гаррета. Этот Гаррет приволок с собой Морли Дотса и Пуллар Синджа. И Релвей прекрасно понимал, зачем. Морли постарается запомнить все, в том числе и его повадки. А Синдж, сама того не сознавая, наверняка унюхает что-нибудь этакое, особенное. Надеюсь, Релвей не настолько зол, чтобы подстроить мне впоследствии какую-либо пакость.

— Сюда. — Он нырнул в дырку в полу. Мне пришлось встать на четвереньки. Пыли не было, из чего следовало, что этим проходом в последнее время частенько пользовались. — Роскошная у них жизнь, верно?

Блок принял читать мораль: дескать, жизнь злодеев издалека и впрямь кажется роскошной, но вблизи она — уродливая и отвратительная. Спорить никто не спорил. Я так вообще каждый день вижу подтверждение его словам.

С другой стороны, злодеи процветают, а праведники баражаются в пучине отчаяния.

— Ага. Вроде как мы с моим эполетом.

Попка-Дурак, который, естественно, тоже увязался с нами, презрительно фыркнул. А Морли заявил:

— Протестую. Эта птица — мой подарок от чистого сердца.

— Я тебе этот подарочек никогда не прощу. Уф! — Вонь становилась все сильнее, и в ней вдобавок появился некий знакомый привкус. Что-то пивное...

— Здесь. — Релвей указал на древние медные котлы, которые до сих пор никто не спер — что по меньшей мере удивительно, учитывая, в какой цене нынче медь. — Берите факелы и залезайте наверх. — Он ткнул пальцем на пирамиду из ящиков у стенки одного из котлов. — Ты тоже, Вес.

Я разжился факелом у стражника. Капитан Блок забрал факел у другого из своих подчиненных. Нам удалось влезть на ящики, ничего себе не сломав, разве что мистер Большая Шиш-ка лишился нескольких перьев, когда я ненароком подпалил ему хвост.

Котлы оказались полны-полнехоньки. На поверхности ближайшего вспух и лопнул громадный пузырь.

— Бrr! Не умеешь пиво варить, так не бериесь. — Правда, я не то чтобы уверен, что тут варят именно пиво. Но запах все равно знакомый. Может, от самого котла идет?

— Угу, — мрачно согласился Релвей. — Возьми вон то весло и помешай.

Поперек второго котла лежал длинный шест с лопастью на одном конце. Я подчинился приказу Релвея.

— !!! — воскликнул Блок. — Что за хрено-тень?!

Продолжая ворочать шестом, я задавал себе тот же вопрос.

На дне котла находилось нечто вроде очень крупного слизняка, отдаленно напоминавшего человека. Нет, больше оно смахивало на обезьяну. Лапы длинные, костлявые, голова круглая, глаза большие и без век, как у лемуров, ушей нет, зато позади болтается хвост.

Во втором котле скрывался брат-близнец этого урода.

— Что скажете? — справился Релвей. — Может, вот зачем оборотням понадобилась крупнейшая в Танфере пивоварня?

— Они растят своих младенцев. Проклятие! Теперь понятно... Но не все. Ну-да, если так они размножаются, можно им только посочувствовать. — Я готов был побиться об заклад: здесь присутствовало древнее колдовство, наподобие того, которое сотворило народ Пулар Синдж. — Но сочувствие сочувствием, а жалеть их никто не собирается. Думаю, когда Макс узнает, что же понадобилось оборотням от него и его семьи, легче ему не станет.

— Мертвых не воскресишь, — угрюмо подтвердил Блок.

— Гаррет! Опасность! — пискнула Синдж и опрометью кинулась прочь как... как перепуганная крыса. В той стороне, откуда мы пришли, послышался шум. Кто-то что-то выкрикнул. Релвей схватился за нож. Стражники взялись за клинки.

— Дил, расслабься! — бросил Блок. — Это... Релвей застыл, точно статуя.

Из теней простирали более плотная тень, кошмарное видение. Мне на память вдруг пришла легендарная порода вампиров, способных превращаться в туман, проникающий в любую щель. Когда эта тень подплыла ближе, я разглядел в ней человека в черном балахоне, расшитом золотыми молниями; лицо было скрыто серебряной маской. Ясненько — к нам пожаловал пресловутый Владыка Бурь Перилос Спайт. Что ж, явление как раз в духе чародеев: пугай своих, чтоб чужие боялись.

По мне, так одеваться надо со вкусом, а не абы как. Впрочем, у публики с Холма свои пристрастия. Порой мне хочется спросить, где они находят себе портных... Интересно, что ему тут понадобилось? Потусоваться пришел?

Попка-Дурак решил, что ему непременно надо отыскать Пулар Синджа. Неплохая мысль. Еще не хватало, чтобы чародей засек моего попугайчика.

Блок перехватил мой взгляд и дернул подбородком. Я послушно слез, он спустился следом за мной, уступив свое место чародею, который взял весло и принялся мешать гнусное варево.

Который или которая? Понятия не имею. Один шанс из трех, что под маской — женское лицо. Хотя это без разницы. Чародеи все сволочи изрядные — что мужчины, что женщины.

Блок потянул меня за рукав, мотнул головой. Пора сматываться, простым людям тут делать больше нечего.

Карабкаясь по проходу, я продолжал размышлять, хорошо это или плохо, что к нам примкнул чародей. Вполне может быть, что его присутствие заставит вновь залечь на дно того самого полко-

водца из Кантарда, с которым лично я встретился бы с куда большим удовольствием.

По дороге к дому Вейдера Релвей спросил:

— Гаррет, ты для меня что-нибудь узнал?

— Не-а. И не узнаю, похоже. Мне в открытую заявили, что к тайнам меня не подпустят и ничего такого, чего не ведал бы весь белый снег, я не выясню.

— Но ты же для них лакомый кусочек.

— Был. Пока с тобой не связался.

— То есть?

— Да так... На вашем с Блоком месте я бы искал среди стражников парня, который и за порядком бдит, и за права человека любому шею свернет.

Релвей насупился. Его черты словно затвердили.

Не вздумай кланяться иным богам, человече. Бог один, и он — твой командир.

102

Макс смотрел на чародея, который только-только появился в зале и, разумеется, сразу привлек к себе внимание. Футов девяти ростом, весь какой-то полупрозрачный, вокруг головы нимб, в котором сверкают золотые молнии. За спиной чародея маялись два охранника, слегка отливавших позолотой. По мановению хозяйской длани они заняли места у двери. Сардж и Пудель охотно уступили им свой пост.

С прибытием чародея в зале воцарился страх. Все ждали, когда Перилос Спайл прекратит просто

стоять и начнет действовать. Оборотни тряслись от ужаса; похоже, этот чародей был им знаком, причем достаточно близко, и знакомство сие к приятным явно не относилось. А Маренго Норт-Энглиш усиленно пытался раствориться в ближайшей стенной панели.

Вейдер внимательно выслушал мой рассказ о находке на пивоварне Лампа.

— Захвати они мою, могли бы целую армию наварить, — заметил он негромко.

— Возможно, на то и рассчитывали.

— Но с какой стати «Кличу» им помогать?

— Пока не знаю. Зато уверен, что Волки думали, будто оборотни им помогают, а не наоборот. Нам известно, что эти оборотни не вчера родились. Стори одного из них в лицо признал. — Упомянутый Стори, вместе с Трейлом и прочими Чокнутыми Старцами, по-прежнему держался поближе к пивным бочонкам. — У них было достаточно времени, чтобы научиться правильно мозги пудрить и глаза отводить.

— Давай, выясняй дальше. Честно сказать, от этого пугала у меня мурашки по коже. Не нравится он мне, Гаррет. Уведи его, пока он не выкинул что-нибудь такое, о чем я потом пожалею.

— Ты с ним уже сталкивался?

— Со Спайтом? Нет. Я вообще стараюсь с такими, как он, не пересекаться. Я пиво продаю и общаюсь в основном с теми, кто мое пиво покупает. Даже в худшие годы, во время войны, всякие там колдуны и прочая шушера на мою пивоварню не зарились, и хорошо бы, чтоб оно и впредь так было. Займись делом, Гаррет.

— Слушаюсь и повинуюсь. — Я обозрел толпу и скорчил гримасу. Терпеть не могу работать

на публике. Тем более в присутствии «большой рыбы» с Холма, да еще незнакомой. С другой стороны, Блок от него в легком восторге, а Маренго очевидно его боится.

— Тихо! — гаркнул я. В тот же миг все охранники, которых в зале было немногим меньше, чем гостей, принялись вторить моему воплю. Естественно, их стараниями гомон стал только громче. Я терпеливо дожидался, пока они образумятся сами и образумят остальных. Наконец в зале установилась относительная тишина.

Все повернулись ко мне. Лица мрачные, как на подбор, ни единой улыбки. Впрочем, я и сам не лучусь от счастья.

Признаться, этой части вечера я заранее не продумал. План был простой. Собрать всех, кого следует, чтоб они занервничали. Припрятать в рукаве пару козырей, о которых знаем только мы с Таем. А дальше — по ситуации.

Может, объясниться? Некоторые из гостей до сих пор понятия не имели, какого рожна их пригласили. Остальные что-то подозревали, но, скорее всего, об истинном нашем замысле не догадывались.

Да, надо кое-что растолковать.

— Мистер Трэйл, мистер Сгори! Все видели, как вы разбушевались. Будьте добры, расскажите гостям, почему это произошло. — Валяйте, ребята, а то народ от любопытства изнывает.

Трэйл был слишком потрясен присутствием столь важных особ, чтобы выдавить из себя хоть слово. Стори, в отличие от приятеля, никаких проблем не испытывал, тем паче, что пиво, к которому он усердно прикладывался, добавило ему смелости и красноречия. Он повторил свой рассказ

о мизходской кампании, кое-что, безусловно, приукрасив и присовокупив подробностей. Слушали его крайне сосредоточенно, благо чародей у двери всем своим видом давал понять, что не собирается церемониться с теми, кому неймется. Полагаю, большинству гостей известно о Периллосе Спайте куда больше моего. Пожалуй, служи я не в морской пехоте, а где-нибудь в тылу, занимай я тепленькое местечко, и до меня тоже доходили бы разные городские слухи.

Стори заявил, что они с Трейлом убеждены: эти оборотни, сидящие на скамье в этой зале, — те самые предатели, которые пятьдесят лет назад заманили в западню всю карентийскую армию.

Когда Стори иссяк и начал повторяться, я объявил:

— Мисс Квипо Трим, бывший сержант королевской медицинской службы, изложит нам свою историю.

Квипо поведала гостям то же самое, что говорила мне, прибавив несколько деталей, которые вспомнила со времени нашего разговора. Следом я вызвал прочих, имевших дело с оборотнями, и сам произнес маленькую речь по этому поводу. Не стал я вызывать только Релвея, который официально здесь не присутствовал. Думаю, постепенно гости убедились, что собрали их не из-за Вейдеров и не по прихоти Гаррета, как многие наверняка считали, а во имя безопасности карентийской короны.

Поглядывая на чародея, я сказал:

— В общем, картина получается такая. Эти существа притворялись, что служат короне, но их служба всякий раз приносila одни беды. Все рав-

но что Слави Дуралейник. Мы про них мало что знаем. Сплошные загадки. Их командиром был некий полковник Нортон Вальсунг. Мисс Трим говорила мне, что это карентиец, но она единственная, кто встречал полковника. Мне кажется, что такого человека просто не существует. Вероятнее всего, полковник Вальсунг — еще один оборотень.

Конечно, я шел напролом, выдавая догадки за факты. Но вдруг кто-нибудь что-нибудь вспомнит? Вдруг кто-нибудь скажет, кто стоит за Братством Волка и за «Кличем» как таковым? Думаю, те, кому есть что сказать, непременно найдутся, вот только захотят ли они говорить?

Перилос Спайл шевельнулся. Моего левого уха коснулся шепот, прилетевший неизвестно откуда. Лишь благодаря тому, что привык общаться с Покойником, я не подскочил до потолка.

— Вальсунг существует. Но вряд ли протянет долго. Он им больше не нужен.

Я кивнул, давая понять, что услышал. Судя по всему, мне это сообщили не просто так, а с некой целью. С какой, интересно? Я поглядел на Попку-Дурака, восседавшего на люстре и взирающего на толпу с высоты. Он вел себя тише воды. Отлично. Замечательно. Рискованно. Если Владыка Бурь сообразит, какую роль отвели пернатому сквернослову, к длинному списку тех, кто имел на Гаррета зуб, добавится чародей с молниями на балахоне.

Самое паскудное, что обвиняют всегда почему-то меня. Закон бутерброда. Или, если хотите, закон Гаррета.

— Нишкни, приятель, — прошептал я, — пускай чародей отдувается.

Желаемого мы еще не добились. Самообладания никто пока не утратил, тайны выдавать никто не спешил.

Я повернулся к членам Братства Волка. С ними у меня вообще не было никакой уверенности: их побуждения, хоть и человеческие, оставались загадкой. «Клич» на словах от них открешивался, но уж в чем-чем, а в пренебрежении идеалами человеколюбцев их никак было не упрекнуть.

Напряжение среди гостей нарастало. Чтобы удержать внимание толпы, я спустился по лестнице на две ступеньки. И заявил:

— Косвенные улики указывают на то, что Черные Драконы сотрудничали с Братством Волка.

Я выделил голосом слово «косвенные». Дескать, прямых доказательств у меня нет, так что думайте сами, решайте сами. В конце концов, для большинства достаточно зароненного сомнения... Хотя наверняка найдутся фанатики, которые станут рассуждать так: «Ну и что, что изменник, главное — человек».

Волки поглядывали на меня исподлобья, косились на оборотней. Небось прикидывают, как отомстить. Только Дженоид смотрел прямо перед собой. Он безнадежен. Судя по всему, намерен кого-то защищать.

Я повернулся к балкону.

— Эй, босс, не желаешь предъявить нашего приятеля?

Макс коротко кивнул и дал знак Манвилу Гилби. Тот исчез из поля зрения, но вскоре вернулся, волоча за собой Маренго Норт-Энглиша, который по-прежнему норовил укрыться от взгляда чародея.

Я не испытывал к нему жалости.

— Расскажите нам про Волков. Откуда они взялись? Почему отдалились от вас?

Говорить Маренго не хотелось. Чародей, должно быть, и вправду внушал ему ужас. Верно, наш доблестный Маренго однажды по глупости перебежал дорожку Спайту... Но отступать было некуда, и он заговорил, запинаясь, заикаясь, путаясь в словах.

Рядом со мной возник Морли.

— Сколько можно? — прошептал он. — Перерезать им глотки, и дело с концом!

Городские эльфы не терпят окличностей. Как правило, они выплескивают ребенка вместе с водой, уповая на то, что боги спасут малыша, если от него есть хоть какой-нибудь прок.

— Нельзя. Если мы прикончим оборотней, с половиной гостей от злости припадок случится. Ты погляди на этих клоунов: все гадают, как бы им половчее выкрутиться и новогоднее новостями использовать. Правда, понимают, что сперва придется мимо чародея прошмыгнуть. Нам нужно выяснить, насколько глубоко проникла зарза, а из мертвяков ничего не вытянешь. У нас же тут Владыка Бурь, а не некромант. — А еще, добавил я про себя, лично мне очень хочется получить ответ на пару-тройку вопросов: зачем, что и кто. Правильный же ответ можно услышать, только задав правильный вопрос в подходящий момент.

Ничего особенно любопытного Маренго не рассказал. Волки были его первой попыткой превратить «Клич» в реальную силу; он сознательно подбирал в отряд ветеранов, героев войны, умелых и преданных делу. Однако они не

привыкли соразмерять с приказами каждый свой шаг, поскольку на фронте действовали почти самостоятельно, и потому начались разногласия. Когда Волки стали убеждать Внутренний Круг в своей правоте, прибегнув для этого к подручным средствам, указанный Круг объявил Братство распущенными. На смену Волкам пришли менее воинственные и более послушные. Новые отряды не имели единоличия, пока не объявился полковник Теверли. Многие из Волков перешли к нему; некоторые, вроде Джерриса Дженорда, ушли в свободное плавание.

Маренго утверждал, что Волки, несмотря на все обиды, которые они могли затаить, никогда и ни за что не связались бы по собственной воле с врагами Каренты.

В его словах усомнился бы разве что самый бесцоковый гость на нашей вечеринке. Взгляды, которые Волки бросали на оборотней, были исполнены жгучей ненависти.

Верность короне — краеугольный камень политики Вольных Сообществ. А оборотни придерживались совсем другой политики, чему немало подтверждений.

Закончив речь, Норт-Энглиш слинял с балкона настолько быстро, насколько позволяли приличия. Вот вам и доблестный Маренго! Это не в кабаках грудь выпячивать, петушок ты наш. Но все-таки, чем тебя так переиграл Перилос Спайл?

Кстати, о Спайте. У меня сложилось впечатление, что он игнорирует всех присутствующих, исключая оборотней.

Пока прочие рассуждали, я всматривался в лица. Те, кто не ждал наказания, потихоньку начинали маяться. Лишь присутствие чародея удерживало их от решительных действий.

Попытаю-ка в очередной раз счастья с Джено́рдом.

— Тебя подставили, Джеррис. И не только они. — Я указал на оборотней. — Ты ни в чем не виноват. Откуда тебе было знать, что они — не люди, хоть ты с ними и сталкивался в Кантарде?

Физиономия Джено́рда оставалась маской равнодушия, которую он напялил, едва переступив порог.

Я опустился на колено.

— Послушай, парень, я тебе не просто так все это излагаю. Тебя повесят не за глупость, а за упрямство. Кто снова собрал Волков? Кто втравил вас в эту заварушку? Чью задницу ты прикрывашь? По-твоему, он знает что-то о Драконах, а?

Нам обоим — и мне, и Джено́рду — было известно, что на деле Волков никто не распускал, но мы играли по правилам.

— Кто выбрал целью Вейдеров? И почему?

Джено́рд молчал, как рыба, зато его дружки-приятели оказались не столь упертыми. Они быстренько смекнули, что никто не собирается заставлять их бросаться на собственные мечи. Значит, есть возможность выпутаться. Если признать, что обманулись...

— Ребята, вы ведь никого не убивали, так? Кроме Ланса, конечно. — От этого прискорбного факта Джено́рду не отмазаться.

Джеррис продолжал молчать. Осел, честное слово! Он верил, что страдает за правое дело. Такое рвение — и втуне пропадает!

— Нет, мы никого не убивали, — робко подтвердил один из Волков. Напряжение, витавшее в воздухе вокруг нас, немедленно ослабло. Гости стали подбираться поближе, рассчитывая услышать что-нибудь интересненькое.

Дженорд попытался испепелить своего товарища взглядом. Но все прочие Волки его не поддержали, тем более, что заговоривший со мной, судя по повадкам, был у них за старшего.

— Мы виноваты только в том, что служили нашему движению и карентийской короне! — заявил он и гордо вскинул голову. Его взгляд скользнул по балкону, выискивая Норт-Энглиша. Похоже, Волки наконец сообразили, что их снова кинули.

— Объясни поподробнее, ладно? — Я оглядел залу, потом посмотрел вверх, на люстру. Злодейская пернатая тварь уставилась на меня в ответ. Отлично. А как там бочка? По-моему, появилась некая зацепка, осталось ее ухватить и... — А ну, брысь оттуда! — Трейл, Стори и Шейл бочком-бочком вновь подобрались к огромной бочке и пытались выяснить, как же ее откупорить. Зато Квино Трим прочно уселась возле бочонка с «Вейдеровским темным» и никуда соваться не собиралась. Мало того, она о чем-то шепталаась с Торнадой, которая тоже прихлебывала пиво, вместо того чтобы следить за Синдж.

Какое пиво вкуснее всего на свете? Правильно, дармовое.

Могу предположить, дамы обсуждают Гарпета.

Я зарычал сквозь зубы. Не хватало еще, чтоб Торнада нализилась. Когда она выпьет, у нее пропадает всякое понятие о приличиях.

Полка-Дурак сорвался с люстры и ринулся вниз. Гости, как один, пригнулись. Послышались проклятия. Попугай сел на руку Торнаде в тот самый миг, когда она поднесла кружку к губам. Пиво выплеснулось на пол. Торнада злобно посмотрела на меня. Я кивнул на Дотса: мол, это он мне попугая подарил, с него и спрашивай. Полка-Дурак снова взмыл в воздух, пронесясь над толпой и опять взгромоздился на люстру. Я прожег взглядом Торнаду, потянувшуюся было за новой кружкой. Кажется, до нее дошло. Вопрос, надолго ли.

На балконе к Аликс и Тинни присоединились Белинда с Никс. Должно быть, их позвал то ли Макс, то ли Манвил Гилби. Они окружили Норт-Энглиша и заставили его подойти к перилам, чтобы он был виден всем. Еще бы Тому Монтецуму сюда, и вот вам сборище очаровательных ведьмочек, чтобы не сказать бесовочек.

А где, кстати, племянница Маренго? Среди гостей ее точно нет. И, если подумать, я не видел ее с тех самых пор, как она вошла в залу вместе с дядюшкой.

Волк между тем продолжал:

— Нас предупредили, что распускают только для вида. Чтоб этот козел Теверли угомонился. — Казалось, взгляд Волка непременно должен просверлить дыру в Маренго Норт-Энглише. К дамам на балконе подошли Макс и Гилби; папаша Вейдер печально качал головой, рассматривая на доблестного Маренго. — Нам сказали, что мы уходим в подполье, но делать будем

то, к чему готовились. Некоторым велели устроиться на работу в городе, в богатые семьи. Другим приказали вступить в шайку Теверли, чтобы следить за ним изнутри. Третьим — войти в прочие сообщества и приглядывать за ними. Мы согласились, потому как с самого начала готовились к чему-то этакому.

Я покосился на Норт-Энглиша. Что ж, очень, очень на него похоже.

— Неправда! — возопил он с балкона. — Я распустил Волков! Мы с Теверли оба считали, что они неуправляемы. И время подтвердило нашу правоту, разве нет? — Однако глазки у него бегали, и он по-прежнему избегал поворачиваться лицом к чародею.

Волк попросту отмахнулся от обвинений Маренго:

— Вы каждый день нам что-нибудь поручали. А в последние месяцы посыпали весточки по три-четыре раза на дню. Да что там, вы за каждым нашим вздохом следили!

Я ничуть не сомневался в том, что Волк говорит правду — как он ее понимает.

Он сказал: «посыпали весточки». А я уже упоминал о таланте оборотней: они сообщали карентийцам именно то, что те хотели услышать. Вот и этому Волку скормили байку, которую он с превеликим удовольствием скушал.

Норт-Энглиш явно растерялся. Может, он тоже говорит правду — свою правду?

— «Клич» разваливался, — не унимался Волк. — Потому срочно требовалось как можно больше денег, чтоб удержать людей. Две или две с половиной недели назад, только мы с Черными Драконами сошлись, нам сообщили, что го-

товится захват пивоварни Вейдера. А мы и сами к тому подготовку вели, уже давно, — так, на всякий случай. Драконы стали окучивать рабочих, зазывали их от нашего имени. Тяжко приходилось, времени не хватало, вы-то все нас на сбороища созывали. — Норт-Энглиш отчаянно замотал головой, по-моему, вполне искренне. Должно быть, Волк это почувствовал: его лицо приобрело озадаченное выражение.

— Да я с тобой и трех слов за последний год не сказал! — воскликнул Маренго. — Любой подтвердит!

— Где уж вам! Вы все от Теверли прятались. А как...

Громко пискнула Пулар Синдж. Взревел Тарп. Закричал Плеймет. Рыкнул Сардж. Завизжал Попка-Дурак. В моем ухе прозвучал колдовской шепот: «Берегись!», а в голове раздалось: «Осторожно!». Со стороны столовой донесся чудовищный треск. За ним — истошные вопли.

Мгновение спустя моему взгляду предстало чудище, более всего смахивавшее на первого урода среди троллей. Когти как сабли. Клыки, как у саблезубых, что сверху, что снизу. Из пасти воняло так, что хоть стой хоть падай. И направлялось чудище прямо ко мне, расшивыривая тех, кто попадался ему на пути.

В зале не нашлось ни единого героя. Куда ни глянь, всюду виднелись только пятки: народ улепетывал со всей прытью, на какую был способен. Моим побуждением было последовать примеру остальных. И я в кои-то веки послушался.

— Вниз! — рявкнул голос у меня в ухе. «Вниз!» — повторил голос у меня в голове. Гаррет у нас умница, намеки с полуслова понимает.

Я бросился на пол и вцепился в каменную плиту с такой силой, словно боги объявили, что отменяют силу тяжести.

Чвак! Будто кто-то шлепнул по кирпичной стене широкой и мокрой доской. Или швырнул на раскаленную сковородку кусок грудинки. Чудище завизжало громче всех, кто вопил до сих пор, скуюжило и повалилось навзничь, попременно меняя обличье, пока не превратилось в уродца вроде тех, каких мы видели на пивоварне Лампа.

По зале раскатился голос чародея:

— Не приближайтесь! Он не мертв, только оглушен. — Тварь завозилась, обретая человеческий облик. По всей видимости, у юных оборотней имелось некое исходное обличье, к которому они машинально возвращались, когда не могли более поддерживать избранную личину.

Те оборотни, что сидели на скамье, тихонько зароптали. Я ощутил их отчаяние — возможно, потому, что привык к мысленным контактам с Покойником.

Тварь слегка очухалась: одна лапа ее неимоверно вытянулась, на одном из пальцев вырос исполинский, загнутый и острый, как серп, коготь. И попытался воткнуться в меня. То ли я такой ловкий, то ли оборотень неуклюжий... В общем, я увернулся, а он промахнулся.

Чвак! Шляк! Снова зашипела грудинка. Оборотня подкинуло вверх, он что-то вякнул — и рухнул на пол в нозе человека со сломанным позвоночником.

— Пожалуй, пора отступить, — сказал я Морли.

— Умный мальчик. Я составлю тебе компанию.

Я вдруг заметил, что он смотрит вовсе не на оборотня.

— Ты куда пялишься?

— Да так. — Тон был знакомый и означал приблизительно следующее: «Есть у меня одна мысль, ее проверить не мешает». Я огляделся.

Блок с Релвеем расставляли своих подчиненных у каждой двери. Тинни и остальные девицы по-прежнему находились на балконе. Маренго куда-то испарился, зато к дамам присоединились два верзилы-грузчика. Макс, Гилби и Тай стояли у подножия лестницы и озабоченно поглядывали на оборотня — а ну как ему вздумается перенести внимание на кого-то из гостей женского пола. Признаться, я и сам был бы не прочь отвлечься...

Ладно, дело прежде всего. Я подковылял к Дженоиду, морщась от боли в ноге, которую ушиб, когда падал на пол.

— И теперь тебе нечего мне сказать?

Судя по всему, он вознамерился молчать до скончания времен.

— Дураком родился, дураком и помрешь... Ну что еще?

На сей раз громыхнуло в кухне. Я узнал голос Нейрсы Бинтор, *весъма* чем-то раздраженной. Неужто Синдж?.. Нет, вон она, у двери в столовую, в двух шагах от Релвея: дрожит, как осиновый лист, на меня посматривает, будто прощения просит, что вовремя оборотня не засекла.

Продолжая оглядываться, Морли спросил:

— Хочешь плохую новость?

— Нет. Хорошую хочу, для разнообразия. Ну?

— Садлер с Краском удрали.

Бац!

— Это у тебя шутки такие?

Место на скамье и вправду пустовало, только кандалы валялись. Как они ухитрились? Конечно, все вытаращились на оборотня, но... Я ринулся к Релвею.

— Объясни мне, пожалуйста, как Садлер и Краск могли исчезнуть на глазах у сотни человек.

— Что? Никак не могли! Ключ у меня... — Рука, тщетно пошарив в кармане, выскользнула наружу. — Ничего не понимаю. — Впервые в жизни я видел *растерянного* Релвея. Поучительное зрелище. — Кто-то залез ко мне в карман. — Он зарычал на подчиненных, запамятовав на мгновение, что не собирался являть себя публике.

Я направился к Пулар Синдже.

— Ты молодец, Синдже. Не расстраивайся, всюду поспеть невозможно. Оборотни поняли, что ты их унюхиваешь, и старались тебе не попадаться, только и всего. С тобой все в порядке? Работать можешь? Боюсь, снова придется выслеживать тех двух злыдней...

— Не придется, — сказал у меня из-за спины Морли. — Она их отпустила, чтобы ловушку захлопнуть.

Чего? В этот миг опять раздался чвак и опять зашипела грудинка. Те, чьей обязанностью было следить за оборотнем, отвлеклись и дружно уставились на меня. А оборотень словно того и ждал. Он вскочил и кинулся к своим родичам, на бегу превращая лапы в громадные ножницы, способные резать серебро. Похоже, чары ослабели. Понадобилось два залпа, чтоб утихомирить этого шустрика.

— Наверняка за всем стоит кто-то, кто знает меня достаточно хорошо, чтобы понять... — Естественно. Тот же таинственный некто, который руководит Волками и Черными Драконами. Тот же, кто преследовал меня, когда я еще даже не вляпался в эту катализацию. Но кто конкретно? Я окинул взглядом толпу. Здесь были все. В той или иной мере причастные к делу, не считая Краска с Садлером. Впрочем, они — пешки. Из присутствующих более всего на роль кукловода подходил Маренго. Как и утверждал старший из Волков.

Быть может, в Норт-Энглише пропадает замечательный актер. С тех пор, как его ранили, он ведет себя странно — мягко выражаясь. Поневоле заподозришь.

104

Секундочку! А как насчет моего сурового приятеля, лейтенанта Нагита? Чем не подходящая кандидатура? Возможно, он чувствовал себя недооцененным... Но тут мне вспомнились слова Нагита. В свое время я не придал им значения, но теперь...

Комок ярких перьев с лета бухнулся мне на плечо.

— Какого!..

— Не будь таким тупоумным, Гаррет. Не будь таким слепым.

Гости вылупились на меня. По счастью, обо всем сразу догадался один Морли Дотс. Он повернулся, поглядел на громадную бочку и проговорил:

— Ах ты, ублюдок. — Потом оскалил в усмешке свои белоснежные зубы. — Ты достойный ученик, Гаррет. Лучший из всех, кто у меня был.

Я не стал отвечать, вместо этого сказал попугаю:

— Я не нарочно. Просто не сразу сообразил. Эй, Блок! Капитан Блок! — Он был неподалеку, так что ворить на всю залу не пришлось. — Ищите женщину. Племянницу. Монтецуму. Это она за всем стоит.

Болван ты, Гаррет! Полный идиот! И куда только твои глаза глядели? Понятно, куда, все на изгибы да на округлости. Разве можно заподозрить в чем-то женщину с такими формами? Если б ей и с тобой повезло, ты бы кончил ничуть не лучше Джерриса Дженорда. Или вообще оказался бы трупом.

Откуда она знает Садлера и Краска? Верно, спуталась с ними еще до того, как пристроилась к Маренго.

Может, они вместе росли.

Стоило мне подумать о Маренго, как он вновь показался на виду. Расхабрился. Он открыл рот, но сказать ничего не сказал.

Мистер Нагит обронил как-то, что эта женщина и пальцем не шевельнет, пока ее не подмаслишь. У Маренго, разумеется, нашлось, чем подмаслить. И она прилагала все усилия, чтоб его интерес к ней не иссяк никогда. Кому охота, покатавшись в масле, снова на бобы садиться? Впрочем, будучи дамочкой взрослой и толковой, она наверняка понимала, что рано или поздно лафа закончится.

Тама Монтецума — вот еще одна, если не главная, причина, по которой Норт-Энглиш стал не в состоянии содержать свое движение. С ее повадками, с ее претензиями даже его денег на все было недостаточно.

Едва я примирился с мыслью, что роскошная мисс Монтецума может быть злодейкой, передо мной открылись необозримые просторы. Словно зазвучали фанфары, возвещая о приходе Слави Дуралейника. Я был уверен, что он каким-то образом связан с оборотнями. И надеялся, что сумею слухами о предстоящем в доме Макса Вейдера сбогище заманить его на свою вечеринку. Вполне вероятно, он таки пришел, замаскированный, как разведчик в глубоком тылу врага. Но никакая маскировка ему не поможет, подойди он на десяток шагов к той большой бочке.

Вероятно, Дуралейник запустил свои когти в Таму, едва Братство Волка связалось с Черными Драконами. Как она вертела Волками, теперь ясно: выдавала себя за посредницу между ними и Маренго. Я спросил у Волков, так ли это, и они дружно подтвердили мою догадку.

Тама желала богатства. У нее самой не было ничего, не считая внешности. Оборотням требовалась пивоварня. В обмен они могли предложить разве что свою способность к перевоплощениям. Слави Дуралейник хотел... Чего? Откуда он родом и чего добивается, всегда оставалось загадкой. Даже мой напарник, для которого изучение Дуралейника превратилось в хобби, — даже он утратил всякое представление о целях этого хитрюги. А весь остальной мир знал лишь то, что Дуралейник идет собственной дорогой и может оказаться настоящей занозой в заднице, если попробовать ему помешать.

Просторы расширились, но вопросы остались. И много вопросов. Как Тама заставила оборотней напасть на Маренго? Кому помешали главари Вольных Сообществ? Или это был

спектакль для отвода глаз? Где сейчас Слави Дуралейник? Почему он не пришел сюда? Из-за Перилоса Спайта? Или почуял западню? И где Тама Монтецума? Спелась она с Дуралейником или нет? Если да, у нас большие проблемы: с ними и по отдельности хлопот хватает, а уж вместе...

И где Краск и Садлер?

Каждый из тех, кто находился в зале, вдруг решил, что ему нужно что-то сделать. Так учат в школе будущих вожаков. Делай что угодно, даже если делаешь неправильно; главное — делать. По мне, Каренте жилось бы намного лучше, когда бы все, кому не лень, не пытались что-либо делать.

Шуму, шуму-то сколько!

Признаюсь, я сочувствовал Таме и отчасти восхищался ею. Она держала меня на крючке; если бы не череда смертей, я бы с крючка не сорвался. Ее побуждения понятны и простительны, вот только — нельзя быть такой самовлюбленной и такой жестокой.

Это она виновата в том, что в доме моего друга Макса Вайдера царит отчаяние.

— *Гаррет, Дуралейник где-то поблизости*, — произнес голос у меня в голове. — *Он встревожен. У него были свои планы на этот вечер, но все пошло насмарку. Можно ожидать неприятностей.*

Ожидать? По-моему, у нас уже сплошные неприятности.

— Не стой столбом, Гаррет, — вмешался Блок. — Люди разбегаются.

— Далеко не убегут, — хохотнул Морли. — Верно, Гаррет?

— Не знаю, старина. Мне бы твою уверенность. Всегда что-нибудь случается. — Про Дуралейника я упоминать не стал, чтобы избежать ненужных вопросов. — Синдж! — Я помахал рукой, однако Пулар Синдж побоялась перейти через залу. Если вдуматься, она была права: все, на ком не было оков, носились по зале, не разбирая дороги и крепко зажмутившись, кто от страха, кто из нежелания быть свидетелем чего-либо на свете.

Старики из «Райских врат» всеобщим безумием не заразились. Они упорно предавались тому самому занятию, с которого для них началась вечеринка. Трейл и Стори явно не утратили желания подобраться к большой бочке. Если они все-таки до нее доберутся, готов побиться об заклад — напиток придется им не по вкусу.

— Вы двое, оставьте эту гребаную бочку в покое! — А Шейл как будто отрубился. Хоть одна приятная новость. — Вон Квипо сидит, она вам плеснет из своего бочонка. Мисс Трим! Вам по долгу службы положено следить за старицем!

Но Квипо уже допилась до такого состояния, что и за собой с трудом могла уследить.

— А, Гаррет! Твоя'дружка, Торнада которая, про тебя толковала, — выговорила мисс Трим заплетающимся языком. — А где она? Торнада-а! Ты где?

— Гаррет, — окликнул меня Макс.

— Чего?

— Мой дом обязательно должен пострадать?

— Блок! — рявкнул я. — Норт-Энглиш! Уймите своих остоловов! — Кстати сказать, за оборотнями на скамье никто больше не приглядывал,

да и за тем, который до сих пор был без цепей, — тоже.

В хаос ступил Владыка Бурь. Он прошелся перед оборотнями, словно колдун-венагет: ходили слухи, что у венагетов именно колдуны определяют, кого из раненых везти в госпиталь, а кого предоставить собственной судьбе. Пленным карентийцам обычно доставалось второе.

Хлопок, чвак! Чвак, хлопок! Чародей не церемонился. Трах-бах — и двоих нету.

Уцелевшие, должно быть, согласились сотрудничать. Охранники чародея поставили их на ноги и куда-то поволокли. Оборотни пошли покорно, позывая кандалами. А если чародей повернется к ним спиной, они осмелеют?

— Вмешаться? — справился я у Макса.
— Зачем? — раздраженно спросил тот.
— Это ведь твой дом. — Я постарался спрятать собственное раздражение. Мы, карентийцы, научены горьким опытом не выражать эмоций в присутствии «шишек» с Холма. Иначе рискуешь быть опозоренным — в лучшем случае.

— Пускай уводят. Они заслужили эту встречу. Попроси Маренго заткнуться и подойти сюда. Он ведет себя как полный кретин.

Норт-Энглиш пытался с балкона утихомирить своих людей. Наверное, он искренне полагал, что громогласными оскорблениями можно заставить их скорее найти Таму. У меня возникло искушение дать ему пинка под зад, но я с собой совладал. В конце концов, мне тоже требовалась Тама.

Пока я поднимался наверх и сводил Норт-Энглиша по лестнице к Максу, Морли Дотс успел собрать вокруг себя своих и моих друзей. Он поманил меня.

— Пусти Синдж по следу Монтецумы, Гаррет. Иначе мы ее никогда не поймаем. Она готовилась к побегу.

— А твоя какая печаль?

— Вот бестолочь, — проворчала Торнада, от которой за пару шагов разило пивом. — Голова мякинная, как у нас дома говорят.

— Если вам интересно, я ничего не понимаю. — Я перехватил взгляд чародея, задержавшегося у двери, и невольно поежился.

— Гаррет, даже Плоскомордый догадался, что Монтецума слиньяла с бабками, — наставительно проговорил Морли. — И бабки там нехилые. Сам посчитай, сколько лет она Норт-Энглиша доила.

— А! — Все мы одним миром мазаны, кроме, разве что, Плеймета и, может статься, Пулар Синдж. Нахапать добра и смыться, прежде чем законный владелец потребует его вернуть. И морду кирпичом — дескать, знать не знаю, ведать не ведаю. Помнится, Морли не раз этакую штуку проделывал. Вот только он позабыл, что с нами Торнада, а она не удержится, чтоб в первую же ночь свою долю в кабаке не спустить. По правде сказать, она и жива-то до сих пор благодаря своей грубой силе и редкостному везению.

Не думаю, что Плоскомордый это понимает. Бедняга, однажды ему придется горько пожалеть, что он позволил ей втянуть себя в ее делишки.

Я посмотрел на Маренго. Тот по-прежнему не собирался сливаться с толпой. Тоже мне, пуп земли выискался! Мы для него неподходящая компания. Вперед, Тама. Грабани его по полной. Никто не расстроится — ни Макс, ни красотки

наверху. Мир будет намного лучше, когда Маренго Норт-Энглиш перестанет быть спесивым болваном.

— Чего тебе, надоеда? — спросил я попугая, ущипнувшего меня за ухо.

Он ничего не ответил, хвала небесам. И без того на меня косится, а скоро начнут мною детей пугать.

— Где-то тут должны быть Садлер с Краском, — проговорил я задумчиво.

— Твой приятель из тайной полиции их поймает, — отозвался Морли. — Если уже не поймал.

Релвей, естественно, исчез, словно его и не было. И половина гостей разбежалась.

— Ты с нами? — поинтересовался я у Синдж.

— Двойная доля, — предложил щедрый Дотс. Торнада поперхнулась. — Соглашайся. Сколько можно на побегушках у Релианса быть?

Морли знал крысюков. Но он не учел, что Синдж — умница. Она сообразила, что ее пытаются обвести вокруг пальца. С некоторым усилием она заломила бровь и поглядела на меня, будто спрашивая: «Двойная доля чего, Гаррет?».

— Я не пойду, — сказал я. — Дел по горло. Поймаете — приводите сюда. — И повел глазами в сторону чародея, предупреждая, что он может нас подслушать. Но мои товарищи не обратили внимания: они уже все были в погоне. — Торнада, успокойся. Приведите ее сюда, понятно? Есть на свете вещи поважнее денег.

— Ух ты! — восхитился Тарп. — Какой слог, Гаррет! Уймись, Торнада. Он, похоже, прав.

— Будь осторожна, — сказал я Синдж. Она меня поняла: ее спутники не из тех, кому стоит полностью доверять.

Но они так никуда и не ушли.

— *Гаррет, внимание! Вот-вот начнется неудачная по времени и подготовке попытка вызволения.*

— Что-что?

Раздался грохот, и в залу через входную дверь влетел кентавр с пикой в каждой руке. На его пути встретились прислужники чародея, они столкнулись и все трое повалились на пол. Действительно, не вовремя: погоди он минуту-другую — и встреча состоялась бы не в доме, а на улице.

Чародей наконец отвел от меня свой пристальный взгляд.

— Это что такое? — озадаченно спросил Морли.

— Свита Слави Дуралейника, — ответил я. По всей видимости, они следили за своим патроном, но издалека, иначе этот кентавр не ввалился бы в залу, как говорится, «на дурачка». Поднявшись с пола, он внезапно обнаружил, что на него глядит с полсотни человек. Попытался развернуться, но его копыта разъехались на полированном камне, и он вновь, с громким ржанием, грохнулся на пол, да еще долбанулся подбородком. Ну, доложу я вам, у него и лексикон! Полка-Дурак — и тот уши крыльями зажал. Изъяснялся он не на карентийском, но все мы — по крайней мере, мужчины — побывали в том месте, где говорят на этом языке.

Появились другие кентавры. Подобно первому, они мгновенно впали в растерянность. Их

лица выражали одновременно решимость освободить друзей Дуралейника и желание прикончить его врагов. Но и то, и другое сделать было затруднительно, поскольку они явно не ожидали, что врагов окажется так много. По-моему, они рассчитывали на кавалерийский наскок: примчался-схватил-удрал. Видимо, их сбила с толку та половина гостей, которая благополучно слиняла.

Первому кентавру изрядно досталось: прежде чем он успел снова подняться, свои же затоптали его чуть ли не до смерти. А потом на него накинулись ребята Блока и мои друзья. Как ни забавно, орлы из «Клича», с их-то ненавистью к не-людям, остались в задних рядах. А уж кому, как не им, было разбираться с кентаврами: ведь кентавры — самые вероломные из обитателей Кантарда.

Чародей мгновенно окутался молниями, причем ярчайший из огненных сгустков клубился у него на уровне живота. В следующую секунду послышался звук, к которому я уже успел привыкнуть за этот вечер. Чвак! Кентавров попросту вынесло из залы, чему они, думаю, были нескованно рады. К несчастью, никто из них не треснулся по дороге о стену или о косяк. Кавалерийский наскок обернулся паническим бегством.

Я огляделся по сторонам. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что кентавры рассчитывали на союзников в доме. Но таковых не нашлось. Отсюда следовало, что Дуралейник затеял набег, не позаботившись выяснить, что и как, полагаясь исключительно на внезапность. На него это не похоже.

В порыве отчаяния, что ли?

- Любовь слепа, глупенький.
- О нет!
- О да. Увы. Твои безумные домыслы оказались не такими уж безумными.

Снаружи донеслись вопли. Кентавры сцепились с кем-то еще, причем битва, судя по лязгу и крикам, разгорелась не на шутку. Я ухмыльнулся. Некоторые из гостей, видимо, позабочились привести с собой маленькие армии.

В каком печальном мире мы живем! Люди не доверяют друг другу, не то что раньше...

105

Хаос закончился. Кентавры ретировались. Попытка выручить оборотней провалилась, причем некоторые из гостей даже не поняли, что это, собственно, было. Капитан Блок и потрясенный до глубины души всем случившимся Маренго Норт-Энглиш сумели достичь шаткого согласия. Они договорились вместе ловить Таму Монтецуму. Скорее всего, первый из них, кто увидит Таму, мгновенно забудет обо всяких договоренностях. У обоих на нее свои виды.

И оба рассчитывают на меня. Если я не уговорю Пулар Синдж выследить Таму, погоню можно выбросить из головы. Уже может быть поздно. Тама из тех, кто выживает в любой катастрофе. У нее было в избытке времени приготовиться к неизбежному. Думаю, мы ее не отыщем.

— Все пошло не так, как я хотел, — сообщил я Максу.

— А что, бывает иначе?

— Иногда. Зато мы наконец хоть что-то выяснили. — И кое-чего добились. К примеру,

«Клич» не скоро отмажется от обвинений в пособничестве оборотням. Многие поверят, что все затеял Маренго, а любовницей пожертвовал, прикрывая свою задницу. Я и сам распушу такой слух и буду поддерживать его, пока Тама не признается публично. Нужно слегка демонизировать Норт-Энглиша, изобразить его хитрее и изворотливее, чем он есть на деле.

Перилос Спайл удалился, унося с собой свое чародейство. С ним ушли уцелевшие Драконы — и Волки. Робкие протесты человеколюбцев не возымели действия. Смею ожидать, что пленникам чародея придется не по нраву хваленные методы правосудия. Гаррет, ты старый циник. Зато ручной оборотень — отличное подручное средство для того, кто практикует колдовство и прочие темные делишки. Впрочем, ребята вроде Спайта правосудием не интересуются. Большинство из них понятия не имеет, что это такое.

— Чего отлынивал? — спросил я Попку-Дурака.

— У меня не было ни малейшего желания оказаться добычей чародея, Гаррет.

Понимаю, как не понять. Но мог бы помочь хоть чем-нибудь.

— Я помогал, Гаррет, и до сих пор помогаю. Занимаюсь куда более серьезными вещами, чем ты можешь вообразить. От тех, кого Спайл забрал с собой, он ничего не добьется. Зря он работал на публику.

Очередное туманное утверждение. Неужто мне, как обычно, придется оправдываться и говорить, что я не понял, когда все покатится кату под хвост? И чего я дергался насчет этого самодовольного типа?

Мои друзья не расходились, видимо, все еще надеяясь, что я подскажу им способ найти Таму. А мисс Трим и старики из «Райских врат» уйти были просто не в состоянии. Как ни странно, бочонок они выхлебали не до дна.

— Тарп, — окликнул я, — бери Торнаду с Плейметом и отведи старииков домой. Перед тем как выйти отсюда, проверь карманы Торнады, — чтобы пустые были. Как отведешь, возвращайся. Когда будем выкидывать бочку, понадобится твоя сила.

— Гаррет!

— Хорошо, не выкидывать, а выносить.

— Спасибо. Продолжай в том же духе.

Кстати, я ожидаю гостя, и чем меньше народу здесь останется к тому времени, когда он прибудет, тем лучше.

Я воздел руки к потолку в немом восклицании. Я-то думал, что он — козырная карта в моем рукаве, а выясняется, что он ведет свою собственную игру!

— Мне с тобой? — справился Морли.

— Я никуда не иду.

— Да брось, Гаррет! Я тебя знаю. Хочешь улизнуть со своей мохнатой подружкой и первым Монтецуму заzapать. И не потому, что до бабок жаден, а потому, что привык дамочек из беды выручать.

Я вовсе не такой мягкосердечный, как думает Морли. Я много размышлял о той ночи в поместье Маренго, о незваном госте и ноже в его руке. Хотелось думать, что это был оборотень, прикинувшийся Монтецумой. Но не будем обольщаться: моя безвременная кончина избавила бы Таму сразу от нескольких проблем. Особенно если она

знала, что должно случиться с ее дядюшкой Маренго на окраине эльфийского квартала.

А знала она наверняка.

— *Почти наверняка. Сколько можно нюни распускать? Займись делом.*

— Что значит «почти наверняка»? Ты что, до сих пор не удосужился ей в мысли забраться?

— *Легче сказать, чем сделать, Гаррет. Ее мысли какие-то... гм... путаные. Вероятно, защищата.*

— Кто бы мог подумать! — Врет или правду говорит? Поди разберись.

А ну его куда подальше!

— Ты меня раскусил, — сказал я, поворачиваясь к Дотсу. Пусть думает, что у Гаррета и вправду одни бабы на уме. — В проповедники, что ли, податься? — Он озадаченно уставился на меня, а я продолжал: — Честно говоря, я думал, что ты после всей этой кутерьмы рванешь домой и приготовишь себе любимую фруктовую кашу. Или ты в последнее время на яичницу перешел?

Торнада с Плоскомордым двинулись к выходу, подгоняя старище во главе с Квило. Физиономия у Торнады была кислая, и шагала она медленно. Обрычала Блока, имевшего неосторожность попасться ей на пути. Маренго наблюдал с балкона, лелея, подобно Блоку, тщетную надежду, что я поспешу к нему. Надо слить обоих, не в лоб, конечно, как-нибудь повежливее, но слить.

Мы с Морли вели беседу шепотом, поэтому Синдж тоже прошептала — вернее, прошипела:

— Что нужно от меня?

Морли оскалил зубы в ухмылке. Я сказал:

— Решай сама. Ты же хотела независимости, так? Значит, учись принимать решения. — А это ой как тяжело. Крысючки привыкли подчиняться, не то что наши женщины. Им и в голову не приходит, что есть такая штука, как самоопределение.

Продолжая ухмыляться, Морли Дотс направился к своим дружкам — сообщить, что можно расходиться.

— Ты хочешь, чтобы я это сделала? — спросила Синдж.

— Разумеется, хочу. Потому я тебя и попросил. Но я не хочу, чтобы ты соглашалась только из-за меня. Прими решение, Синдж, прикинь, что лучше для тебя. — Ба! Какая логика! Жаль, что Тинни не слышит.

Нет, куда проще быть парнем, который просто использует других.

Появление незваного гостя избавило меня от дальнейших терзаний. Старик лет семидесяти остановился, оглядел залу и сделал шаг вперед. Стражник, которому полагалось останавливать всех, его как будто не заметил. Призрак, что ли? Прямой, словно палку проглотил, опирается на клюку с ручкой в виде готовой броситься кобры. Кожа темная, но не такая смуглая, как у Плеймента или у Тамы. Глаза серые. Шел он, казалось, вслепую: осторожно спустился по ступенькам, дергаясь, как кукла на ниточках, постукивая клюкой по камням. Я представлял его себе совершенно иначе. И этот человек устроил такую бучу в Кантарде? Да из него песок сыплется!

Манвил Гилби, под началом которого слуги прибирались в зале, спросил:

— Твой друг?

— Не совсем. Приятель приятеля. По идее, он не опасен и надолго не задержится. — Я повернулся голову так, чтобы Попка-Дурак слышал каждое мое слово. — Обходите его, ладно? И не трогайте, пока он буйнить не начнет. — Что вряд ли возможно. Не припомню случая, чтоб он не нашел кого-нибудь, кто бы выполнил за него грязную работенку.

Слави Дуралейник, шаркая ногами, добрел до бочонка. Дрожащими руками налил себе пива в кружку, из которой пил то ли Трейл, то ли Стори. В его глазах притаился страх.

Я ничуть не сомневался, что его появлению предшествовали утомительные расчеты и хитроумные комбинации. Образно выражаясь, все эти дни я тешил публику игрой на скрипке, а мой напарник тем временем подбивал клинья предмету своей страсти. И бессовестно игнорировал все те неприятности, в которые я ухитрился влизнуть.

Покойник у нас такой. Целеустремленный. Или я на него наговариваю, потому как самого завидки берут?

Не мне судить.

— Это тот, о ком мы говорили? — прошептал Морли.

— Надеюсь. Никто и никогда его не видел. Что скажешь, пташка? Это он Тамой Монтецумой прикрывался?

— Умничка, — снисходительно откликнулся попугай.

— Все, пойдешь на суп. Синдж, надумала?

— Я помогу вам. Не потому, что ты этого хочешь, а потому, что сама себе помогаю.

— Отлично. Уверяю тебя, все остальные думают точно так же. Морли! — Этот хмырь успел уже подкатиться к Аликс. Или к Никс. Или к обеим сразу. Он не замечал, что отец и сын Вейдеры глядят на него, как человеколюбец — на какого-нибудь не-люда. — Морли, уймись.

Он оглянулся и мгновенно сообразил, в чем дело.

— Извини. Глупо с моей стороны. Но как было удержаться?

— А как я удерживаюсь, хотя вижу их чуть не каждый день?

Я махнул Блоку, и мы с ним поднялись на балкон, где топтался Норт-Энглиш, упорно не желающий спускаться.

— Синдж обещает помочь выследить Таму. Обещала мне — вам обоим она помогать отказывается. — Навряд ли она знала кто из них кто, но ни Блока, ни, тем более, Маренго крысиюки на дух не переносили, потому мои слова обоих ничуть не удивили.

— Кто этот старик? — брюзгливо справился Маренго. Я приметил, что он держится к Дуралейнику спиной. Неужто знакомы? Или просто боится, что его узнают?

Старик тем временем взял кружку и опустился на стул возле большой бочки. Рука с кружкой заметно дрожала. Мне в сердце закралось подозрение, что Слави Дуралейник не скоро сумеет вернуться в карентийскую политику. После допроса с пристрастием, который его ожидает, ему понадобится целый век, чтобы прийти в себя и подыскать себе новую берлогу, известную только ближайшим друзьям. После этого допроса у него

не останется секретов. И слишком он стар, чтобы начинать все сначала.

Надеюсь, мешок с костями внутри той бочки выполнил мою просьбу и, да снизойдут ко мне все окрестные боги, покопался в мозгах Маренго Норт-Энглиша, Бондуранта Алтуны и прочей шатии-братии. Вызывав их секреты, мы тем самым их обезоружим. Не будь Покойник записным лентяем, он мог бы заодно прочесть мыслишки Блока, Релвея и даже того расфуфыренного шута с Холма, Перилоса Спайта. Впрочем, на последнее он едва бы отважился — слишком велика опасность быть разоблаченным.

— Никто. Так, знакомый. — Я спустился с балкона. — Ну что, Синдж, след есть?

— Есть.

Ну разве она не чудо — отыскать одинединственный след в скопище всевозможных запахов!

Меня ожидал сюрприз. Оказывается, Тама направилась на кухню, мимо донельзя раздраженной Нейрсы Бинтор, оттуда в кладовую, а из кладовой спустилась в подвал. Как не замедлило выясниться, из подвала под домом не составляло труда попасть в подвал под пивоварней, что, в общем, само собой разумелось.

— Эта дамочка все заранее продумала, — пробурчал Морли.

Да уж. Лично я о выходе через кухню не подозревал. А ведь его и как вход можно использовать, если иметь знакомцев среди прислуги. Неужели Тама частенько бывала в доме Вейдеров? Скажем, навещала Дженорда? Тогда становится понятным его упорное молчание. Кто-кто, а Тама знает, как зацепить мужчину.

Интересно, как бы она себя повела, появись кентавры вовремя? Прикинулась бы невинной овечкой, вцепилась бы в Маренго?

Мы бродили по подвалу в поисках фонаря, и вдруг Попка-Дурак что-то выкрикнул и исчез во мраке.

— *Гаррет, не забудь, что за тобой, возможно, увяжется толпа соглядатаев.*

— Забудешь тут, как же, — проворчал я. Спутники вопросительно уставились на меня, но я не собирался посвящать их в наши с Покойником перебранки.

106

Морли вполголоса выбранился. Каким-то образом к его кружевам пристала паутина, хотя он всячески старался не запачкаться.

— Гаррет, раньше веселее было.

— Неужели? Скажи на милость, что ты вообще тут веселого нашел? Мы — последний оплот порядка на пути хаоса.

Пулар Синдже хихикнула.

Морли снова выругался.

— Интересные нам дамочки попадаются, — заметил он.

— Не спорю. — Одна страннее другой, прошу заметить. — Что такое? — Синдже остановилась и принюхалась. Лично я не видел ни шиша: фонаря, который мы в конце концов отыскали, хватило едва ли на полдороги.

Мы вышли с пивоварни через склад и сейчас находились на тележном дворе. К сожалению, не было времени пропустить кружечку с мистером Беркелом. Он сильно расстроился, однако сообщил,

что Тама опередила нас буквально на несколько минут. Похоже, она изрядно поплутала по подвалу; естественно, с ней же не было Синдж и Морли Дотса.

— Она села в фургон, — сказала Синдж.

Во дворе, в ожидании рассвета, стояло по меньшей мере двадцать фургонов. Морли высказался в том духе, что лично он не желает шарить в темноте под мешковиной.

— Нет, тот фургон уехал, — объяснила Синдж.

Я оглянулся. У ворот склада мирно посыпывали носами в неверном свете единственного фонаря двое рабочих. Ночью грузились только мелкие торговцы; крупные предпочитали дождаться утра.

Придется разбудить. Сонные работяги заявили, что не так давно загрузили один фургончик.

— Гном правил, точно. У них там праздник сегодня.

— Она в фургоне из форта гномов, — известил я Дотса.

— Тогда нам лучше поспешить. — До форта было сравнительно близко.

— Навряд ли. Она знает про Синдж, знает, что мы попытаемся ее выследить, вот и сбивает нас с толку. Зуб даю, в форт она не поедет, соскочит по пути.

Синдж смущенно покачала головой:

— Если она едет верхом, я могу упустить ее.

— Вынюхивай фургон. Или лошадей, если выдержишь их вонь. Мы знаем, что фургон укатил совсем недавно, так что след наверняка не успел выветриться.

Синдж обрадованно закивала. Эта мысль ей в голову не приходила. Она снова принюхалась — и повела нас дальше.

— Умная, талантливая, симпатичная, да еще шустрая, — прошептал Морли. — Это судьба, Гаррет. Не упусти свой шанс.

— Что, наобщался с Норт-Энглишем и Алтуной? — Я разозлился всерьез.

— Эге! — Он примирительно улыбнулся. — Ладно, будем упражняться в остроумии на по-пугае, которого, по счастью, поблизости не было. — Мистер Большая Шишка, по всей видимости, решил остаться в тылу. Мог хотя бы предупредить, подлюга этакая. Поднабрался замашек у своего... как бы его обозвать-то?.. в общем, у того, кто им управлял. Нет, Покойник легко не отделяется; закончу расследование — и выскажу ему все, что накипело.

— Поздно упражняться. Ты бы год назад сунул его в ведро с водой, проверить, сколько он может не дышать, вот была бы славная шутка. — Синдж дернулась. Она до сих пор не привыкла к нашей манере разговора. Ей по-прежнему требовалось время, чтобы сообразить, что мы вовсе не собираемся резать друг другу глотки. — Кстати, надо будет подмешать тебе в гуляш кошачьей мяты. Проснешься мужем Торнады.

— Не выйдет. У нее муж уже есть. А я помолвлен.

— Да ну? И давно?

— Еще до рождения. Просто не треплюсь на каждом углу. Бабка с дедом подсуропили. Как заведено, говорят. Старики, что с них взять.

— Думаю, ты изрядно их разочаровал.

— О, на каждом семейном сборище они вот такенные слезы лютят.

— И когда ты начнешь отравлять жизнь своей бедной суженой?

— Полагалось начать давным-давно. Но она не явилась на обряд.

— Весьма разумно с ее стороны.

— Мы с ней до того не встречались. Если бы... Не знаю, как бы я с этим справился. Старики упрямые, сам знаешь. Мои до сих пор меня во всем винят. Хотя, если вдуматься, не Идалир же. В ней королевская кровь течет. Между нами, каждый эльф — потомок какого-нибудь короля или принца, на худой конец.

— Рад за тебя. И за твое происхождение, и за помолвку твою. Выходит, ты у нас почти женатый?

— Ну, уж в этом ты меня упрекнуть не можешь.

Пулар Синдже остановилась. Медленно повернулась. Морли мгновенно подобрался и тоже стал вглядываться во мрак. Потом поднял трость.

— Надеюсь, они потеряли нас в подвале.

— Дело не в «хвосте», — сказала Синдже. — Те двое, которые бежали. Здесь они встретили фургон. — Она встала на четвереньки и принялась приюхиваться.

— Совпадение? — пробормотал я. — Или уговор?

— Как они могли договориться? — задал резонный вопрос Морли. — Она ведь убегала, Гаррет. Нет, о словоре можно забыть.

— Если она догадывалась, что сегодня вечером ее карьера может оборваться, то наверняка оставила кого-нибудь дожидаться ее. Кто обратит внимание на гнома, приехавшего за пивом?

— Запах страха, — проговорила Синдже. — И от возницы, сильный запах, и от женщины. Она испугалась этих двоих.

— Видишь? — Морли усмехнулся. — Я был прав. У них с ней свои счеты.

— Если они забрались так далеко, это значит, что им позволили забраться, — рассудил я. — По следу идем не мы одни. Мне почему-то вспоминается некий человечек, не желающий, чтоб его узнавали...

Морли взвесил трость в руке.

— Ты вооружен?

— Кое-что имеется. — Эх, где ты, моя дубинка? Надо будет заказать еще пару-тройку, про запас.

— Улицы пустые.

— Здесь никогда людно не бывает. К тому же по округе кентавры шастают. — Впрочем, тишина и вправду была неестественной.

— Кровь! — пискнула Синдж. — След повериул! Вон туда!

— Я ни хрена не вижу, — вежливо напомнил я. — У меня зрение человеческое.

— Сюда, на мой голос, — позвала Синдж.

Морли, шагавший за мной, пробормотал:

— У нее глаз острее моего, Гаррет.

Мы уткнулись в искалеченного гнома. Он был жив только потому, что Садлер с Краском, очевидно, не имели причины его убивать. Они хотели заполучить фургон. Мы оставили гнома попечению Релвея (надеюсь, он не замедлит появиться). Синдж снова взяла след и устремилась вперед.

Назовите меня циником — лучше человеком практическим, — но я полагал, что должен подружиться с ней сейчас; потом, когда ее дар раскроется полностью, к ней будет не достучаться. А пока ей всего и требовалось, что чуть больше

уверенности, чуть больше опыта и чуть больше внутренней силы.

Я честно старался не отставать от Синдж, но вскоре выдохся.

— Ф-фу! — выдохнул я. — Ну и времена настали, а, Морли? Все мои знакомые наперебой во что-нибудь да влезают, друг другу дорожку перебегают, подсаживают один другого...

— Так иногда случается, Гаррет, — отозвался Дотс. — Когда все идут в разные стороны, никто никуда не дойдет.

Кто бы сомневался? Но меня это не устраивает. Все прыгают в лужу, извозюкиваются по самые уши, но продолжают вещать о высоких материях...

Я хмыкнул. Морли со смешком заметил:

— И тут он впал в отчаяние, ибо вдруг осознал, что люди ведут себя по-людски.

Я и сам знаю, что человечество — орда психопатов и маньяков, не надо мне об этом напоминать. Как приятно верить, что хотя бы некоторые из нас способны добиваться цели, не ступая по трупам.

Синдж замедлила шаг. Я воспользовался возможностью перевести дух.

— Фургон впереди, — прошептала она. Угу. В ночной тишине отчетливо слышалось звяканье железных ободьев о камни мостовой. — Два пони. — Естественно; гномы предпочитают маленькие фургоны и маленьких лошадей. — Пахнет свежей кровью.

Меня обдало холодом, как бывало всякий раз, когда предстояла встреча с Садлером и Краском. И было в этом холода что-то даже от потустороннего. Не то чтобы я их боялся, но сама

встреча пугала, как если бы мы собирались выяснять отношения с силами природы.

— Они вряд ли в форме, — сказал Морли. — В тюрьме здоровье особо не поправишь. — Судя по тону, он старался убедить себя в собственной правоте. И неустрашимый Дотс тут же!

Фургон катил на север. Скоро он въедет в квартал, где ночная жизнь бьет ключом. А кому нравится работать, когда тебе заглядывают через плечо? Надо что-то предпринимать.

— Заходи справа, — сказал Морли. — Возница твой. А я возьму левого.

— Я?

— Ты выше и тяжелее. Мне его не стянуть. Спорить бессмысленно.

— Пошли?

— Отдохнись сперва. Тебя за милю слышно. И не топочи.

Не топочи? Я шагаю беззвучно! Кто-нибудь слышит мои шаги? Нет, только цокот коготков Пулар Синдж.

На улице было достаточно светло, чтобы я различал очертания домов и не свалился в желоб для нечистот. А вон и фургон.

— Вижу, — прошептал я.

Морли, следовавший за мной по пятам, прошептал в ответ:

— Давай!

Сердце бешено застучало. Эта схватка долгие годы рисовалась мне в снах.

Откуда-то донесся вопль: «Аргх!» В нем было нечто знакомое. Звучал он не как предупреждение, а как напоминание о том, что за мной наблюдают. Не скажу, чтобы я особенно обрадовался,

поскольку, если что, подкрепления нам все равно не дождаться.

Перепуганная до полусмерти Синдж отстала.

Можно было и не таиться: возница бранился так, что не услышал бы и раската грома. Пони не желали слушаться, шли, как привыкли. У гномых пони скорость одна — очень медленно. Они либо идут, как идут, либо вообще останавливаются, а потому с ними только и удирать от погони.

Забавно. Гномы пони очень похожи на самих гномов.

Я схватил возницу за правую руку и резко дернул, навалившись всей тяжестью. Понятия не имею, кто из двоих это был, да и какая разница — Садлер с Краском все равно что близнецы. Второго, кстати, не видно; должно быть, в фургоне сидит. Или лежит.

Поперхнувшись бранью, возница рухнул на мостовую. Приложился он ощутимо — застонал, шевельнулся было, а потом замер. Я осторожно приблизился.

Зря опасался. Садлер — это был он — ударился затылком о камни. На всякий случай я его связал — чтоб никуда не делся до прибытия ребят Релвея.

— Мой готов! — Руки у меня дрожали.

Сверху донесся одобрительный возглас на попугайском наречии.

Фургон остановился.

— Краск внутри, — сообщил Морли. — Без сознания.

— Облом.

— Ты о чем?

— Я ждал этого несколько лет. Эпическая схватка, тела летают в разные стороны, ударяются о стены домов, выбивают камни из мостовой. Час, другой, третий... Зрители проголодались, покупают пирожки, кричат, хлопают в ладоши... А вместо того мы за последние дни сталкиваемся с ними трижды, и никто из нас даже царапины не получил.

— Мы взяли их тепленькими, Гаррет. Полудохлыми. Самый надежный способ. Не ной. Ба, у моего кровь идет! И нож в груди торчит. Пожалуй, я больше не хочу встречаться с Тамой Монтецумой.

Оторвав кусок от тюремной куртки Садлера, я связал ему руки. Он снова застонал.

— Где она? Внутри?

— Плохие новости, Гаррет, — отозвался Морли. — Опять плохие. Внутри только мы с Краском и десять бочонков дешевого пива. За которыми, между прочим, скоро явятся гномы.

— Аргх! — Восемь фунтов ярости в трехфунтовой упаковке плюхнулись мне на плечо. Я метнулся к фургону.

Морли не врал: в фургоне не было ни единой красивой женщины, не говоря уж о роскошной Таме Монтецуме.

— Куда она подевалась? Как мы могли ее потерять? Синдж! Синдж, ты где?

Тишина. Я обежал вокруг фургона, окликая ее по имени. Морли расхохотался.

— Нас надули, Гаррет! — выдавил он в перерыве между приступами хохота. — Представляешь? Нас с тобой на фуфу взяли. И кто? Крысючих!

— Заткнись, травожор гребаный!

Он не унимался.

— А без нее мы как без рук, верно? Без нее нам ни Релвея не опередить, ни Норт-Энглиша с Белиндой. Вопрос в том, сама она все подстроила или это Релианс ее подучил?

— Хватит ржать, Морли! Что тут смешного?

— Ничего. Я тоже терпеть не могу, когда меня в дураках оставляют. Вот когда я сам оставляю — это дело другое. С другой стороны... Нам ведь с тобой деньги не нужны, верно? Мы собирались помешать Норт-Энглишу получить их обратно. А ты еще хотел с Монтецумой поквитаться за то, что она с Вейдерами учинила...

— Пойду-ка я домой да спать лягу, — проворчал я.

— Чего так?

— Мог бы сообразить. В этом деле все наперекосяк, никакой логики, сплошные закидоны. Хрен с ней — я про Синдж, пускай уматывает. С меня хватит, кому нужно, тот пусть концы с концами и сводит.

— Гаррет, там уйма деньжищ.

— Ты же только что сказал, что деньги тебе не нужны.

— Но не говорил, что готов от них отказаться.

— Тинни еще у Вейдеров. — И мой напарник тоже там. Но его я вытаскивать не намерен. Сам выберется.

— И ты допустишь, чтоб эти бабки Торнада заграбастала?

— Она стариков провожать пошла.

— Думаю, где-нибудь по дороге Плоскомордого посетила некая мысль, он ее высказал вслух, ответа не получил — и выяснил, что Торнада благополучно смылась.

— Плеймет...

— Он весь из себя честный, так что его обласкать проще, чем Тарпа. Небось, сказала ему, что ей нужно по-маленькому, он уши и развесил. Плоскомордый, тот насторожился бы. Он не гений, но кое в чем разбирается, да и с Торнадой не первый день знаком.

Из темноты возникли парни Релвея. Их появление вынудило нас закончить разговор.

Зато Попка-Дурак разразился трехэтажными матюгами. Похоже, мой партнер воспринял выходку Синджа как личную обиду, хотя к нему эта выходка почти не имела отношения.

107

Пожалуй, на этом можно было бы и закончить. Виновные найдены, их злодейства заодно с объяснением причин явлены потрясенной публике. Мой напарник всласть покопался у них в мозгах, извлекая правду и преследуя у меня за спиной собственные цели; его усилиями повторение ночи длинных ножей было отложено на неопределенный срок. Еще он обезоружил Слави Дуралейника, открыв тому, что восстание в Таифере ныне невозможно. Кроме того, мой напарник ухитрился распустить мерзкие слухи, привлекшие внимание королевской инквизиции, которая обратила свой взор на чародея Перилоса Спайта — не сама, естественно, а по указке боссов с Холма, решивших удостовериться, а не замышлял ли Спайт использовать пленных оборотней в неких своих гнусных целях.

В доме Вейдера Покойник не осмелился заглянуть в мозг чародея, однако четыре столетия

наблюдений за поведением людей позволили ему состряпать слухов, от которого Холм перевозбудился, точно потревоженный муравейник. Политические противники Спайта быстренько припомнили старые дрязги: дескать, пусть расскажет, как руководил разведкой и контрразведкой в годы войны. Друзья чародея — и те стали задумываться над некоторыми его повадками и искать тайный смысл в каждом сказанном им слове.

Трудясь вместе с Таем Вейдером, к которому он почему-то проникся, Его Высокомудрие изобрел попутно что-то вроде спасительного варианта, благодаря чему мистер Тай Вейдер и красотка Джорджи Николас смогли расторгнуть помолвку, не сделавшись при этом всеобщим посмешищем (а чего было тянуть — даже родители жениха с невестой уже не желали этого брака). Потребовалось лишь доходчиво объяснить, что в таких делах расчеты могут только навредить, и как бы случайно обронить, что Тай из-за своего ранения не способен иметь детей.

Жизнь вернулась в привычную колею. Я занимался тем, что умел лучше всего на свете. То есть нагло бездельничал.

А Тама Монтецума по-прежнему была в бегах. И Пулар Синдж не объявлялась с тех самых пор, как бросила меня среди ночи; Релианс и Фенибро пытались обвинить Гаррета в том, что он обольстил бедную девочку и обманом завлек ее в свой гарем. Белинда с Релвеем, каждый по отдельности, разумеется, никак не могли уговориться и все продолжали плести интриги и находить себе новых врагов. И тому, и другой было наплевать, что Покойнику известно про их

махинации. Впрочем, Покойник не стал позорить их публично, как он поступил с «Кличем», с Перилосом Спайтом и с предметом своего обожания Слави Дуралейником.

Больше всех разозлился чародей. По счастью, он понятия не имел, кого винить в своих неприятностях. А доискиваться ему было недосуг: с утра до вечера он объяснял инквизиторам, как могло получиться, что человек его дарований, будучи главным шпионом Каренты, допускал столько промашек, но умудрился разбогатеть совершенно нескромным образом. Появились даже слухи о связи между Спайтом и Черными Драконами.

Короче говоря, мы снова спасли мир.

Порой я задумываюсь, а стоит ли Танфер того, чтобы его спасать, — и от наших домашних злыдней, и от всяких чудищ из-за городских стен.

Не будь у нас и без того доброй тысячи культов, я бы отрастил длинную бороду, напялил черный балахон, взял в руки книгу в черном переплете и принял бы талдычить о спасении и искуплении. Черного козла раздобыть — пара пустяков.

Мне не хотелось, но я был вынужден признать, что именно стараниями Покойника дом Гаррета снова стал таким, каким ему следовало быть. Все вернулось на круги своя. И неделя выдалась замечательная: ни единого страждущего на пороге, никто в клиенты не набивается.

Дин привел дом в порядок: вытер пыль, перекрыл посуду. Плоскомордый с Торнадой приволокли Покойника и водрузили обратно на его

деревянный трон. Он выглядел так, будто никогда не покидал своей комнаты; зато путешествие в бочке настолько его взбодрило, что он теперь никак не мог заснуть. Именно поэтому было немного жаль, что нового расследования пока не предвидится: пока мой напарник не заснул, мы раскрыли бы любое преступление. С другой стороны, скорей бы засыпал — он меня достал своими жалобами на то, как неудобно ему было в бочке. Между прочим, это была его собственная идея, с начала до конца. Я не имел к его планам ни малейшего отношения. Спасибо, хоть удосужился известить меня перед вечеринкой.

А Дин жаловался пуще Покойника. Ныл, что терпеть не может переездов, даже на несколько дней, даже для пользы дела, что пользу дела все по-разному понимают, и так далее. Иными словами, он страдал и требовал, чтоб я разделял его муки.

К счастью, несколько раз заходила Тинни. Она помогала Дину прибираться в доме, подбадривала его, подначивала и поддразнивала, отвлекала как могла. Когда бы не она, я бы наверняка свихнулся с этими двумя любителями поплакаться.

Что еще? Каждое утро мы беседовали с Элинор. Миссис Кардонлос впала в ступор, когда я заглянул к ней и радостно сообщил: мне известно, что она — полицейский осведомитель, но я на это плевать хотел. (У меня не осталось сомнений в том, что она из людей Релвея; что ж, у каждого свои недостатки). Выйдя из ступора, она залебезила передо мной: мол, прошу простить, что раньше плохо с вами обращалась, только не говорите никому, ладно?

К моему непередаваемому, несказанному изумлению, все, кто нанимал меня, честно со мной расплатились, покрыли все расходы, на которые я выставил счет, и выдали гонорар. С ума сойти! Даже Маренго Норт-Энглиш, как ни удивительно, выплатил все до последней монетки. Наверное, ему не терпелось наконец-то от меня избавиться.

Но, несмотря на отличные новости, жизнью я был недоволен. Сколько людей пострадало, причем безвинно! И я ведь мог их защитить, мог сделать что-то еще кроме того, что сделал. И до сих пор могу.

Иногда кажется, что жизнь не имеет смысла, но куда денешься — нужно стиснуть зубы и жить дальше. Победить, может, и не победишь, но если откажешься от борьбы, нахлынет тьма и поглотит все вокруг. Хотя... рано или поздно устаешь сражаться со злом. Я, Блок и даже Релвей — все мы порой чувствуем себя потускневшими, что ли, сумрачными, как остывшая сталь. Но жар в нас пышет по-прежнему.

108

Я расслабился и пребывал в блаженном покое. Пора потолковать с Покойником. Думаю, припадок разочарования по поводу того, что все вели себя в точности, как он хотел, уже миновал.

Я вышел в коридор. Попка-Дурак искося поглядел на меня: должно быть, собирался сказать очередную гадость. Но не успел — я шмыгнул в комнату напарника. Как ни странно, Его Высокомудрие не спал. Даже не дремал.

519

— Можем поговорить? Неделя прошла, как-нибудь. Ты всяко должен был оклематься.

Он промолчал.

— Тот старик, который к Вейдеру на огонек заглянул, — это и вправду был Слави Дуралейник?

— Да.

— Небось, разочаровался?

— *К несчастью, время не щадит никого.*

Я подождал, убедился, что он не собирается продолжать, и спросил:

— А тебе-то с чего на время пенять?

— *Время вызывает перемены. Законченный идеалист всего год спустя становится прожженным циником, хладнокровным убийцей, рвущимся к власти, как две капли воды похожим на тех, с кем он сражался в своей юности. У меня не осталось иллюзий. Пелена спала.*

— Прошу прощения, — выдавил я, отходившись. Веселье было столь бурным, что у меня даже живот разболелся. — Знаешь, лучшей истории я не слыхал с тех пор, как мне рассказали про слепую монашку и беззубую змею. А я был уверен, что чувства юмора у тебя и в помине нет.

— *Твой смех лишний раз подтверждает, что чувство юмора — недостаток, а не преимущество. Им наделены только люди, поэтому вы его переоцениваете.*

— Ты про юмор? Да брось ты, у крысюков — и у тех чувство юмора имеется. — Между нами, людям этому самому чувству юмора еще учиться и учиться.

Вот и ходячий пример. В комнату вошел Дин, принес два стула. Поставил их и, не произнеся

ни слова, удалился. Минуту спустя приперся вновь, с козлами, снова вышел и снова вернулся, на сей раз с парой досок.

— Какого хрена ты все это притащил? — справился я.

— Стол собираю.

— Зачем?

— Для званого обеда. Эта комната у нас самая просторная.

— Какой-такой званный обед?

— Я пригласил друзей, Гаррет.

— Ты? Пригласил? Друзей? А домовладельца предупредить? — Или его самого пригласить? — Мне нужно потолковать насчет моих друзей. У тебя было время у них в башках покопаться. Что узнал? Ну?

— Ничего важного. Все, что я выяснил, тебе уже известно.

Какой-то он сегодня чересчур уклончивый. Не иначе как что-то замышляет. Ох, не нравится мне это.

— Ничего важного? Да чем ты там занимался? Пиво хлестал, с Трейлом и Стори?

Дин принес очередные стулья. Не помню, чтоб у нас такие были. Верно, одолжил у кого-то.

— Вейдеры, отец и сын, просили передать, что сожалеют, но прийти не смогут, — сообщил он. — Мистер Гилби придет, его будут сопровождать мисс Аликс и мисс Джорджи.

— Присутствие чародея требовало повышенной осторожности, Гаррет. Кроме того, мне пришлось уделять внимание поискам Слави Дуралейника и руководству им. Также попугай. На прочее меня просто не хватило.

В кои-то веки Покойник передо мной оправдывался! Пожалуй, он и впрямь ничего толком

не вызнал, иначе давно бы похвастался. Вот не-задача! А я так на него рассчитывал! Обычно он способен выкопать из груды мысленного хлама любую мало-мальски ценную подробность.

— Тем не менее, твоими радениями мы при-пугнули чародея и опозорили «Клич». Выкладывай, что в голове у Норт-Энглиша было. Это он свел Тому с Волками?

— Не знаю. Я не смог проникнуть в его со-знание.

Чего-чего?

— Не смог или не пытался?

— И то, и другое. Первая попытка показа-ла, что задача не из легких, поэтому я отказал-ся от нее. Судя по всему, его мозг защищен, как и мозг Монтецумы.

Однако ему достало времени заглянуть в мысли Макса, Тая и Никс и выяснить, что в действительности никто из заинтересованных лиц не желает свадьбы.

Мне частенько приходится напоминать себе, что Покойник — не человек, что у него иные, нечеловеческие взгляды, что события и слова, важные для меня, ему кажутся пустяками.

— А у Бондуранта Алтуны в черепке поко-пался? А у Белинды? А у прочих «шишек»?

— Я согласился на унижение, которому меня подвергли без зазрения совести, согласился пре-небречь собственным достоинством лишь по-тому, что только таким образом я мог наконец встретиться лицом к лицу со Слави Дуралей-ником. Чтобы эта встреча состоялась, мне при-шлось приложить массу усилий. Все остальное меня не заботило. Появление чародея было неожиданным, поскольку я не следил за твоими ра-

зысканиями, и оно значительно осложнило, даже усугубило ситуацию. Так или иначе, ты успешно завершил расследование.

— Да не завершил я его! И меня терзают смутные сомнения...

Старого хрыча мои сомнения нисколько не занимали. Он переключился на Дина, который как раз приволок очередную порцию дерева и сообщил с порога:

— Мистер Релвей не придет. Но капитан Блок дал знать, что будет. И лейтенант Нагит придет. — На меня Дин даже не смотрел. Он докладывал Покойнику, а я был, что называется, для мебели.

И я сам приютил этих аспидов под своей крышей! Какой ужас! А если еще вспомнить тот комок перьев в коридоре... Ну, положим, попугая мне всучил Морли.

Дин сказал «Нагит»? Откуда Покойнику знать про Нагита? И про Манвила Гилби, между прочим? Что он затеял, в какую аферу он меня втягивает?

Значит, лейтенант Нагит? Не будь он таким... э... ревнителем веры, мы бы могли подружиться. По крайней мере, в отношении рыжеволосых девиц его вкус безупречен.

Надо поприглядывать за ним, кстати. Или моя рыжеволосая подружка сама подстроила, чтоб он получил приглашение? Подразнить меня захотела?

— Маренго Норт-Энглиш не придет, — продолжал Дин.

Ничего удивительного. Чтоб Маренго снизошел до обеда с прислугой? Вдобавок, в доме того, кто в последнее время столько про него узнал и кто держит у себя ручного логхира? Да ни за

какие деньги! Особенно если учесть терзавшие меня смутные сомнения, в которых Маренго отводилось почетное место.

Надо бы посидеть спокойно, поразмышлять, что к чему.

— Мисс Тейт будет. — Разумеется. Чтобы Тинни да отпустила на волю своих ветреных подружек? Это вряд ли.

— В чем дело-то? — спросил я. — Ничего нового мы от этих гостей не узнаем.

Из коридора донесся гогот Попки-Дурака. Потом попугай выдал цветистую фразу, почти наверняка внушенную ему извне.

— У меня иногда возникают собственные планы, Гаррет.

— Только иногда?

— Мисс Контагью тоже будет.

Что? А Белинда на кой хрень ему понадобилась? В последние дни она словно в неистовство впала. Тех, кто осмелился бросить ей вызов или просто косо посмотрел, находили мертвыми в темных переулках; некоторые пропадали без следа. Отдадим Белинде должное: за личные обиды она не мстила, исключительно за... гм... деловые. Но когда она впадала в этакое состояние, когда в ее головке начинали звучать кровожадные отцовские приказы, с ней лучше было не встречаться. Во всяком случае, я старательно избегал встречи. Надеюсь, что со временем она обо мне окончательно забудет...

— А Шейла и прочих старперов ты не приглашал?

— Нет. Ни их, ни мистера Тарпа, ни мисс Торнаду. Это не дружеская вечеринка и не бандитская гулянка.

А что тогда?

— Морли придет?

— Полагаю, мистер Дотс стоит у двери.

В дверь заколотили. Дин побежал открывать.

Судя по всему, его настолько прельстила возможность закатить настоящий званый обед, что он наконец-то вспомнил о прочих своих обязанностях.

— Зачем? — спросил я. Что придумал Покойник? Что он затевает?

— В «Пальмах» делать особенно нечего, — объяснил Морли, входя в комнату. — Клиентов мало. Пока суматоха не уляжется, так и будет. — Он мотнул головой в сторону выхода. С улицы доносился бравурный марш. Точнее, слабое подобие бравурного марша. Наверное, музыканты или в стельку пьяны, или впервые в жизни инструменты в руки взяли.

После конфузса, случившегося с Маренго Норт-Энглишем и его «Кличем», в город потянулись более мелкие и более фанатичные шайки человеколюбцев. Теперь они были повсюду, шлялись по улицам днем и ночью, многие с оружием, сбивались в толпы и задирали не-людей, не скучаясь на угрозы.

Эти мелкие шайки заняли освободившееся место. Не-люди частью затаились, частью просто-напросто удрали из Танфера. Фанатики повылезали из нор и принялись пугать обывателей картинами грядущих расправ. По сравнению с этой публикой парни Маренго выглядели сущими агнцами. Однако, по-моему, все происходящее сильно смахивало на предсмертные судороги. Без «Клича», без его поддержки, без его патриотической респектабельности, если хотите, у человеколюбцев ровным счетом ничего не выйдет. Мелкие

шайки загнутся сами собой, фанатиков потихоньку прирежут в темных углах, а обыватели найдут себе новых героев.

Думаю, через несколько месяцев о человеколюбцах напрочь забудут. Единственный, кто мог бы сохранить движение, — это Маренго Норт-Энглиши, но ему сейчас не до того, а когда он очухается, будет уже слишком поздно вытаскивать собратьев из лужи, в которую они непременно сядут.

Как ни удивительно, со мной никто не соглашался. Даже Покойник считал, что безумие будет продолжаться и усиливаться, вместо того чтобы пожрать самое себя.

Что касается не-людей, они — те, кто остался в городе — сами лезли на рожон, обзывались, рожи строили, хорохорились по-всякому. Но и они скоро уймутся, а Бондуранту Алтуне с его присными и потугами на главенство в Вольных Сообществах ни шиша в Танфере не светит. Если, конечно, я прав.

И вот ведь какая штука: на улицах нынче безопаснее, чем когда-либо до сих пор. Такие дела. Лишь отъявленные тушицы или законченные придурки рисуют связываться с человеколюбцами, заполонившими Танфер и бдящими за тем, чтобы остальные люди жили по установленным ими законам.

109

— А Пулар Синдж кто-нибудь пригласить позаботился? — язвительно спросил Морли и ухмыльнулся, будто это я виноват, что она нас подставила.

— Я вообще никого никуда не приглашал, —
огрызнулся я. — Вопросы не ко мне, а вон к тому
типу в кресле. Я здесь просто живу. Пока вы бу-
дете веселиться, я, пожалуй, подремлю.

— *Мисс Пулар приглашена.*

— Неужели? — Покойник, не вставая с крес-
ла, ухитрился разыскать крысючиху, тогда как я,
бегая по городу, не нашел никого, кто мог хотя
бы ее имя вспомнить? — Она не придет.

— Придет, придет, — уверил Морли. — Не со-
мневайся.

Значит, они с Покойником заодно. Ладно, од-
нажды я отыграюсь.

— Она не обычная крыса, Морли. Так просто
ее не обмануть. И мы понятия не имеем, удалось
ли ей обчистить Таму Монтецуму. — Если уда-
лось, то только случайно. Мисс Монтецума стар-
ше, хитрее, крепче, опытнее, кровожаднее и смер-
тоноснее любой танферской крысы.

Поиски пропавшей любовницы босса велись
ребятами Маренго по сей день. Орлы Норг-Энг-
лиша маячили на каждом углу. Он им сказал,
что Тама, — шпионка и что ночь длинных но-
жей провалилась из-за нее. Если в конце концов
выяснится, что это не так, я сильно удивлюсь.
Вполне возможно, она не собиралась мешать «дя-
дюшке», но ее дружки-оборотни, естественно, не
могли упустить случая насолить вольным сооб-
щникам.

Морли оскалил в ухмылке зубы. По-моему,
у него зубов больше, чем у любой из Венейб-
ловых тварей. Наверняка хотел сказать, как
огорчатся Тинни и Дин, узнав о моей новой
пассии. Но у него хватило ума промолчать.
Когда соберусь поквитаться с ним за попугая,

это молчание избавит его, по крайней мере, от одной затрещины.

— Она умна, Гаррет, тут ты прав, — проговорил Дотс. — И хитра, как всякая крыса. Но мы-то с тобой прекрасно знаем, что ум от неожиданностей не убережет. А Пулар Синдж ведать не ведает, что все слухи, которые до нее доходили, — полная туфта.

— Какие слухи? Откуда ей было их узнать, если она прячется от Релианса?

— А, по-твоему, она в подполье ушла? Тогда конечно, ничего не слышала.

— И почему мне кажется, что вы обстряпываете свои темные делишки за моей спиной?

— Чутье, помноженное на опыт?

— Опять ты? Старый хрыч, что ты со мной делаешь?

— Обеспечиваю твою старость. Но прежде надо избавить тебя от этой ужасной, смертельной болезни.

— Можно глупый вопрос? Какой болезни? Я здоров, как лошадь... Нет, как разумное и приличное существо. Как... как громовой ящер.

— За стенами этого дома считают иначе. Ведь ты не выходил наружу с тех самых пор, как любезничал с миссис Кардонлос.

— Она придет, потому что преклоняется перед тобой, Гаррет, — сказал Морли со смешком. — Потому что не сумеет удержаться от прощального взгляда. Потому что, несмотря на все домыслы, не верит в эту груду плоти, которую ты именуешь своим партнером.

— Это не я, это он сам. По мне, он просто...

— Bay! — Морли подскочил, когда его ушипнули невидимые пальцы. Подскочил —

и завис над полом. Груда плоти явно оскорбилась.

Я усмехнулся. Может, предложить ему сделку? Допустим, я уговариваю Покойника перевернуть его вниз ногами и даже опустить на пол, а он соглашается забрать Попку-Дурака.

— Старый хрыч, я по-прежнему ни хрена не соображаю. Ты что, распустил слух, что я при смерти? Если так, зачем мне толпа народа у смертного одра?

— Ты хочешь со всеми попрощаться, — объяснил Морли, висевший над полом задницей кверху, точно гигантская летучая мышь. Похоже, эта поза его нисколько не смущала. — И поэтому пригласил своих друзей.

— Видно, приглашения я сочинял в бреду. Иначе с какой стати мне приглашать Маренго Норт-Энглиша и лейтенанта Нагита и оставить за бортом Плоскомордого, Торнаду и Плеймета?

— Гаррет, все мои способности будут полностью задействованы. Я не смогу следить за мисс Торнадой, которая безусловно нуждается в присмотре. Вдобавок твои настоящие друзья в большинстве своем вряд ли откликнулись бы на приглашения.

— Есть над чем задуматься, а, Гаррет? Дружба дружбой...

— Молчал бы, дружок закадычный. Пусть повисит, старина, не отпускай его. Дин, поищи, пожалуйста, палку. Надо поучить мистера Дотса уму-разуму.

Дин, притащивший очередные стулья (судя по виду, он подобрал их в куче мусора на улице), задумчиво поглядел на Морли.

— Кажется, я видел подходящую в погребе. — Чуть ли не впервые за все годы службы у меня он со мной согласился!

— Дин, скоро начнут прибывать гости. Гаррет, подыграй мне.

Морли перевернулся и опустился на пол.

— Надо было напоить его вчера вечером. С похмелья у него и видок был бы соответствующий, а то даже при этом свете он на умирающего не похож. Зато костюмчик отличный, фасона «смерть портным».

— В чем подыграть? Чего ты вообще добиваешься?

— Я хочу отыскать мисс Монтецуму. Полагаю, она по-прежнему в городе. И Пулар Синдж, сдается мне, должна знать, где Монтецума прячется. К твоему сведению, мисс Пулар порвала с Релиансом и потому не могла воспользоваться этим знанием. Надеюсь, мы сумеем договориться на взаимовыгодных условиях. Осталось лишь заманить ее сюда.

Вон оно, значит, как? В голове у меня роилась тысяча вопросов, но задать я не успел ни одного, поскольку начали прибывать гости. Друг за дружкой. Лейтенант Нагит, вырядившийся как на парад, явился под ручку с моей рыжеволосой подружкой. Они о чем-то мило беседовали. Тинни удостоила меня беглого взгляда и едва заметного кивка. Так с умирающим не обращаются.

Разумеется, ее должны были посвятить в планы. Она частенько захаживала в мой дом, так что кого-кого, а Тинни моей мнимой хворью было не одурячить. А раз я оставался в стороне от заго-

вора, то меня можно бессовестно изводить. Отсюда и Нагит взялся.

Манвил Гилби прибыл точно в назначенное время, в компании двух прелестниц. Аликс выглядела как обычно — то есть привлекательно. А Никс... Мисс Джорджи Николас превзошла саму себя. Должно быть, вся дорога от дома Вейдеров до моего скромного обиталища выстлана разбитыми мужскими сердцами. Она выглядела так, как, должно быть, враг рода человеческого представлял себе Искушение. И не преминула умильно улыбнуться.

Тинни свернула ко мне, столь резво покинув лейтенанта Нагита, что у того волосы зашевелились, как под порывом ветра.

— *Гаррет, рекомендую соблюдать крайнюю осторожность.*

— Не учи ученого, старый хрыч. — Тинни подошла вплотную. — Ты просто обворожительна, — выдавил я. В горле у меня вдруг пересохло.

— Не смей пялиться на эту кокетку!

— Ты о ком, куколка моя? А как насчет того фанфарона с эполетами и ранцем за спиной?

— *Гаррет, осторожнее.*

В чем-то он прав.

— Никс само очарование. Но рядом с тобой, лапушка, и богиня красоты дурнушкой покажется.

— *Гораздо лучше.*

— Спасибо на добром слове. — Перемирие заключено. Надолго ли? — Что мы тут делаем?

— Спроси у той туши в углу. Я только что выяснил, что, оказывается помираю, а вы приглашены отдать мне последний долг.

— Ты выглядишь подозрительно здоровым, — сообщила Аликс и по-кошачьи выгнула спинку, как бы проверяя мои инстинкты.

— Дамы, прошу вас, не ускоряйте мою кончину. Если так и дальше пойдет, я помру через пять минут.

Тинни суроно посмотрела на Аликс. Та словно не заметила. Может, это у нее привычка последних дней — не замечать того, чего не хочется?

Появилась Белинда. Она тоже позаботилась о своей внешности, хотя во всем черном, как и раньше, смотрелась несколько... потусторонне. Прохладно поздоровавшись со мной, она завела разговор с лейтенантом Нагитом, который с другого конца комнаты пожирал взглядом Никс. И о чем же, мисс Контагью?

Манвил Гилби, очутившись поблизости от меня, сказал:

— Прямо здесь ты, надеюсь, дух не испустишь?

— Навряд ли. Я принял исцеляющее заклинание. Окочурюсь, когда дамы разойдутся по домам, и моя жизнь утратит всякий смысл.

Ближайшая — и самая симпатичная из дам — ткнула меня пальцем под ребра.

Снова пришлось объяснять, что я ни о чем не имею понятия. Гилби озадаченно кивнул.

— Если вдруг тебе полегчает, приходи к нам. Макс хочет, чтоб ты последил за набором новых слуг.

— Чего?

— Он решил уволить всех, кто хоть как-то был замешан в этом деле. И набрать новых, кому можно доверять. Прямо с улицы. Но снова про-

махнуться ему, естественно, не хочется. Поэтому он просит тебя последить за набором и выяснить подноготную тех, кого мы соберемся нанимать.

Опять двадцать пять.

— Как к этому отнесся Скиббер Кессел? — Племянник Скиббера был тогда на конюшне и пытался прикончить меня.

— Спокойно. Он предан Максу и ненавидит политику. Для него пивоварня — главное в жизни.

— Хорошо, коли так. — Между прочим, искусные пивовары — все равно что художники или поэты. Они тоже творят, и таких высот достигают!

Дин ввел в комнату капитана Блока. А я внезапно заметил, что Морли исчез. Причем не один, а в паре с незамужней обольстительницей и искусствительницей.

— Ну не в моем же доме, ты, кобелина!

— Что? — переспросил подошедший Блок. — Знаешь, при слабом здоровье волноваться вредно.

Мои волнения были напрасны. Дверь открылась, и в комнату вошла Никс с попугаем в руках. Морли следовал за нею по пятам и выглядел слегка пришибленно. Неужто хваленое эльфийское обаяние не помогло? Нет, что ни говорите, а чудеса все-таки случаются.

Попка-Дурак, восседая на левом запястье Никс, млел от восторга и потому помалкивал. Интересно, а за ним Покойник сегодня вечером следить будет?

— Пусть Макс назначит срок, — сказал я Гилби. — Я подойду в любой день, все равно заняться больше нечем.

Манвил покосился на Тинни, вздохнул, давая понять, что я безнадежен, и взял у Дина бокал с вином.

— Нам пригодятся твои таланты, — сообщил капитан Блок. — Поправляйся скорее.

— Твоими молитвами, капитан. Как там мои дружки-приятели?

— Не очень. Нам пришлось перевести их в Бледсо, уж больно крепко им досталось. Садлер первым отошел, от ран. Краск тоже преставился, но с посторонней помощью, — Блок поглядел на Белинду. — Любопытная семейка. Надо бы поближе познакомиться.

— Даже не мечтай.

Мисс Контагю усиленно флиртовала с лейтенантом Нагитом.

Покойник, казалось, участия в происходящем не принимал. Притворялся, что спит, но я-то его знаю! Он был на редкость сосредоточен.

— Если я понадоблюсь, найдете меня наверху. Умирающему нужен отдых.

В своей комнате я лег на кровать, заложил руки за голову и начал припоминать по порядку все свои встречи с Маренго Норт-Энглишем. Их было много, но на память я не жалуюсь.

110

— *По соседству появились крысюки.*

Я подпрыгнул. Должно быть, задремал. Что-то внизу тихо: вечеринка Покойника в оргию пока не перетекла. Слишком многие пришли на нее со своими тайными планами, нет чтобы расслабиться и получать удовольствие; мало того, все они были уверены, что пригласил их именно я

и наверняка с некой целью, которую до сих пор гнусно скрываю. Даже Морли искренне верит, что вечеринка — моя идея.

— Я не могу проникнуть в мозг крысы без того, чтобы меня не засекли, но я улавливаю присутствие по крайней мере трех существ, и все они интересуются нашим домом. Допускаю, что один мозг принадлежит Пулар Синдже, а два других — ее собратьям по бунту против их Дядюшки.

У крысюков заведено именовать больших боссов Дядюшками — наверное, потому, что те, подобно Релиансу, относятся к ним как к своим племянникам и племянницам, строго, но справедливо.

Я не стал уточнять, откуда Покойник узнал, что Синдже обзавелась приятелями. Все и так ясно. Кто-то должен был помогать ей скрываться, приносить еду, сообщать новости и предупреждать об опасности. Могу поручиться, один из этих собратьев — Фенибро. Хотя нет, Релианс тоже бы его первым заподозрил; следовательно, такая умница, как Синдже, не стала бы ему доверяться.

— Перестань фантазировать и спускайся к гостям.

— А на что они мне сдались? Это ведь твои гости, старый хрыч.

— Спускайся, Гаррет. Твое присутствие необходимо.

Ну ладно, раз так, тогда спущусь.

Я проскользнул в комнату Покойника, незаметно, как слуга, к которому все привыкли и которого считают членом семьи. По дороге успел еще подергать дверь кабинета и убедиться,

что она заперта. Когда захочет, Дин справляется со всеми обязанностями. Беда в том, что желание на него нападает крайне редко.

Вечеринка была в разгаре, но физиономии быть еще не начали. Дин убрал угощение и разломал свой импровизированный стол, освободив место.

Надо признать, у Покойника получается лучше моего. Сидят давно, а отрубиться никто не отрубился. Пока.

Я прислонился к стенке и стал наблюдать. Вскоре меня заметили.

— Ты в порядке? — заботливо осведомилась разгоряченная Тинни.

— Угу. Полежал, подумал.

— Помогло?

— Да как сказать? Что-то у меня не сходится.

Некоторое время спустя Манвил Гилби сообщил, что ему жизненно необходимо вернуться в особняк Вейдеров, и увлек за собой двух погрустневших девиц. Аликс и Никс получили прощальную порцию комплиментов от своих кавалеров — лейтенанта Нагита и Морли Дотса соответственно. По-моему, еще чуть-чуть — и игра зашла бы слишком далеко. Даже Белинда удостоилась мужского интереса: украдкой к ней присматривался капитан Блок, а в открытую ее осаждал до своего ухода великолепный Манвил Гилби (вместо того чтобы за вверенными ему дамами приглядывать!). Короче, вечеринка более или менее удалась, хотя бедный старый больной Гаррет так и не удосужился откинуть копыта. Она могла бы продолжаться и продолжаться, когда бы не Покойник, внезапно утративший всякий интерес к происходящему.

Назавтра все наши гости будут ломать головы, вспоминая, а что же, собственно, было. И в потере памяти станут обвинять меня. Как всегда.

На прощание я снова предложил Никс забрать с собой попугая. Она снова отказалась, а когда я скорчил рожу, прибавила заговорщицки:

— Приноси его, когда на огонек заглянешь, — и лукаво подмигнула. Тинни, отошедшая было подлить себе чайку, почуяла угрозу и поспешила вернуться, на всех парусах, зловеще цокая каблучками.

Морли, слышавший, как я пытался впарить Никс Попку-Дурака, прочел мне лекцию о том, что попугаи зачастую живут гораздо дольше людей.

— Забавно, правда?

— Да уж, — буркнул я. — Навести меня через пятьдесят лет в «Райских вратах», мы там будем вместе с этим пернатым клоуном. — К тому времени, благодаря этой милой пташке и своим так называемым друзьям, я сделаюсь брюзгливее Медфорда Шейла в его наипаскуднейшем настроении. — И рыжеволосая пожилая дама будет каждый день приходить к воротам — на случай, если мне начнет там нравиться или я возомню, что жизнь прекрасна.

— Гаррет, не позорь меня, — предупредила Тинни. — Мне двадцать шесть, самый лучший возраст, и стареть я не собираюсь.

Ух ты, призналась, сколько ей на самом деле! Обычно она скидывала себе лет пять-шесть. И выглядела никак не старше.

— Рад слышать. Может, и со мной секретом своего снадобья поделишься? Манвил, погоди.

Спроси Макса, не заметил ли он чего-то необычного в поведении Норт-Энглиша. И сам размысли на досуге. Если что вспомнишь или узнаешь, сразу сообщи, ладно?

— Что у тебя на уме? — Гилби прищурился.

— Да так... Пчела под рубаху залетела и покоя не дает. На восемьдесят процентов уверен, что ошибаюсь. Но меня грызет одна мысль. В поведении Маренго должно быть что-то эта-кое, однако сам я вспоминаю только одно: что он без задержки заплатил мой гонорар. И даже не вякнул.

Продолжая хмуриться, Гилби утвердительно кивнул и повел — чуть ли не силком поволок — Аликс и Никс к двери.

Я повернулся к бравому лейтенанту Нагиту.

— Слыхал, лейтенант? Ты все время со своим боссом общашься. Ничего необычного не замечал?

— Догадываюсь, куда ты клонишь, Гаррет. Пустышка. — Но в его голосе не было убежденности. Нагит будто сомневался в своих словах. — Знаешь, с тех пор, как он едва разминулся с костлявой, босс стал какой-то... ну, возвышенный, что ли... Все о душе толкует...

— Ясно. С народом он чаще теперь общается?

— Нет. Но я вижусь с ним каждый день. Долг службы.

— Толли нашли? Того мертвяка опознали?

— Нет и нет. Ладно, бывай. — Нагит ушел, мрачно качая головой.

Остались только Морли, Тинни и Белинда. Мисс Контагью нескованно удивилась, когда я

вышел проводить ее. Подкатил ее экипаж. Прежде чем сесть, она с подозрением поглядела на меня.

— Ты знала, что здесь опасно, — сообщил я с идиотской улыбкой. — Иначе бы не приехала.

Это ей польстило. Она усмехнулась, порывисто обняла меня — Тинни надула губки — и указала прочь.

— Вдвоем уехали? — спросил Морли, когда я вернулся.

— Нет. Нагит достаточно умен, чтобы не соваться в пасть крокодилу. Он и Гилби, верно, догонять не стал, хотя им по дороге.

— *Гаррет, пора заканчивать. Мне нужно, чтобы ты удалил капитана Блока.*

— Проклятие! Я совсем про него забыл!

Главный стражник забился в уголок и сидел себе тихонечко, надеясь, видимо, что про него никто не вспомнит. Не на тех напал. Кстати, мой нудный напарник уж теперь-го наверняка заглянул к нему в мозг; у Покойника в достатке опыта и таланта, чтоб свести разрозненные факты из головы капитана в единое целое.

— *Наконец-то хоть капля уважения. Так что с Блоком?*

— Погоди две минуты. А как насчет Дотса и Тинни?

— *Мистер Дотс может нам пригодиться. Пулар Синдже единственная, кто наблюдает за нашим домом. Правда, я пока никого не обнаружил — но лишь потому, что не искал.*

Да, братец Релвей уж точно давным-давно ушки навострил и своих шпионов вокруг понапускал.

— Надеюсь, до кровопролития не дойдет.

— Все зависит от того, насколько стороны заинтересованы в поимке Пулар Синдж и Тамы Монтецумы. А! Мисс Пулар набралась храбрости и приближается к двери. Советую принять ее на кухне. Мисс Тейт и мистер Дотс останутся со мной, я их попрошу.

— А Дин?

— Он откроет дверь. Если на порог выйдешь ты, Синдж испугается; ведь она считает, что ты болен.

— Ты все это затеял для того, чтобы завлечь ее?

— Не только. Представь себе гобелен. Пулар Синдж — последняя нить в его вышивке.

— Ты выяснил что-нибудь полезное, пока я был наверху? — Дайте мне пару-тройку фактов, и я вам состряпаю какую угодно версию.

— Достаточно.

— То есть делиться отказываешься?

— Пока в этом нет необходимости. Синдж стоит у двери. Скоро она постучит. Иди на кухню.

— А как же те, кто следит за домом? Разве они ее не заметят, если уже не заметили?

— Пулар Синдж невидима. Ступай на кухню. Притворись больным. Дин! Открой дверь.

Синдж постучала в тот самый миг, когда мы с Дином чуть не столкнулись в коридоре. Интересно, запомнят ли хоть что-нибудь из нашего с ней разговора Морли и Тинни?

— Ни слова. Они жадно общаются с мистером Большая Шишка. Ступай на кухню.

Когда в коридоре послышался цокот коготков по деревянному полу, я ссугуился и скрчил самую жалостную гримасу, на какую только был способен. Дин беседовал с нашей гостью, но и слова, которые он произносил, и строение фраз были не его. Проклятие! Это означает, что всю следующую неделю мне придется выслушивать жалобы на самоуправство Покойника.

— Воспользуйся своим обаянием, Гаррет. Мисс Пулар — штучка значительно более тонкая, нежели я предполагал. Я не могу прочесть ее мысли, оставшись незамеченным.

— И какой тогда от тебя толк? — пробормотал я. — Ни с кем справиться не можешь. Стареешь, что ли?

Дверь распахнулась. Я пригубил чай, представляя, что подношу к губам кружку с пивом.

— Вот и мистер Гаррет, — сказал Дин. — Мистер Гаррет, мой рабочий день давно закончился. Спокойной ночи. Не забудьте запереться.

Я пробурчал что-то невразумительное и повернулся к Синдже.

Что за?.. Передо мной стояла согбенная старушонка, закутанная в лохмотья по моде уличных побирушек. Громадная уродливая шляпенция — узнаю гномью работу — скрывала ее лицо. Старушка опиралась на увесистую клюку. Что ж, отличный способ оправдать крысью походку.

Интересно, а хвост она куда припрятала?

— Отлично. Ты не перестаешь меня удивлять. Мир будет у твоих ног... когда-нибудь. Чай хочешь? Или чего другого? Есть пиво.

— Ты меня ждал?

— Нет. Разве что последние пять минут. Садись. — Крысюки могут сидеть по-человечески, хотя и постоянно ерзают от неудобства. — Мои коллеги хотели, чтобы ты навестила меня.

— Так ты не умираешь? Это ловушка? — Ее речь стала заметно лучше. Если не считать шипящих, изъяснялась она приблизительно как Торнада. Во всяком случае, не хуже.

— Нет, я не умираю. Извини, что разочаровал. С другой стороны, это не ловушка. Обещаю, тебя никто и пальцем не тронет. Ловко ты нас обдурила на прошлой неделе.

— Я ошиблась, — прошептала она. — О последствиях не подумала. Нас не научили думать о последствиях.

— Этому никого и нигде не учат, самому приходится науку осваивать. Садись, не бойся.

Она села. Я похлопал ее по плечику, налил ей чаю, пододвинул горшок с медом. Она успела набраться хороших манер, поэтому лезть ложкой в горшок не стала. Я заметил, что рука Синдж дрожит — видимо, с непривычки: крысюки ведь чашками не пользуются.

Признаться, я чувствовал себя слегка виноватым. Она понимала, что ею управляли, а это значило, что ее помыслы известны посторонним. В том числе и из-за меня.

— Зачем ты позвал меня?

Пришлое напомнить, что позвал ее вовсе не я.

— Тама Монтецума, — прибавил я со вздохом. — Мои коллеги полагают, что тебе известно ее местонахождение.

— Да.

— На деньги Монтецумы мне наплевать. Точнее, мне самому они даром не нужны; но я не

хочу, чтоб они снова достались тем, кто готов платить за всякие мерзости.

— Мне страшно, Гаррет. Очень страшно. Я не ждала, что эту женщину станут искать. Думала, раз она исчезла, все про нее забудут.

— У людей долгая память, Синдж. Особенно когда касается денег и обид. Советую это запомнить, вдруг пригодится.

— Спасибо. Уже пригодилось. Мне передали, Релианс сам не свой от злости из-за того, что я от него ушла.

— Я с ним потолкую, приведу в чувство. Так ты знаешь, где прячется Тама Монтецума?

Синдж призадумалась. Прошло несколько минут. Я терпеливо ждал, готовый принять любой ответ. Другие обитатели моего дома были не столь хладнокровны. Наконец она решила, что мне можно доверять, и утвердительно кивнула.

Забавно — и немного тревожно, — что Покойник не может забраться в ее мысли и остаться при этом незамеченным. Попрошу при случае, чтоб она меня научила, как замечать подобные вещи.

— Да, я знаю, где она.

— Отведешь меня туда?

— Гаррет, ты не врешь? Тебя правда деньги не интересуют? Или ты заодно с тем эльфом? — Она постучала себя по носику, давая понять, каким образом засекла Дотса.

— С Морли? Он, конечно, мне друг, но... ты права на его счет. За ним нужен глаз да глаз. Он разыскивает Таму прежде всего из-за бабок. А я... По ее вине погибло много людей, и некоторые из них находились под моей защитой. Я должен отомстить, хоть мне и не хочется. Честно

говоря. Хоть я теперь и понимаю, что заставляло ее так поступать.

— Она страдает. И плачет. И никуда не выходит, сидит в своем убежище. Она там долго сидеть может, все подготовлено было заранее.

— На улицу ей и впрямь соваться нечего. Кто-нибудь наверняка узнает ее, не пройдет она и двух кварталов. — С трудом представляю себе Таму Монтецуму в слезах. Они ей не идут.

— У нее есть маски. Она просто ждет, когда о ней позабудут. — Поймав мой вопросительный взгляд, Синдж прибавила: — Она разговаривает сама с собой. Вслух. А я сумела подобраться близко. И подслушала.

— Между прочим, Фенибро с Релиансом приходили сюда, тебя искали. Несколько раз. И к Морли заглядывали, голову ему морочили.

— Дядюшке придется смириться. — Синдж поежилась. — Я отведу тебя.

— Морли пойдет с нами. Я его обуздаю, не волнуйся.

— Он расстроится. А медноволосая?

— Кто?

— Она в той же комнате, где и эльф. С ними твоя птица и что-то еще, что пахнет мертвечиной. Эта женщина была в том доме, где мы ловили оборотней. Кто она?

Осторожнее, Гаррет, лед тонкий.

— Моя приятельница. Услыхала о моей мнимой болезни и пришла проведать. С нами она не пойдет. — По крайней мере, я на это надеюсь. На Тинни иногда находит, и тогда с ней совершенно невозможно сладить. — По-моему, она вот-вот должна уйти.

Синдж как будто удовлетворилась моим объяснением. А там поди догадайся, о чем она на самом деле думает.

— Предлагаю поспешить с выходом, Гаррет. Время поджимает. И вблизи дома не задержи вайтесь. Я постараюсь отвлечь всех, кто следит за нашим домом, но меня хватит на минуту, не больше. Скорее всего, даже меньше.

Я пожал плечами. Соглядатаи в любом случае увяжутся за мной, а не за нищенкой в лохмотьях.

Синдж печально вздохнула.

— Что такое?

— Голова закружилась. И в ушах вдруг зазвенело.

— Бывает.

Она *ощущает* проникновение? Поразительно.

112

— Тоже мне, особняк, — пробормотал Морли. Дом, представший нашим взорам, лишь отдаленно напоминал человеческое жилище. В таком доме, по-моему, жить просто стыдно.

Мы стояли в тени, ожидая, пока Синдж избавится от своего маскарада.

— Может, она жила здесь до того, как сообразила, чем ее наделила природа, и отправилась покорять Танфер, — предположил я.

— Ну да, в Танфере золотом улицы мостят.

Со всех краев в Танфер стекаются ловцы удачи. Те, кому повезет уцелеть, чаще всего обретают отчаяние. Но, по слухам, кому-то все же везет на самом деле, и эти слухи привлекают в наш город новых и новых глупцов.

— Готово, — прошептала Синдж. — Идите за мной. — Она двинулась вперед, перебегая от тени к тени, ведомая своим крысиным чутьем. Попка-Дурак парил где-то над нашими головами, озирая окрестности. Мы с Морли последовали за Синдж. Дотс продолжал ворчать: дескать, неправильно, что ему не позволили прихватить своих ребят из «Пальм». Я не прислушивался.

В следующий миг мы нос к носу столкнулись с тремя юными ограми, мужеска, женска и средня пола, блуждавшими за пределами квартала огров и явно замышлявшими что-то нехорошее. Синдж они не заметили, зато углядели нас с Морли — и кинулись врассыпную при виде нашего внушительного арсенала. Нет, Попка-Дурак точно напрашивается, чтоб ему шею свернули! Это он, называется, местность разведывает! Почему не предупредил, скотина этакая?

Морли заткнулся. Это все равно случилось бы (в чем Дотсу не откажешь, так это в умении сосредотачиваться в нужный момент), но лучше раньше, чем позже.

Внутрь мы проникли крысиным ходом. Сквозь дыру в фундаменте. И очутились в вонючем подвале, где было так темно, что даже Морли ничего не видел. Синдж подвела нас, одного за другим, к хлипкой лесенке.

— Держитесь стены, — прошептала она. — Особенно ты, Гаррет. Иначе лестница не выдержит. — По-моему, она пыталась пошутить. Надо свести ее с попугаем, пускай попрактикуется в остроумии.

Ступеньки противно скрипели. Я не удержался и чихнул. Морли выпучил глаза, когда в нос забилась пыль, но сумел с собой совладать.

Интересно, а через дверь никак нельзя было войти? Потом спрошу. Вполне возможно, Синдж о ней просто не вспомнила. Сила привычки.

У Тамы Монтецумы множество достоинств, и крепкий сон — одно из них. Мало того, она храпела, как пьяный боцман. Что-то на нее не похоже...

В воздухе витал сладковатый, полуувягтившийся аромат. Синдж чиркнула кремнем, зажигая для меня фонарь, и тут я узнал этот запах. Опиум. По правде сказать, опиумом в Танфере баловались редко. Штука дорогая и опасная, есть немало дешевых зелий, которые с тем же успехом искалечат тебе мозг и оставят пускать слюни с блаженной улыбкой на физиономии.

Вот уж не думал, что Тама покуривает опиум. Впрочем, когда у человека есть деньги, он может себе позволить что угодно.

Свет упал на спящую женщину. Лахудра лахудрай, ни капельки не похожая на Таму Монтецуму, какой я ее помнил. Эта Тама ухитрилась за неделю опуститься до самого низа, если не глубже. Эту Таму никто в жизни не стал бы разыскивать. Эта Тама настрадалась настолько, что у нее не осталось желания жить. У этой Тамы попросту не могло быть никаких припрятанных сокровищ.

— Ты бы сама с ней справилась, — сказал Морли, обращаясь к Синдж. — Мы здесь лишние. — Он покосился на меня, и я понял, что его обуревают чувства, схожие с моими.

— Наверное. Вы попросили — я привела.

Наш разговор разбудил Таму. Она потянулась, потом села. Глаза впавшие. Волосы

спутанные... Она с трудом подняла голову и пробормотала:

— Добрался-таки.

— Извини, что задержался. Синдж привела. — Я не стал уточнять, что сам ее не искал.

Тама потянулась было за трубкой, но Морли ей помешал. Разумно. Если она и впрямь пристрастилась к опиуму, можно будет сторговаться: ты нам правду — мы тебе зелье.

— Торопись, Гаррет, пока Синдж другой не зацепал, — посоветовал Морли. — Надевай ей колечко на пальчик. Она обдурила вас обоих — и тебя, и Покойника.

— Ты вообще о чем, приятель?

— У нее серебряный браслет. И у этой тетки — тоже.

Значит, они — не оборотни...

— Тама, не хочешь ничего мне рассказать?

— Нет у меня никаких денег, понятно? Они знали. Они их нашли — не там, где им полагалось быть. — Голова Тамы свесилась на грудь. — Оставили мне только серебро и опиум. Надеялись, что я сама себя прикончу, их от этой необходимости избавлю.

Сегодня шестеренки у меня в мозгу крутились вдвое быстрее обычного. Уже зная ответ, я, тем не менее, спросил:

— А кто такие «они»?

— Оборотни. Драконы.

Может быть, может быть. Но плохо верится. Я бы заподозрил Волков, которые просчитали, что Тама, когда ее поймают, укажет на Драконов.

Зачем Драконам оставлять ей опиум? Его же можно продать. Скажем, вснагетам. У них за кило сырца бешеные бабки отвалят.

— Разве ты не всех оборотней изловил? — жалобно спрятался Морли. Таким тоном он со мной лет сто не заговаривал.

— Нет. По крайней мере, один удрали. Я думал сперва, он Норт-Энглиша подменил. В ту ночь, когда на Маренго напали, помнишь? Думал, что настоящий Маренго погиб, а оборотень его место занял. — Это было не слишком сложно — и объясняло все те странности в поведении Норт-Энглиша, которые вдруг бросились мне в глаза. Прежде всего, его откровенное нежелание спускаться с балкона на вечеринке в доме Вейдера. Скорее всего, прикидывал я, он, наслышанный о необыкновенно остром чутье Синджа, опасался к ней приближаться. Были и другие странности, не столь заметные; однако, продолжая вспоминать, сравнивать и размышлять, я постепенно пришел к выводу, что Маренго, вернувшийся в поместье после неудавшейся ночи длинных ножей, — настоящий. Как бы мне ни хотелось обратного. Впрочем, ему повезло, что он остался жив: я не сомневался, что первоначальный план предусматривал именно «устранение» Норт-Энглиша и подмену его оборотнем. А многочисленные раны должны были объяснить разницу между прежним и новым Маренго (скопировать человека в точности не сумеет ни один оборотень, сколько бы он ни пыжился). По плану, очевидно, новый Маренго некоторое время провел бы в затворничестве, а приказы за него отдавала бы Тама Монтецума. Как ни смешно, задницу настоящего Норт-Энглиша уберегли от крупных неприятностей, по всей видимости, бродячие гномы, сцепившиеся в ту ночь с правозащитниками. Какая ирония! Возможно, здесь и зарыта собака: чудесное

спасение руками врагов, предательство тех, кого мнил верными до гроба, — вот что подтолкнуло Маренго задуматься о душе. Хотя... хотя я пока не готов на это купиться. То ли застарелый цинизм мешает, то ли ощущение, что концы с концами не до конца сходятся.

Так всегда бывает, в любом деле. Где замешаны люди, глупо рассчитывать на математическую строгость. Истина — хитрая штука, изворотливее лепрехуна. И частенько надевает чужую личину — уж мне ли того не знать!

— Новое увлечение? — Я указал на шкатулку с опиумом и одновременно отпихнул по дальше Тамину трубку. — В ту ночь, когда на Маренго напали, его должны были подменить, верно? И ты знала про оборотней, да? К тому времени ты уже на Слави Дуралейника работала, так?

Тама будто и не слышала. Она не оставляла попыток добраться до трубки. Мне почудилось, я слышу, как трубка зовет ее.

— Меня заставили, — проскулила она. — Они знали, что я замышляю. Джеррис им рассказал, больше некому. — И подтвердила мои прежние подозрения, прибавив, без намека на раскаяние в голосе: — Джеррис думал, я возьму его с собой, когда убегу.

Гаррета словно озарило.

— Это ты пришла в дом Вайдера в ту ночь, когда Дженорд убил Ланселина Мака?

Тама кивнула.

— Джеррис вызвал меня. Он перетрусил. Мы спорили, и тут появился инвалид и этот, второй, и Джеррис понес какой-то бред, выгораживая себя. Но второй подошел к двери и увидел

меня... Я не принимала их всерьез. А они решили поквитаться.

— Дружки Джено́рда, что ли? Братство Волка? — С ней надо ухо востро держать: врет она вдохновенно и самозабвенно, а в своем нынешнем состоянии и подавно будет обвинять всех подряд, лишь бы свою шкуру спасти.

— Маренго позвал их после того, как чуть не погиб. Они обрадовались. Говорили, что горы свернут...

— Тама, не вешай мне ланшу на уши. Ты сейчас не в форме, врешь неубедительно. Маренго ни за что не позвал бы Волков. Слишком он на них зол. Их выходки могли погубить его детинце, которое он столь заботливо пестовал. Могли погубить «Клич». Он толком ничего не знал до последней вечеринки у Вайдера, но подозревать наверняка подозревал. А на вечеринке он, пожалуй, раскусил бы тебя, когда бы не сомлел со страха перед чародеем. Колись, когда Слави Дуралейник тебя завербовал? Ты вряд ли сопротивлялась. А потом запустила в него коготки, как в Маренго и в Джерриса, и в прочих. Я прав?

— Мужчины все идиоты, Гаррет! — выпалила Тама. Хоть слово правды. — Особенно старые.

Верно подмечено. Предлагаю тему для диссертации: промежуток времени, в течение которого мужчиной можно управлять через женское очарование, сокращается с возрастом, поскольку с годами — и с опытом, разумеется — розовые очки спадают с глаз все быстрее и быстрее.

— Так ты говоришь, что тебя отдали Волки?

— Да. — Конечно, мы переловили и пересажали далеко не всех Волков, да и часть тех, кого посадили, пришлось отпустить по указанию с Холма.

Этакая амнистия по поводу разбирательства с Перилосом Спайтом.

— А две минуты назад утверждала, что Драконы...

— Драконы меня ограбили. Еще до того, как все развалилось. А Волки отыскали меня, на сырец посадили и спрятали тут, чтобы Маренго не нашел.

Этим словам я поверил не больше, чем байке о примирении Норт-Энглиша с Волками.

Синдж тронула меня за рукав.

— Опиум — месть.

Тама заплакала. Ее руки дрожали все сильнее.

— Я ошиблась. Давным-давно. Когда совсем плохо стало. Я рассказала Джеррису, что покуривала, потом бросила, но до сих пор тянется... Волки обо всем знали. И заставили меня. За Джерриса. Я быстро подсела, а они... Это все, что они мне оставили. Когда докурю, начнется ломка: я буду на стены бросаться, всю себя исцарапаю, в голову всякий бред полезет... А потом, как слегка оклемаюсь, выберусь на улицу и пойду искать продавца. Где? Понятия не имею. Пока я его найду, столько времени пройдет, что Маренго успеет отыскать меня. Вряд ли он будет ласков со мной...

Что верно, то верно. Но Таму Монтецуму ищет не только Маренго Норт-Энглиш. Ее ищет целая толпа. И непременно найдет.

Мстители, как правило, не страдают недостатком воображения. Уж если они настигают того, кого преследуют, то отрываются по полной. Вдобавок у нас, карентийцев, жестокость в крови; иначе откуда берутся этакие выродки вроде Волков?

— Что насчет Слави Дуралейника?

— Не знаю... Убежал, наверно. Волки хотят убить Маренго. За то, что он их предал, как они считают. Он и вправду их сначала собрал, потом загнал в подполье, а потом и вовсе бросил. Я передавала им свои приказы, не его. Синдж полагает, тебе нужно это знать. Может быть. По мне, гори оно все синим пламенем. Все равно, когда я умру, мир погибнет.

— Солипсист в отчаянии, — пробормотал Морли. — Забавно.

— Не надо так, Тама, — прошептала Синдж. Интересно, Покойник обо всем догадывался? А меня известить не потрудился? И почему столько народу в последнее время оставляет Его Словоблудие в дураках? Стареет, стареет. Или просто кубики так выпали, что произошло невероятное?

Положим, невероятное каждый день происходит. Во всяком случае, в моей жизни.

— Сколько всего было оборотней? — спросил Морли. — И сколько еще на свободе осталось?

Тама пожала плечами. Руки ее слено шарили вокруг, а глаза словно подернулись пеленой. Пожалуй, мы от нее ничего не добьемся, пока она не выкурит свою трубочку и не вынырит из грез, куда более сладостных, чем настоящая жизнь.

— Если их не переловить, скоро всем придется носить серебро, — пробурчал Дотс.

Да уж... Не нужно быть гением, чтоб представить себе будущее, в котором — если позволить оборотням плодиться и размножаться — испытание серебром станет непременным условием любой сделки. В каждом доме будет и серебро,

и защитные заклинания на дверях. Цена серебра подскочит до небес.

— Выясним. Я знаю, кто нам ответит. — В голове Слави Дуралейника мой напарник наверняка порылся. А Дуралейник должен знать точное количество оборотней в Таифере — ведь он их сюда и привел.

— Что с ней делать будем? — справился Морли. Синдж не сводила с меня глаз, будто мой ответ был некой проверкой. Боюсь, я ее разочарую.

— У меня должок перед Максом. А эта... она выбирала цели. И убийц панимала.

Мне вспомнилась первая ночь в поместье Маренго. Ночной гость с тесаком — это мог быть и Картер Стоквелл, вознамерившийся со мной поквитаться. А могла быть и красавица Тама, решившая устраниТЬ слишком назойливого типа, который объявился как раз тогда, когда она собралась встать во главе Вольных Сообществ.

Отдельные комнаты, говорите? Что ж, Тинни, голубка моя. С меня причитается. Лишний поцелуй. Но за что, я тебе не скажу.

Мисс Монтецума — замечательный подарок одному моему знакомому из тайной полиции Морли возражать не станет: ведь она лишилась пресловутых денег, которые, собственно, его и привлекли. Синдж ей сочувствует, как подруге по несчастью, однако оправдывать Тамины злодейства не будет — а нам, к тому же, известна лишь малая их часть...

Я отправил лейтенанту Нагиту записку, в которой просил навестить меня, когда служебные обязанности в следующий раз приведут его в город. Получил вежливый ответ, гласивший, что ему приказано впредь не поддерживать со мной отношений. Иными словами, по поводу Маренго Норт-Энглиша и «Клича» нам с ним говорить больше не о чем.

Повторять попытку я не стал, вместо этого пошел к Максу и попросил его об одолжении, а сам между тем занялся подбором новых слуг. Морли составлял мне компанию: судя по зевкам, он отчаянно скучал — и то сказать, наблюдать за мной в эти дни было едва ли скучнее, чем подглядывать за спаривающимися камнями.

Никс послала Нагиту приглашение на обед у Вейдеров. К ее вящему изумлению — все прочие нисколько не удивились, — лейтенант не только принял приглашение, но и явился намного раньше назначенного, при полном параде, благоухающий розовой водой и с букетом цветов в руке. Узнав, что за обедом будет некий Гаррет заодно со своим пернатым дружком, он было помрачнел, но согласился вытерпеть мое присутствие ради прелестной мисс Николас.

Едва я, ближе к полудню, переступил порог, как Попка-Дурак взгромоздился на Никс. Эти двое созданы друг для друга. Почему они не желают этого признать?

Нагит рассыпался в любезностях перед Тинни и Аликс. Как ему держаться с Морли, он знать не знал, поскольку их не удосужились представить. А Дотс не обращал на лейтенанта ни

малейшего внимания, зато расточал комплименты Аликс — под бдительным присмотром ее родичей. С Максом, Гилби и Таэм Нагит общался по-дружески, так что дело, очевидно, было в моем проборе — или в чем-то еще. Во всяком случае, со мной он был холодно-вежлив, не более того.

Подали обед, все кушанья сразу, и слуги мгновенно удалились. Осталась лишь Нейрса Бинтор, заступившая на пост у двери на кухню, с огромным черпаком в руке.

Ели почти в молчании, несмотря на попытки дам расшевелить кавалеров, причем каждая пыталась сделать это по-своему.

— Давай, Гаррет, — не выдержал Макс. Он едва притронулся к ветчине, а прочего и пробовать не стал.

Я махнул рукой. Морли поднялся из-за стола и вместе с Нейрсой Бинтор вышел из столовой.

— Мистер Нагит, расследование завершается. — Извиняться за то, что заманил его сюда, я не собирался. — Осталось отловить последнего оборотня. — Лейтенант, похоже, только сейчас сообразил, что ел с серебряных тарелок серебряными же приборами. — Методом исключения мы пришли к выводу, что оборотень проник в «Клич». Некоторое время я полагал, что они подменили вашего хозяина, но отказался от этой мысли. Вы сами убедительно доказали, что оборотнем не являетесь... Да, босс?

Макс побагровел. Ему не терпелось, чтобы я переходил к делу.

— Если это не Маренго, — продолжал я, — можно было бы и не беспокоиться, однако оборотень в рядах «Клича» — зацепка для Слави

Дуралейника. Надежный свидетель сообщил мне, что Дуралейник — злобный старик с ужасными, далеко идущими планами. С помощью этого оборотня он способен учинить в Танфере нечто невообразимое. Кстати сказать, хоть Маренго и не подменили в ночь нападения — помните? — его вполне могли подменить потом, уже в поместье... Вы не понимаете, чего я, собственно, дергаюсь? Маренго — друг мистера Вайдера. Они вместе служили в Кантарде. А Макс — мой друг. Вот потому-то вас и пригласили сюда, чтобы я мог поделиться с вами своими соображениями. Вы можете защитить друга моего друга. Вы можете найти последнего оборотня. Того самого, который покинул нас, гадая, что могло случиться с Толли и с одноруким любителем громовых ящеров.

— С Венейблом, — пробормотал лейтенант.

Вернулись Морли и Нейрса. Они привели Таму, Синджа и крохотную, невероятно уродливую старушку. Синджа опасливо оглядывалась, Монтецума тряслась от страха. Последние двадцать часов она провела в Аль-Харе, где ей, естественно, и понюшки опиума не выдали. Старушка притворялась перепуганной служанкой. Объяснить, зачем ее притащили, никто не потрудился.

Я подавил ухмылку. Из Релвея получилась редкая уродина. Однако он настоял на том, чтобы лично сопровождать столь важную узницу. Не буду, пожалуй, ему говорить, что от таких красоток молоко скисает и дети на всю жизнь заикаются остаются, — зачем расстраивать главу тайной полиции?

Помнится, он собирался обаять Нагита и пойти вместе с ним в поместье.

Лейтенант на Рельвея и не взглянул.

— Вы нашли Монтецуму! — выпалил он. — Где? Как?

— Вас опередили, Эд. Кто-то из Волков. Их навел на след Джеррис Дженоуд. — Думаю, особых претензий по поводу того, что Волков не выкорчевали с корнем, мы не услышим. В конце концов, они все, как на подбор, герои войны — в глазах большинства обывателей. Так что Бондурант Алтуна несколько поспешил со своими публичными обвинениями Волков в предательстве. Будь он хоть чуточку поумнее, добился бы в жизни куда большего.

Я пересказал Нагиту все, что узнал от Тамы, присовокупив, разумеется, свои догадки.

— Тама пообещала сотрудничать. — Она привыкла выживать. А единственный способ выбраться сухой из этой лужи — спасти человека который, возможно, будет охотиться за ней до скончания времен. — К тебе-то Норт-Энглиш как относится?

— Прохладно. Я слишком много знаю, и он вспоминает об этом всякий раз, как видит меня. Однако пока не выгнал. С другой стороны, где он найдет второго такого кретина, который взвалил бы на себя мою работу? Я не верю, что его подменили.

— Прикинь, как нам остаться с ним наедине и испытать его серебром. Как прикинешь, сообщи. А пока изложи ему все, что он захочет услышать. И проверь своих ближайших помощников. Это тебя вряд ли затруднит. А вот когда отыщешься обратоя, придется поволноваться.

Нагит помотал головой. Он определенно не желал во всем этом участвовать.

— Последний из всей шайки, Эд. Он у вас, больше ему быть негде. Иначе Толли до сих пор бы овец пас, а у мистера Венейбла по-прежнему всего одной руки бы не хватало.

Нагит поднялся, чинно поблагодарил за приглашение и за угощение, кивнул Нейрсе Бинтор, давая понять, что знает, кому обязан сытым желудком.

— Могу я забрать Монтецуму? — спросил он.

— Нет, — угрюмо откликнулся Макс. Для себя он уже решил, что Маренго — оборотень. А раны на сердце требовали возмездия.

Лейтенант не стал спорить.

— Босс расстроится, — только и сказал он.

— Мистер Нагит, — произнес Макс, — если поймете, что служба у Маренго обременяет вашу совесть, не стесняйтесь обратиться к Манвилу. У нас для такого человека, как вы, место всегда найдется. Верно, Гаррет?

— Ничего не имею против. — Хотя мне не очень-то понравилось, что Аликс оживилась, а Никс просто расплылась в улыбке. Меня же, разумеется, ткнули под ребра, опять в больное место, за то, что я заметил эти, предназначенные вовсе не мне, знаки благосклонности.

Нагит направился к выходу.

Релвей последовал за ним. Могу предположить, что он бесстыдно торговал собой, досаждая Нагиту, занятому совсем другими мыслями.

— Достаточно? — спросил я Макса.

— Вполне. Я иду отдыхать.

Манвил помог патрону подняться.

— Гаррет, завтра мы продолжим подбор слуг. Ваше с Таэм присутствие крайне желательно.

Приходи с рассветом.— Гилби усмехнулся. Он прекрасно знал, что я терпеть не могу подниматься с постели раньше полудня.

Попка-Дурак утробно захохотал.

Я вздохнул. Никто не обещал, что мир будет справедлив ко мне. Или хоть вот на столечко менее безумен.

114

Я надеялся, что на том все и закончится, не взрывом, но всхлипом. Нагит избавит меня от лишних хлопот, сам разберется с тем, что теперь, по большому счету, стало внутренним делом «Клича». Но жизнь — моя, по крайней мере — никогда не устает преподносить сюрпризы. Я погрузился в повседневные заботы, развлекался тем, что сочинял вопросы с подковыркой для желающих поработать на пивоварне. Казалось, весь город жаждет потрудиться на Макса Вейдера. А на третий день после приснопамятного обеда от моей скуки не осталось и следа: прелестная Джорджи Николас пришла поvidаться со мной.

Со мной или с моим наплечным украшением? Этот вопрос сам собой возник у бедного Гаррета, когда чаровница Никс ослепительно улыбнулась вовсе не ему, а куда-то в сторону. Она протянула руку. Я поспешил пожать точеные пальчики.

— Это прилагалось к записке, которую я получила от Эда Нагита. Адресовано тебе. Что-то важное?

Попка-Дурак принялся охмурять ее, едва она почесала ему макушку. Я тихонько зарычал. Мы

получаем записки от Нагита, вот как? Братец Эд времени даром не теряет.

Лейтенант Нагит просил о встрече и предлагал, каким образом устроить ее без того, чтобы привлечь внимание полковника Теверли, к которому негласно перешло командование Вольными Сообществами. Теверли твердо знал, как управлять людьми. Его правила запрещали какие бы то ни было контакты с подозрительными личностями, вроде меня, по делу или просто так. Пускай наружностью я человек, поборники расовой чистоты учゅали во мне чужого.

— Ты собираешься отвечать ему? Припиши, что я согласен.

Выдался славный осенний денек. По голубому небу плыли пушистые облака. Птицы и пчелы радовались жизни и наслаждались уходящим теплом. Таким утром проще простого забыть, что первую половину дня боги присудили человеку в наказание за первородный грех.

Лейтенант Нагит ожидал меня на том самом выпасе, где мы с Тинни укрывались от кентавров; кстати, о кентаврах — их вчера (только вчера!) настиг кавалерийский эскадрон, усиленный несколькими чародеями с Холма. Мало того, Холм объявил вознаграждение за поимку Слави Дуралейника, официально признав, что тот находится в Танфере. По-моему, пустая затея. Дуралейник который десяток лег ускользает ото всех, кто за ним гонялся.

— Спасибо, что пришел.

— Как я мог не прийти? — В его записке говорилось, что он опознал последнего оборотня,

однако один с ним не справится. Нет чтобы имя назвать! — Что, у самих не вышло? — На одном плече у меня восседал расфранченный индюк-недоросток, а на другом затаилась обостренная паранойя. Я постоянно озирался по сторонам.

— Полковник Теверли настоятельно посоветовал своим подчиненным забыть о случившемся. Поэтому мне помочь попросить не у кого. Никто не хочет попасть Теверли под горячую руку.

— А ты?

— Он заноза в заднице, а вовсе не бог. — Смелое заявление, смелое и в то же время уклончивое. Лейтенант явно что-то замышляет, но посвящать в свои планы не собирается.

Занятно. Впервые с таким сталкиваюсь.

— А я зачем понадобился?

— Чтоб ее привести, — он показал на Тому Монтецуму, которую я забрал из Аль-Хара, умаслив Блока и надавав кучу невыполнимых обещаний. — С нею мы окрутим оборотня, прежде чем кто-нибудь что-нибудь сообразит.

Что ж, он прав. Без меня ему не обойтись.

У ворот нас никто не окликнул, хотя число охранников после недавних событий значительно увеличилось. И в усадьбу мы тоже вошли свободно, если не считать того, что многие пялились нам вслед, перешепtyвались и указывали пальцем на Тому.

Монтецума выглядела хуже прежнего, если такое возможно. Как дермо на палочке, если вспомнить излюбленное выражение Торнады.

Ломка — страшная штука. Таме опротивело жить. По счастью, Релве^й в городе отсутствовал, не то, с его манерой допросов, она бы точно задумалась о самоубийстве.

Признаюсь, у меня тряслись поджилки. Со мной были только Нагит и Тама. Причем веры обоим никакой. И это в логове врага! Нет, мачтушка Гаррет не этому сына учила.

Лейтенанту и вправду нужна моя помощь? Или он меня дурачит? Нагит искренне верит во всю ту белиберду, которую проповедуют главари человеколюбцев. Кроме того, он живет бок о бок с людьми, у которых ко мне счет. Я уже успел узнатъ несколько знакомых лиц, все из компании Волков.

Следующее знакомое лицо чуть не заставило меня подпрыгнуть. В коридоре мы столкнулись с крохотной уродливой старушонкой, точь-в-точь сестра-близнец Дила Релвея. Она усердно мыла полы.

Лейтенант не обратил на нее внимания, хотя мог бы и прогнать — нечего этакой уродине поблизости от босса отиляться. Вон как пол дрант, и откуда только силы берутся!

Охранник у кабинета Маренго замялся, соображая, что ему делать. Лейтенант прошагал мимо, даже не спросив, примет ли его Маренго. Охранник, верно, служил в пехтуре или в кавалерии. Морскую пехоту учат думать ногами, то есть на ходу.

Мы очутились внутри.

Как и обещал лейтенант, в кабинете Маренго находились ближайшие подручные Порт-Энглиша, в том числе грозный полковник Теверли и тот парень, который говорил от имени Волков

на вечеринке у Вейдера. Как биши его? Тильд, кажется. Похоже, его простили. И еще человек пять, все в возрасте. И ни единого телохранителя. Замечательно!

Наш приход прервал весьма бурное обсуждение. Багровый от ярости Теверли орал на Норт-Энглиша, требуя что-то такое одобрить. Маренго вяло сопротивлялся, но чувствовалось, что он поддается. Я рассыпал имя «Вейдер».

Когда дверь открылась, Норт-Энглиш вскочил и ринулся в нашу сторону, намереваясь, видимо, сровнять с полом идиота, посмевшего ворваться без доклада.

Он увидел Таму. Застыл как вкопанный. Уж ее-то он ожидал увидеть менее всего.

Мы не останавливались.

— Глядите, кого изловил мистер Гаррет! — воскликнул лейтенант. — Я решил, надо вам ее сразу показать.

— Э... Конечно. — Озадаченный, Норт-Энглиш вернулся в свое кресло. Гнев на его лице мало-помалу сменялся страхом. Мне почудилось, будто его кожа на мгновение замерзла. Должно быть, отблеск пламени свечи. Или причуды воображения.

Теверли, Тильд и прочие вытаращились на нас, будто увидели привидение. Они не рассчитывали снова встретить Таму Монтецуму. Именно на эту неожиданность и уповал Нагит, предлагая мне свой план. Тильд, правда, быстро отвел взгляд. Может, украшенные Тамой сокровища вернулись к своему прежнему владельцу, который не устает отрицать само существование Братства Волка?

Я толкнул Таму вперед. Она упала к ногам Норт-Энглиша. Цель номер один. Свою роль она

пока исполняла безупречно. Потрясающая актриса, прошедшая школу жизни, которая мастерство оттачивает — будь здоров. Я бы с ней не совладал, откажись она сотрудничать.

Тама схватила Маренго за ноги. Он крякнул, откинулся назад. Полковник Теверли ринулся было на подмогу боссу, но на протезе не побегаешь. Он наша цель номер два, как раз из-за своего увечья. Я приглядывал за ним, потому как у меня выходило, что злодеем, скорее, окажется он, а не Норт-Энглиш, несмотря на все мои предубеждения.

Нагит удивил меня. Он выхватил из кармана петлю с серебряной застежкой и накинул ее на шею Маренго, а сам метнулся ему за спину. Я стиснул правую руку Норт-Энглиша, Тама — левую и повисла на ней всей своей оставшейся тяжестью.

Нагит, Нагит... Я опасался, что он мне не поверил. Получается, поверил-таки. Но если мы ошиблись, и Маренго — не оборотень, лейтенанту останется одно — самолично отправляться в преисподнюю. Там мы с ним снова встретимся, сядем у одного из адских костров и будем вспоминать славные боевые деньки. А если не ошиблись, я ему, когда все закончится, задницу надеру. Чтоб предупреждал обо всем, а не только о главном.

Как Нагит и надеялся, компаньоны Маренго очухались не сразу, и мы получили те самые несколько драгоценных, жизненно важных секунд. Норт-Энглиш протяжно застонал, замерцал, начал таять на глазах, превращаясь в нечто бесформенное. Еще один удар для Макса Вейдера, еще одна утрата. И не кому другому, как мне,

придется ему об этом рассказать. А заодно в очередной раз обмозговать общую картину, поразмысльить над уликами и понять, где я лопухнулся в своих прикидках.

Когда его успели подменить?

Старичье загомонило. До них наконец доперло, что их босс — вовсе не ненаглядный отпрыск мамаши Норт-Энглиш, а один из *них*. Из чужих. Из не-людей.

Лже-Маренго дернулся напоследок — и обмяк. Похоже, он пытался превратиться в кого-то другого, но не сумел. Серебро лишило его сил. Прежде чем Тильд сообразил помочь Таме, рука, в которую она вцепилась, вытянулась на добрых два фута. Лицо Маренго напрочь утратило человеческие черты и более всего теперь смахивало на громадного слизняка.

Я отпихнул Тильда и приказал:

— Принеси еще серебра, солдат! Быстро!

Теверли продолжал скакать на своем протезе, и я следил за ним уголком глаза. Чтобы унять старииков, хватило одного свирепого взгляда. Параюйя шептала мне на ухо, что оборотень может быть не один. Не хватало только провести остаток жизни в постоянном страхе перед оборотнями! С меня достаточно лошадей. Иначе я рисковую превратиться в одного из тех бродячих пророков, которые на каждом углу возвещают близкий конец света и постоянно раскрывают чудовищные заговоры...

Что-то этот оборотень подозрительно быстро сдался. Может, молоденький? Не успел сил набраться? Или выдохся, выдавая себя за Маренго? Или в одиночку, без мысленной поддержки собратьев, они ни на что не годятся? Он опус-

тился на пол, а старище принялось толковать о том, что теперь будет с «Кличем». Я пристально наблюдал сразу за всеми, гадая, что же делать дальше. Хладнокровно убить человека я не в состоянии, пусть даже это не человек, а оборотень. Ну и?

Оборотень распластался на полу грудой полурастекшейся плоти.

Полковник Теверли перехватил мой взгляд. Я отпустил оборотня, достал из кармана рубашки серебряную цепочку, прихваченную на всякий случай. Теверли нахмурился.

— Я тебя вроде знаю, парень. Так?

— Угу. На островах служил. — «Сэра» он от меня не дождется.

— На островах? Я недолго там пробыл... Ба! Третий полк, команда Черного Пита. То есть сержанта Питерса. Ты тот парень, который мог найти девчонку где угодно, хоть посреди болота. Гаррих? Гаррет!

Фу, полковник! Вы меня смущаете!

— Ну что, Гаррет, я прошел испытание?

Таких подробностей никакой оборотень знать не может. Я кивнул.

Дверь открылась. Вошел слуга с подносом, принес перекусить. «Разрази меня гром!» — пробормотал я. Вот это маскировка!

— Чай, сэр... — Дуралейник выпучил глаза, выпустил поднос из рук. Грохоту-то, грохоту!

— Хватайте его! — прошипел я сквозь стиснутые зубы. — Это Слави Дуралейник! Хватайте!

Теверли мгновенно подчинился. К несчастью, одногоние редко побеждают в забегах.

Дуралейник исчез из комнаты, прежде чем кто-либо другой, кроме полковника, успел шевельнуться.

И то сказать — едва осознали, что Маренго Норт-Энглиш на самом деле не Маренго, а оборотень, и тут... Вдобавок Тильда задержал Теверли: полковник очень не вовремя решил употребить власть. Пока он приказывал поймать Дуралейника, тот благополучно смылся.

Я выскочил в коридор. Ни следа. Словно в воздухе растворился. Честно говоря, я до сих пор сомневаюсь в правоте Релвея: он меня уверял, что Дуралейник не менял облика. Как ни крути, а Релвей — не то чтобы непогрешимый свидетель. Однако Покойник тоже отрицает, что Дуралейник — оборотень. Впрочем, не так давно нас всех убедили — уж меня точно, — что и Его Словоблудие можно одурачить.

Что ж... Подобно Таме Монтецуме, Дуралейник умел выживать в любых условиях. Будем утешаться тем, что вывели его из игры.

Что касается оборотня, его судьба решилась просто. Лейтенант Нагит, связав лже-Маренго по-крепче, принялся убеждать в чем-то полковника Теверли и Тильда. Они долго что-то выясняли, но в конце концов лейтенант добился своего: мятаеж ему простили. Однако взамен Теверли и старший Волк, которые, похоже, не сговариваясь нашли общий язык, потребовали себе оборотня.

Судя по выражению лиц, у них были к нему личные счеты. Оба как будто прикидывали, давно ли эта тварь ими помыкала. Я не стал уточнять, что подмена могла произойти буквально на днях. Они собираются обвинить его во всех смертных грехах — флаг им в руки.

Если им хватит ума, они запросто вернут «Кличу» все, что тот утратил, — достаточно объявить во всеуслышание, что последние конфузы

объясняются коварством оборотней, то есть не-людей, проникших в самое сердце организации.

Теверли и Тильд напряженно размышиляли — и расцветали на глазах. Я поманил Таму и ткнул пальцем в безвольно поникшего оборотня.

— Он твой, Эд.

Потом схватил Таму за руку.

— Пошли отсюда, дорогая. Пускай прибираются в собственном доме. Эд, когда в следующий раз будешь в городе, загляни ко мне. Возьмем Тинни и Никс и завалимся в одно симпатичное местечко. — Надо будет подобрать такое, где на десерт подают фаршированных попугаев.

— Непременно.

Мы с Тамой вышли в коридор. Я торопился выйти наружу. Когда мы добрались до выпаса, я прошептал:

— Пошевеливайся, женщина. Чем дальше уйдешь, тем спокойнее тебе будет. Или ты забыла: никто ведь тебе ничего не обещал? — Вообще-то Нагит кое-что обещал, но мы оба знали, что он лжет.

— Ты сдержишь слово?

— Я всегда стараюсь это делать, даже когда мне самому боком выходит. Потому что мое слово — единственное, чем я дорожу. — Мы приближались к воротам.

Беги, Тама, беги. Если мы встретимся снова, я припомню тебе все твои темные делишки, прежде всего Вейдеров. И нет у меня никаких обязательств перед обществом, что бы там ни вещал Покойник.

— Я не привыкла ни о чем жалеть, Гаррет. Но сейчас мне жаль, что все так получилось. Правда. Как-то само собой сложилось...

— Понимаю. Мне и самому найдется, о чём пожалеть.

— Может, нам повезет в следующей жизни.

— Там поглядим.

Когда мы вышли из ворот, Тама свернула на юг и побежала. А я побрел на север. И четверть мили спустя наткнулся на очередного близнеца Релвея; на сей раз это был оборванец в лохмотьях. Его сопровождала целая толпа. Должно быть, хотели пикничок устроить.

— Ты что, работу бросил? — невинно поинтересовался я. Чего Релвея принесло сюда, со всеми его громилами? Надеюсь, никаких глупостей, вроде штурма поместья, не намечается? Человеколюбцы, хоть и в смятении пребывают, отпор дать не задумаются.

Ко мне вдруг вернулась моя паранойя. Орава стражников — и одинокий Гаррет. Да еще с говорящей курицей на плече. Угадайте, кто кого?

Впрочем, Релвей просто хотел побеседовать.

— Как только ты расколол Норт-Энглиша, я оттуда слинял. Решил тебя здесь дождаться. Без него «Клич» развалится.

— Не мне судить. Я никогда не видел молочных рек с кисельными берегами.

— Ты циник, Гаррет, циник и пессимист, верящий исключительно самому себе.

Попка-Дурак захихикал, будто услышал нечто смешное.

— Птичка, учти, дома по тебе сковородка плачет.

— Честно говоря, — продолжал Релвей, — я и сам не знаю, доволен или нет. В чём-то «Клич» был нам полезен.

Естественно, ему не могли не понравиться призывы к порядку и соблюдению законности.

— Тебе есть над чем поработать. Слави Дурлайник. Помнишь про него? Он не тот, что раньше, но по-прежнему на свободе. Если ты его в ближайшее время не поймаешь, он снова что-нибудь этакое придумает. Характер у него такой.

— Я им займусь, Гаррет. Все равно, сегодня великий день. Мы победили.

Он всерьез или придуривается? С Релвеем ни в чем нельзя быть уверенным. Такой у него характер.

— Мне понравились твои слова, Гаррет. Жар сумрачной стали. — Он разумел наш разговор в ту ночь на пивоварне Лампа.

— Война не закончена.

— У войны нет конца. Знаешь что? Сообщи, когда соберешься наконец изжарить этого петуха. Я подливку принесу.

— Ха! Слыхал, птах? Смерть твоя близка.

— Спасите! Я больше не буду!..

Релвей хмыкнул.

— Не забудь крысючиху домой забрать.

— Чего?

— Ребята говорят, она вон в тех деревьях прячется. Все тебя высматривает. Беспокоится, верно. Хотел бы я поглядеть, как она тебя спасет от всяких громовых ящеров и крысоненавистников.

Попка-Дурак зашелся в хохоте. А я — я растерялся. В кой-то веки у меня не нашлось что ответить.

Поганая штука жизнь. Но она продолжается.

Вы — поклонник «чёрной литературы» — мистики, ужасов, «темных фэнтези»?

Тогда не пропустите книги новой серии
«Темный город!»

В этой серии вышли:

Антология «Темная любовь» — двадцать две истории страсти-Одержанности, страсти-Кошмара. Двадцать две истории Безумия, Боли, Безнадеги, которые дарят вам лучшие мастера современной литературы ужасов, от неподражаемого Стивена Кинга до элитарной Кейт Коджа и обжигающего Джона Пейтона Кука.

Антология «Холод страха», которую составляют рассказы, представляющие собой всевозможные направления «литературы ужасов» — от классической ее формы до психологического саспенса, изящного «вампирского декаданса» и чёрного юмора, от ранее никогда не публиковавшейся в России новеллы Стивена Кинга — до ироничного ужастика Мервина Пика.

«Запретный плод» и «Смеющийся труп» Лорел К. Гамильтон — первые две книги одного из самых культовых «вампирских» сериалов мира, стильные, пряные и эффектные хроники бытия «тех, кто охотится в ночи», и тех, кто посвятил свою жизнь изысканному и опасному искусству охоты на «ночных хищников».

«Дом» — первый роман блестательного Бентли Литтла, любимца Стивена Кинга. История страха, крови, смерти. История людей, вырвавшихся из ада — и по собственной воле в ад вернувшихся.

«Кровавая купель» Саймона Кларка — роман, который потрясает не только воображение, но и душу. Воскресным утром мир рухнул. Апокалипсис наступил. И выживут только юные. Только прошедшие очищение в кровавой купели войны и убийства.

Следите за серией «Темный город!»

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте»

*Поклонники
Орсона Скоттса Карда.
это для Вас!*

Новые встречи с любимыми героями, новые приключения в бесконечных просторах космоса ждут Вас в серии «Новые координаты чудес».

Читайте роман *«Дети разума»* — продолжение саги о легендарном полководце Эндрю Виггине!

Читайте роман *«Тень Эндера»* — и вы сможете по-новому взглянуть на первую книгу знаменитой эпопеи!

Читайте *«Сагу о Вортинге»* — и вы встретите нового героя, бросающего вызов глубинам космоса во имя спасения человечества!

Все это — в серии
«НОВЫЕ КООРДИНАТЫ ЧУДЕС»!

И еще одна встреча с Орсоном Скоттом Кардом и его героем — Эндрю Виггином: читайте *«Советника по инвестициям»* в антологии *«Далекие горизонты»*, составленной знаменитым писателем Робертом Силвербергом — в серии

**«ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ»!**

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва а/я 140
АСТ — «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах**:

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самарканский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Читайте
в «Золотой серии фэнтези»
сборник «ЛЕГЕНДЫ»

Роберт Сильверберг собрал для этого сборника самых знаменитых творцов миров:

*Стивена Кинга, создавшего мир «Темной башни»,
Урсулу Ле Гуин, создавшую мир «Земноморья»,
Роберта Джордана, создавшего мир «Колеса времени»,
Терри Гудкайнда, создавшего мир «Меча Истины»,
Джорджа Мартина, создавшего мир «Семи Королевств».*

И многих, многих других — тех, кто не просто пишет романы-фэнтези, а подобно демиургам, полетом фантазии творит миры. Тех, которым нет равных.

Они объединились для сборника «Легенды», чтобы пригласить миллионы своих поклонников в эти миры еще раз. И все произведения, вошедшие в «Легенды» — новые эпизоды самых знаменитых саг наших дней, — были написаны специально для антологии.

Эти и многие другие книги вы можете
приобрести по почте, заказав
БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ
по адресу: 107140, Москва, а/я 140. «Книги по почте».

**Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские
фирменные магазины издательства «АСТ» по адресам:**

Каретный ряд, д. 5/10. Тел. 299-6584

Арбат, д. 12. Тел. 291-6101.

Татарская, д. 14. Тел. 959-2095.

Звездный б-р, 21. Тел. 232-1905.

Б. Факельный пр-д, д. 3. Тел. 911-2107.

2-я Владимирская, д. 52. Тел. 306-1898.

В Санкт-Петербурге:

Невский проспект, д. 72, магазин № 49. Тел. 272-9031.

Оптовая торговля:

129085, Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж

Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

**Изключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

**Кук Глен
Жар сумрачной стали**

Редактор Е.Г. Павлова

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Технический редактор Ю.Ю. Смирнов

Корректоры Ю.В. Голубева. А.А. Сурнин

**Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 -- книги, брошюры**

Гигиеническое заключение

№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»

Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.

**674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчине, д. 84**

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

**Издательство «Terra Fantastica» издательского дома
«Корвус». Лицензия ЛР № 066477. 190121.**

Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44 «Б».

Электронные адреса:

WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

**Отпечатано с готовых диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.**

Глен Кук — не только один из тех редкостных писателей, таланту которых в равной степени подвластны и научная фантастика, и фэнтези, но и писатель, обладающий оригинальнейшей особенностью — вышедшие из-под его пера научно-фантастические романы — это, по его же собственным словам, частенько «фэнтези, только переодетые в камуфляж».

Фантастика Глена Кука — это всегда неожиданные сюжетные повороты и всегда невероятные ситуации, это лихие приключения и незабываемые герои, это неподражаемое богатство фантазии — и, конечно, искрометный юмор, давно уже ставший для этого автора истинной «фирменной маркой». Таков и его не просто всемирно известный, но и всемирно культовый сериал о приключениях сыщика Гаррета.

Гаррет — это человек в стране троллей, гномов, вампиров...

Гаррет — блестящий детектив, способный раскрыть любое преступление в мире магии, всегда готовый идти на риск и даже в самых отчаянных ситуациях не теряющий спасительной иронии...

ISBN 5-17-010648-3

9 785170 106486